

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	5
Региональный и международный аспект курдской проблемы	
О.И.Жигалина	
КУРДСКИЙ ВОПРОС В ЗАПАДНОЙ АЗИИ В НАЧАЛЕ ХХІ ВЕКА	9
М.С.Лазарев	
ВНУТРИКУРДСКИЕ КОНФЛИКТЫ: ПРОИСХОЖДЕНИЕ И РАЗВИТИЕ	25
Е.В.Дунаева	
ОТНОШЕНИЕ РЕГИОНАЛЬНЫХ СОСЕДЕЙ К ПРОБЛЕМЕ КУРДСКОЙ АВТОНОМИИ В ИРАКЕ	36
И.Е.Федорова	
США И ИРАКСКИЕ КУРДЫ	42
А.К.Лукоянов	
КУРДИСТАН И ИЗРАИЛЬ (ПЕРСПЕКТИВЫ СОТРУДНИЧЕСТВА)	46
Процесс курдского урегулирования в новом Ираке	
Н.В.Степанова	
ЮЖНЫЙ КУРДИСТАН И РАЗВИТИЕ ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА В ИРАКЕ	62
Ш.Х.Мгои	
СЛОЖНОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ АВТОНОМИИ ЮЖНОГО КУРДИСТАНА И ФАКТОРЫ ЕЕ НЕОБРАТИМОСТИ	84
Н.З.Мосаки	
ПОЛИТИЧЕСКАЯ РОЛЬ УНИВЕРСИТЕТОВ ЮЖНОГО КУРДИСТАНА	97
Г.И.Старченков	
ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПРОРЫВ ИРАКСКИХ КУРДОВ	118
Ф.Бадерхан	
ПОСТОЯННАЯ ИРАКСКАЯ КОНСТИТУЦИЯ И ИНТЕРЕСЫ КУРДОВ	126
Курдский вопрос в Турции и Иране	
С.Б.Дружиловский	
ВЛИЯНИЕ ИРАКСКОГО КРИЗИСА НА УРЕГУЛИРОВАНИЕ КУРДСКОЙ ПРОБЛЕМЫ В ТУРЕЦКОЙ РЕСПУБЛИКЕ	141
К.В.Вертяев	
ПРОБЛЕМЫ ДЕМОКРАТИЗАЦИИ И КУРДСКИЙ ВОПРОС В ТУРЦИИ В НАЧАЛЕ ХХІ века	153
Н.З.Мосаки	
ИРАКСКИЕ ТУРКОМАНЫ ВО ВЗАИМОДЕЙСТВИИ РАЗЛИЧНЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ СИЛ И ТУРЦИИ	166
О.И.Жигалина	
ПОЗИЦИЯ ИРАНСКИХ НЕОКОНСЕРВАТОРОВ ПО КУРДСКОЙ ПРОБЛЕМЕ	185

Курдский вопрос в странах Западной Азии (Ираке, Иране, Сирии, Турции) Москва, 10 апреля 2006 г.	
О.И.Жигалина	
КУРДСКИЙ ВОПРОС И ПРОБЛЕМА САБИЛЬНОСТИ В ЗАПАДНОЙ АЗИИ	194
В.К.Егоров	
КУРДСКИЙ ФАКТОР ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ ТУРЦИИ	206
Н.Ю.Ульченко	
РОЛЬ ЮГО-ВОСТОКА ТУРЦИИ В НАЦИОНАЛЬНОЙ СТРАТЕГИИ ТРАНСПОРТИРОВКИ ЭНЕРГОРЕСУРСОВ НА ВНУТРЕННИЙ И ВНЕШНИЕ РЫНКИ	216
К.В.Вертяев	
СИТУАЦИЯ В ИРАКЕ И ПРОБЛЕМЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СТАБИЛЬНОСТИ ТУРЦИИ	220
Н.З.Мосаки	
ЮЖНЫЙ (ИРАКСКИЙ) КУРДИСТАН КАК ВАЖНЕЙШИЙ ФАКТОР СТАБИЛИЗАЦИИ ИРАКА	236
Шорш Саид	
КУРДСКИЙ ФАКТОР И РЕГИОНАЛЬНАЯ СТАБИЛЬНОСТЬ	245
Б.Хошави	
ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПРОГРАММА КУРДИСТАНА	251
Г.И.Старченков	
НЕФТЯНАЯ СИТУАЦИЯ В ИРАКСКОМ КУРДИСТАНЕ	279
Н.В.Степанова	
КУРДСКИЙ АВТОНОМНЫЙ РАЙОН И ПРОБЛЕМА СТАБИЛЬНОСТИ	290
Ю.Ш.Набиев	
ПЕРСПЕКТИВЫ КУРДСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ	308
А.К.Лукоянов	
КУРДЫ КАК ГАРАНТ СТАБИЛЬНОСТИ В РЕГИОНЕ?	314

ПРЕДИСЛОВИЕ

XXI век открыл новые возможности для решения курдского вопроса в странах Западной Азии. Курды (крупный этнос, численность которого оценивается в 25–40 млн. человек), не имея своего государства, остаются одним из исключений в эпоху существования на Востоке, в частности, в центре Евразии, большого числа национально-государственных образований. Впрочем, формирование национального государства на базе господствующей, так называемой титульной нации, не является единственным из путей создания суверенных политических объединений. Весьма часто, особенно в зоне Ближнего и Среднего Востока, государства складываются на другой, полиэтнической основе, а решающим фактором служит историческая традиция в виде многообразного наследия крупных империй (Османской, Каджарской, Дуррани, Могольской) и политических структур, пришедших им на смену.

Причины того, что курды до сих пор лишены собственной государственности, многообразны и достаточно хорошо изучены в отечественной и зарубежной литературе*.

В качестве предпосылок отмечаются такие факторы, как исторически сложившаяся замкнутость, изолированность территорий преимущественного расселения курдов, их сохранявшаяся долгое время приверженность традиционной хозяйственной деятельности (кочевому укладу) и связанной с ней культуре, укорененность таких форм социальной организации, как деление на племена и кланы. Все это способствовало формированию в политической сфере традиционного для курдов партикуляризма, агрегации политических интересов на личностной, персоналистской основе. Своеобразие политической культуры связано также с замедленными темпами модернизации курдских сообществ, поздним появлением и недостаточно крупным удельным весом среднего класса, слоя достаточно обеспеченных и по-современному образованных людей, главным образом, горожан.

Подчеркивалось, разумеется, и значение такого момента, как разбросанность населенных курдами районов, их проживание че-

respолосно с другими этническими группами, кочевыми и земледельческими, и, кроме того, наличие большого числа курдских диаспор и анклавов на всем огромном пространстве между прибрежными зонами Средиземного и Черного моря, Каспия и Персидского залива. Очевидное отрицательное воздействие на процессы национальной консолидации оказывал фактор политической разорванности этнического Курдистана в новое время между Османской империей и Персией, а в новейшее – между Турцией, Ираном, Ираком и Сирией.

Большую роль, как отмечалось, играли и внешние для региона обстоятельства. Геополитические, геостратегические и экономические интересы колониальных империй как и мировых держав в постколониальный период складывались таким образом, что надежды курдских националистов на создание отдельного государства, тем более единого государственного организма, оставались призрачными.

Может ли ситуация измениться в XXI веке? Следует обратить внимание на такие новые феномены, как усиление роли крайних религиозных течений и идеологий в политической жизни региона. Нет сомнения, что подъем исламского радикализма и связанного с ним терроризма серьезно затрагивает интересы как местных режимов, так и западных государств, в первую очередь США. Находящееся на данном историческом этапе в согласии с западными державами мировое сообщество также испытывает немалую тревогу из-за вероятности дестабилизации положения на Ближнем и Среднем Востоке.

Все это, как думается, дает определенный шанс курдским национальным силам. Они уже выступают и могут в дальнейшем еще более решительно заявить о себе как о конструктивной альтернативе радикально-исламистской программе действий и способствовать урегулированию ситуации в регионе, прежде всего в Ираке.

В перспективе при этом речь не идет обязательно об образовании суверенного курдского государства. Такое, надо полагать, стало бы возможно лишь в условиях общего переформатирования политической карты ареала. Вместе с тем, очевидно, что курдский вопрос во всех или ряде стран их проживания мог бы получить более удовлетворительное разрешение путем прекращения социально-политической дискриминации курдов и предоставления им возможности развивать национальную культуру. Не исключено также обретение ими прав и полномочий на автономию в рамках федеративного, конфедеративного или слабо скрепленного государственного устройства типа мягкой конфедерации.

Предлагаемый читателям сборник статей составлен на основе докладов, прочитанных специалистами на двух конференциях по курдской проблеме, организованных в 2005 г. сектором курдоведения

* Среди последних отечественных работ следует особо выделить две монографии, принадлежащие перу участников этого сборника: О.И.Жигалина. Курдские ханства Хорасана при последних Каджарах. М., 2002; М.С.Лазарев. Курдистан и курдский вопрос (1923–1945). М., 2005.

ния и региональных проблем. В их работе принимали участие сотрудники сектора и отдела Ближнего и Среднего Востока Института востоковедения РАН, других научных подразделений института, а также представители МГИМО (У) МИД РФ, Института Ближнего Востока, курдской диаспоры.

Главное внимание уделялось анализу ситуации в этническом Курдистане, внешнеполитическому аспекту курдского вопроса, проблеме исламизма и ряду других вопросов.

В первой части сборника помещены статьи, посвященные региональному и международному аспекту курдского вопроса. В статье О.И.Жигалиной освещаются внутривосточные и внешнеполитические особенности исследуемой проблемы, показывается ключевая роль курдского урегулирования в Ираке и его влияние на процесс решения курдского вопроса в сопредельных с ним странах Западной Азии с обширным курдским ареалом, рассматривается вопрос о влиянии присутствия сил американо-британской коалиции на судьбу курдской автономии и ряд других важных вопросов. М.С.Лазарев свою статью посвятил исследованию внутрикурдских конфликтов, их происхождению и развитию. Е.В.Дунаева останавливается на роли региональных соседей в решении проблемы курдской автономии в Ираке. И.Е.Федорова посвящает статью анализу американской политики в регионе, ее целям и перспективам. А.К.Лукоянов проанализировал политику Израиля в отношении иракских курдов и перспективы этого сотрудничества. Во второй части книги публикуются статьи, посвященные анализу курдского вопроса в Ираке. Н.В.Степанова показывает влияние политического процесса в Ираке после введения оккупационных сил в страну на процесс урегулирования курдского вопроса, анализирует Временную иракскую конституцию в свете интересов курдского населения страны. Ш.Х.Мгойи показывает позитивные сдвиги в политическом, социальном и экономическом развитии Курдского автономного района с начала 90-х годов XX в., когда Южный (Иракский) Курдистан после завершения войны в Персидском заливе получил возможность свободного общественного развития под покровительством США и НАТО. Н.З.Мосаки, как бы продолжая тему предыдущей статьи, рассматривает политическую роль университетов Южного Курдистана, наполняя свое исследование важным и разнообразным фактологическим материалом. Г.И.Старченков останавливается на позитивных результатах участия иракских курдов в политических процессах нового Ирака и показывает их значение для турецких курдов, стоящих перед вопросом урегулирования курдской проблемы в Турции. Ф.Бадерхан исследует отдельные статьи Постоянной конституции Ирака, касающиеся в той или иной мере курдского населения. В третьей части сборника собраны статьи, посвященные особенностям курдского вопроса в Сирии, Тур-

ции и Иране. С.Б.Дружиловский останавливается на влиянии иракского кризиса на урегулирование курдского вопроса в Турции. К.В.Вертяев исследует курдский вопрос в Турции в свете внутренней и внешней политики турецкого руководства. Н.З.Мосаки показывает роль иракских туркоманов во взаимодействии различных политических сил Иракского Курдистана и Турции. О.И.Жигалина анализирует позиции иранских неоконсерваторов по курдской проблеме после избрания М.Ахмадинежада президентом ИРИ.

Отличительной чертой статей сборника является их подчеркнутая актуальность. Авторы анализируют самые свежие тенденции и процессы, связанные с ситуацией в курдском регионе. Представленные статьи по новому освещают многие существенные аспекты курдского вопроса, затрагивают еще слабо изученные моменты и тем самым открывают перспективы дальнейших научных изысканий.

*В.Я.Белокреницкий
профессор, доктор исторических наук,
заведующий Отделом Ближнего и Среднего Востока*

О.И.Жигалина

КУРДСКИЙ ВОПРОС В ЗАПАДНОЙ АЗИИ В НАЧАЛЕ XXI ВЕКА

Курдистан – ареал компактного проживания курдов в Западной Азии – разделен границами Ирака, Ирана, Турции и Сирии, соседствует с Закавказьем, является воротами в Центральную Азию и Россию. Его население составляет курдские анклавы этих стран.

Если рассматривать региональную структуру Курдистана с геополитической точки зрения, учитывая такие показатели, как природные условия, плотность населения, степень развития городов как центров модернизации общественной жизни, уровень развития промышленности, состояние сельского хозяйства и пр., то станет очевидным, что наиболее развитым, способным стать его центральным пространством, ядром, являются его иракская и турецкая части. Сирийский и Иранский Курдистан менее развиты, не отвечают геополитической функции «ядра» и являются окраинными, периферийными территориями. Однако и собственно центральное пространство разделено на две части, объединение которых имеет пока лишь теоретический интерес. Каждая из центральных частей также не является однородной, имеет свою специфику.

В начале 90-х годов XX в., в период войны в Персидском заливе, Иракский Курдистан стал объектом пристального внимания со стороны Соединенных Штатов, намеревавшихся в перспективе использовать курдский национализм для реализации своих интересов на Ближнем и Среднем Востоке. Поэтому после войны в Персидском заливе иракские курды получили статус реальной автономии в Иракском Курдистане, находившейся в военном отношении под покровительством НАТО. На автономной территории, состоявшей из двух ареалов, подконтрольных Демократической партии Курдистана (ДПК), возглавляемой Масудом Барзани, и Патриотическим Союзом Курдистана (ПСК) во главе с Джалялем Талабани, иракские курды учредили органы законодательной и исполнительной власти, приступили к созданию демократических институтов. За 13 лет существования курдской автономии курдам удалось добиться значительных успехов в политической и хозяйственной сферах, главным образом благодаря осуществлению программы «нефть в обмен на продовольствие».

К началу XXI в. Иракский Курдистан стал наиболее развитым геополитическим центром по сравнению с Иранским, Сирийским и Турец-

ким. Последний, однако, превышает иракский ареал и по численности курдского населения, и по территории, но в последнее время там снизилась активность курдского национального движения. Эти обстоятельства, а также потребности курдских автономистов в Ираке в надежных союзниках, позволили Соединенным Штатам использовать общность интересов, чтобы начать реализацию политики Большого Ближнего Востока под предлогом борьбы с терроризмом, тоталитарными режимами, уничтожения оружия массового поражения и пр. США стали использовать Иракский Курдистан как стратегическую «зацепку» в борьбе с диктаторским режимом С.Хусейна и исламским радикализмом в Ираке. Вторжение сил американо-британской коалиции в Ирак весной 2003 г. вселило в иракских курдов надежду на урегулирование курдского вопроса. Поэтому они не только поддержали наступательную акцию США и их союзников против Ирака, но и оказали коалиционным силам всевозможную поддержку. Совпадение интересов курдов и американцев поставило их перед вопросом о выборе формы государственного (территориально-политического) устройства.

После убедительной победы на парламентских выборах в январе 2005 г. лидеры курдских автономистов впервые после свержения режима С.Хусейна выдвинули свою политическую программу. М.Барзани, лидер Демократической партии Курдистана (ДПК), заявил, что курды видят новый Ирак федеративным, демократическим и плюралистическим. Курды хотят разграничения властных полномочий между центральной багдадской администрацией и руководством курдской автономии. Полномочия Центра, по их представлениям, должны будут ограничиваться вопросами национальной обороны, финансов и международных сношений, в то время как все остальные проблемы управления останутся в руках местного самоуправления. Они хотели гарантий автономного статуса Иракского Курдистана; включения Киркука в состав автономного региона, а также сохранения курдских вооруженных формирований для поддержания внутреннего порядка. Вместе с тем, курды рассчитывали на невмешательство Багдада в дела фиска на территории автономного Курдистана, который сам будет решать вопрос об отчислениях в федеральный центр. Хотя центральное правительство будет осуществлять монетаристскую политику, но не сможет самостоятельно повышать налоговые отчисления из Курдистана без согласования с местной администрацией. Поэтому курды настаивали на том, чтобы разделение власти местной и центральной администрации было зафиксировано в Постоянной конституции страны, которую предполагалось подготовить к середине августа 2005 г.

Ирак, как известно, является многонациональной страной с мусульманским населением различных теологических школ. При этом Иракский Курдистан с доминирующим курдским населением отличается светским характером общественных отношений. Поэтому аме-

риканская администрация в Ираке была поставлена перед необходимостью разработки новой концепции государственного устройства, в которой бы благоприятно сочетались светские и исламские политические институты. Причем иракские курды выдвинули требование построения нового государства на федеративной основе. Они считали реальным решение курдского вопроса при сохранении Иракским Курдистаном автономии (как субъекта федерации) в федеративном государстве.

Курдская автономия в федеративном Ираке

Концепция федерализма не нова для Ирака. Еще до расчленения Османской империи в результате Первой мировой войны территория, ставшая в дальнейшем территорией иракского государства, состояла из трех османских провинций: Басры на юге, Багдада в центре и Мосула на севере. Даже после провозглашения иракской монархии в 1921 г. окончательная структура Ирака оставалась дискуссионным вопросом, поскольку провозглашенная Турецкая Республика заявляла о своих притязаниях на Мосул. В 1925 г. комиссия Лиги Наций решила спорный вопрос в интересах Ирака. Мосул перешел к Ираку при условии, что курды будут пользоваться там административной автономией, т.е. использовать курдский язык в школах, судебных процессах, курдов будут назначать на административные посты, курдский язык будет признан официальным на местном уровне¹.

В последней четверти XX в. в связи с обострением курдского вопроса в Иранском Курдистане в период иранской революции 1978–1979 гг. идея федерализма снова актуализировалась в курдском сообществе Западной Азии. Основным разработчиком концепции о курдской автономии в федеративном государстве в то время был А.Касемлу, генеральный секретарь Демократической партии Иранского Курдистана (ДПИК) того времени. Он долгое время провел в странах Восточной и Западной Европы и сформулировал принципы политической автономии для иранских курдов в документе «Региональная автономия Курдистана», направленном имаму Хомейни 28 марта 1979 г. В его основе находилось требование предоставления иранским курдам политической автономии с широкими правами: с обретением права собственного законодательства (местный меджлис) и исполнительного органа, ведающего экономическими, административными и культурными делами. При этом все территории, населенные курдами в Иране, должны были бы составить субъект федерации, поскольку в документе говорилось об определении административно-географических границ Курдистана в соответствии с историческими и географическими данными; о размежевании предметов ведения (полномочий) центра (федерации) и Иранского Курдистана как субъекта федерации, поскольку все внутренние дела, включая вопросы безопасности, должны были бы быть в ведении местных органов власти, а

внешнеполитические, финансовые и оборонные вопросы – оставлены в компетенции центральных властей².

Концепция федерализма А.Касемлу в целом совпадала с национально-территориальной формой государственного устройства, которая была характерна для СССР и Чехословакии (где А.Касемлу длительное время учился и проживал). Национально-территориальные федерации создаются с учетом языкового, этнического признака. Очевидно, что имам Хомейни категорически отверг проект А.Касемлу, поскольку эта концепция не соответствовала теории имама Хомейни об унитарном государстве на основе шиитского ислама при соблюдении принципа «велаят-е факих» (о духовном лидере). Согласно теории государства Хомейни, ввиду религиозного единства иранцев, этнические различия мусульманского населения страны полностью игнорировались. Поэтому он согласился на предоставление иранским курдам административной автономии, ограничивающейся некоторой культурной либерализацией. А.Касемлу рассчитывал на то, что вопрос о форме государства будет решен в результате принятия новой конституции и новое государство после свержения шахского режима станет конституционной федерацией. Референдум по конституции показал выбор народа в пользу исламской республики³.

Хотя А.Касемлу и не удалось реализовать в Иране концепцию федерализма и курдской автономии как субъекта федеративного государства, она впоследствии прорабатывалась в курдском движении не только Иранского, но и соседнего с ним Иракского Курдистана.

После свержения режима С.Хусейна иракские курды поставили вопрос об установлении в новом Ираке федеративной формы территориально-политического устройства, в котором для Иракского Курдистана будет определен статус субъекта федерации. Поскольку американской администрации не удалось создать оригинальную концепцию для нового Ирака, сочетающую ислам и национализм, то ими была взята на вооружение форма территориально-политического устройства, характерная для современных Соединенных Штатов. После свержения С.Хусейна иракская федерация должна была быть создана «сверху», т.е. актом государственного органа, закрепленным в конституции. Эта федерация должна быть построена на основе автономии. Этот вопрос живо дебатировался в курдских общественно-политических кругах, представители которых направляли в адрес американской администрации различные проекты курдской автономии и иракской федерации. Среди множества мнений и концепций по этому вопросу своей взвешенностью и продуманностью выделяется позиция руководства Курдского автономного района.

Иракские курды объявили борьбу за федеративную форму территориально-государственного устройства Ирака на основе автономии. Они старались закрепить те преимущества, которые были достигнуты ими в течение 13-летнего существования курдской автономии

на территории Иракского Курдистана, сначала во Временной (а затем и в Постоянной) конституции, т.е. выступили за конституционную федерацию. Так, курдский аналитик Баги Барзани писал, что «успех Иракского Курдистана обеспечивает модель для постсаддамовской реконструкции, основанной на федеральной структуре с местными автономными провинциями, возглавляемыми слабым центральным правительством в Багдаде, которое будет контролировать вопросы обороны, внешней политики, нефтяных ресурсов и национальной инфраструктуры. Хотя некоторые курды говорят о федерализме, разделяющем Ирак на три части – арабов-шиитов, арабов-суннитов и курдов, такое деление будет в интересах большинства партий. Федерализм, основанный на этническом принципе, – считает Б.Барзани, – будет лучше обеспечивать стабильность в постсаддамовском Ираке, чем административный. Проще говоря, федерализм предусматривает систему, в которой власть разделена между национальными и местными органами власти, которые наделены независимыми, законодательными или конституционными полномочиями»⁴.

Курдские политические деятели подчеркивали, что в современной геополитической ситуации представляется целесообразным сохранение территориальной целостности Ирака, соблюдение принципа добровольности объединения народов в иракское многонациональное государство при предоставлении им равных возможностей социально-экономического, политического и культурного развития на демократических основах. «Федерализм является гарантией демократии Ирака, ключевым механизмом предотвращения возникновения новой диктатуры», – заявлял Кубад Талабани, представитель ПСК в Вашингтоне⁵.

Между тем, во время парламентских выборов 30 января 2005 г. большинство курдов проголосовало за независимость, т.е. за отделение от Ирака при определенных обстоятельствах. При этом курды выступают за федеральную систему, свой флаг, армию и правительство.

Временная иракская конституция, принятая в марте 2004 г., закрепила за Иракским Курдистаном «специальный статус», а курдские автономисты стали активно участвовать в политических структурах страны. Действительно, курдам удалось получить 75 мест в парламенте из 275. Кроме того, Исламская партия Курдистана собрала 60 тыс. голосов, что дало ей два места. Всего курдские политические организации получили 77 мест. Затем Дж.Талабани был избран президентом нового Ирака, курды получили большие преимущества в новом парламенте – вице-спикер и восемь ключевых министров были назначены из числа курдов.

При этом американцы, по-видимому, рассчитывали использовать курдскую фракцию как политический регулятор во взаимоотношениях с арабскими националистами и шиитами. Поэтому они поддерживали федерализм, аргументируя это тем, что такая система фактически, якобы,

уже существовала в Ираке: взять хотя бы курдскую автономию – этнически гомогенный, секулярный и умеренно традиционалистский район.

Лето 2005 г. прошло под эгидой борьбы за включение федеральных прав курдов в Постоянную конституцию и политическое объединение Курдского автономного района. Действительно, в июне в Курдском автономном районе Масуд Барзани был избран президентом, а премьер-министром стал Нечирван Барзани. Этому предшествовали острые переговоры между М.Барзани и Дж.Талабани по вопросу о полномочиях президента автономного Курдистана. Кандидатура М.Барзани не вызывала ни у кого возражения. Разногласия были по вопросу о его полномочиях: ДПК хотела, чтобы президент курдской автономии был наделен широкими полномочиями, чтобы он избирался населением на 4-летний срок с момента принесения присяги. ПСК настаивал на том, чтобы президент Курдистана, аналогично президенту Ирака, избирался парламентом, а не прямым всенародным голосованием. При этом срок его полномочий составлял бы восемь месяцев, а затем был бы продлен на четыре года на следующих выборах, которые намечены на конец 2005 г. Талабани горячо ратовал за введение поста вице-президента, но против этого выступил Барзани. В результате последний достиг желаемого.

Кроме того, 15 октября состоялся референдум по Постоянной конституции, согласно которой основой государства становился федерализм. Это стало возможным благодаря политическому объединению курдов с арабами-шиитами, не являющимися сторонниками кумской теологической школы. Однако Основной закон был составлен таким образом, чтобы субъекты иракской конституции не обладали суверенитетом, а право субъектов (их наций, народов) на самоопределение не включало бы право сепарации (выхода из состава федерации). В связи с этим становится очевидным, что американская администрация не заинтересована в развитии политических процессов в Ираке в направлении, которое привело бы иракских курдов к независимости.

В целом, процесс внутривнутриполитического переустройства Ирака пошел по американскому сценарию – основой государственно-правового устройства Ирака стала территориальная федерация. При этом решение многих важных вопросов было отложено на более поздний срок, в том числе определение географических рамок Курдской автономии, которая включала бы все районы расселения курдов (в том числе окрестности Мосула, Синджар, Ханекин и др.) и составляла бы федеративный район; решение спорной проблемы Киркука, которая смыкается с решением вопроса о контроле нефтяных ресурсов севера Ирака, и др. США рассматривают решение проблемы Киркука исключительно с точки зрения своих внешнеполитических интересов. Так, в американских деловых кругах широко обсуждаются проблемы разработки уже имеющихся скважин и освоения новых нефтяных источников.

Роль курдского фактора в политике США в регионе

В основе взаимоотношений американцев с курдами лежат правила большой игры. Они намерены использовать курдский фактор в своей политике на Ближнем и Среднем Востоке. США преследуют цель подчинения ближневосточного региона, свержения неугодных Вашингтону режимов и полной деидеологизации исламских государств. Важная подоплека американской политики в этой части региона – вытеснение потенциальных конкурентов и стремление к контролю над региональными и межрегиональными экономическими отношениями. Географические рамки этой программы определены с учетом стоящей перед ними задачи культурно-цивилизационного поглощения исламского мира, распространения в этом регионе западной либеральной идеологии. Одним из факторов, позволяющих Вашингтону маневрировать между враждебными и лояльными политическими силами, является курдский. Его привлекает, в частности, наличие у курдов собственных вооруженных формирований и светский характер курдского сообщества в мусульманском окружении.

С одной стороны, американская модель нового Ирака основана на федерализме, учитывающем интересы большинства населения страны. Новое государство не должно быть исламским. И это полностью совпадает с запросами курдов. Так, во время майского 2005 г. визита госсекретаря США К.Райс в Ирак она в ходе встречи с М.Барзани подчеркнула, что Соединенные Штаты намерены «использовать эти дружеские отношения для создания демократического, единого и федеративного Ирака». Для Иракского Курдистана будут осуществляться проекты по экономическому развитию и совершенствованию инфраструктуры. При этом К.Райс не случайно заметила, что США намерены наращивать потенциал безопасности якобы в интересах всего Ирака, и «лидеры этого региона (Курдистана – О.Ж.) будут участвовать в этом процессе». Поэтому американцы поощряют строительство в Иракском Курдистане разветвленной инфраструктуры, построили аэропорты в Эрбиле и Сулейманийе, готовят курдские вооруженные подразделения и т.д. Все это играет на руку продолжению ими политики Большого Ближнего Востока в Сирии и Иране.

С другой стороны, американцы, пытаясь построить государственную власть в Ираке на основе демократии, озабочены проблемой местного самоуправления в субъектах федерации.

Одной из приоритетных задач Соединенных Штатов является развитие экономики Иракского Курдистана. Этот вопрос уже нашел отражение в высказываниях некоторых представителей американских военных и европейских деловых кругов. Так, например, некоторые представители бизнеса полагают, что Ирак вполне подходит для внедрения западных демократических ценностей. Они считают, что для курдов как угнетаемого народа Ирака голубая мечта стала реальностью после того, как США и его союзники освободили Ирак. Тем бо-

лее, что влияние США и их сторонников в Ираке будет расширяться, и база США сохранится по крайней мере на 50 лет⁶.

Поскольку процесс демократизации Ирака, по мнению некоторых представителей зарубежного бизнеса, является свершившимся фактом, то в стране беспрепятственно может развиваться деловая жизнь. Бизнес сократит торговые барьеры и продвинет идею экономической либерализации. Это особенно касается отсталых районов, в частности, регионов с преимущественно сельскохозяйственным производством. Экономическая стратегия потребует привлечения крупных инвестиций, использования новых технологий и компетентных управленческих кадров. Успехи экономики Иракского Курдистана, по их мнению, во многом зависят от того, насколько успешно курдские деловые круги смогут заимствовать европейские технологии и управленческое мастерство. Они советуют курдскому региональному правительству создать смешанную (курдско-европейскую) временную оперативную группу, ориентированную на западные модели, для разработки перспективных проектов финансово-экономического развития в Иракском Курдистане как субъекте федерации. Они предлагают создать также в Европе Дом содействия Курдистану (Kurdistan Promotion House) и ратуют за экономическое восстановление района Киркука, который должен принадлежать курдам.

С этим мнением согласуются и взгляды некоторых военно-политических кругов, считающих, что в северном Ираке следует не только восстановить добычу нефти и ее переработку, но и существенно ее увеличить, поскольку для этого имеются благоприятные условия: еще не разработанные нефтяные поля. Важным вопросом является то, как нефтедоллары будут распределяться правительством. Они полагают, что надо поддерживать стремление курдов к независимости, поскольку Курдистан имеет для Соединенных Штатов важное стратегическое значение. Так же, как Филиппины, служащие американцам базой для присутствия в зоне Тихого океана, по их мнению, Курдистан может служить той же цели на Арабском Востоке. В связи с этим генерал-лейтенант Дж.Гэрнер, в частности, подчеркивал: «Курдистан может быть экономическим и демократическим маяком, и курдам создадут все экономические, политические, военные и другие условия, для того, чтобы обеспечить нам их поддержку». По его словам, «ключевые стратегические инициативы США обязывают влиять на будущее Ирака. Одни из них мы (американцы – О.Ж.) можем выполнить сами, другие можно осуществить в партнерстве с новым правительством. Тот факт, что мы уже делаем это, только подчеркивает их важность». Одной из важных инициатив этот военно-политический деятель видит в создании национальной стратегии Ирака, которая будет рассматривать Сирию и Иран как государства, враждебные развитию демократии в Ираке. «Нам необходима доктрина, подобная «доктрине Трумэна», – считает Гэр-

нер, – Поэтому все запросы иракского народа должны быть учтены в новой конституции страны»⁷.

Таким образом, Соединенные Штаты связывают с обустройством Иракского Курдистана свои долгосрочные военно-политические программы. При этом они рассчитывают на тесное сотрудничество с силами НАТО, которым вменяется поддержание стабильности, безопасности и демократии в федеративном Ираке. Выступая по этому поводу по датскому телевидению, генеральный секретарь НАТО Де Хуп Шеффер отмечал, что подобный подход будет служить фактором сдерживания иранской ядерной программы и стабильности на Ближнем Востоке. Ему вторят и некоторые представители голландских деловых кругов, заявляющие о необходимости скорейшего достижения внутривнутриполитического баланса сил в Ираке (этнического, религиозного, политического и экономического). Таковой, по их мнению, наступит при федеративном устройстве, «баланс сил будет достигнут естественным путем. Без вмешательства в Ирак извне, и Америка и ее союзники, как и НАТО, никогда не позволят Ираку пойти по пути Ирана»⁸.

Влияние американской политики на курдское национальное движение

Наряду с укреплением своих позиций в Иракском Курдистане американцы предпринимают попытки заинтересовать в сотрудничестве с ними курдское автономистское движение Ирана, Турции и Сирии. Они ведут пропаганду среди курдов Турции, Ирана и Сирии в пользу повторения иракского сценария в этих странах. Причем курдам при этом отводится роль инициаторов этого процесса. И эта деятельность уже возымела определенные последствия. Так, например, в Иране ДПИК отошла от своих антиимпериалистических принципов и призвала иранских курдов на борьбу с целью свержения исламского режима ИРИ с помощью США. ДПИК выдвинула новый политический лозунг: «Создание демократической, плюралистической и федеративной системы в Иране и предоставление национальных прав иранским курдам». Суть новой платформы партии составила идея борьбы за федеративный принцип государственного устройства Ирана. При этом свои национальные права курды предполагают решать на основе федерального права, согласно которому все районы компактного расселения курдов в Иране должны составить отдельный федеративный субъект.

ДПИК базируется в настоящее время на иракской территории, где американские инструкторы готовят ее боевые отряды. Кроме того, функционеры ДПИК осуществляют политические акции в Иранском Курдистане, где подвергаются жестким репрессиям со стороны правящих кругов. Это позволяет поднимать вопрос о нарушении ИРИ прав человека. Обострение ситуации в северо-западных провинциях

Ирана может создать ситуацию для оправдания военно-политического вмешательства США. 19 февраля 2005 г. она инициировала в Иране съезд представителей национальных и этнических групп для организации «Конгресса национальностей для федеративного Ирана».

Другая организация иранских курдов «Комала» не считает конструктивным повторение в Иранском Курдистане иракского сценария. Вместе с тем, все эти политические организации базируются на территории Иракского Курдистана и испытывают сильное идейно-политическое влияние Курдской автономии: используют единый гимн, флаг, прочую атрибутику, готовят свои боевые отряды с помощью иностранных инструкторов.

Аналогично и в Сирийском Курдистане автономистское движение находится в авангарде борьбы за демократизацию сирийского общества и демонтаж тоталитарной системы.

Таким образом, постепенно курдское движение Ирана и Сирии становится (а в Ираке уже стало) фактором, который используется Соединенными Штатами в своей внешней политике.

Американские представители предпринимали попытки установления контактов с Рабочей партией Курдистана (РПК) в Турецком Курдистане, обладающей хорошо обученными вооруженными отрядами. Такая встреча состоялась, в частности, в Эрбиле. Кроме того, они предостерегали Турцию от преследования курдских боевиков вдоль турецко-иракской границы в Ираке, поскольку такие операции чреваты непредсказуемыми последствиями⁹.

Безусловное влияние США на курдские анклавы Турции, Сирии и Ирана не способствует ни усилению воссоединительных процессов курдского национального движения этих стран, ни объединению курдских политических партий каждого анклава. Оно, напротив, содействует размежеванию политических партий, поскольку ни в одном из анклавов курдское национально-демократическое движение не представляет собой консолидированного течения. Политические активисты нового поколения пытаются создавать новые организации, политические программы и лозунги которых соответствовали бы политическим реалиям нынешнего дня. Так, например, в Турции Лейла Зана прилагает усилия для создания собственной партии – Национально-демократическое движение, куда входят политические организации различных направлений. Она полагает, что в данный момент Турция не готова войти в ЕС, поскольку следует подготовить для этого соответствующие условия. В то же время старые организации пересматривают свои позиции. Так, например, РПК в 2004 г. провела съезд, на котором была принята новая программа, основанная на новых идеологических принципах в связи с изменением политической реальности в регионе и в мире в целом. Вместе с тем, в мае 2005 г. Европейский суд по правам человека вынес решение по иску А.Оджалана, лидера РПК, поданному им еще в 1999 г., относительно проверки законности заключения его под стражу.

Поскольку дело А.Оджалана в Турции «не рассматривалось независимым и непредвзятым судом», Большая палата Страсбургского суда признала это нарушением статьи 6 Европейской конвенции по правам человека. Что касается факта вынесения Оджалану смертного приговора, который впоследствии был заменен на пожизненное заключение, то судьи в Страсбурге не усмотрели в этом нарушения статьи 2. В общей сложности суд удовлетворил пять требований, содержащихся в иске А.Оджалана, тогда как шесть других пунктов его жалобы были отклонены, а еще несколько пунктов, в которых перечислялись «нарушения многих статей Европейской конвенции, суд не считал возможным рассматривать по отдельности»¹⁰.

Это событие получило резонанс в курдских и турецких политических кругах. Так, в турецкой газете «Turkish Daily News» прозвучал укор, что Турция хочет жить по европейским правилам, а сама проводит консервативный курс в своей национальной политике, поскольку неоднократно заявляла о своем стремлении ликвидировать РПК, объявленную террористической организацией¹¹. На это откликнулся, в частности, Кубат Талабани, представитель ПСК в Вашингтоне и сын Дж.Талабани, президента Ирака. Он заявил, что вопрос о РПК не может быть решен вооруженным путем и призвал Анкару объявить амнистию для функционеров этой организации. Настаивая на политическом решении вопроса о РПК, К.Талабани говорил, что все проблемы могут быть решены в ходе конструктивного диалога. Ее члены желают вернуться к гражданской жизни. Поэтому он призвал все заинтересованные партии сесть за стол переговоров и найти мирное решение проблемы. Широкая амнистия для функционеров РПК поможет, по его мнению, нейтрализовать экстремистские фракции внутри РПК. Однако эта проблема пока так и не получила соответствующего развития¹².

Несмотря на стремление покончить с курдскими автономистами, попытки Турции вступить в ЕС и ее отношения с Соединенными Штатами являются сдерживающими факторами, вынуждающими турецкие правящие круги отказаться от силового решения проблемы и искать приемлемые решения в своих отношениях с курдами.

«Курдская» политика региональных правительств

Присутствие коалиционных сил в Ираке, а также тот факт, что часть курдского движения находится под влиянием США, заставляет региональные правительства (Турции, Ирана и Сирии) отвечать на вероятность угрозы стабильности государственных границ этих стран и безопасности их курдских анклавов. Поэтому курдский вопрос доминирует в двусторонних отношениях (и сирийско-иранских, и ирано-турецких, и турецко-сирийских). Накануне избрания Дж.Талабани президентом Ирака, например, курдский вопрос находился в числе пунктов переговоров между министром иностранных дел Турции А.Гулем

с Дамаском. При этом выражалось опасение по поводу «ядерной» программы Ирана, поскольку атомное оружие дает преимущества в борьбе с любым врагом, в том числе и с курдами¹³.

Интересно отметить, что кандидатура Дж.Талабани на пост президента Ирака не вызывала возражения ни у одного из этих государств, поскольку он может найти и находит пути соприкосновения и с исламским руководством ИРИ, и с турецкими и сирийскими правящими кругами. Так, например, сирийским курдам разрешили празднование 6 апреля 2005 г. избрание Талабани президентом Ирака. Тысячи курдов вышли на улицы и пели курдские песни. Аналогичные мероприятия прошли и в Иранском Курдистане. Вместе с тем, «курдская политика» региональных правительств носит неоднозначный характер.

Страны региона поддерживали и федеративный статус Ирака, и автономию Иракского Курдистана, а также заявили о намерении строить добрососедские отношения с новым государством. В то же время они предпринимают шаги, направленные на ослабление политических позиций иракских курдов. Так, например, власти Сирии не препятствуют просачиванию боевиков и оружия в Ирак через сирийскую территорию. Иранские власти пытаются оказывать на курдских автономистов давление с помощью иракских шиитов, стараясь ослабить курдское лобби в парламенте, а также поощряя вовлечение курдов в радикальные группировки.

Проблема использования курдов в американской политике относительно этих стран также является предметом обсуждения между правительствами стран региона. В числе обсуждаемых проблем являются действия различных политических сил, в том числе и курдских, направленных против иракских курдов и американского курса в регионе.

Курдский вопрос в Сирии принадлежит к числу неразрешенных, способных дестабилизировать обстановку в стране. Там проживает 1,5 млн. курдов, составляющие самое многочисленное меньшинство. В основе курдской проблемы в Сирии находится дискриминационная политика баасистского режима. В целом требования курдов сводятся к следующему: конституционное признание курдов второй по численности в стране, прекращение национальной дискриминации и политики арабизации, восстановление в правах гражданства, признание национальных, политических, социальных и культурных прав курдов, введение образования на курдском языке, экономическое развитие курдских районов. Вместе с тем, курды считают, что требования курдов можно решить лишь при условии демократизации сирийского общества: прекращения монополии партии Баас, отмены действующего с 1963 г. в стране чрезвычайного положения, политической амнистии, установления многопартийной парламентской системы.

Очевидно, не без влияния со стороны США сирийское руководство стало предпринимать определенные шаги в плане предоставления сирийским курдам гражданского статуса, которого они были

лишены еще в 60-е годы XX в. Поэтому курдские «неграждане» не имеют права на собственность, не могут обзавестись собственным жильем, заниматься бизнесом, а также отдавать своих детей в высшие учебные заведения. Они также лишены права выезда за границу и пр. По грубым оценкам сирийских курдов, теперь численность т.н. неграждан составляет 300 тыс. человек, а в правительстве считают, что их только 150 тыс. Президент Сирии Башар Асад склонен предоставить сирийское гражданство 100 тыс. курдов. Эта акция находится в череде других мер, которые власти намерены осуществить в своей «курдской» политике. Примером может служить то, что курды, участвовавшие в стычке с сирийскими правоохранительными органами в марте 2004 г. в Камышлы, 30 марта 2005 г. были освобождены по президентской амнистии. Однако часть из них все еще остается в заключении. В то же время несколько десятков курдских оппозиционеров были арестованы в 2005 г.¹⁴

Отсюда понятно, что непоследовательная политика сирийского руководства не может в корне решить курдскую проблему в Сирии, а способствует лишь временному снижению напряженности в обществе.

Турция является проводником идей ЕС в регионе, что осложняет турецко-американские отношения. Вместе с тем, турецкие курды также не одобряют стремление Турции вступить в ЕС, и их действия нередко определяются этой их позицией. Тем не менее, турецкое правительство с 2002 г. осуществляет курс на национально-культурную автономию в курдских районах. Там было разрешено радио и телевидение на курдском языке: велись, например, 30-минутные новостные передачи дважды в неделю на диалекте курманджи и заза. Однако сами курды критиковали их, поскольку в них сообщали новости недельной давности. В то же время те каналы, которые вели передачи, не устраивавшие власти, не получили лицензии. Кроме того, были открыты курсы курдского языка. В 2004 г. были созданы частные школы, в которых вводился 10-месячный курс для начинающих, среднего и высшего уровня, где насчитывалось 130 студентов. В государственных школах преподавание курдского языка представляется невозможным по той причине, что турецкий язык является символом единения турецкой нации.

В Дيارбакире открыто продают кассеты с курдской музыкой и фильмами. В Турции облегчен процесс регистрации младенцев под курдскими именами, хотя встречаются трудности лингвистического характера, поскольку некоторые звуки курдского языка не имеют аналогов на турецком. Уже два года работает Центр культура и искусства Тигра и Евфрата, в котором имеется оркестр курдских музыкантов и курсы пения, игры на гитаре и кинокружок для курдов. Здесь преподают национальные танцы и музыку. Вместе с тем, государство осуществляет контроль за деятельностью этого центра, работники которого должны сообщать в компетентные органы о репертуаре концертов, наличии запрещенных книг и пр.

Несмотря на склонность турецких властей предоставить курдам национально-культурную автономию, многие турецкие курды полагают, что эти реформы имеют поверхностный характер и кардинально не решают острые проблемы курдов. Курдский язык все еще нелегально используется в общественной и политической жизни страны. А несколько руководящих членов прокурдской Демократической народной партии даже были арестованы за его публичное использование. Поэтому курды настаивают на конституционных гарантиях политических прав 14-млн. курдского народа Турции¹⁵.

Исламское руководство ИРИ проводит геноцид в отношении курдских политических функционеров. Они не без основания обвиняют режим в нарушении прав человека.

Избрание М.Ахмадинежада на пост президента ИРИ завершило процесс укрепления консервативной партии во властных структурах страны. Новый кабинет приступил к возвращению жесткого курса в национальном вопросе, который был начертан имамом Хомейни, с одной стороны, а с другой, – использует различные средства для ослабления влияния иракских курдов на политические процессы в Ираке. Возникшие летом 2005 г. в Мехабаде волнения курдов против убийства правоохранительными органами ИРИ курдского политического функционера Ш.Кадыри и перекинувшиеся на другие города провинций Западный Азербайджан и Курдистан, были подавлены силовыми методами. В результате было немало убитых и раненых. При этом иранское руководство заявляло, что эти действия не имели ни этнической, ни религиозной окраски.

Перспективы решения курдского вопроса в регионе

Анализ современной политической ситуации в этническом Курдистане свидетельствует о том, что американская политика в курдском вопросе активизировала движение курдов стран Западной Азии (Ирака, Турции, Ирана, Сирии) за демократию и борьбу против тоталитаризма. Каждый курдский анклав имеет свою специфику. Теперь курды требуют глобальных перемен в общественно-политическом устройстве дискриминационных режимов. Так, курды выступают в защиту федеративной системы государственного устройства, которая, по их мнению, является наиболее эффективной системой управления многонациональных государств. Часть турецких и иракских курдов выдвигает концепцию независимого курдского государства, которая, однако, трактуется ими по-разному. Если курдские теоретики Турецкого Курдистана разрабатывают теорию «5-членной конфедерации», то иракские аналитики свою независимость рассматривают как факт «широкой автономии».

С одной стороны, курды призывают к Западу, подчеркивая, что их положение противоречит всяким нормам международного права и Конвенции по правам человека, а с другой, – они с недоверием относятся к

посулам американской администрации, поскольку Курдская автономия находится в сфере идейно-политического воздействия и военного присутствия коалиционных сил. Для Соединенных Штатов проблема курдского урегулирования не является первостепенной. Курдистан рассматривается ими как важное стратегическое пространство для осуществления как концепции Большого Ближнего Востока, так и усиления влияния в Закавказье и Центральной Азии. Группа Чейни, например, не считает курдский фактор способным повлиять на американскую политику в Западной Азии. Вместе с тем, представители американской администрации рассчитывают на то, что Иракский Курдистан станет плацдармом для проникновения в соседние государства. Однако твердая позиция курдов по проблеме автономии, проявившаяся в январе 2004 г. в процессе формирования нового правительства, разработки и принятия Постоянной конституции и в иных случаях, демонстрирует умение курдов отстаивать свои позиции.

Свои национальные интересы осуществляет на территории КАР и Израиль. Присутствие коалиционных сил в Ираке актуализирует также «курдскую» политику стран региона. С одной стороны, этот фактор заставляет их смягчать свои действия относительно курдов, поскольку режимы Турции, Сирии и Ирана солидаризируются во мнении об искоренении курдского автономистского движения на своей территории. В то же время они поддерживают политический процесс, направленный на то, чтобы иракские курды не получили суверенитет. Это согласуется и с американской политикой в регионе. Военная угроза Соединенных Штатов Сирии и Ирану и их попытки привлечь на свою сторону курдское движение этих стран и Турции не позволяют пока рассчитывать на то, что курдский вопрос в Западной Азии будет окончательно решен. Руководство этих стран рассчитывает на сохранение стабильности государственных границ и предпринимает меры национально-культурной либерализации в курдских анклавах, которая, однако, носит сложный и неоднозначный характер. В то же время стратегия их практических действий в курдских анклавах направлена на то, чтобы предупредить превращение локальных (внутристрановых) этнотерриториальных конфликтов в дестабилизирующий фактор всего региона Западной Азии.

¹ Baqi Barzani. Federalism and the Question of Ethnicity in Future Uraq. – <http://home.cogeco.ca/-kurdistan6/27-3-05-opinion-baqi-federalism-question-of-ethnicity.html>

² Жигалина О.И. Этносоциальная эволюция иранского общества. М., 1996, с. 163.

³ Иранская революция: причины и уроки. М., 1989. Анаркулова Д.М. Иран: уроки революции. Душанбе, 1998, с. 30.

⁴ Baqi Barzani. Federalism and the Question of Ethnicity in Future Uraq. – <http://home.cogeco.ca/-kurdistan6/27-3-05-opinion-baqi-federalism-question-of-ethnicity.html>

⁵ Abu Bakir Lashkari. Why Kirkuk so important for the Iraqi Kurds? – <http://web.krg.org/articles/article-details.asp?LangNr=12&ArticleNr=117/html>

⁶ Abu Bakir Lashkari. Why Kirkuk so important for the Iraqi Kurds? – <http://web.krg.org/articles/article-details.asp?LangNr=12&ArticleNr=117/html>

⁷ Jay Garner. After the Vote. – <http://www.puk.org/web/htm/news/garner05204.html>

⁸ Abu Bakir Lashkari. Stable, Secure and Democratic Federal Iraq is the successful key factor for entire Middle East issues including Iran. – <http://web.krg.org/articles/article-detail.asp?LangNr=12&ArticleNr=124.html>

⁹ Cautions Turkey Not To Pursue Kurds. – <http://kurdistanob-server.servehttp://com/july/18-7-05-us-warns-tyky-not-pursue-kurds.htm>

¹⁰ Европейский суд по правам человека вынес окончательное решение по иску бывшего курдского лидера Абдуллы Оджалана. – <http://echo.msk.ru/news/247778.phtml>

¹¹ Court decision on Ocalan set for May. – <http://www.puk.org/web/htm/news/nws/news050511.html>

¹² PUK representative urges «political solution» for PKK issue. – <http://www.puk.org/web/htm/nws/news050511.html>

¹³ Baqi Barzani. Turkey-Syria Operations in Kurdistan. Iran's Nuclear Possession to Undermine Kurdish Independence. – <http://home.cogeco.ca/-kurdistan6/13-3-05-opinion-baqi-tyky-syria-cover-operation-kurdistan.html>

¹⁴ Башар Асад собирается предоставить сирийское гражданство 100 тыс. курдов. – <http://www.kurdistan.ru/18.05.05-I.htm>

¹⁵ Qubad Talabani. What the Kurds Want. – <http://www.puk.org/web/htm/news/nws/qubad050822.html>

ВНУТРИКУРДСКИЕ КОНФЛИКТЫ: ПРОИСХОЖДЕНИЕ И РАЗВИТИЕ

Ни одно национальное движение не является единым потоком, все они отражают всесторонние и специфические интересы различных социальных групп и слоев данного этноса, у которых обязательно бывают и собственные конкретные политические идеалы. Их роднит и объединяет только одна общая цель – достижение самоопределения разных степеней, от официального признания этнической идентичности до завоевания полной независимости и создания национального государства. Но способы реализации этой главной цели они представляют по-своему, в соответствии с присущими только им классовыми, сословными и т.п. интересами, т.е. в основном эгоистически. В этом и заключается основная причина внутринациональных конфликтов в период борьбы за самоопределение.

Внутренняя конфликтность особенно характерна для курдского национального движения. Тому способствовали присущие ему специфические особенности. Выдающийся английский историк, большой знаток ближневосточных проблем Арнольд Тойнби писал еще в 1934 г.: «Худший враг курдов – племенные и феодальные распри, которые позволяют иракскому правительству, также как и турецкому, и персидскому, проводить политику «разделяй и властвуй»¹. Внутрикурдские конфликты сопровождали всю историю курдского национально-освободительного движения с начала XIX в. вплоть до наших дней. Они отражали главное противоречие этого движения: субъективное стремление к единству и объективная невозможность его достижения. Существовали основные базовые факторы, которые всегда противодействовали достижению этого единства. То были факторы исторические, внутривнутриполитические и внешнеполитические.

Исторические факторы. В первую очередь следует отметить политико-географическую разделенность курдского народа. Его историческое развитие, политические условия этнической консолидации курдской народности (в основном сформировавшейся еще в эпоху поздних Сасанидов – примерно VI в. н. э.) и превращения ее в нацию происходили в условиях партикулярного существования отдельных групп курдов. Их историческая родина и ареал постоянного обитания основной массы курдского народа – Курдистан – всегда был не этнополитическим, а лишь этногеографическим понятием. Никогда не бы-

ло такого государства – Курдистан, в котором доминировал бы курдский этнос. И в средние века, и в новое, и в новейшее время Курдистан входил в состав других государств: до XVI в. – Халифата, тюркских и монгольских империй, затем – Османской империи и Ирана, после Первой мировой войны – Турции, Ирана и арабских стран – Ирака и Сирии, долгое время находившихся под прямым управлением или опекой Англии и Франции. Ни в одной из этих многонациональных, деспотических империй, входивших в них суверенных или полусуверенных эмиратах, и в современных независимых государствах не сложились до последнего времени условия для возникновения центров этнополитической консолидации всех курдов, для формирования единого очага курдской независимости и государственности. В силу этих причин у курдов отсутствовала традиция единой, солидарной политической борьбы всего народа или даже значительной его части за независимость.

Историческим по происхождению фактором также является сохранившаяся у курдов до сих пор этносоциальная и этнокультурная разделенность. Племенная стадия в их социальном строе, характерная в далеком прошлом почти для всех народов мира, у курдов в силу многих неблагоприятных для них внешних обстоятельств надолго затянулась, прочно вошла в их историческую традицию и сказывается до сих пор. Это привело к общей затяжке, замедленности социального и культурного развития курдского этноса; по некоторым важным параметрам оно шло по партикулярным векторам, касающимся языка, религии и прочим этнокультурным определителям, питающим этнический сепаратизм и затрудняющим до сих пор процесс этнонациональной идентификации и консолидации курдов, который еще не завершен, хотя преувеличивать это отставание не стоит.

Эта незавершенность этнической консолидации современного курдского этноса, служащая источником его еще не преодоленной этносоциальной и этнокультурной разделенности, порождает негативные политические последствия и, может быть, главное из них – низкую политическую культуру как следствие культурной отсталости народных масс. Отсюда такие распространенные в курдском движении особенности, как сугубая персонификация политики и любых политических акций вообще, вождизм и одновременно склонность к экстремизму, к крайним акциям в политической борьбе.

Историческое происхождение имеет также и социально-экономический фактор, характеризующий нынешнее состояние курдского общества: его многоукладность и неравномерность в развитии, выраженные по вертикали и горизонтали и служащие важнейшей причиной его политической раздробленности. Разное статусное и имущественное положение определяло и различия в политических позициях, занимаемых различными слоями и группами курдского населения в отдельных регионах Курдистана. Порожденный этим разрыв в уровне

культуры также работал на дезинтеграционные тенденции в национальном движении.

Особую историческую роль в курдском национальном движении всегда играла курдская диаспора. В современную эпоху она занимает специфическую социально-культурную нишу среди курдов. Диаспора по своей численности составляет хотя и незначительную (около 4% всего курдского населения, свыше 1 млн. человек), но самую образованную и политически продвинутую его часть. По условиям продолжительного (на протяжении жизни уже не одного поколения) существования в цивилизационной среде прежде главным образом Российской империи – СССР, а теперь в своем большинстве – западных стран она восприняла не только их образ жизни, но и многие морально-политические и культурные ценности, не утратив при этом основные характерные черты курдской идентичности. Однако из-за исторических особенностей своего формирования современная курдская диаспора стала весьма неоднородной в социальном, культурном и политическом отношении, что имело немаловажные последствия и привело к росту конфликтности в курдском национальном движении.

С одной стороны, в курдской эмиграции уже с давних времен преимущественно на Западе начал формироваться интеллектуально-политический центр курдского национализма, своеобразный «филиал» которого до недавнего времени обосновался и в Ливане. Курдская элита в эмиграции стала носителем передовых идей эпохи и современной политической культуры, которые она стремилась внедрить в курдистанскую почву. Однако это оказалось далеко непростым делом. Курдистанские реалии часто отличались от тех, какими они представлялись издали (типичная ситуация для любой эмиграции). Там правили бал харизматические вожди, светские и духовные, идейно-политический облик которых нередко сохранял черты недавнего феодально-партикулярного прошлого. Отсюда – неизбежный разлад между теорией и практикой курдского национального движения. Правда, большинство видных курдских лидеров в последнее время заметно вестернизировались, однако этот процесс далеко еще не окончен. Поэтому сохраняются объективные причины для проявления непонимания, а то и прямых конфликтов, между «старым» и «новым» в курдском национальном движении.

С другой стороны, в самой курдской диаспоре в последние десятилетия минувшего века произошли важные демографические, социальные и, следовательно, политические сдвиги. Если прежде в эмиграцию уезжали сливки курдского общества, аристократия и образованная элита, то со второй половины XX в. резко возросший поток курдских мигрантов на Запад состоял в основном из трудовых слоев, «гастарбайтеров», образовательный и культурный уровень которых первоначально был невысок. Адаптация их к новым условиям жизни происходила медленнее, и, хотя эти условия были несравнимы с те-

ми, которые существовали на их исторической родине, они способствовали росту радикальных настроений, особенно среди молодежи. Появилась среди курдских эмигрантов заметная прослойка маргиналов, взявших за образец буйное поведение местных леваков. Короче, для современной курдской эмиграции характерны явления нарастающего раскола по признакам политической ориентации.

Внутриполитические факторы. Любая конфликтная ситуация на этнической почве возникает и развивается в политической атмосфере страны постоянного обитания данной национальности, добывающейся самоопределения. Это естественное и фундаментальное положение не только относится, понятно, к курдскому движению, но в его становлении и развитии играет особую и специфическую роль. Заключается она в государственно-политической разделенности Курдистана, когда это движение выступало в разных государствах и, следовательно, в разных социально-политических и культурных условиях. Стало быть, уже изначально в курдском национализме были заложены не только объединительные тенденции (борьба за единый и независимый Курдистан), но и сепаратистские, партикулярные основы, источники дальнейших внутрикурдских конфликтов. Если первые имели главным образом идеологическое происхождение, то вторые выросли из объективных социально-политических реалий в странах проживания курдов. А эти реалии в этих странах были, с одной стороны, в стадильно-формационном, цивилизационном и историко-культурном отношении близкородственны, с другой стороны, заметно отличались друг от друга, прежде всего этнически и политически. Страновая специфика конечно же откладывала свой отпечаток на курдское движение. Оно в каждой из них (в Турции, Иране, Ираке, Сирии), наряду с общекурдским объединительным национальным идеалом, содержало и чисто местные особенности языкового, профессионального, культурно-исторического, социально-экономического и политического характера, сводящиеся в общем к разному уровню национального развития.

В Турецком Курдистане племенной строй за исключением района Тунджели (Дерсима) в настоящее время близок к исчезновению, а в Иранском он еще довольно весом; там же существует постоянная угроза экспансии политического исламизма. Зато в Турецком Курдистане другая беда: фактическое игнорирование властями курдской национальной идентичности, жесткое подавление любых проявлений национальной жизни создало почву для радикализации курдского движения, для успеха которого в стране пока отсутствуют условия, что вызывает серьезные внутренние и внешние осложнения. В Иракском Курдистане до сих пор ощущается влияние на политическую жизнь традиционных религиозных (суфийских) кланов, но в то же время само национальное движение имеет наиболее развитой и цивилизованный вид, благодаря чему в Ираке теперь создается под-

линный очаг суверенной курдской национальной власти. Южный Курдистан превращается в политический и культурный центр общекурдского национально-освободительного движения. Условия для национального самовыражения курдов отчасти сохраняются в Сирии и Ливане (главным образом на уровне городской жизни).

Немалое влияние на курдское движение, его идеологию и практическую деятельность оказывала, как говорилось выше, специфика политических режимов и социально-экономических порядков в странах проживания основной части курдской диаспоры. Курды, издавна обитавшие на территории СССР (до его распада), эмигрировавшие туда по политическим мотивам или приехавшие на учебу, естественно, в своем большинстве оказывались в плену тоталитарной коммунистической идеологии; из них в основном формировались кадры левоориентированных интеллектуалов и политических функционеров. Примерно то же самое можно сказать и о курдской эмиграции в странах «социалистического лагеря». Курдская диаспора в странах «свободного мира» (Западная Европа, Северная Америка, Австралия), естественно, испытывала влияние совсем иной идеологии и социальной среды. Она была самой многочисленной и восприимчивой к идейно-политическому плюрализму частью некурдистанских курдов. Именно из диаспоры шли разнообразные, нередко взаимоисключающие, импульсы многочисленным фракциям и отрядам курдского национального движения, тем более, что в эмиграции материальные условия для информационной, пропагандистской и организационной деятельности борцов за свободу Курдистана были несравнимо лучше, чем на исторической родине курдов (за исключением, в последнее время, ее иракской части).

Таким образом, внутривнутриполитические факторы отнюдь не способствовали консолидации курдского национального движения, сплочению его различных течений, быстрому преодолению традиционного курдского политического партикуляризма. Этому движению изначально и имманентно были присущи имевшие объективную основу внутренние противоречия, которые порождали острые конфликты, причинявшие ему ощутимый ущерб. При этом следует принимать во внимание и субъективные моменты, исходящие из типично курдского национального менталитета – этнопсихологического комплекса, непостоянного, взрывного, склонного к крайним проявлениям и в то же время закрытого для посторонних и в какой-то мере индивидуалистичного.

Внешнеполитические факторы. Наследием, особенно геополитическим, доставшимся курдам от истории, и внутривнутриполитическими реалиями в странах курдского региона не исчерпываются причины, породившие нынешнюю остроконфликтную ситуацию в курдском национальном движении. Международные, внешнеполитические факторы сыграли в этом деле особую, очень важную, если не главную, роль, поскольку курдская проблема, затрагивающая жизненные, глу-

бинные интересы сразу многих стран – ближневосточных, России и основных западных (включая США), по самой своей сущности в наше время является интернациональной, глобальной.

Ближний Восток (Западная Азия – Турция, Иран, страны Арабского Востока) в силу своего географического положения на стыке трех континентов и исходящих из этого геополитических последствий испокон веков был одним из самых конфликтных регионов планеты, источником бесконечных политико-дипломатических и военных столкновений разного масштаба, не только местного, но и глобального. Курдистан, занимавший центральное стратегическое положение на этой территории, представлявший собой в силу своего горного рельефа естественную крепость, к тому же населенную воинственным и свободолюбивым народом, всегда был «горячей точкой» первостепенного значения, в которой скрестились несовместимые, а то и остро конфронтационные интересы разных народов и стран. До начала XIX в. основными участниками борьбы за контроль над территорией Курдистана были Османская империя и Иран, затем в нее вступили европейские колониальные державы: Россия (после присоединения к ней Кавказа), Англия, позже – Франция и Германия, в конце Первой мировой войны к Курдистану стали проявлять интерес и США. В настоящее время главной державой, стремящейся использовать курдскую проблему в своих интересах, стали США, которых в основном поддерживает Англия. Для эпохи, наступившей после Второй мировой войны, характерно активное включение в борьбу за контроль над ситуацией в Курдистане ближневосточных государств – Турции, Ирана, Ирака и Сирии, действующих уже не только под давлением западных держав, как это было в основном в период между двумя мировыми войнами, а *самостоятельно*.

Силы, претендующие на контроль над Курдистаном, руководствуются не только геополитическими и геостратегическими мотивами. К ним прибавляются и серьезные геоэкономические интересы. Южный (Иракский и Сирийский) и частично Восточный (Иранский) Курдистан находятся в зоне мирового значения интенсивной добычи нефти.

В результате образовался довольно сложный и противоречивый клубок намерений и действий, которые дают подчас неоднозначные результаты.

Следует особо выделить политику ближневосточных государств, в состав которых входили курдские земли. Она отличается резко враждебным отношением к курдскому национальному движению, к его стремлению (реальному или предположительному) добиваться осуществления права курдского народа на самоопределение и даже, как минимум, на юридическое или фактическое признание его национальной идентичности. Антикурдский политический курс этих государств имеет как бы два лица. Первое обращено вовнутрь, второе – вовне.

По отношению к *своим* курдам применяются методы прямого действия: от тотального террора и насилия (главным образом в Турции) до различных видов идеологического и политического давления, призванного совсем убить или свести на нет у них волю к национальному протесту. В Иране в этих целях используется интенсивная исламистская пропаганда, во всех странах обитания курдов власти проводят активные мероприятия по вербовке кадров курдских коллаборационистов и т.п.

По отношению к *чужим* курдам, населяющим сопредельные части Курдистана, проводится более изощренный курс, направленный на внутреннее ослабление сил национального сопротивления, недопущение создания где бы то ни было очагов курдской автономии или независимости, которые потенциально могли бы стать составными частями объединенного и суверенного курдского государства. Для этого всемерно разжигались внутрикурдские противоречия, имевшие стародавнее историческое происхождение, велась усиленная агентурная работа среди враждебно настроенных друг к другу глав племен и авторитетов (шейхов), обострялись разногласия между различными курдскими политическими организациями и провоцировались междоусобные вооруженные столкновения участников курдского повстанческого движения. При этом использовался широкий набор средств: агитация, агентурно-политическая работа, подкупы и т.д. вплоть до открытого вооруженного вмешательства, как это было в Иракском Курдистане.

Тайные и явные операции региональных правительств в Курдистане нанесли значительный ущерб курдскому движению именно потому, что они служили главным препятствием на пути достижения его единства, порождая многочисленные конфликты внутри этого движения, способствуя губительному раздроблению сил национального сопротивления. В то же время попытки некоторых ближневосточных государств использовать обострение ситуации в сопредельных частях Курдистана в собственных интересах порой производили результаты совсем не те, которые ожидались. Происходило опасное для самих этих стран нагнетание обстановки и в курдском, и в других вопросах. Сами же участники курдского сопротивления могли извлечь из этого некоторую для себя пользу.

Столь же противоречивыми были последствия вмешательства европейских держав и США в бурную политическую жизнь курдского региона. Каждая из них играла свою игру, руководствуясь собственными военно-политическими и экономическими интересами. Разумеется, национальные идеалы курдского народа им были безразличны. Более того, создание объединенного независимого Курдистана как закономерного финала освободительной борьбы курдов было абсолютно неприемлемо для держав, традиционно вовлеченных в ближневосточные дела, ибо это привело бы к неминуемой дезинтеграции сразу четырех

ближневосточных государств и полному хаосу сложившейся системы международных отношений в регионе, что было крайне рискованно, ибо могло вызвать непредсказуемые последствия. Но это касалось стратегической линии Запада и России на Ближнем Востоке. Что касается тактики в определенный период, касающейся отдельных стран, то здесь «курдская» политика держав выглядела несколько по-иному.

Каждая из них подходила к курдскому вопросу сугубо прагматически, можно сказать, функционально, используя поддержку отдельных выступлений курдов для решения собственных задач в той или иной стране. При этом национальные интересы самих курдов стояли для них на последнем месте. Гораздо важнее было захватить свои преимущественные позиции на курдистанском «плацдарме», вытеснив оттуда конкурентов. Вот для достижения этой сугубо имперской цели и хотели использовать курдские движения, пытаясь держать их на коротком поводке, под строгим контролем.

Последнее, однако, не всегда удавалось, и в некоторых районах Курдистана курдское движение добилось существенных успехов, опираясь на открытую или завуалированную поддержку именно колониальных и империалистических держав. Таким образом, их вмешательство, с одной стороны, порождало многочисленные конфликты и в значительной мере раскалывало общекурдское движение на отдельные сегменты (ибо вмешивающиеся силы действовали чаще всего в пику друг другу), с другой стороны, способствовало в отдельных курдских регионах относительным успехам освободительной борьбы. Такова была диалектика геополитической ситуации в бурлящем Курдистане. Препятствуя объединению сил национального протеста в масштабе всего Курдистана, она одновременно помогала их активизации в его отдельных частях, что привело в наше время к ряду внушительных побед курдских борцов за свободу и независимость.

История взаимоотношений курдов с «внешними» (неближневосточными) державами изобилует примерами такого вмешательства со стороны последних, которое имело неоднозначные последствия, объективно играя на руку курдскому национализму в разных, в том числе и крайних его проявлениях. Так, например, во время русско-турецких войн XIX – начала XX вв. российское командование часто прибегало к поддержке курдских племенных вождей, поднимавших во время военных действий восстания против султанского правительства. Фактическое поощрение Россией курдского феодального сепаратизма сыграло немалую роль в становлении курдского национализма на рубеже XIX–XX вв. В этот же период, особенно в годы Первой мировой войны, Россия уже и на правительственном уровне установила связи с первыми курдскими националистами². Таким образом, несмотря на империалистические устремления царской России на Ближнем Востоке, ее политика в регионе объективно была на руку курдскому освободительному движению.

Другие великие державы, Англия (в первую очередь), кайзеровская Германия и Франция также пытались использовать в своих целях борьбу курдов за независимость, но польза последним от этого была весьма относительная. Курды Ирака и Сирии, освободившись от многовекового османского ига (что само по себе было прогрессивным шагом в их истории), попали после Первой мировой войны под колониальное иго Англии и Франции. Курдистан подвергся новому расчленению, его разделенность, можно сказать, удвоилась за счет иракской и сирийской частей. Естественно, что непосредственное присутствие западных колонизаторов на курдской земле, причем соперничавших между собой (накануне и во время Второй мировой войны в борьбу за курдистанский плацдарм включились и державы фашистской «оси») породило новые конфликты как во внутренних, так и в международных аспектах курдского вопроса, которые в разных вариациях продолжают до сих пор.

Особую роль играл СССР в период своего существования в событиях, происходивших в Курдистане. Она проявлялась в двух аспектах: идеологическом и политическом. Согласно официальной идеологической доктрине о поддержке права наций на самоопределение, Советский Союз всегда был на стороне курдского национально-освободительного движения. Это привело к тому, что в курдском национализме возникло левоориентированное, первоначально просоветское и прокоммунистическое течение, окрепшее во время и после Второй мировой войны, которое часто вступало в конфликты с его прозападными и опиравшимися на феодально-клерикальную традицию направлениями. В последней четверти XX в., в период глубокого кризиса и краха советской системы, марксистско-ленинский фундаментализм в его маоистско-кастровском исполнении распространился и имел временный успех в Турецком (Северо-Западном) Курдистане, где развернулось повстанческое движение, руководимое Рабочей партией Курдистана (ПКК)*; оно породило серьезные внутрикурдские конфликты главным образом в Турции и Ираке.

Что касается политического (и тем более военно-политического) аспекта, то вмешательство Советского Союза в зарубежные курдские дела за все время его существования было минимальным. Здесь были другие приоритеты: стремление установить, сохранить и укрепить нормальные, по возможности, дружественные и добрососедские отношения с Турцией и Ираном, чему могло серьезно повредить поддержка Москвой курдского движения в этих странах. Только во время Второй мировой войны и сразу после ее окончания, когда Красная

армия оккупировала часть Иранского Курдистана, и в период восстания Мустафы Барзани в Ираке в 60-е и в начале 70-х годов Советские изменили этому правилу, но ненадолго; под влиянием внешней конъюнктуры они вынуждены были предоставить курдов своей судьбе.

Соединенные Штаты Америки долго не проявляли заметного интереса к курдскому региону, их участие в конфликтах, то и дело возникавших в нем, было незначительным. Зато теперь, после операции «Буря в пустыне», Курдистан, в первую очередь его южная часть, вошел в орбиту американской геополитики на Ближнем Востоке, заняв в ней центральное место. Благодаря американскому (с участием англичан) военному «зонтику» и обильным долларовым вливаниям в виде своей доли отчислений за иракскую нефть прежде фиктивная курдская автономия в Ираке ныне превратилась в фактически (но пока не юридически) независимое государство (так называемый Свободный Курдистан, формально считающий себя субъектом несуществующей пока Иракской федерации) с находящимися на подъеме экономикой и культурой. Таким образом, США, волей обстоятельств ставшие у кормила этого первого в истории очага курдской независимости, приобрели новые мощные рычаги для воздействия на нынешнюю и будущую ситуацию в одном из самых конфликтных и взрывоопасных регионов Западной Азии. В частности, американцы заняли выгоднейшую позицию, позволяющую им эффективно вмешиваться в чреватые многими конфликтами внутрикурдские дела.

Итак, современный Курдистан представляет собой регион, исключительно богатый противоречиями как внутреннего, так и иностранного происхождения, природа и проявления которых исторически обусловлены и носят органический характер³. На основании вышеприведенного краткого по необходимости анализа можно сделать следующие выводы касательно предполагаемого развития событий:

1. Курдский вопрос по своему объему и содержанию имеет твердые шансы стать главным ближневосточным вопросом XXI в. Конфликты в разделенном Курдистане приняли необратимый характер, и есть все основания предполагать, что они будут расширяться и углубляться. Попытки правящих кругов некоторых ближневосточных государств их заморозить или сделать курдские движения «ручными» будут неизбежно обречены на провал и приведут к еще большему нагнетанию напряженности вокруг курдского вопроса.

2. Вмешательство региональных и внешних сил во внутрикурдистанские конфликты неизбежно приведет к их умножению и обострению, что будет иметь неоднозначные и непредсказуемые последствия. Когда это вмешательство прямо преследует враждебные национальным интересам курдов цели, оно безусловно может иметь только негативный характер. В случае же, если оно вызвано, в основном эгоистическими мотивами политики той или иной державы в Курдистане, может получиться полезный для курдского движения резуль-

* ПКК – аббревиатура названия партии на курдском языке. Общепринятое название партии – «Рабочая партия Курдистана» (РПК). Буквально же партия называется «Партия рабочих Курдистана» (ПРК), или, точнее, – «Партия трудящихся Курдистана».

тат. Именно таков был итог военного присутствия США (главным образом) и Англии в воздушном пространстве Южного Курдистана после войны в Заливе, а также финансово-экономической, гуманитарной и политической помощи, оказываемой Западом иракским курдам.

3. Вообще же, сложность и запутанность нынешней внутривнутриполитической ситуации в Курдистане, насыщенной разнообразными конфликтами, вовсе не означает, что страна погружена в хаос, где царит разброд и шатание. Курдское общество переживает сложный переходный период, когда наряду с извечным партикуляризмом, выгоду из которого извлекают только многочисленные враги курдской свободы и независимости, развивается и крепнет противоположная тенденция к консолидации сил национального сопротивления. Курды начинают извлекать уроки из своей трудной истории, бороться с причинами и негативными последствиями разлада в своей среде, изживают стародавние обиды и ссоры. На наших глазах поднимается политическая культура курдского национального движения, а вместе с ней преодолеваются губительные последствия корыстного вмешательства враждебных курдской свободе посторонних сил. Курды начинают вырабатывать собственную твердую национальную линию и проводить ее последовательно. Это будет лучшим противоядием от застарелой болезни конфликтного партикуляризма, от которой всегда страдал курдский народ. До полной победы этой давно назревшей здоровой тенденции к консолидации всех основных сил национального протеста курдского общества еще далеко, но ее первые успехи уже налицо, что дает основания с оптимизмом смотреть на будущее национально-освободительной борьбы курдского народа.

¹ A.J. Toynbee. Survey of international affairs. 1934. L. 1934, с. 134–135.

² См.: Н.А. Халфин. Борьба за Курдистан (Курдский вопрос в международных отношениях XIX века). М. 1963; М.С. Лазарев. Курдский вопрос (1891–1917). М. 1972.

³ См. первую постановку вопроса на тему в моей статье: Многоконфликтный Курдистан (постановка вопроса). В сб. «Западная Азия, Центральная Азия и Закавказье. Интеграция и конфликты». М. 1995, с. 92–101.

Е.В.Дунаева

ОТНОШЕНИЕ РЕГИОНАЛЬНЫХ СОСЕДЕЙ К ПРОБЛЕМЕ КУРДСКОЙ АВТОНОМИИ В ИРАКЕ

События в Ираке, связанные с подготовкой и ходом военной операции, а также усилия, направленные на урегулирование ситуации внутри страны, предпринимаемые американской администрацией и различными политическими силами внутри Ирака, вызвали серьезное беспокойство у соседних с Ираком государств. Их пристальное внимание к Иракскому Курдистану объясняется, в первую очередь, соседским положением: присутствие на границах иностранных оккупационных сил создает определенные угрозы как внутренней безопасности государства, так и региональной стабильности в целом. Так, политические аналитики в Тегеране считают иракский кризис наиболее значительным международным событием после распада Советского Союза и ликвидации двухполюсной мировой системы. Они оценивают его не только как кризис региональный, но и полагают, что он может привести к резкому изменению баланса сил в пользу США на мировом уровне и оказать влияние на политическое, экономическое, культурное, духовное и экологическое развитие соседних государств¹. Однако ситуация в Ираке, сложившаяся после свержения режима С.Хусейна, помимо присутствия иностранного воинского контингента, характеризуется наличием факторов, которые также могут привести к серьезной дестабилизации обстановки не только в этих странах, но и в регионе в целом. Наибольшее беспокойство у сопредельных стран вызывает следующий вопрос: «Останется ли Ирак единым государством?»

Еще в период подготовки американского вторжения в Ирак проблема будущего политического устройства этого государства вызвала особо серьезные опасения у руководителей Ирана, Турции и Сирии – стран, видевших «возможность превращения Ирака в Афганистан 80-х, Ливан – 70-х или Сомали-90-х годов»². Наличие курдского автономного района на севере Ирака, с одной стороны, и значительный процент шиитского населения на юге страны, борющегося за самоопределение, с другой, могли превратить эти опасения в реальность. На территориях трех соседних стран проживают различные этнические и конфессиональные группы, но особое беспокойство вызывает наличие в них курдских ареалов.

Напомним, что за последние десятилетия курдский вопрос выступал как фактор дестабилизации на Ближнем и Среднем Востоке именно тогда, когда наблюдалось изменение военно-политической ситуации или происходило ослабление правящих режимов: иранская революция, ирано-иракская война, кувейтский кризис и «Буря в пустыне». Причем, активизация политических процессов в одной части этнического Курдистана, как правило, стимулировала национальное движение курдов и в соседних государствах. Режимам, находящимся у власти в Сирии, Иране, Турции или Ираке, держащим курс на сохранение централизованного государства, приходилось с большим трудом и большой кровью подавлять курдские движения, которые объявлялись сепаратистскими.

На нынешнем этапе создание курдского автономного района в рамках Ирака (а, возможно, и независимого курдского государства в случае распада Ирака) может найти широкий отклик в курдских районах сопредельных государств, где большинство населения настроено оппозиционно правящим режимам, привести к подъему патриотических настроений или даже угрожать стабильности и территориальной целостности единого государства. Поэтому Тегеран, Дамаск и Анкара совсем не заинтересованы в развитии политических процессов в Ираке в направлении, способном привести иракских курдов к независимости, которую в принципе могут поддержать США. В связи с этим руководство Ирана, Сирии и Турции приложили определенные усилия для выработки общей линии в этом вопросе. Накануне американского вторжения они активизировали двусторонние и региональные контакты и выступили инициаторами созыва общерегиональных конференций. В этой связи наблюдалось определенное сближение Сирии и Турции, улучшение ирано-турецких отношений³. В январе 2003 г. саммит министров иностранных дел Сирии, Египта, Иордании, Саудовской Аравии, Ирана и Турции прошел в Стамбуле, в апреле того же года министры иностранных дел региона собрались в Эр-Рияде. Представители всех государств выступили за мирный путь решения иракского кризиса, а на второй встрече выразили негативное отношение к военной операции и потребовали вывести войска с иракской территории как можно скорее, а также высказались за введение сил ООН для поддержания порядка и нормализации ситуации в Ираке. Таким образом, можно говорить о том, что сложившаяся в регионе ситуация подтолкнула государства к активизации двусторонних отношений и укреплению регионального единства ради совместного сотрудничества в курдском вопросе.

Каждая из трех стран предпринимала попытки оказать максимальное влияние на развитие ситуации в Ираке и в одностороннем порядке. Турция предварительно вступила в переговоры с США, пытаясь получить убедительные гарантии своего участия в послевоен-

ном переустройстве Ирака. Однако, не получив их, пошла на ухудшение связей с США, отказавшись предоставить территорию страны для использования в военных целях. Уже давно были установлены контакты с оппозиционными режиму С.Хусейна иракскими организациями, в том числе и курдскими, чтобы получать информацию о планах будущего устройства страны. Их руководители неоднократно посещали Турцию⁴.

Иран, опасаящийся как дезинтеграции Ирака, так и прямого вторжения американских вооруженных сил через иракскую границу на свою территорию, поддерживал тесные связи с шиитскими группировками в Ираке, через которые оказывал и оказывает непосредственное влияние на ослабление политических позиций иракских курдов. Вместе с тем, по некоторым данным, он имел прямой выход на руководителя Иракского Национального Конгресса в эмиграции А.Чалаяби и еще до военной интервенции коалиционной армии в Ирак поставлял через него американцам определенную информацию о ситуации в этой стране, что обусловливается заинтересованностью ИРИ в свержении С.Хусейна⁵.

Повышенное внимание региональных государств к Курдской автономии в Ираке усиливается еще и ввиду того, что ее территория стала базой, через которую в сопредельные курдские районы Сирии и Ирана проникают, в частности, представители спецслужб Израиля. По данным, приводимым в западной прессе, с начала 2004 г. более тысячи двухсот агентов Моссад активно действовали в Иракском Курдистане, занимаясь подготовкой курдских боевых подразделений, участвуя в составе отрядов коммандос в операциях против шиитов, отслеживая ситуации в курдских районах Ирана и Сирии и даже проникая туда для оказания поддержки оппозиционным режиму курдским группировкам⁶. Израилю также удалось через Иорданию установить постоянные торговые связи с иракскими курдами. В СМИ региона неоднократно появлялись материалы, осуждающие тесное сотрудничество курдских лидеров с Израилем. Даже Вашингтон обеспокоен таким тесным сотрудничеством и активной поддержкой Израилем сепаратистских устремлений курдов в Ираке и сопредельных государствах, так как такая политика идет вразрез с их линией, направленной на предотвращение расширения границ курдской автономии в Ираке на данном этапе. Для Сирии и Ирана Израиль – заклятый враг, широкое присутствие израильтян на сопредельных территориях и регулярные проникновения за иракскую границу вынуждают их усиливать военный и полицейский контроль в своих курдских районах.

В условиях сохранения в Ираке достаточно напряженной военной и политической ситуации и поиска путей для удовлетворения интересов как этнических, так и конфессиональных групп соседние государства прилагают активные усилия для защиты своих интере-

сов в этой стране. Необходимо отметить, что они выступают за сохранение Ирака в его политических и географических границах и резко протестуют против федеративного устройства страны по этническому принципу. Однако, осознавая, что главная проблема Ирака – достижение компромисса между различными политическими силами по вопросу будущего государственного устройства, региональные соседи поддерживают любые шаги, предпринимаемые в этом направлении. Они приветствовали проведение выборов в парламент, а затем выборов президента в начале 2005 г. (хотя негласно поддерживали различные политические силы), достаточно прагматично отнеслись к оценке кандидатуры президента Ирака-курда, лидера Патриотического союза Курдистана (ПСК) – Д.Талабани и установили с ним диалог. В частности, в Иране комментировались такие его качества, как хорошее знание внутренней ситуации, большой политический опыт, умение пойти на компромисс и выражалась надежда на то, что президент приложит усилия на пути сохранения целостности иракского государства*. Особое одобрение ИРИ получила кандидатура премьер-министра – шиита И.Джафари. Все страны региона проявили заинтересованность в разработке проекта конституции, которая должна определить формы будущего государственного устройства Ирака. Оказывая воздействие на политические силы, составляющие противовес курдским партиям, соседние государства во многом способствовали введению в проект статей, которые официально признают курдскую автономию в том виде, в котором она существовала ранее, и предусматривают в будущем государстве определенные формы самоуправления для шиитов и суннитов. Руководители Ирана заявили о том, что они уважают выбор народа Ирака и положительно оценили итоги референдума. Аналогичную позицию заняли и другие региональные государства, хотя их взгляды на будущее устройство этой страны несколько отличаются. Анкара предпочла бы иметь своим соседом федеративный, демократический Ирак с сильным центральным правительством в Багдаде, в котором доминируют арабы-сунниты. В этом она солидаризируется с большинством арабских государств. При этом территория курдских районов должна быть ограничена тремя провинциями и не выходить за «зеленую линию», установленную в 1991 г. Стремясь не допустить расширения курдской автономии, Турция в противовес курдам оказывает помощь туркменам, поддерживая туркменские общественные организации, объединившиеся в Конгресс туркмен

* В некоторых СМИ появлялись утверждения о том, что Иран оказывал прямое вмешательство в выборный процесс, однако Международная группа по изучению кризисов (ICG), проводившая специальные исследования в Ираке и в Иране, в своем отчете заявила, что никаких свидетельств вмешательства ИРИ найдено не было. См. www.crisisgroup.org.

Ирака, требующие восстановления прав этого народа на его земли в районе Мосула и Киркука, которые иракские курды стремятся включить в свой автономный район.

Официальная позиция Тегерана относительно иракского урегулирования такова: «Иран не допустит такого развития событий, которые смогут привести к изменениям границ в регионе, и будет защищать территориальное единство региона»⁷. Руководство ИРИ требует скорейшего вывода всех иностранных воинских контингентов с территории Ирака, так как в иностранном военном присутствии видит причину дестабилизации обстановки как внутри Ирака, так и на своих приграничных территориях. Так, 18 августа 2005 г. официальный представитель МИД ИРИ обвинил США и Великобританию в разжигании сепаратистских движений среди иранского курдского и арабского населения. Одна из основных целей иранской политики по отношению к Ираку – сведение к минимуму возможных разрушительных последствий кризиса на своих границах и внутри страны, предотвращение возможного превращения Ирака в антииранский плацдарм.

ИРИ выступает за развитие добрососедских, дружеских отношений с Ираком⁸. За последний год наблюдается активизация дипломатических и экономических связей двух стран. В мае 2005 г. Ирак посетил министр иностранных дел ИРИ К.Харрази, в Тегеране в июне того же года побывал премьер-министр Ирака И.Джафари, а в октябре специальный посланник премьер-министра Ирака Салам аль-Мальки. В ноябре нанес визит в Иран президент Ирака Дж.Талабани. В ходе встреч с духовным лидером ИРИ А.Хаменеи, президентом страны М.Ахмадинежадом и другими ответственными лицами он обратился к иранской стороне с просьбой оказать помощь в борьбе с террористическими группами и содействовать укреплению безопасности на границе двух стран. Обсуждались также вопросы экономического сотрудничества⁹. Большой интерес руководителей Ирака к иранской стороне может объясняться не только стремлением к установлению тесных связей с ближайшим соседом, а свидетельствовать о том влиянии, которое ИРИ оказывает на политические группировки иракских шиитов, без взаимодействия с которыми не удастся решить проблему государственного строительства в Ираке.

Несомненно, что Иран предпочитал бы видеть своим соседом единое шиитское государство, но, поскольку курдская автономия – уже реальность, и Тегеран осознает огромное значение курдов в политической и социальной жизни Ирака, он выступает за соблюдение прав всех религиозных и этнических групп. Соответственно и шииты юга должны получить право на самоопределение. Однако, официальная поддержка создания шиитского автономного государства совсем не означает безоговорочного согласия ИРИ на упроче-

ние автономии иракских курдов, пропагандистская деятельность которых и политический опыт воодушевляет иранских курдов, а также курдов Сирии и Турции, на расширение автономистского движения на своих территориях.

¹ Саджжадпур С. Иран ва бохран-е бейнолмеллали-йе эраг: чалешха ва ваконешха. – Сийасат-е хареджи. Vol. 18. Winter 2005, с. 799.

² Там же, с. 803.

³ Более подробно см. Olson R. Kurdistan-Iraq & Turkey Relations, 2004: The Consolidation of Kurdish Nationalism, с. 40–41.

⁴ Там же, с. 32–33. Жигалина О.И. Курдская политика США в Ираке и проблемы турецких курдов. – Современный исламский восток и страны Запада. М., 2004, с. 59–60.

⁵ Раванди-Федан Р.Л. О влиянии Ирана на ситуацию в Ираке. – Иран после парламентских выборов. М., 2004, с. 58.

⁶ Olson R. Kurdistan-Iraq & Turkey Relations, 2004: The Consolidation of Kurdish Nationalism, с. 28. G. Malbrunot, S. Haeri. Not Everything is Honey between Americans and Israelis. www.iran-press-service.com. 2.10.2005.

⁷ Iran strongly rejects any idea of geographic change in Mideast. – www.netiran.com 11.04.2005.

⁸ Саджжадпур С. Иран ва бохран-е бейнолмеллали-йе эраг, с. 814.

⁹ www. bbc.co.uk/persian. 23.11.2005.

И.Е. Федорова

США И ИРАКСКИЕ КУРДЫ

В последние десятилетия важнейшим направлением глобальной политики США стал Ближний и Средний Восток, что определяется экономической заинтересованностью Соединенных Штатов в чрезвычайно богатых энергетических ресурсах этого региона. Идеологическим основанием их политики служит мессианская уверенность в необходимости распространения американской модели демократии на все страны мира. Путь распространения демократии – военное воздействие, в результате которого страны, вовлеченные в борьбу, должны попасть под американский патронат. Об этом откровенно заявила Государственный секретарь США Кондолиза Райс, подчеркнув, что, поскольку стремление к демократии превыше всего, его нельзя остановить, даже если оно вызывает дестабилизацию внутри страны и приводит к гражданским войнам.

В XXI в. подобные действия США весьма наглядно проявились на примере Ирака, где после смещения режима С.Хусейна американская администрация закрепляет свое влияние, используя традиционный принцип divide et impera. Они опираются на силы, противостоявшие и противостоящие арабской суннитской элите, находившейся у власти в предыдущие годы.

Прежде всего это национальные меньшинства, в первую очередь курды и шиитские группировки. При этом командование коалиционными силами, играя на противоречиях между суннитами и курдами, между суннитами и шиитами, между курдами и шиитами, между курдами и туркменами и т.д., не допускает радикального усиления кого-либо из участников политического противостояния в Ираке.

В рамках этой политики США поддерживают развитие национальных и националистических тенденций в политике иракских курдов, часть которых выступает за дальнейшую демократизацию Ирака, в котором их народ будет иметь больше прав и влияние, а часть – за создание независимого курдского государства в регионе Ближнего и Среднего Востока.

Таким образом, в данный момент цели и интересы американских политиков, которые находят в курдах свою опору в регионе, и курдских лидеров совпадают.

Характерно в этом отношении мнение курдского обозревателя Хосроу Салеха Койи о том, что многие курды верят, что президент

Дж.Буш никогда не нанесет вреда курдам, и курды надеются, что чем больше американцы будут узнавать курдов, тем больше они будут опираться на них, выполняя свою благородную миссию «освобождения и свободы для всех народов и культур во всем мире»¹.

О всесторонней зависимости развития демократии и наличия прав у курдов в Ираке от присутствия американских войск в этой стране неоднократно говорил президент Ирака Джалал Талабани. Например, в речи от 21 сентября 2005 г. он заявил: «Как оказалось возможным, что в сегодняшнем Ираке существует демократически избранный глава государства, демократический парламент и правительство? Как оказалось возможным, что люди, принадлежащие к самым угнетенным этническим группировкам, занимают высшие посты в государстве? Все эти прекрасные события являются результатом смелой политики президента Буша и его союзников – премьер-министра Великобритании Тони Блэра и премьер-министра Австралии Джона Ховарда, чьи войска освободили Ирак»².

Важнейшими результатами американской политики в курдском вопросе являются следующие: во-первых, президентом Ирака стал курд Джалал Талабани, статус курдского района в Ираке в качестве субъекта федерации был закреплен в Постоянной конституции страны, а глава этого района Масуд Барзани официально именуется президентом Курдского Автономного Района (КАР). Помимо этого, курдский язык теперь является одним из государственных языков Ирака.

Здесь представляется возможным отметить, что проект конституции Ирака был подписан в США. Этот факт вызвал критику даже со стороны союзников Соединенных Штатов по коалиции. Так, один из сотрудников миссии ООН в Ираке, указывал, что вмешательство США при написании конституции Ирака было слишком большим и совершенно неподходящим.

Наглядным подтверждением теснейших связей, которые существуют между курдами Ирака и администрацией США на данном этапе, является серия важнейших визитов американских государственных деятелей в Иракский Курдистан и курдских лидеров в США весной – осенью 2005 г. Так, в мае 2005 г. государственный секретарь К.Райс прилетела из Америки прямо в Эрбиль на встречу с президентом М.Барзани для консультаций о месте иракского курдского района в будущем государственном устройстве Ирака и прав курдского населения страны. Во время визита она пообещала осуществить ряд экономических проектов в этом районе, а также предоставить всестороннюю помощь в подготовке курдских сил безопасности. В сентябре 2005 г. Дж.Буш принял президента Ирака Дж.Талабани после его выступления на Генеральной Ассамблее ООН, часть которого, кстати, была сделана на курдском языке.

В октябре 2005 г. Дж.Буш принял в Белом доме президента курдского автономного района Ирака М.Барзани. Во время встречи аме-

риканский президент отметил ту помощь, которую оказал М.Барзани в подготовке конституции Ирака. В свою очередь, президент курдской автономии предался славословиям в адрес американского президента, подчеркнув: «Господин президент, позвольте мне от лица народа Курдистана и моего лично сердечно поблагодарить Вас. Мы в Курдистане и во всем Ираке высоко ценим Ваше храброе и смелое руководство».

Президент курдского автономного района Ирака благодарил Дж.Буша не только за политическую, но и за финансовую помощь. По сообщению американских СМИ, только в июне 2004 г., за несколько дней до официальной передачи власти в Ираке иракскому правительству, в Эрбиль были привезены 1,4 млрд. долл. в качестве оплаты довоенных поставок. Крупные денежные суммы передаются иракским курдам и в настоящее время.

Правительство США оказывает поддержку курдам не только внутри Ирака. Оно принимает меры по обеспечению интересов курдского народа на международной арене. Так, Петер Флори, помощник министра обороны США по вопросам обеспечения международной безопасности во время своего визита в Турцию в ноябре 2005 г. ответил отказом на просьбу правительства Турции о проведении военной операции против Рабочей партии Курдистана (РПК) и ее баз в Северном Ираке, с которых осуществляется военная поддержка курдских автономистов в Турции. При этом американские дипломаты неоднократно оказывали давление на власти Турции с тем, чтобы при военных операциях против курдских автономистов на территории Турции, турецкие войска не переходили границы Турции с Ираком и не осуществляли преследование курдов на иракской территории.

США используют свое влияние и связи с иракскими курдами для проведения своей политики и в отношении других стран. Так, по сообщениям арабских дипломатических источников, американские власти передают через иракских курдов денежные средства и оружие проамерикански настроенным курдским сепаратистским группировкам на территории Ирана.

По сообщению тех же источников, около 10 тыс. иранских курдов нашли убежище в Ираке и около 500 иранских курдов уже прошли подготовку в военных лагерях и пересекают границу Ирана с Ираком в обоих направлениях и проводят военные акции против иранских правительственных войск на территории трех приграничных провинций³.

В целом можно согласиться с мнением многих российских и западных аналитиков о том, что политика США в Ираке оказалась неэффективной, и американское руководство стоит перед необходимостью вывода войск из Ирака, не создав там сильной и стабильной власти. Делая ставку на курдов Ирака, они рассчитывают иметь в этой стране силу, способную при их поддержке удерживать ситуацию под контролем и служить проводником их интересов в других странах

региона. Представляется, что после вывода американских войск из Ирака обстановка в этой стране может стать очень напряженной. В этой связи курды Ирака, преследующие свои собственные цели и стремящиеся к созданию независимого государства, едва ли смогут оправдать ожидания американских политиков. При этом не лишены основания опасения Турции и Ирака, того что развитие ситуации в Ираке может привести к его дезинтеграции, а это вызовет новый виток дестабилизации на Ближнем и Среднем Востоке.

А.К.Лукоянов

КУРДИСТАН И ИЗРАИЛЬ (ПЕРСПЕКТИВЫ СОТРУДНИЧЕСТВА)

В последнее время в зарубежных СМИ, в том числе и в Израиле, появлялись публикации о специфическом развитии военно-политических отношений между Курдистаном и Израилем. Можно привести «сенсационные» данные о расположении некоторых израильских центров, сотрудничавших с турками не так давно в борьбе против Рабочей партии Курдистана (РПК). Однако проблема «Курдистан – Израиль» более сложна и более глубока, чем, например, только участие сегодня израильских инструкторов в подготовке курдских вооруженных формирований. Конечно, это выглядит очень эффектно с точки зрения журналистов: Израиль пришел в Ирак и что-то там организует против своих реальных или потенциальных врагов или оппонентов. На самом деле, многие вещи выглядят гораздо прозаичнее. Это всего лишь небольшой эпизод, на котором почему-то акцентируется внимание читателей. Зачем это делается – уже другой вопрос, на который может быть несколько ответов, но это тема отдельной статьи.

Прежде, чем подробнее остановиться на этом вопросе, следует сделать несколько предварительных замечаний, которые помогут нам лучше понять непростой вопрос присутствия израильтян в Иракском Курдистане. То, что они там работают, причем работают очень давно, сомнений не вызывает практически ни у кого. Вопрос в том, почему они там, каковы формы их присутствия и какие существуют перспективы сотрудничества между Курдистаном и Израилем.

Отметим, что когда в этой статье речь идет о Курдистане, то следует помнить, что эта территория Ирака именуется курдскими националистами, выступающими за создание единого курдского государства (в перспективе Великого Курдистана), как Южный Курдистан, а израильтянами – как Восточный Курдистан*. Официально же этот район с 1974 г. носит название Курдский автономный район (КАР). Однако реально автономным он стал фактически с 1992 г., после того, как в 1991 г. во время войны в Персидском заливе курды, по инициативе и при поддержке США и ряда стран Западной Европы, подняли вооруженное восстание против центральных властей и объявили фактиче-

* «Восточным Курдистаном» в курдоведении принято именовать Иранский Курдистан (прим. ред.).

ски о создании федерального государства в составе Ирака. Как известно, эта территория находилась под фактической защитой США. Далеко не последнюю роль играл здесь, естественно (хотя и нет на этот счет официальных данных), и Израиль, заинтересованный во вполне определенных переменах в регионе с целью создания благоприятных условий для обеспечения своих военно-политических и экономических интересов. Одним из необходимых шагов в этом направлении Израиль считал изменение политического режима в Ираке, а проще говоря, – свержение режима С.Хусейна. И этого в Тель-Авиве никогда особенно не скрывали. Накануне американского вторжения в Ирак там уже рассматривался вопрос, как поправить свои экономические дела за счет Ирака.

В материале этого периода «Американский «план Маршалла» для Ирака и израильская экономика» читаем: «В последнее время мы слышим тысячи слов о плачевной экономической ситуации в Израиле, и многие аналитики считают, что в будущем будет еще хуже. Некоторые предполагают, что именно на экономической почве уже начался процесс развала правительства Шарона. Однако вполне возможно, что они ошибаются. Если в ближайшем будущем американцы претворят в жизнь свои планы по атаке на Ирак, это может кардинальным образом изменить экономическую ситуацию в Израиле». Тогда же просчитывалась в очередной раз возможность создания новой геополитической ситуации. Ведь когда Ирак будет расчленен, потребуется создавать новую инфраструктуру для этих частей Ирака, обеспечивать «70 тыс. солдат, в основном американских». В этой роли подразумевался многими Израиль как «единственная страна на Ближнем Востоке», у которой есть для этого необходимые технологии и кадры, способные быстро решить эти задачи. Тем более, что американцы на тот момент, как будто уже подсчитали, что в течение первых десяти лет «нового Ирака» они должны будут инвестировать сюда, по крайней мере, 15–20 млрд. долл. Кроме того, по некоторым израильским данным, туркмены и курды тогда уже выразили принципиальное согласие на сотрудничество с Израилем. В планы израильтян создание в Курдистане «системы сотовой телефонии» по аналогии с той, что создана ими в Иордании. К тому же, трубопровод с иракской нефтью также может пройти через израильскую территорию к Средиземному морю. «Если все эти планы будут реализованы, израильская экономика сможет перейти от упадка к росту и расцвету»¹.

В 1996 г. в газете «Московские новости» в разделе «Специально для Израиля» была опубликована большая статья известного российского курдоведа М.С.Лазарева под названием «Курдское национальное движение и Израиль (к вопросу о стратегическом союзе)». Эта статья представляется очень важной для понимания проблемы современных взаимоотношений между курдами и израильтянами. М.С.Лазарев ответственно написал, что «события в Курдистане не только косвенно, но

и прямо затрагивают государственные интересы Израиля, ... борющегося с постоянной угрозой своей внешней и внутренней безопасности». Анализируя развитие арабо-израильского конфликта и курдского движения, автор отметил, что у курдов и израильтян – один общий враг: «агрессивный панарабизм». Для обоих народов угрозу с 60-х годов представляли ультранационалистические «партии арабского социалистического возрождения», пришедшие к власти в Сирии и Ираке. Примечательно, что режимы в этих странах характеризовались автором как «диктаторские режимы откровенно фашистского типа», которые совершенно не случайно проводили одновременно политику геноцида в отношении курдов и «наиболее непримиримый и последовательный антиизраильский курс». На основании изложенного в статье материала, М.С.Лазарев делает интересный вывод: «И курды, и Израиль остро нуждаются в местных и постоянных союзниках, чьи геополитические интересы в регионе в обозримом будущем не могли бы угрожать ни одной из сторон. И найти таких союзников они могут только друг в друге». Отметим, что реальная политика, конечно, оказывается гораздо сложнее. Тем не менее, израильско-курдские отношения давно начали выстраиваться, чему способствовали глобальные перемены, последовавшие после исламской революции в Иране и развала СССР, когда США вступили в полосу острой конфронтации с режимами в Иране и Ираке. Не последнюю роль в этом играет, с нашей точки зрения, еще одно обстоятельство, отмеченное М.С.Лазаревым, – это геополитическое положение территории проживания курдов и наличие там богатых природных ресурсов, в том числе нефти (главным образом в районе Киркука в Иракском Курдистане) и пресной воды. Кроме того, территорию Южного Курдистана «пересекают нефтепроводы, другие важнейшие коммуникации, соединяющие все страны западноазиатского региона, а также верховья и среднее течение его главных рек – Тигра и Евфрата»².

Конечно, не все курды интересны Израилю и США с точки зрения оказания им поддержки. Например, даже элементарные требования курдов в Турции (где живет половина всех курдов)³, члена НАТО, не то, что не поддерживались этими странами, а, напротив, они поддерживали турецкое руководство, отказывавшее курдам даже в том, чтобы признать их как отдельный народ. Наилучшим подтверждением этого является операция 16 февраля 1999 г. в столице Кении Найроби по аресту (больше похожим на похищение) и переправке в Турцию Абдуллы Оджалана, лидера Рабочей партии Курдистана (РПК). Той самой партии, которая, по справедливому замечанию М.С.Лазарева, много делала «для распространения сведений о курдах и их борьбе во всем мире». Конечно, формально этого курдского лидера выдавало посольство Греции, нарушив существовавшие договоренности.

Однако в этом принимали участие разные силы, в числе которых был и Израиль, хотя официально он и отрицает свою причастность к

аресту А.Оджалана. Более того, через день после ареста курдского лидера в столице Израиля была организована интересная манифестация. В Тель-Авиве у посольства Турции прошла демонстрация в знак протеста против ареста А.Оджалана. СМИ при этом сообщили, что ее участники – представители левых организаций Израиля – пикетировали посольство под лозунгами «освободить Оджалана, прекратить преследования курдов в Турции»⁴.

Чтобы быть более точным, надо прямо сказать, что от Оджалана предварительно отвернулось российское руководство, ранее его поддерживавшее. Выражаясь проще, оно его просто предало. Отметим попутно, что Оджалана, как известно, обвиняют во многих преступлениях. Однако мало кто в СМИ (особенно в России!) говорит о зверствах турок по отношению к курдским повстанцам. В нашем же распоряжении есть просто шокирующие фотодокументы о зверствах турецких спецназовцев, сравнимых только с действиями фашистских карателей-сидистов. Однако интересно то, что сами иракские курды активно боролись с Оджаланом во имя интересов курдского народа, сотрудничая при этом с теми силами, кто был в этом заинтересован. Не исключено, что в этом списке был и Израиль. Несмотря на то, что ряд достойных доверия источников настаивает на наличии таких контактов, документальные подтверждения этого пока не обнаружены.

С устранением Оджалана, занимавшего резко антиамериканскую и антиизраильскую позиции, остались только два курдских лидера – М.Барзани и Д.Талабани. Оба из Ирака. Оба склонные к сотрудничеству с США и Израилем, заинтересованных в устранении режима С.Хусейна. Вполне естественно потому, что именно на них и была сделана ставка при организации «вторжения» (термин взят из американского источника) в Ирак. После свержения режима С.Хусейна Иракский Курдистан превратился уже в своеобразное государство, располагающее собственной законодательной и исполнительной властью (президент – Масуд Барзани), администрацией, флагом, гимном, армией и даже валютой. Несмотря на то, что курдская валюта является пока скорее символом, чем веским платежным средством, тем не менее, ее наличие свидетельствует о том, что курдские лидеры не намерены возвращаться к прежнему государственному устройству Ирака. (Интересная параллель – в Нагорном Карабахе также есть своя валюта, но в ходу армянские драмы.) Как известно, в январе 2005 г. два миллиона курдов участвовали в референдуме о независимости, проведенном одновременно со всеобщими выборами, и 98% из них проголосовали за независимость. Несмотря на то, что это официальные данные курдской администрации, трудно не согласиться хотя бы с тем, что большинство курдов действительно настроены именно так.

Более того, весной 2004 г. в Иракский Курдистан были доставлены напечатанные в Швейцарии курдские динары с соответствующей

символикой. Курдские власти тогда даже не исключали возможности, что в новых условиях Ирака они будут пущены в обращение вместо иракских динаров. Однако по сведениям египетского информационного агентства МЕНА, полученным из курдского источника, США не разрешили курдам вводить новую валюту. И эта партия динаров осталась тогда храниться в центральном банке г. Эрбиль⁵.

Что касается флага, то с 1992 г. на территории Курдистана иракский государственный флаг вообще запрещен. Более того, Джалал Талабани, фактически назначенный США президентом Ирака, потребовал от парламента, чтобы на иракском государственном флаге, если он не будет заменен полностью, было изображено и «Солнце Курдистана» или какой-нибудь другой символ из числа предложенных курдскими националистами. (Кстати, ранее предлагался в качестве альтернативы и бело-голубой флаг для нового Ирака, несколько напоминающий флаг Израиля). При этом курды пригрозили, что в случае отказа удовлетворить их требования, они откажутся поднимать государственный флаг над правительственными зданиями в контролируемой ими части страны. Так, собственно говоря, это и происходит. Кроме этого, по данным бахрейнской газеты «Ахбар аль-Халидж», курдские националистические партии президентов Дж.Талабани и М.Барзани в одностороннем порядке заменили название страны «Республика Ирак» на «Федеративная Республика Ирак», и это новое название теперь используется в официальных документах на всей территории, контролируемой курдами. И что совсем интересно, по словам Хаида Эффенди, «министра по делам пешмерга» (курдского ополчения), в соответствии с соглашением, заключенным между курдами и шиитами, боевики пешмерга войдут в состав марионеточной «иракской армии», причем они составят не менее 33% ее личного состава. Представитель курдов также подчеркнул, что название «пешмерга» сохранится за курдскими боевиками и после того, как они станут частью «иракской армии». Реально же, армии как таковой в Ираке нет. Есть отдельные курдские и отдельные шиитские арабские военные формирования, а также незначительная часть суннитов. Причем все три силы с подозрением относятся друг к другу. Очень трудно представить, что в сложившихся обстоятельствах может быть вообще создана единая иракская армия. Похоже, что это понимают все. И, конечно, не могут этого не видеть и израильтяне. Это замечание здесь чрезвычайно важно именно в контексте проблемы «Курдистан-Израиль». Ниже будет видно, что из этого последовало.

Очень примечательно, с точки зрения видения курдов своего будущего, еще одно недавнее историческое событие. Летом 2005 г. Джалал Талабани, президент Ирака, присутствовал на церемонии инаугурации новых парламентариев Национальной ассамблеи Курдистана в Эрбиле. Иностранцам наблюдателям бросилось в глаза, что флаг Ирака – страны, которую возглавляет Талабани, – отсутствовал в зале, где проводилась церемония.

Энн Бодине, глава Американского офиса в Киркуке, выступила на церемонии, поздравив вновь избранных парламентариев и подтвердив американские обязательства Ираку, который она назвала «демократическим, федеративным, плюралистичным и единым». Этого явно не имели ввиду в Эрбиле. В своей присяге парламентарии клялись в верности единству Курдистана. При этом об Ираке не было даже упоминания! Очень интересно, что, по мнению американского советника М.Барзани Питера У.Гэлбрейта, на этой церемонии присутствовал глава иранской разведывательной службы в Эрбиле, человека, который известен курдам как Ага Панайи (Agha Panayi). Его выступление было самым коротким. Глядя прямо на г-жу Бодине, он сказал: «Это великий день. Во всем Ираке люди, которых мы поддерживали, пришли к власти». Он только не добавил: «Спасибо вам, Джордж Буш». Но эти произнесенные слова, пишет П.Гэлбрейт, были всем понятны⁶. Это к вопросу о сотрудничестве курдов с израильянами, которые формально на церемониях такого рода не присутствуют.

В настоящее время в Ираке сложилась такая ситуация, когда лидеры двух основных курдских партий – Демократической партии Курдистана (ДПК) и Патриотического союза Курдистана (ПСК) – стали президентами и в этом качестве формально руководят всей территорией Ирака. При этом они опираются, естественно, прежде всего, на собственные вооруженные формирования и на американские войска, без всесторонней поддержки которых они существовать просто не могут. Своеобразную поддержку курдским лидерам оказывают и иранцы, которые ведут в Ираке очень сложную игру (о чем будет говориться ниже), а также руководство Лиги арабских государств (ЛАГ).

Очень интересно, что в конце октября 2005 г. генеральный секретарь ЛАГ Амр Муса посетил именно Иракский Курдистан. В ходе визита он заявил, что «Создание свободного, независимого и федеративного Ирака станет вехой в политическом развитии региона». Правда, поддержка в данном случае выражалась именно в признании необходимости переустройства Ирака на федеративный лад. Понятно, что в большей степени лидера ЛАГ беспокоила перспектива сохранения стабильности в этой стране. Не случайно Амр Муса определил свой визит в Иракский Курдистан как важный этап в развитии отношений Южного Курдистана с ЛАГ и подчеркнул, что Иракский Курдистан – это «важная часть не только Ирака, но и арабского мира, Ближнего Востока и мира в целом». Более того, он выразил надежду, что Ирак станет «стабильным государством, основывающимся на мире и мирном сосуществовании его детей», что новый Ирак «должен основываться на культуре братских отношений между иракцами, которые должны ощущать принадлежность к своей стране» и т.п. Затем Амр Муса отправился из Эрбиля в Сулейманию на встречу с Джалалом Талабани, который выразил поддержку примирительной миссии Амра Мусы в Ираке и его «видению ситуации и его идеям»⁷.

Как видно, ситуация складывается очень непростая. Курды впервые оказались формально у власти в Ираке, что вызывает самые противоречивые чувства у их соседей, прекрасно отдающих себе отчет как об их нынешней политической ориентации на США, так и о действительном демократизме их лидеров, которые долгое время периодически воевали друг с другом. К слову сказать, в начале декабря 2005 г., как сообщил катарский телеканал «Аль-Джазира», между двумя курдскими иракскими партиями произошел конфликт, приведший к жертвам. Группа сторонников ДПК окружила штаб-квартиру партии Исламский союз Курдистана (ИСК) в городе Дохук на севере Ирака, ворвалась в здание, учинила погром и подожгла его. Такие же нападения на офисы ИСК произошли и в других населенных пунктах Иракского Курдистана, большинство населения которого – курды. Нападение некоторыми наблюдателями связывается с решением ИСК идти на парламентские выборы 15 декабря 2005 г., самостоятельно, а не в составе «Коалиции Курдистана», куда входили ДПК и ПСК. Такой поступок якобы ослабляет эту коалицию и снижает шансы курдов на успех на предстоящих выборах⁸.

Конечно, это не так, поскольку курдским лидерам лучше многих других известно, как проводятся выборы в Ираке, и как принимаются решения по их итогам – путем соответствующих переговоров и договоров между заинтересованными сторонами. Так что в этом случае причины конфликта надо искать, видимо, именно в том, что ИСК начала пользоваться все большей популярностью среди курдов, разочаровывающихся в своем новом покровителе – США. Надо отметить, что новые курдские власти, по наблюдениям западных исследователей, проводят достаточно жесткую внутреннюю политику. Они изгоняют арабов и представителей других народов из Иракского Курдистана на том основании, что ранее эти территории принадлежали исключительно курдам, которые были переселены при Саддаме в другие районы Ирака (случаев изгнания курдов из арабского Багдада на территорию Иракского Курдистана в нашем распоряжении нет, это вполне возможно). Своеобразно они понимают и демократию – как возможность и право говорить только то, что одобряют лидеры на местах. Люди опасаются критически высказываться в адрес новых властей. Сложившуюся ситуацию сравнивают даже с временами Саддама, когда критика президента могла привести к очень неприятным последствиям для обличителя.

Еще один важный вопрос, который необходимо учитывать при последующем анализе позиции Израиля в регионе и в Южном Курдистане, в частности, заключается в том, что реальная власть в самом Ираке оказалась в руках двух шиитских религиозных партий: Высшего совета исламской революции в Ираке (ВСИРИ) Абдель Азиза Хакима и Даава («Призыв») нынешнего премьер-министра Ибрагима Джаафари. Из этих двух партий более проиранской является ВСИРИ. У обеих

партий есть военные организации, и корпус Бадр ВСИРИ существенно вырос с предвоенной численности в пять тысяч бойцов, которые действовали против саддамовского режима с иранской территории в течение нескольких десятилетий. Сейчас бригады Бадр тесно сотрудничают с министром внутренних дел из числа шиитов, который ранее был командующим этим корпусом.

Особые отношения у иракских курдов сложились с иранцами. Этот аспект также важен для понимания позиции Израиля в Иракском Курдистане. Выше упоминалось, что американцам в Эрбиле показали человека, который является сотрудником иранской разведки. Можно допустить, что это не совсем так. Тем не менее, его радость, по поводу того, что в Ираке пришли к власти «люди, которых мы поддерживали», почти дословно были повторены позже. Это было в Иране во время визита в Исламскую республику Иран (ИРИ) Джалала Талабани в качестве президента Республики Ирак в ноябре 2005 г. Зачем и почему приезжал Талабани в ИРИ? Отметим только одно – его пригласил президент ИРИ для того, чтобы напомнить – своим нынешним положением он обязан не только США, но и Ирану. И чтобы тот лучше все понял, ему на всякий случай показали военный парад, заодно и продемонстрировав формальное уважение к иракскому лидеру, реальную цену которому иранцы не только знают, но которого намерены, разумеется, использовать в своих целях. К вопросу курдско-израильских отношений это имеет самое непосредственное отношение, поскольку то же самое пытаются делать и израильтяне по неофициальным каналам, которые никогда не закрывались, хотя и работали с разной интенсивностью (в зависимости от ситуации).

Связи курдов с Израилем имеют давнюю историю. Эта историческая связь призвана быть не просто реанимированной, но ее предполагается модернизировать и сделать активным элементом израильского присутствия в Иракском Курдистане. На территории современного Ирака евреи жили с библейских времен, начиная с так называемого вавилонского плена (VI в. до н.э.), в основном в Иракском Курдистане, главным образом в районе городов Киркук, Мосул, Сулеймания, Эрбиль. Интересно, что с середины XVI в. у евреев Курдистана и близлежащих областей пользовались известностью раввины из семейств Баразани, поскольку раввин и каббалист Шмуэль бен Нетанэль ха-Леви Баразани (1560–1630?) был духовным главой курдских евреев. Жизнь курдских евреев была достаточно сложной, поскольку они испытывали притеснения со стороны различных сил, в том числе и от самих курдов. Например, в 1832 г. при разрушении Ревандуза Амадии-агой из тысячи еврейских семей в городе осталось около 250, остальные бежали; в 1913 г. еврейская община Нирвы была рассеяна при захвате этого населенного пункта шейхом Барзани и т.д. Все это влияло, конечно, на экономическое положение курдских евреев, многие из которых жили в нищете. Неустойчивое экономическое и поли-

тическое положение курдских евреев также приводило к их миграции из деревень в селения, а оттуда в большие города (например, в Багдад, где они занимались мелкой торговлей и неквалифицированным трудом), и даже к эмиграции в Эрец-Исраэль (где они стали называться «арамейскими евреями»), на Кавказ, в Афганистан. Этот факт отмечен также не случайно, поскольку он помогает понять вероятные перспективы использования возможностей этой этнической группы.

В Израиль, а точнее на территорию Палестины, называвшуюся Эрец-Исраэль, эти евреи начали переезжать еще в начале XVI в. В начале XX в. в Иерусалиме (в районе нынешнего рынка Махане-Иехуда) обосновалась община курдских евреев со своей синагогой (построена в 1908 г.). Они занимались преимущественно физическим трудом; и поныне их число среди грузчиков в Иерусалиме значительно. После убийства в 1912 г. в Иракском Курдистане 12 евреев алия курдских евреев усилилась. К 1916 г. в Эрец-Исраэль курдских евреев насчитывалось 8560 человек. В 1920–26 гг. в Эрец-Исраэль поселились 1,9 тыс. курдских евреев. Антисионистская пропаганда в Ираке в конце 1920-х – начале 1930-х годов усилила новую волну репатриации. В 1935 г. в страну прибыли 2,5 тыс. курдских евреев. В том же году часть их основала мошав Элрой (назван в честь Д.Алрой; ныне в пределах Кирьят-Тив'она). Нелегальная алия курдских евреев продолжалась и позднее.

К 50-м годам прошлого века в Ираке проживали 130–150 тыс. курдских евреев, которые на тот момент времени были востребованы программой создания государства Израиль. Для увеличения численности населения Израиля была спланирована и успешно проведена в 1950–51 гг. сложная операция под названием «Эзра и Нехемия» по переселению в эту страну огромного числа курдских евреев. Почти в полном составе (около 120 тыс. человек) они были перевезены на «историческую родину». Они поселились в основном в Иерусалиме и его округе. В те же годы из двенадцати тысяч курдских евреев, проживавших в 15 общинах Ирана (наиболее крупные – в городах Сенендедж, 4 тыс. человек, и Саккыз, 1,3 тыс. человек), 8 тыс. выехали в Израиль. В их числе, видимо, была некоторая часть курдских евреев, покинувших Грузию в середине 30-х годов, когда советское правительство потребовало от жителей с иностранными паспортами либо принять советское гражданство, либо выехать из страны. В 1951 г. оставшиеся в Тбилиси курдские евреи (*лахлухи*) были депортированы в Сибирь и Восточный Казахстан как «бывшие иранские подданные».

Израильтяне никогда не намеревались вывозить всех евреев из Ирака и Курдистана. Они оставили там своих людей, обеспечивавших их хотя бы какой-то информацией о ситуации в регионе. Интересно, что якобы «последний еврей-беженец» (вымышленное имя Джекоб, 55 лет) выехал из Багдада только в марте 2003 г. накануне американских бомбардировок Багдада. Причем, с большими мерами секретно-

сти его поселили почему-то в какой-то европейской стране. Видимо, это очень важная персона, т.к. Общество помощи еврейским иммигрантам (HIAS) сразу же стало добиваться предоставления Джекобу специального статуса через Верховный комиссариат ООН по делам беженцев. Примечательно, что этот еврей работал в одном из государственных учреждений и незадолго до бегства из Ирака вышел на пенсию. По данным Еврейского комитета по распределению (JDC) во всем Ираке оставалось еще 35 евреев, которым, якобы, был запрещен выезд из страны, что представить себе достаточно сложно в условиях арабской действительности. К тому же, по данным некоторых СМИ, иракское правительство выделяло средства, например, на содержание еврейских кладбищ. С.Хусейн даже оплатил реставрацию синагоги и прислал туда вооруженную охрану после того, как палестинский террорист убил двух евреев и двух мусульман накануне Суккота в октябре 1998 года. Может быть, все-таки некоторые евреи оставались в Ираке по доброй воле, поскольку Ирак является, с точки зрения представителя HIAS, «колыбелью еврейской цивилизации». Представитель этой организации так и сказал: «Горькая ирония заключается в том, что эта территория – колыбель еврейской цивилизации, отсюда все начиналось»⁹. Очень интересная точка зрения. Если она имеет распространение в Израиле, тогда это можно рассматривать и как элемент не просто теоретического обоснования присутствия Израиля в Ираке, но также и как исторического права евреев на территорию или часть территории современного Ирака.

И сделать теперь это можно, например, через курдов, которых не так давно в Израиле признали генетически близкими к евреям. В преддверии подготовки к американскому вторжению в Ирак, в 2001 г., были опубликованы результаты исследований профессора Ариеллы Оппенгеймер из Еврейского университета в Иерусалиме, утверждавшие, что курды наиболее похожи на еврейский народ генетически. «Мы были поражены, когда узнали, что между евреем и курдом имеются больше генетической общности, чем между евреем и его арабским соседом», – сказала Ариелла Оппенгеймер¹⁰. Именно такие результаты генетических исследований чрезвычайно важны для привлечения на свою сторону курдов, заинтересованных в развитии отношений с Израилем. Более того, подобные открытия призваны также разрушить иранскую позицию в отношении курдов, в соответствии с которой курды относятся к иранской этноязыковой группе и рассматриваются как естественные союзники персов. Пока иранский ответ неизвестен, но явно, что он весьма критический. И теперь становится еще более ясно, почему в последние годы в ИРИ стали придавать большое значение современным исследованиям в области генетики с привлечением иностранных специалистов, в том числе и из России.

Ориентация Израиля на курдов, конечно, вполне понятна. Иных союзников, кроме турок, у него здесь просто пока нет и быть не мо-

жет. Конкурентов же и врагов гораздо больше. Курдские же евреи давно обосновались в Израиле и, конечно, маловероятно, что кто-нибудь из них сегодня захочет вернуться в Иракский Курдистан, на родину предков.

С курдами израильтяне работали давно. Иракским курдам, например, Израиль оказывал помощь еще в 70-е годы XX в. в их борьбе с Багдадом. 35 лет назад Израиль, наряду с проамериканским шахским режимом Ирана, принимал участие в создании курдского разведывательного агентства «Парастин», которое использовалось для дестабилизации багдадского режима.

После вторжения американцев в Ирак в 2003 г. курдов стали все чаще обвинять в сотрудничестве с Израилем. Хотя такого рода обвинения формально должны быть лишены оснований. Ведь сотрудничают же с Израилем другие страны мира, в том числе и мусульманские.

Стремление курдов к развитию отношений со всеми странами мира вполне естественно, и никто не может лишить их этого права. Правда, при условии, что курды выступают в данном случае от имени самостоятельного государственного образования. Таковым, похоже, и становится Курдский автономный район Ирака (КАР). По крайней мере, таковым его хотят видеть курдские лидеры, которым американцы этого делать пока не позволяют. Эти лидеры стараются придерживаться собственного политического курса, отвечающего интересам, как они считают, всего курдского народа. Ради этого они идут на любые союзы с теми силами, от которых возможно получение реальной помощи в деле реализации курдской мечты – создания самостоятельного независимого государства. В качестве одной из таких влиятельных сил курды давно рассматривают государство Израиль. Они рассчитывают, и не без основания, на поддержку не только государственных структур Израиля, но и тех 100 тыс. курдских евреев этой страны, которые ранее проживали на территории Иракского Курдистана.

Сотрудничество между Израилем и КАР осуществляется на самом высоком уровне. В 2004 г. израильская газета «Haaretz newspaper» сообщила, что израильские официальные лица встречались с М.Барзани и Дж.Талабани, а премьер-министр Израиля Ариэль Шарон подтвердил наличие хороших отношений с иракскими курдами¹¹.

Хашави Бабакур, представитель Демократической партии Курдистана в странах СНГ, полагает, что между курдами и израильтянами «наблюдается явное совпадение интересов, и оба народа являются естественными союзниками». «К сожалению, – замечает он, – факторы тактического плана не давали до сих пор полноценно реализовываться потенциальным, заложенным в курдско-израильских отношениях»¹². К факторам «тактического плана» он относит географическую специфику проживания курдов среди арабов и персов, и ориентацию израильской политической элиты на союз с Турцией. Общественное мнение народов, среди которых проживают курды, было бы недо-

вольно открытым сотрудничеством курдских движений с Израилем, а Израиль, со своей стороны, дорожит своими отношениями с Турцией, на территории которой проживает большинство курдского населения региона. Правда, интересы Турции израильтяне учитывают только тогда, когда нельзя этого не делать. В противном случае, они активизируют свое присутствие в Иракском Курдистане в нужное для них время и в тех районах, которые представляют для них интерес в данный момент, пусть даже турецкие власти проявляют недовольство и заявляют протесты, как это уже случалось неоднократно. Израильтяне при этом мало интересуют и мнение США, которые, кстати говоря, прекрасно знают о деятельности Израиля и не намерены препятствовать ему преследовать свои национальные интересы. В том числе и на территории соседних мусульманских стран, откуда ему могут грозить исламские радикалы, выступающие как за возвращение палестинцев на свои земли, так и просто за ликвидацию Израиля как «сионистского образования».

Сотрудничество курдов с Израилем, как говорилось, очень болезненно воспринимается арабами и иранцами. Их беспокоит даже не сам по себе факт наличия у курдов отношений с израильским государством. Многие мусульманские государства сотрудничают с этой страной или ее представителями. Интересно отметить в этой связи, что руководство ИРИ в 1999 г. достаточно жестко подавило выступления курдов в Иракском Курдистане, организованные в связи с арестом лидера РПК А.Оджалана, который (арест) рассматривался выступавшими как результат «турецко-израильского заговора», что, конечно, не совсем так.

Проблема не в самом сотрудничестве, а в том, какого рода это сотрудничество и какие цели оно преследует. В настоящее время отсутствуют сведения о культурном или прямом торгово-экономическом сотрудничестве КАР и Израиля. Ничего не известно и о планах такого рода сотрудничества, хотя определенные предпосылки для этого существуют. В то же время появляется информация о военно-диверсионном и информационном сотрудничестве израильтян с курдами. Иракские курды отвергают такого рода обвинения. Однако, по сведениям американского «The New Yorker magazine», израильская разведка активно действует в курдских районах Ирана, Сирии и Ирака, проводя секретные операции, которые могут дестабилизировать весь этот регион¹³. Израильские оперативники, как указывалось, работают в Иракском Курдистане, создавая и обучая курдские отряды специального назначения и проникая с помощью курдов в Сирию и Иран. Агенты «Моссада», выступают в роли бизнесменов, и работают без израильских паспортов¹⁴. Израильские коммандос в сопровождении курдов проникают в Иран для установления сверхчувствительной аппаратуры по слежению за иранскими ядерными объектами. Поддерживая союз с курдами, Израиль получает глаза и уши в Иране,

Ираке и Сирии. Кроме того, Израиль очень серьезно готовит курдский спецназ к выполнению той задачи, которую не смогли осуществить американские коммандос – проникать в ряды исламской оппозиции в Ираке, собирать разведданные и ликвидировать главарей суннитских и шиитских «мятежников» в Ираке. Израиль намерен также использовать курдские отряды «пешмерга», насчитывающие до 75 тыс. человек, как силу, способную противостоять как светской, так и исламской оппозиции в Ираке. То, что Израиль делает с курдами, отмечают американские аналитики, «вовсе не так уж неприемлемо для администрации Буша».

1 декабря 2005 г. в израильской газете «Yedioth Ahronoth» появился материал, свидетельствующий о том, что израильский спецназ тайно обучает иракских курдов «борьбе с терроризмом», что фактически лишь подтвердило ранее опубликованную информацию о подготовке спецподразделений курдов израильтянами. Этим уже давно нельзя никого было удивить, хотя СМИ почему-то подхватили именно эту информацию. В этом издании указывается даже, что специалисты из Израиля с опытом службы в элитных военных частях организовали в пустынной части Иракского Курдистана крупный тренировочный лагерь, где проходят обучение местные «спецназовцы». Раскрывается даже такой «секрет», что «сотрудничество в оборонной сфере держится в тайне, и израильские инструкторы проникают в Ирак через границу с Турцией под видом специалистов по сельскому хозяйству или инженеров-строителей». Хотя гораздо больший интерес представляет то, что израильские компании, по соглашению с курдским руководством, работают на севере Ирака, не только активно участвуя в подготовке и оснащении курдских сил безопасности, но и в строительстве международного аэропорта в городе Эрбиль, а это очень большие деньги. Тем более что этот аэропорт рассматривается курдами как очередной шаг к обретению независимости. Кроме того, в курдские районы Ирака поставляются тонны оборудования военного и полувоенного назначения: системы модернизации автоматического оружия, бронежилеты, средства связи, транспорт и даже служебные собаки. И все это тоже небесплатно! А другими словами, Израиль, как говорилось, уж давно начал поправлять свои финансово-экономические дела за счет Ирака, продавая сюда как свои товары, так и собственно иракские (перешедшие к нему после свержения Саддама). В числе компаний-поставщиков называются Motorola Israel и Magalcom Communications and Computers, суммы контрактов составляют уже сотни миллионов долларов. По сведениям «Yedioth Ahronoth», с курдским руководством сотрудничает некая израильская компания, основанная бывшим шефом израильской разведки «Моссад» Дани Ятомом, который позже продал свои акции в связи с избранием в Кнессет. Важно, однако, не то, кто основал эту компанию, а то, что эта компания оказывает консультации по стратегическим вопросам в сфере экономики и безопасности, что опять же сто-

ит очень больших денег! Правда, почему-то в качестве комментария приводится только мнение министерства обороны Израиля, в соответствии с которым подобного рода деятельность, если она действительно имеет место, не санкционирована израильскими властями и носит сугубо частный характер. «Мы не давали разрешения израильтянам работать в Ираке, и вся эта деятельность, если она действительно имеет место, является частной инициативой, на которую мы не давали разрешения, и ответственность за это лежит на самих работниках и их работодателях», – говорится в заявлении израильского оборонного ведомства¹⁵.

Конечно, израильтяне идут на риск, работая в Ираке и Иракском Курдистане, в частности. Тем более, что не все курды, естественно, поддерживают идею тесного курдско-израильского сотрудничества. Прежде всего, это относится к исламски ориентированным курдам, которые хотя и составляют небольшой процент от общего числа курдского населения, но, тем не менее, имеют свою аудиторию и располагают собственными информационными структурами. Работа израильтян в Иракском Курдистане не обходится без потерь. В марте 2004 г. появились сведения об убийстве шестерых агентов «Моссда» в Киркуке (северный Ирак), к которому, возможно, причастны боевики экстремистской исламской курдской организации «Ансар аль-ислам»¹⁶, «уничтоженной», согласно официальным данным новых иракских властей, еще в 2003 г.

Среди курдов существует сильное течение, которое полагает, что курдскому национальному движению политический ислам, одним из проявлений которого является «Ансар аль-ислам», не просто угрожает, но смертельно опасен. И они готовы предоставить все свои силы для борьбы с этим явлением своим израильским партнерам, поскольку, как пишет Горан Новицки в статье «Курды как опора безопасности», «во всем регионе только курды и Израиль борются с политическим исламом, угрожающим самому их существованию». Представители этого направления в курдском движении считают, что курдские районы могут выполнять функцию буферной зоны, препятствующей распространению радикального иранского ислама шиитского толка, который этим курдам особенно ненавистен. Причем, они надеются, что эта зона будет расширена с помощью внешних сил и предоставит доступ к водным транспортным путям. «Курдистан, – пишет «Курдистан обсервер», – может стать необходимым и превратиться в якорь для корабля американской политики в регионе, если курдская территория в послевоенном Ираке получит доступ к международному водному пути и Персидскому заливу. Это – ход, который поможет США не потерять своих позиций в послевоенном Ираке и использовать его как плацдарм для продвижения в Армению и, в конечном счете, в Иран, если усиливающийся союз между Турцией и Ираном станет неразрывным»¹⁷.

Если американцы пока не проявили должного внимания к этой инициативе, то израильтяне, похоже, такую перспективу не исключают, учитывая то обстоятельство, что процесс глобального переустройства мира только набирает обороты. Основные политические силы курдов, будут неуклонно стремиться к дальнейшему развитию отношений с Израилем, который, как заявил бывший замминистра иностранных дел Израиля Алон Лиель в интервью турецкому еженедельнику «Радикал», будет приветствовать создание курдского независимого государства в случае распада Ирака, поскольку это соответствует израильским национальным интересам. «Израиль, – заявил он, – хочет видеть демократический, единый Ирак. Однако если невозможность этого окажется доказанной, то, по крайней мере, часть страны должна быть демократической, по всей видимости, это будет курдский регион. Демократическая курдская администрация была бы политической ближе к Турции, чем любая другая страна в регионе»¹⁸.

Позиция вполне реалистичная. Особенно, если учесть специфические демократические традиции турецкой администрации (особенно по отношению к курдам!) и нынешней курдской. Тем не менее, нынешние курдские лидеры действительно и с турками дружить будут, если им будет обещана реальная поддержка. Тем более, что такие контакты существуют уже давно. Об иранцах уже нечего и говорить, поскольку история их отношений с курдскими лидерами имеет давнюю традицию, что уже отмечалось выше. И израильтян, конечно, очень беспокоит именно усиление иранского присутствия в Ираке как очень сильного регионального конкурента, с интересами которого стали считаться даже США.

Похуже, Израиль намерен укрепиться в Иракском Курдистане всерьез и надолго, используя стремление курдов к созданию независимого государства и неприятие ими контроля со стороны арабов и иранцев, которые не намерены отказываться от своих интересов в регионе. В том числе и в Южном Курдистане. Ситуация складывается очень непростая, поскольку трудно предположить, как долго курды будут воспринимать сотрудничество с Израилем как благо для себя.

¹ «Американский «план Маршалла» для Ирака и израильская экономика», http://evrey.com/sitep/analysis/print_arkh.php?menu=08-02/4

² М.С.Лазарев, «Курдское национальное движение и Израиль (к вопросу о стратегическом союзе)», «Московские новости», 07.02.1996.

³ Там же.

⁴ РИА Новости, 18 февраля 1999.

⁵ http://pda.finiz.ru/cfin/tmpl-print/id_art-819665

⁶ Ирак: исламская республика президента Буша, <http://www.ezdixane.ru/content/view/521/2/>

⁷ KUNA 23.10. 2005, <http://www.dostani.com/content/view/98/11/>

⁸ РИА Новости, 6.12.2005.

⁹ Jerusalem Post, 10.04.03.

¹⁰ Wissenschaftler: Juden und Kurden genetisch am ähnlichsten, <http://www.israelnetz.de/show.sxp/227.html?sxpident=4130227-zF-b-OWN--c-2377792CWWKk-5214801>

¹¹ Рошан Мухаммад Салим, Иракские курды идут по политическому канату, 3 ноября 2004, <http://www.kurdistan.ru/05.11.04-1.htm>

¹² Курдский вопрос на рубеже тысячелетий, м., 2004, с. 41–42.

¹³ <http://www.kurdistan.ru/05.11.04-1.htm>

¹⁴ <http://www.konflikt.ru/index.php?top>

¹⁵ <http://news.extra.by/view/world/75845/>

¹⁶ MIGnews.com 20.03.04.

¹⁷ www.Kurdistan.ru, <http://www.kurdistanobserver.com> 13/04/2003

¹⁸ <http://www.kurdistan.ru/iz.htm>

Н.В.Степанова

ЮЖНЫЙ КУРДИСТАН И РАЗВИТИЕ ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА В ИРАКЕ

Ирак, одна из ключевых стран Ближнего Востока, с ее неуклонно возрастающей геостратегической, геополитической и геоэкономической значимостью, переживает сегодня один из наиболее драматичных периодов своей и без того «богатой» многочисленными кризисами и потрясениями истории в новейшее время. Неконтролируемая эскалация насилия, ежедневные кровавые теракты, рост числа жертв среди мирного населения, похищения и убийства в стране иностранцев – журналистов, дипломатов, бизнесменов – таков фон, на котором оккупирующие с 20 марта 2003 г. страну Многонациональные силы (МНС), основу которых составляет армия США, пытаются проводить в жизнь провозглашенную ими цель – превратить постсаддамовский Ирак в демократическое, процветающее, миролюбивое государство, где все его граждане, независимо от этнической, конфессиональной или иной принадлежности, будут жить по законам равенства, справедливости, правовой защищенности. Задача, можно прямо сказать, трудно реализуемая по многим причинам: сам факт ее выдвижения есть свидетельство, в лучшем случае, недопонимания, а, скорее, полного игнорирования разрабатываемыми подобными программы американскими политиками специфики восточного общества как такового, в котором «не работают» демократические ценности Запада. Но к тому же каждая из намеченных американской администрацией к реформированию по западному образцу восточная страна имеет много своеобразных, подчас уникальных черт, без учета которых вряд ли можно ожидать позитивного результата от прилагаемых в этом плане усилий. Ирак – наглядный тому пример.

Специфика этой страны – в становлении ее государственности. Образованное в начале 20-х годов XX в., иракское государство вошло в свою орбиту три разнородные составляющие: Север, часть разделенного державами между Ираном, Турцией, Сирией и Ираком обширного района Курдистана, населенный преимущественно курдами; Юг с преобладанием арабов-шиитов и Центр, в котором основную часть населения составляют арабы-сунниты, в чьих руках со времен Арабского халифата и вплоть до марта 2003 г. находилась власть. Последовательно сменявшиеся в XX в. британский мандатный, независимый монархический и республиканский режимы, в силу действия

множества факторов внутреннего и внешнего характера, так и не сумели превратить Ирак в единое, прочно интегрированное целое. Неотъемлемыми слагаемыми политического развития Ирака в новейшее время были постоянно обострявшиеся курдский национальный и шиитский – религиозный на поверхности, но социально-политический по сути – вопросы.

Война, начатая США в Ираке весной 2003 г., спровоцировала неожиданные для американских инициаторов демократизации этой страны по своей силе процессы. Потенциально богатейшая страна с огромными ресурсами и многочисленным, по ближневосточным меркам, населением в одночасье оказалась в руинах. Иностранное вторжение стало толчком, вызвавшим сильнейший исторический кризис, назревавший в иракском обществе с момента появления Ирака в его современных границах.

Готовясь к военной акции, американские стратеги рассчитывали на поддержку иракских курдов, с которыми у них в 90-е годы в силу ряда обстоятельств сложились довольно тесные отношения.

Курды Ирака в процессе вековой борьбы за свои национальные права накопили богатый политический, военный и организационный опыт. Здесь действует одна из старейших (создана в 1946 г.) и влиятельных курдских организаций – Демократическая партия Курдистана (ДПК), возглавляемая сегодня Масудом Барзани – сыном выдающегося политического деятеля, общепризнанного героя иракских и иранских курдов Мустафы Барзани, более 40 лет возглавлявшего национальную борьбу курдского народа. Другим видным политическим лидером иракских курдов является Джалал Талабани, стоящий во главе созданного им в 1975 г. Патриотического союза Курдистана (ПСК).

Курды Ирака с 40-х годов XX в. борьбу против реакционных режимов страны вели под лозунгом «Демократия Ираку, автономия курдам», подчеркивавшим их стремление не отделяться, а добиться автономных прав в пределах иракского государства. Этот лозунг был использован баасистами, деклариовавшими в 1970 г. право курдов на автономию, а в 1974 г. закрепившими его законодательно, образовав Курдский Автономный Район (КАР). Это была автономия по баасистски, устанавливавшая полный контроль багдадского режима за происходящими в Курдистане процессами и подчинявшая развитие района интересам центра, что было неприемлемо для курдов.

Продолжение борьбы за осуществление полномасштабных автономных прав обернулось для курдов Ирака в последующие годы величайшей трагедией, массовыми репрессиями со стороны центральной власти, усилением начатой ранее депортации курдов в южные районы страны, созданием так называемого арабского пояса в пограничной зоне с Турцией и Ираном, что сопровождалось глубоким экономическим кризисом и огромными потерями среди курдского населения.

Преступные действия режима С.Хусейна на рубеже 80–90-х годов, унесшие жизни более 100 тыс. курдов и стершие с лица земли 4 тыс. деревень, дискредитировали идею автономии. Необходимо было вырабатывать иную формулу воплощения курдского национального суверенитета.

Ускорили выдвижение идеи будущего политического устройства КАР события, связанные с кувейтским кризисом 1990–1991 гг. и вмешательством внешних сил, вставших на защиту восставших курдов от грозившего им геноцида со стороны баасистов. Созданная в соответствии с резолюцией 688 СБ ООН от 5 апреля 1991 г. «зона безопасности» севернее 36 параллели, запретная для иракских войск, включала провинции Сулеймания, Эрбиль и Дохук, которые и составили так называемый Свободный Курдистан.

Наступивший в Курдистане мир создал условия для практического осуществления лозунга «Курдистану – подлинную автономию». Первейшей задачей в этом направлении было установление легитимной власти. 19 мая 1992 г. прошли первые выборы в Национальный Совет (парламент) Курдистана, места в котором на паритетных началах поделили между собой главные политические организации – ДПК и ПСК. В июле 1992 г. было сформировано коалиционное правительство. Впервые судьба курдов оказалась в их собственных руках.

Среди множества дел, ждавших своего рассмотрения национальной курдской властью, наиболее важным явилось принятие парламентом 4 октября 1992 г. закона о решении курдской проблемы на основе принципа федеративного устройства иракского государства. Это был качественно новый подход курдского руководства к разрешению сложнейшей внутривнутриполитической проблемы страны, своего рода идеал, в продвижении к которому политические силы курдов видели свою перспективную задачу.

Реализация провозглашенной цели оказалась делом весьма непростым. Против нее, против самого факта появления Свободного Курдистана незамедлительно выступили соседние страны – Турция, Иран, Сирия, более всего озабоченные неизбежностью влияния «дурного» примера Иракского Курдистана на их «собственных» курдов. Вмешательство в 90-е годы соседних государств в дела Южного Курдистана стало одним из дестабилизирующих факторов в регионе, серьезно осложнявших внутривнутриполитическую ситуацию в КАР в целом и крайне негативно сказывавшихся на хрупком балансе не успевших еще окрепнуть отношений между руководством ведущих политических сил курдов – ДПК и ПСК, не раз принимавших, к сожалению, характер вооруженного противоборства. Причин таких эксцессов было много, не последнюю роль в них играло также личное соперничество главных курдских политических вождей Масуда Барзани и Джалала Талабани, их амбициозные притязания на лидерство, а главное – на контроль за доходами от экспорта нефти, от торговли, от других ис-

точников. Достичь в 90-е годы единства действий политическому руководству курдов так и не удалось.

В КАР с 1994 г. по 2002 г. функционировали фактически два правительства на территории провинций Эрбиль и Дохук и провинции Сулеймания, подконтрольные соответственно Демократической партии Курдистана и Патриотическому Союзу Курдистана. Каждая из этих политических организаций имеет свои вооруженные отряды (пешмерга). У ДПК их численность составляет до 15 тыс. человек, а кроме них – отряды племенного ополчения в составе около 25 тыс. Регулярные вооруженные формирования ПСК насчитывают около 10 тыс., отряды ополчения племен – 22 тыс. Общая численность вооруженных сил курдов определяется в пределах 80–100 тыс. человек.

Сохранение в течение длительного времени нестабильности в Южном Курдистане вызывало серьезную озабоченность США: в ней они видели угрозу своим «жизненным интересам в зоне Ближнего и Среднего Востока». Усилиями американцев в Вашингтоне была проведена встреча Масуда Барзани и Джалала Талабани с администрацией США, завершившаяся подписанием 17 сентября 1998 г. Вашингтонского соглашения, в котором лидеры ДПК и ПСК подтвердили свою твердую позицию по сохранению целостности и единства Ирака, стремление к созданию демократического государства, в котором были бы гарантированы гражданские права курдского народа, равно как всех иракцев, на основе свободного волеизъявления граждан страны.

Соглашение включало положение о федеративном устройстве Ирака, являющееся главным в требованиях курдов и означающее разграничение полномочий федеративной единицы и центра, участие представителей субъекта федерации в центральных органах власти. Говорилось о недопустимости вмешательства в двусторонние отношения ДПК и ПСК третьих сил. Был составлен график выполнения Вашингтонского соглашения, включавший организацию выборов в Национальный парламент КАР, который формально продолжал свою работу с 1998 г.

Под американским «зонтиком» в Южном Курдистане происходили весьма заметные перемены в государственно-административном строительстве, в экономическом развитии, в решении социальных и культурных программ.

Были проведены парламентские и муниципальные выборы, развивалась многопартийность (существует 36 партий), идет формирование институтов гражданского общества, действует положение о свободе слова и печати, национальном и религиозном равноправии, в парламенте Курдистана отведены места для представителей национально-религиозных меньшинств. Национальные меньшинства – туркоманы, ассирийцы, армяне – пользуются культурной автономией, имеют свои школы, где преподавание ведется на родном языке при обязательном изучении арабского.

Заметные сдвиги произошли в экономической и социальной сферах Южного Курдистана, чему во многом способствовала программа ООН для Ирака «Нефть в обмен на продовольствие», разработанная в рамках международных экономических санкций, возложенных на Ирак. В соответствии с этой программой, реализация которой началась в 1996 г., 13% вырученных от продажи нефти средств направлялись на нужды курдского региона.

Развитие инфраструктуры, формирование производственной базы в промышленной и сельскохозяйственной областях стали основой решения социальных вопросов. Существенно сокращена безработица, возрос материальный уровень жизни населения, достигнуты серьезные успехи в области просвещения и здравоохранения. Ориентация местной власти на модернизацию социально-экономической и общественно-политической жизни в Южном Курдистане может служить хорошей базой обеспечения мира и стабильности в одном из проблемных районов иракского государства. Однако дальнейшее развитие этого процесса упиралось в нерешенность ряда принципиально важных вопросов, таких как легитимация созданной в курдском регионе системы власти, правовое оформление ее взаимоотношений с Багдадом, судьба самого багдадского режима, снятие с Ирака жестких, бессрочных и разрушительных по своему характеру санкций, ввергших страну в настоящую гуманитарную катастрофу. Однако иракский кризис в силу многих причин и, не в последнюю очередь, под усилившимся англо-американским давлением на Ирак в начале XXI в. зашел в тупик. Более того, ситуация вокруг Ирака резко обострилась с осени 2001 г.

События 11 сентября в Нью-Йорке, квалифицированные американской администрацией как «акт войны», объявленной «мировым злом» в лице международного терроризма всему цивилизованному человечеству, послужили для Вашингтона и его ближайших сторонников поводом к началу жестких действий против стран, отнесенных ими к «диктаторским режимам». В их ряду Ираку отводилось ключевое место.

Обоснованием подготовки США к силовой акции против Багдада служили обвинения иракских властей в несоблюдении прав человека, жестокости по отношению к своему народу, в массовом уничтожении курдов в 1988 г., в нарушении международной законности и в угрозах безопасности своим соседям, а также в связях с организацией «Аль-Каида». Но главные обвинения по-прежнему сводились к якобы тщательно скрываемому багдадским режимом факту обладания им химическим и биологическим оружием. В дополнение к этому США отнесли Ирак к числу «пороговых» государств, вплотную приблизившихся к созданию ядерного оружия массового поражения (ОМП). Доводы международных экспертов, не подтверждавшие американские предположения, Вашингтоном полностью игнорировались и в итоге приве-

ли к военной операции в Ираке, начатой войсками США, Великобритании и Австралии 20 марта 2003 г.

Легитимацией данной акции служили концептуальные положения «Стратегии национальной безопасности Соединенных Штатов», утвержденной конгрессом США в 2002 г., о намерении Вашингтона в целях обеспечения «глобальной безопасности защищать мир, борясь с террористами и тиранами». Иракский режим полностью подпадал под определение «тиранический». Судьба «тирании» в той или иной стране, выбор средств замены в ней тоталитаризма демократией – эти задачи американская администрация решала самостоятельно.

Режим С.Хусейна не вызывал особых симпатий ни в арабском, ни в мировом сообществе в целом, однако угроза нового военного конфликта в ближневосточном регионе побудила выступить против этой опасности Лигу арабских государств, Совет сотрудничества арабских государств Персидского залива, Организацию исламская конференция, Китай, а также европейские государства во главе с Россией, Францией и Германией.

Принятое Вашингтоном решение военным путем ликвидировать режим С.Хусейна поставило в весьма затруднительное положение лидеров КАР. С одной стороны, курды свои надежды на избавление Ирака от власти, жестокость и преступность которой они испытали на себе в полной мере, возлагали на мировое сообщество во главе с США. Американцы пользуются у курдов значительной признательностью: они спасли курдский народ в 1991 г. от грозившего ему геноцида, они внесли существенную лепту в стабилизацию ситуации в Южном Курдистане в 90-е годы, в его динамичное развитие.

Вместе с тем, и Масуд Барзани, и Джалал Талабани высказывали серьезные опасения по поводу последствий вторжения вооруженных сил США в Ирак, важнейшим из которых станет необходимость решения самого насущного вопроса постсаддамовского периода – вопроса организации власти. По их представлению, только сотрудничество американских военных с теми иракскими оппозиционными силами, которые много лет боролись против диктатуры Саддама, может обеспечить стране стабилизацию в переходный период, спасти ее от анархии. В противном случае, самостоятельные усилия американцев по установлению в Ираке мира и законности с неизбежностью вызовут сопротивление и развертывание партизанской войны в этой стране, приведут к дальнейшему углублению кризисной ситуации не только в Ираке, но и во всем ближневосточном регионе, грозящей обернуться грандиозной гуманитарной катастрофой, миллионами беженцев и, что особенно опасно, подъемом экстремизма и терроризма. К сожалению, прогнозы курдских политиков стали в этой стране жесткой реальностью.

Положение, сложившееся в Иракском Курдистане в ходе военной операции Многонациональных сил в марте-апреле 2003 г. и после

свержения режима С.Хусейна, неотделимо от тех процессов, которые охватили Ирак в целом. Курдские отряды пешмерга вместе с американскими частями принимали участие в операциях по установлению контроля над территориями Северного Ирака – городами Киркук и Мосул с прилегающими районами. Американское руководство через несколько дней призвало курдов покинуть Киркук, но город остался под контролем Региональной власти.

1 мая 2003 г. Дж.Буш объявил об окончании широкомасштабных боевых действий в Ираке. Однако очень скоро силам коалиции пришлось столкнуться с вооруженным сопротивлением иракцев, с непрекращающимися актами террора против оккупационных войск и сотрудничающих с ними иракцев.

В соответствии с Резолюцией 1483 Совета Безопасности ООН от 22 мая 2003 г. и дополнениями к ней, сформулировавшими общие подходы международного сообщества к проблемам послевоенного обустройства Ирака и определившими принципы организации его политической системы, США и Великобритания были признаны оккупирующими державами. Функции управления страной на период формирования международно признанного правительства Ирака и принятия им властных полномочий были возложены на Временную коалиционную администрацию (ВКА). Под ее эгидой была учреждена Иракская временная администрация (ИВА), призванная «лицетворять суверенитет иракского государства» в течение переходного периода. Центральным звеном ИВА стал созданный 13 июля 2003 г. Временный управляющий совет Ирака (ВУСИ) из 25 человек, в состав которого вошли представители ведущих политических партий и объединений страны, а также независимые общественные деятели.

31 августа 2003 г. был создан другой важный орган временной администрации – переходное правительство тоже из 25 человек. И Временный управляющий совет, и переходное правительство были сформированы по этноконфессиональному принципу подбора руководителей: в каждом из этих органов 13 шиитов, пять суннитов, пять курдов, один этнический туркмен и один ассириец-христианин. Такой подход оккупационных сил к формированию административных органов Ирака, остающийся неизменным на всех последующих этапах строительства политической системы страны, стал «миной замедленного действия», несущей в себе вполне реальную угрозу дезинтеграции иракского государства.

15 ноября 2003 г. между ВУСИ и ВКА было подписано т.н. Соглашение о политическом процессе, в соответствии с которым следовало разработать и утвердить Основной закон (Временную конституцию Ирака).

В начале 2004 г. американцы установили график развития политического процесса, основными задачами которого провозглашены продвижение в сторону налаживания внутрииракского диалога, соз-

дания легитимных органов государственной власти и нормализация ситуации в стране.

8 марта 2004 г. Временный управляющий совет принял «Закон об управлении Государством Ирак на переходный период», или Временную конституцию, направленный на обеспечение временной правовой базы для иракских органов власти вплоть до принятия новой постоянной конституции, намеченного на 2005 г.

Временная конституция провозгласила Ирак республиканским демократическим федеративным государством, гарантирующим своим гражданам демократические права и свободы. Был признан многонациональный характер государства, арабский народ объявлялся «неотделимой частью арабской нации». Официальными языками названы арабский и курдский. Конституцией гарантировалось также использование в образовательных и учебных заведениях языков других народов, проживающих на территории страны.

Статья 84 «Закона» касалась непосредственно Курдистана. В ней говорилось, что Национальная ассамблея Курдистана может вносить поправки к любому федеральному закону на курдской территории с оговоркой, что эти поправки не должны затрагивать сферы, находящиеся в компетенции федерального правительства, к которым отнесены внешняя, монетарная и финансовая политика, национальная безопасность и управление природными ресурсами.

«Закон» встретил далеко неоднозначное к себе отношение со стороны представителей основных общин иракского населения. Так, шииты выразили резко отрицательное отношение к статье 61, которая гласит, что «итоги референдума по проекту постоянной конституции будут считаться положительными, если она получит одобрение народа и не будет отвергнута 1/3 избирателей в трех или более провинциях». Это положение «Закона» шииты сразу ассоциировали с курдами, составляющими большинство жителей трех северных провинций, которые, как опасаются шииты, и могут воспользоваться данным конституционным правом. Руководство шиитской организации Высший совет исламской революции в Ираке (ВСИРИ) изложило в этой связи свою позицию в специальном «Пояснении», в котором говорится: «...наше несогласие с упомянутой формулировкой не ставит перед собой задачу преградить дорогу нашим братьям курдам в осуществлении федерализма или противодействовать им в праве на самоопределение или в праве на управление делами в Курдистане или в других вопросах... Мы подтверждаем, что у курдского народа есть полное право на все это... Наши возражения заключаются в том, что эта статья может закрыть дорогу перед созданием конституционной власти, ввергнет страну в заколдованный круг и будет держать ее в постоянном переходном периоде. Когда мы даем право трем провинциям перекрыть дорогу подавляющему большинству, то это означает, что менее 10% населения блокируют решение подавляющего боль-

шинства иракского народа – курдов ли, арабов ли, суннитов, шиитов, туркоманов и других». А это, отмечается в «Пояснении», влечет за собой роспуск Переходной Национальной ассамблеи Ирака, выборы новой ассамблеи, которая выработает новый проект конституции, и все пойдет по «заколдованному кругу, из которого нет выхода», и «страна надолго останется в условиях переходного законодательства». Духовный лидер шиитов Али ас-Систани объявил Временную конституцию «не имеющим силы документом». По его оценке, «любой закон, принятый в переходный период, будет иметь юридическую силу только после одобрения Национальной ассамблеей, избранной народом». Шиитское руководство настаивало также на том, чтобы планировавшийся президентский совет состоял из пяти человек (три шиита, суннит и курд), а не из трех, как записано в Законе (шиит, суннит и курд).

Свое недовольство Временной конституцией высказали и суннитские авторитеты, заявившие, что она «была написана под диктовку США, а подписавшие ее члены ВУСИ, назначенные американскими оккупантами, не являются законными представителями иракского народа».

Многие в Ираке воспринимают предоставленные конституцией курдам права как чрезмерные, а закрепление этих прав в Основном законе государства – как прямое давление американской администрации, открывающее путь к созданию самостоятельного Курдистана. Проведенные опросы показали, что большинство иракцев не поддерживает идею федерализма и выступает за создание унитарного централизованного государства (62%), за федерацию высказались 22% респондентов.

После официального «завершения» войны в Ираке КАР являл собой единственную в стране зону стабильности, а курды стали наиболее значимой частью ее населения, на которую и на нынешнем этапе, и, очевидно, на перспективу делают ставку США. На фоне дезорганизованных суннитов, с большим трудом пытающихся вернуть себе утраченные позиции во властных структурах государства, в условиях нарастающей активизации движения воинствующего религиозного шиитского крыла, имеющего тесные связи с Ираном и находящегося в сложных отношениях с другими общинами Ирака – суннитами, курдами, туркоманами, христианами, курды предстают как стабилизирующий фактор. Сегодня именно в них американцы видят свою точку опоры в Ираке и одновременно действенное средство давления на страны региона – Турцию, Иран и Сирию.

Политической целью курдов является федерация в составе демократического Ирака. Эта идея получила поддержку в оппозиционных кругах, а также у США и Англии. Представление о будущем своей страны курды изложили в проекте Конституции Иракского Курдистана, принятом на сессии объединенного парламента в Эрбиле в 2002 г.,

определившем политическую систему Курдистана как «многопартийную, плюралистическую, парламентскую и республиканскую» Источником власти провозглашается народ Курдистана, состоящий, по конституционному определению, «из курдов и национальных меньшинств: туркмен, ассирийцев, халдеев и арабов». В качестве официального языка в Курдистане провозглашается курдский, в качестве общегосударственного – арабский; за туркменским и ассирийским признается статус «языка культуры и образования для тех, кто говорит на нем». Столицей Курдистана объявляется Киркук. Гарантируются все общедемократические права и свободы. Президент назначает премьера, который формирует правительство, утверждаемое парламентом. В правительство должны входить представители национальных меньшинств. Вводится положение о приоритете Конституции Курдистана перед общегосударственными законами, что фактически означает не столько федеративное, сколько конфедеративное устройство страны. Сюда же относится и весьма значимая статья, провозглашающая право курдов на самоопределение в случае изменения структуры федерации без согласования данного решения с Региональным Курдистаном.

В принятой Временной конституции Ирака формально закреплены все права, которыми де-факто обладают власти Курдистана на территории трех провинций – Дохук, Эрбиль и Сулеймания. В ней признана выдвинутая курдами идея федеративного устройства иракского государства, почти полностью включена разработанная в проекте Конституции Курдистана и реализованная курдами на практике программа государственно-правового устройства Курдистана как части федеративного иракского государства. За курдами сохранено право иметь и контролировать собственную армию, переименованную в «национальную гвардию». Во всем этом несомненный успех долгой борьбы курдов за свои суверенные права. Но это вовсе не означает, что по всем проблемам взаимоотношений центра и Южного Курдистана достигнуты окончательные договоренности. Остается ряд сложных вопросов, требующих для своего решения времени, выдержки и гибкого подхода обеих сторон. Среди них такие, как территория и границы Иракского Курдистана, вопрос о Киркуке как его столице, возвращение в родные места насильственно депортированных саддамовским режимом курдов. Отложено решение вопросов, связанных с разграничением полномочий между центральной и региональной властями, что должно быть предметом особого договора, а также разработка принципов распределения общенациональных нефтяных доходов.

Сохраняющаяся неопределенность ситуации в Ираке продолжает оказывать влияние и на Курдистан, будущее которого все еще ждет своего легитимного закрепления.

Решение отложенных на время ряда ключевых вопросов политическое руководство курдов, как и представители других общин Ирака,

связывает с продолжением политического процесса в Ираке, с завершением этапа переходности, оформлением постоянных органов власти на основе принятой постоянной конституции страны, в которой будет окончательно закреплена форма государственного устройства Ирака.

Очередным этапом развития политического процесса в стране стали выборы в Переходную национальную ассамблею (ПНА), состоявшиеся 30 января 2005 г. На эти выборы основные политические группы шли блоками, между которыми и распределились места в парламенте. По итогам выборов более половины мест в Переходной национальной ассамблее – 146 из 275 получила шиитская фракция из «Объединенной иракской коалиции» (ОИК) и примкнувших к ней союзников. Ранее во властных структурах исламисты получали не более 25–30%.

Второе место занял Курдистанский блок, в котором объединились ДПК и ПСК, постепенно преодолевавшие сохранявшиеся между ними разногласия, чему в некоторой степени содействовала проведенная в марте 2004 г. в Салах эд-Дине конференция по национальному примирению. На выборах 30 января этот блок собрал 77 мандатов, что превысило планку в четверть мест в ПНА, которую курды наметили для себя ранее.

Был также образован блок премьер-министра Временного правительства А.Аляуи, поддерживаемого американцами, которому досталось третье место и 40 депутатских кресел.

Принявшие участие в выборах сунниты набрали 12 мандатов. Половина из них прошла в парламент самостоятельно как список Временного президента Г.Яура (5 мест, из них 4 суннита). Остальные избирались в составе трех названных блоков.

В итоге, из 275 мест в ПНА более 260 заняли шииты и курды. Яркое выраженный дисбаланс с суннитским представительством в ПНА победители решили исправить за счет повышения уровня участия членов этой общины в переходном правительстве и в разработке постоянной конституции.

Избранному парламенту предстояло сформировать Переходное правительство, что оказалось весьма непростым делом. Хотя «Объединенная иракская коалиция» получила абсолютное большинство мест в парламенте, она не могла самостоятельно формировать правительство. Заложенный в Законе о государственном управлении механизм создания органов исполнительной власти обуславливал обязательность компромиссов между тремя блоками. Президентский совет (ПС) (президент и два его заместителя) назначался двумя третями голосов Переходной Национальной ассамблеи, а кабинет министров, – единогласным утверждением ПС и большинством голосов в Национальной ассамблее.

Однако на практике все решалось путем закулисных переговоров лидеров шиитских организаций ВСИРИ и Даавы, курдских ДПК и ПСК

и ряда других объединений. Роль же парламента свелась к техническому утверждению принятых ими решений.

Формирование Переходного правительства должно было осуществиться одновременным решением по всем должностным позициям, включая руководство ПНА. Из-за разногласий между тремя блоками парламента, начавший свою работу лишь через полтора месяца после выборов, на двух первых заседаниях не смог избрать своего спикера. Затягивалось и комплектование кабинета.

Лишь в начале апреля стороны достигли согласия в распределении постов, осуществленного в строгом соответствии с этно-конфессиональными квотами. Первые назначения на основные должности в Переходном правительстве были сделаны 3–6 апреля. Еще три недели ушли на раздел министерских портфелей. После долгих споров и выхода из переговорного блока А.Аляуи компромисса по составу кабинета удалось достичь на основе курдско-шиитских договоренностей. Завершение затянувшейся процедуры формирования правительства было ускорено положением Закона о государственном управлении Ирака, ограничивающим назначение министров месячным сроком с момента назначения премьера.

Кабинет был утвержден в два приема. Основная часть министров была назначена 28 апреля, а окончательный, хотя вновь неполный состав, появился лишь 8 мая. Споры и трения между участниками переговоров коснулись даже текста присяги, из-за чего министрам пришлось принимать ее дважды.

Все ключевые посты были распределены между главными партиями Объединенной иракской коалиции. Как и следовало ожидать, ведущие позиции в Переходном правительстве Ирака заняли шииты: наряду с постами премьер-министра И.Джаафари, вице-президента А.Абдельмахди и вице-премьера А.Челяби их представители получили 17 из 32 министерских постов. В их числе министерства внутренних дел, нефти, финансов и электроэнергетики, а также портфель государственного министра по национальной безопасности.

Премьер И.Джаафари и министр финансов представляют партию Даава, вице-президент и глава МВД – ВСИРИ, министр по национальной безопасности – Даава-танзым Ирак. Министерство нефти вновь возглавил сын близкого к ВСИРИ «независимого» М.Бахрульулюма Ибрагим. В целом, из 20 шиитских назначенцев в органах исполнительной власти 8 входили в иракское руководство со времени ВУС. Шестеро из них заняли практически все главные места.

На большинство остальных постов были назначены шииты, не связанные напрямую с какой-либо партией. Одно из ведомств – министерство по делам беженцев – возглавила шиитка курдского происхождения. По шиитской же квоте в кабинет вошел единственный представитель туркоманов.

Курдам достался пост президента Ирака. Им стал лидер ПСК Дж.Талабани. Талабанисты заняли 4 из 9 министерских кресел, в том числе планирования и торговли. Главе ДПК Масуду Барзани даны гарантии на предоставление ему в дальнейшем поста президента КАР. Его команде досталось кресло вице-премьера, коим стал Роз Нури Шавес, а также 4 министерства, включая МИД, во главе которого остался Хошияр Зибари. Курдской группировке по-прежнему принадлежат доминирующие позиции в военном ведомстве, включая должность начальника генерального штаба, занимаемая Б.Зибари.

Практически все курды в Переходном правительстве ранее уже находились на государственной службе в период ВУС-ВПИ. Распределение постов в курдском блоке имеет более выраженный, чем у шиитов, партийный принцип. Только один министр является «независимым». Представительницами Курдистанского блока являются четыре из шести министров-женщин в составе ППИ.

Не считая ушедших в парламентскую оппозицию сторонников А.Аляуи, самой слабой частью ППИ стали сунниты. По суннитской квоте на символический пост спикера ПНА прошел Х.Хасани из списка Г.Яура. Престижный, но также малозначимый пост вице-президента занял бывший президент Г.Яур. Министерские посты получили четыре человека, включая возглавившего министерство обороны С.Дулейми. Назначенные вице-премьером А.Джаббури и министром по правам человека Х.Шибли войти в кабинет отказались. И хотя в суннитской фракции есть выходцы, в том числе и шейхи, из влиятельных племен Дулейм и Джаббур, суннитская фракция в ППИ является наименее влиятельной в силу разобщенности и отсутствия в ее рядах реальных политических лидеров.

В целом январские 2005 г. выборы серьезно изменили баланс сил внутри правительства. Проамериканский А.Аляуи и его команда ушли в тень, не сумев добиться для себя ни одного из ключевых постов. На ведущие позиции вышли шииты-исламисты, чьи представители возглавили кабинет и взяли под контроль сферу безопасности, в том числе главное ведомство силового блока – МВД. Главное морально-политическое достижение курдов – избрание Дж.Талабани президентом Ирака при сохранении за ними серьезных позиций в кабинете.

Вместе с тем, персональный состав иракского руководства обновился ненамного. Все места в верхнем эшелоне власти, а также ключевые министерские портфели почти полностью были перераспределены между уже известными курдо-шиитскими политиками. Обновление кабинета произошло примерно наполовину и затронуло лишь второстепенные ведомства.

Сформированное после прошедших 30 января 2005 г. Переходное правительство представляет собой результат передела «властного пирога» внутри правящего лагеря, центр тяжести в котором сместился в сторону шиитов-исламистов, значительно потеснивших про-

американских «либералов», доминировавших в иракском руководстве с 2003 г. Суннитская оппозиция, бойкотировавшая выборы, в формировании правительства не участвовала.

Главная черта Переходного правительства — этно-конфессиональная несбалансированность новой иракской власти, отсутствие в ней единой команды, приоритет межпартийных связей над должностной иерархией, зависимость от меж- и внутриблоковых противоречий. Кабинет фактически подчинен не его формальному главе И.Джаафари, а тем, кто составляет так называемую большую четверку в лице А.Хакима, самого И.Джаафари, Дж.Талабани и Масуда Барзани. В этом не было ничего нового: подобная практика возникла во времена ВУС, который выступал в качестве коллективного премьер-министра.

Аналогичная ситуация сложилась внутри ведомств. У каждого министра в соответствии с этно-конфессиональным принципом имеются подчас независимые от него заместители от конкурирующих блоков. Кроме того, в ряде министерств, в частности, социально-экономического блока, продолжают работать обладающие широкими контрольно-распорядительными функциями иностранные, в основном американские «советники».

Отсутствие единства в рядах шиитско-курдского альянса проявилось как на стадии формирования ППИ, так и в ходе его первых шагов внутри страны и на внешней арене. Наглядным проявлением разнородности кабинета стала резкая критика в Национальной ассамблее политической программы, объявленной премьером И.Джаафаром 31 мая 2005 г., как разрабатывавшейся без участия курдских министров.

В правительственной программе приоритетными названы вопросы обеспечения безопасности в стране, борьба с коррупцией, работа над проектом новой конституции и подготовка к предстоящим в конце 2005 г. выборам в постоянный парламент.

Оценивая сложившуюся в Ираке обстановку и сопоставляя с ней специфику расклада сил внутри национальной власти, трудно предположить возможность быстрых позитивных перемен в стране, способность нынешнего руководства предпринять необходимые шаги в сторону если не полного разрешения, то хотя бы частичного снижения уровня насилия и террора как важнейшей предпосылки для обеспечения перехода к нормализации экономической и социальной жизни иракцев.

Ключевым моментом своей внутренней политики правительство объявило обеспечение безопасности, что означает прекращение вооруженных выступлений, террористических актов и репрессий. Правительство попыталось разработать новый подход к проблеме безопасности, однако переломить ситуацию не удалось.

В момент провозглашения кабинета И.Джаафари вооруженное подполье развязало очередную масштабную волну насилия в стране.

Преимущественную роль в наведении порядка должны были сыграть иракские силовые структуры (ИСС). Для координации их усилий был создан «Комитет совместных операций» из представителей МВД, министерства обороны и министерства национальной безопасности. Однако на деле подавляющая часть подразделений ИСС так и не сумела самостоятельно и эффективно бороться с мятежниками.

Инициатива в подавлении повстанческого движения по-прежнему оставалась в руках Многонациональных сил. Начиная с мая, американские войска приступили к проведению в суннитской провинции Анбар «с согласия иракского правительства» крупных войсковых операций, частично с применением авиации. ИСС активизировались в конце мая, развернув в Багдаде операцию «Молния», участие в которой принимали также подразделения армии США. Но все эти усилия не привели к перелому ситуации. Иракское сопротивление не ослабило подрывной деятельности, и МНС и ИСС приходилось вновь и вновь зачищать одни и те же районы.

Вскоре И.Джаафари признал, что порядок собственными силами можно будет обеспечить не ранее, чем через два года. Американцы же высказываются более осторожно. По их мнению, на борьбу с террористами в Ираке потребуются «многие годы».

В итоге, иракское правительство было вынуждено выступить за сохранение здесь МНС на неопределенный срок. Тем самым было отвергнуто ключевое требование оппозиции о согласовании графика вывода иностранных войск. При этом по-прежнему игнорировалось существование в стране патриотического сопротивления, а растущая военно-политическая напряженность объяснялась в основном деятельностью подпитываемого извне терроризма.

Уже первые недели деятельности правительства ознаменовались ростом этно-конфессиональной напряженности в стране, усугубленной военными операциями МНС в суннитских районах, регулярными убийствами суннитских деятелей, призывами к «выкорчевыванию баасистов» из госучреждений, что также является ударом по суннитам. Генеральный секретарь суннитского Комитета мусульманских улемов Х.Дари обвинил шиитскую милицию и Переходное правительство в причастности к убийствам суннитов.

Ослабить напряжение правительство и стоящие за ним партии попытались некоторыми мерами примиренческого характера в отношении суннитов. Так, был ограничен размах антибаасистской кампании. Делались некоторые уступки в вопросе расширения участия умеренных суннитов в конституционном процессе. Появились даже популистские заявления о возможности диалога с сопротивлением, но лишь с той его частью, которая «не причастна к терактам против мирных иракцев и нападениям на ИСС».

В конце мая была сформирована Конституционная комиссия (КК), состоящая из 55 членов от различных блоков пропорционально пред-

ставительству в ПНА: ОИК – 28 мандатов, курды – 15, блок А.Аляуи – 8. Председателем назначен представитель ОИК Х.Хаммуди. Его заместителями стали курд Ф.Маасум и суннит А.Джанаби (список А.Аляуи). Еще три члена Комиссии – двое от ОИК и один от Курдистанского блока были наделены правом «решающего» голоса.

С целью создать видимость участия в конституционном вопросе всех иракцев было решено расширить участие в КК суннитов, увеличив их число с первоначальных двух до 15 человек за счет нечленов ПНА. Представители умеренных суннитских кругов выразили готовность участвовать в работе Комиссии и потребовали 25 мест с правом голоса. Вряд ли это требование получит поддержку шиитов. Что касается радикальных организаций, то они, и прежде всего, Комитет мусульманских улемов (КМУ), как и ранее, отказываются участвовать в политическом процессе.

Несмотря на демонстрируемую активность в продвижении конституционного процесса, правящим партиям не удается согласовать позиции по сохраняющимся спорным вопросам. Складывается впечатление, что к нормальной работе над проектом постоянной конституции в Переходном правительстве не стремится практически никто. Тем не менее, вряд ли ведущие политики Ирака, находящиеся под постоянным давлением американцев, пойдут на нарушение намеченного временного графика продвижения конституционного процесса. В соответствии с ним проект конституции должен быть готов к 15 августа, референдум состоится до 15 октября, выборы в постоянный парламент – до 15 декабря 2005 г. При этом и шииты, и курды будут жестко отстаивать закрепленные за ними Временной конституцией положения.

Занятое прежде всего закреплением своих политических позиций и борьбой с оппонентами, Переходное правительство не предприняло каких-либо мер для изменения ситуации в социально-экономической области, которая в условиях сохраняющейся в стране сложной военно-политической обстановки находится в состоянии углубляющейся деградации. По оценкам специалистов, сохранение этой тенденции создает вполне реальную угрозу фундаментальным основам цивилизованного общества. Одно из самых богатых углеводородными ресурсами государств мира сегодня не в состоянии воспользоваться благоприятной конъюнктурой нефтяного рынка и вынуждено обращаться к мировому сообществу за все возрастающими объемами помощи. Естественно, все это вызывает протестные настроения среди иракского населения.

Опасность для иракского государства, как уже отмечалось, таится и в неурегулированности ряда основополагающих для этой страны проблем. Прежде всего, это касается этно-конфессиональных противоречий между арабами и курдами. В их числе – вопросы выбора конкретной модели федерализации страны, структуры будущей исполнительной власти, корректировки существующих де-юре границ Курд-

ского автономного района, возвращения к местам «исконного проживания» насильственно перемещенных во времена Хусейна лиц и восстановления «исторического» этно-демографического состава населения спорных пограничных областей. В их числе – полиэтническая провинция Киркук с ее богатейшими нефтяными месторождениями. Претендуют курды также и на город Мосул и на значительную часть территории одноименной провинции.

До сих пор решение этих сложных вопросов в процессе переговоров между лидерами ведущих иракских политических партий (прежде всего шиитских и курдских) откладывалось до завершения переходного периода. Сегодня ситуация подошла к тому рубежу, когда эти острые вопросы вышли на передний план и ждут своего разрешения.

Особо болезненной является тема Киркука. В процессе работы над новым основным законом Ирака курдские лидеры заявили о намерении провалить конституционный референдум, если их претензии на этот город не будут учтены. Арабы и, в первую очередь, победившие на майских выборах шииты не готовы удовлетворить территориальные амбиции курдов, уступив им северные нефтяные поля. Такой же позиции придерживаются проживающие там другие национальные и конфессиональные меньшинства – туркоманы, ассирийцы, иезиды, халдеи.

Реально ситуация в спорных районах находится под контролем курдской администрации и ее вооруженных формирований – пешмерга, которые вместе с американцами активно участвовали в их «освобождении» весной 2003 г. По результатам выборов в местные органы управления, которые бойкотировали сунниты и туркоманы, курды получили губернаторские посты и большинство в городских и провинциальных советах Киркука и Мосула. Самоустранение центральных властей от решения этой взрывоопасной проблемы развязывает руки экстремистам, которые на местах «восстанавливают историческую справедливость», осуществляя по сути этнические чистки.

Курды требуют выполнения ст. 58 Временной конституции Ирака, в соответствии с которой правительство обязуется принять меры для исправления ошибок демографической политики прежнего режима в ряде районов страны, включая Киркук. Речь здесь идет о ликвидации последствий арабизации Киркука, т.е. о выселении 200 тыс. арабов и возвращении на их место курдов, проживавших прежде в этом городе и в этом районе, которым к тому же должна быть выплачена соответствующая компенсация.

Возвращение курдам-переселенцам и беженцам их имущества власти Курдистана относят к задачам первостепенной важности. Однако ее решение сопряжено с очень большими сложностями, поскольку оно касается гуманитарной сферы, судеб десятков и сотен тысяч арабов, также подвергшихся вынужденному переселению со стороны прежней власти. Отсутствие соответствующих законода-

тельных и судебных механизмов для устранения несправедливости, учиненной в отношении и курдского, и арабского населения, не позволяет ускорить и мирными средствами решать проблему возвращения курдов в места своего исконного проживания.

Одновременно в Киркук и его окрестности из северных районов переселяются значительные группы курдов, которые, якобы, когда-то жили здесь, а теперь вернулись в поисках работы и улучшения своего материального положения. Этот процесс влияет на демографическую ситуацию в данном районе, увеличивая численность курдов, в чем заинтересованы курдские политические силы: преобладание курдского населения над арабами и туркоманами, вместе взятыми, дает им больше шансов укреплять свои позиции как на региональном, так и на общеиракском уровне, добиваться получения большинства в будущем иракском парламенте.

Изменение демографической ситуации в Курдистане за счет вытеснения арабов, к сожалению, не обходится без применения насилия, а это вызывает растущее недовольство арабов, туркоманов, а также и самих курдов. Продолжение этой линии таит в себе угрозу серьезных межэтнических столкновений в этом до недавнего времени относительно спокойном районе.

Как складывалась ситуация в Ираке после формирования Переходного правительства? Анализ состава этого правительства и расстановки вошедших в него политических сил не создает больших надежд на его способность приступить к решению самых насущных и неотложных задач, стоящих перед страной.

Правящий лагерь по-прежнему остается расколотым на шиитов, курдов и проамериканских либералов, как это сложилось после войны 2003 г. В политическом руководстве нет внутреннего единства, в нем существуют серьезные различия в подходах к решению важнейших проблем внутри страны. Фактически в правительстве не имеется единой точки зрения по большинству политических вопросов, включая целесообразность соблюдения графика политического процесса, что, естественно, не создает предпосылок для успешной деятельности кабинета. Так, в самой ключевой области – сфере безопасности – ему не удалось, как говорилось, ни переломить ситуацию в свою пользу, ни снизить свою зависимость от многонациональных сил, остающихся главной опорой иракского режима.

Напряженная военно-политическая обстановка по-прежнему является главным препятствием для восстановления нормальной жизни в стране и прежде всего для возрождения иракской экономики.

Правительством не созданы условия для общенационального диалога, попытки вести который предпринимались только в отношении умеренной, но не конструктивной оппозиции. Свою роль играет также сохраняющийся раскол в среде суннитов, их неспособность выдвинуть единые требования, самоизоляция от политики наиболее влиятельной

части суннитов из числа тех, кто пошел по пути вооруженного сопротивления, что лишает эту весьма значимую часть иракского общества каких-либо шансов оказывать влияние на будущее Ирака. Более того, возросшее давление на суннитов со стороны МНС, ИСС и стоящих за ними шиитских милиций вызвало беспрецедентный для послевоенного Ирака уровень межконфессиональной напряженности.

Наибольшая интенсивность боевых и диверсионных операций движения сопротивления по-прежнему наблюдается в Багдаде, в т.н. суннитском треугольнике, а также в Киркуке, оспариваемом арабами, туркоманами и курдами. Нарастает террористическая активность и в прежде спокойных провинциях на шиитском юге и курдском севере, например, в Басре и Сулеймании.

Прошедшее с момента войны марта-апреля 2003 г. время наглядно свидетельствует о том, что за исключением свержения режима С.Хусейна насильственная англо-американская демократизация Ирака не достигла ни одной из поставленных Вашингтоном целей. Несмотря на официальный суверенитет, Ирак по-прежнему остается страной, оккупированной иностранными, преимущественно американскими, войсками на неопределенный срок. Они сохраняют за собой полную свободу действий, включая проведение войсковых операций и содержание собственных тюрем, переполненных заключенными, осуществляя контроль над иракской нефтью и финансами «независимого» Ирака.

За ширмой развивающегося по намеченному графику политического процесса, который очень радует президента Дж.Буша, не сомневающегося в абсолютной правоте принятого им решения о военном вмешательстве в иракские дела и в своей миссии «спасителя» иракского народа от «тирании» Саддама Хусейна, идет неуклонное нарастание негативных факторов, определяющих политическую ситуацию в стране. Главным из них, конечно, остается иностранное военное присутствие, стимулирующее вооруженное сопротивление. МНС не выполнили роль стабилизирующего элемента, не в состоянии они и обеспечить безопасность в Ираке, хотя их присутствие удерживает страну от окончательного хаоса.

Послевоенный Ирак превратился в очаг мирового терроризма. По числу использования смертников эта страна заняла первое место в мире. Террор здесь стал обыденным делом. Пока он направлен против местных властей и многонациональных сил, это остается местной проблемой Ирака. Но нет никаких гарантий, что накопленный террористами опыт не получит своего применения в других «горячих точках».

Но не только терроризм превращает Ирак в источник нестабильности. В стране наметилась ползучая дезинтеграция, развивающаяся под воздействием курдского и шиитского факторов, что напрямую затрагивает интересы Турции, Ирана и Сирии, а также нефтяных мо-

нархий Персидского залива. Вопрос гарантий целостности Ирака приобретает и региональное, и международное значение. Этот аспект, в частности, был важной частью ирако-турецких переговоров во время визита в мае 2005 г. премьера И.Джаафари в Турцию, в ходе которых была достигнута договоренность о сотрудничестве обеих стран по широкому кругу политико-экономических вопросов. Но при этом турецкая сторона поставила отношения с Багдадом в зависимость от развития ситуации вокруг КАР и Киркука.

Судьба Иракского Курдистана на сегодня остается неопределенной. Все чаще высказывается суждение о возможном отделении Курдистана от Ирака. Такой вариант допускается и курдскими политиками.

Одним из вариантов превращения Курдистана в самостоятельное независимое государство может быть содействие этому США, реализующим свои планы реорганизации Ближнего и Среднего Востока. Но это может произойти и в случае распада иракского государства, что послужит основанием для политических лидеров провозгласить независимость Курдистана на основании соответствующего положения Конституции Ирака.

Реализация на практике идеи полной независимости Иракского Курдистана сегодня представляется маловероятной по многим причинам внутреннего, регионального и международного характера. Одной, и при том весьма существенной, является отсутствие внутреннего единства политических сил иракских курдов. ДПК и ПСК могут и образуют альянс при решении вопросов, например, связанных с участием курдов во властных структурах. Так, лидеры КАР все чаще заявляют о себе как о политиках общеиракского масштаба, намеренных и далее занимать высокие посты в Багдаде. Но при этом внутри КАР коалиционное правительство практически бездействует. Разделенность Курдистана на два региона сохраняется, в каждом из них по-прежнему действует свое правительство соответственно возглавляемое барзанистами и талабанистами.

Будущее Иракского Курдистана как субъекта федеративного иракского государства может состояться при условии сохранения целостности Ирака и способности центральной власти закрепить легитимность достигнутого на сегодня суверенитета КАР и выполнить все требования курдов по территориальным и иным вопросам с обязательным включением в состав Курдистана города Киркук в качестве его столицы. В любом варианте Курдистану необходимы гарантии международного сообщества.

1. Обращения Президента Дж.Буша к американскому народу 18 и 20 марта 2003 г. // Иракский кризис и становление нового мирового порядка (сборник материалов) сентябрь 2001 – апрель 2004. М., 2004, с. 91–92.

2. Заявление Совета Революционного командования Ирака о мирном демократическом решении курдского вопроса. «Ан-Нур» (Багдад). 12 марта 1970.

3. Autonomy Law № 3. Taken in Bagdad on the 11th day of March 1974. Settlement of the Kurdish Problem in Iraq. Ath-Thawta publications, с. 111–122. Б/м, б/г.

4. Курдское движение в новое и новейшее время. М., 1987, с. 270–271.

5. Шорд Халид Саид. Успехи и проблемы правительства Иракского Курдистана. // Южный Курдистан сегодня (уроки кризиса). М., 1997, с. 50. Эти данные усредненные. Подлинные масштабы людских потерь и нанесенного иракским курдам материального ущерба до сих пор не подсчитаны. Этим объясняются значительные расхождения в приводимых разными исследователями данных. Только в ходе кампании «Анфаль» (1988–1989 гг.) погибло от 50 тыс. до 182 тыс. человек. См. «Геноцид в Иракском Курдистане». М., 2003, с. 356.

6. Ш.Х.Мгой. Политические изменения в Южном Курдистане после конфликта в Персидском заливе. // Южный Курдистан сегодня, с. 23–24.

7. Там же, с. 24.

8. История Курдистана. М., 1996, с. 448.

9. The Middle East.L., 1996, Dec. № 262, с. 9.

10. Юрченко В.П. О положении в иракской оппозиции. // Аналитические записки. Иракский кризис. М., 2004, с. 205.

11. The Iraq Foundation. 1998. 13 November.

12. Ibid.

13. Хошави Бабакр. Курдистан: перспективы курдской государственности. // Курдский вопрос на рубеже тысячелетий. М., 2004, с. 32.

14. Там же.

15. Из послания Президента Дж.Буша Конгрессу США о положении страны от 29 января 2003 г. // Иракский кризис и становление нового мирового порядка (сборник материалов), с. 50–53.

16. The National Security Strategy of the United States of America. [http://www/Whitehouse.gov/](http://www.Whitehouse.gov/)

17. Шмелева Т.А. Курдский фактор в кризисной ситуации вокруг Ирака. // Аналитические записки. Иракский кризис, с. 210.

18. S/RES/ 1483 (2003).

<http://www.un.org/Russian/document/seresol2003/index.html>

19. Ibid.

20. Соглашение о политическом процессе между ВУСИ и ВКВ.

<http://www.cpa-iraq.org/government/>

21. Law of Administration for the State of Iraq for the Transitional Period. <http://www.cpa-iraq.org/government/TAL.html>

22. Пояснения к оговоркам, выдвинутым группой членов Управляющего совета в ходе подписания 5 марта 2004 г. Закона о государственном управлении в Ираке в течение переходного периода. Багдад. 09.03.2004. Издано Представительством Высшего совета исламской революции в Ираке отдельным документом (на араб. яз.).

23. Там же.

24. Ш.Х.Мгой. Курдский фактор (современное состояние и перспективы). Курдский вопрос на рубеже тысячелетий, с. 21.

25. Дар ас-Салам (Багдад). 10.03.2004; Красная звезда. 17.11.2005.
26. Хошави Бабакр. Курдистан: перспективы курдской государственности. // Курдский вопрос на рубеже тысячелетий, с. 33.
27. Там же, с. 34–35.
28. Там же, с. 35; Ш.Х.Мгой. Курдский фактор (современное состояние и перспективы). // Курдский вопрос на рубеже тысячелетий, с. 22.
29. <http://www.cpa-iraq.org/government/TAL.html>
30. Аш-Шарк аль-Фусат /для Ирака/. Л. 19.02.2005.
31. Там же.
32. Там же.
33. Закон об управлении Ираком.
34. The Financial Times. 10.05.2005.
35. Ibid.
36. Ibid.
37. Ibid.
38. Iraqi Election Information Network./<http://www/iraqiein.org/English>.
39. Позиция курдов в этом вопросе получила отражение, в частности, в опубликованном ими материале, характеризующем демографическую ситуацию в провинции Мосул и области Киркук в прошлом и настоящем, из которого четко вытекает преобладание курдов над всеми другими этническими группами населения на этих территориях. Эти данные курды рассматривают как важнейший аргумент в деле определения территории будущей федеральной единицы Ирака – Южного Курдистана. – Хакика таркиб аль-каумий фи вилайя Мосул ва мухафаза Киркук. 2004. Б/м.
40. О.И.Жигалина Иракские курды накануне парламентских выборов. File://C://Documents%20and%20Setting/пользователь/Рабочий%20cnjk.West%20..17/01/2005
41. Хошави Бабакр. Курдистан: перспективы курдской государственности. // Курдский вопрос на рубеже тысячелетий, с. 36–37.
42. Зачистки не принесут мир Красная звезда. 17.11.2005.
43. Там же.

Ш.Х.Мгой

СЛОЖНОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ АВТОНОМИИ ЮЖНОГО КУРДИСТАНА И ФАКТОРЫ ЕЕ НЕОБРАТИМОСТИ

В политических процессах Ближнего и Среднего Востока все более заметное место занимает курдская национальная проблема. И хотя в настоящее время вопросы национально-правового положения курдов в каждой части разделенного между Ираком, Ираном, Сирией и Турцией этнического Курдистана отнесены к компетенции данных государств, тем не менее, совершенно очевидно (и вполне естественно), что все важные события в этой части региона рассматриваются как факторы, затрагивающие интересы одного этноса, народа.

Вышесказанное подтверждается важнейшими событиями в Южном Курдистане, которые существенно подняли политическую значимость курдского вопроса в целом.

Процесс национального самоопределения в Южном Курдистане вступил в новую фазу развития. Анализ его современного этапа и перспектив развития имеет важное значение для определения места и роли курдского фактора в политических процессах указанного региона.

Начнем с того, что в последнее десятилетие актуализацию и повышение значимости курдской проблемы нередко безосновательно связывают с активизацией в регионе военно-политической деятельности США. Несомненно, последнее обстоятельство стало дополнительным фактором активизации движения курдов за самоопределение и возрастание значимости курдского фактора. Однако курдское автономистское движение в целом развивается на собственной основе при наличии тех же целей, движущих сил и руководящей роли известных партий. Привлекает внимание в связи с этим тот факт, что те же США и их западноевропейские союзники в 60–70-е годы XX в. занимали недружественную, а нередко и враждебную позицию по отношению к курдскому движению с этим же характером и поставленными целями.

Вывод очевиден: имевшие место в последние два десятилетия политические изменения мирового масштаба и новая расстановка сил обусловили переоценку ряда важнейших политических факторов развития Ближнего и Среднего Востока. Часть этих изменений имела позитивное влияние на развитие курдского национального движения. Одним из примечательных сторон этого явления является возрастание значимости курдского фактора в регионе и его сравнительно реалистическая оценка мировыми державами.

Как и прежде, курдское автономистское движение в Ираке происходит при сложных, порой противоречивых, внутренних и внешних условиях. Изменения политических ориентаций, формирование новых союзов и ряд подобных явлений характерны почти для всех регионов с конфликтными национальными проблемами.

Вполне естественно, что судьба курдской проблемы была связана прежде всего с позицией и положением правящего режима в Багдаде. Своей недальновидной, нередко авантюристической, внутренней и внешней политикой баасистский режим С.Хусейна довел страну до экономического и политического краха. Вероломство режима в вопросе выполнения условий Соглашения об автономии курдов от 11 марта 1970 г. уже в середине 70-х годов привело к возобновлению автономистского движения курдов. Конфронтация не только с борющимися за автономию курдами, но и почти со всеми демократическими течениями страны, жесткие репрессивные акции против шиитов, наконец, захват Кувейта, привели страну в тупик и к развалу. Вполне естественно, что ослабление режима, ведущего непримиримую антикурдскую политику, и его международная изоляция создали благоприятные условия для движения курдов за право самоопределения. Совпадение интересов антисаддамовских коалиционных сил и курдских автономистов в начале 90-х годов XX в. стало основой для сотрудничества двух сторон. Таким образом, как часто случается в процессе политической борьбы, создался союз, каждый участник которого преследовал собственные цели, и далеко необязательно было, чтобы они полностью совпадали.

После военных операций «Буря в пустыне» в 1991 г. саддамовский режим по существу потерял возможность контролировать Иракский Курдистан. Юридически этот регион оставался частью иракского государства, но фактически с 1992 г. до настоящего времени он является независимым. За этот период в автономном курдском регионе прошли важные экономические и политические преобразования. Последние стали важнейшим экзаменом менталитета руководителей курдских национальных сил. Боеспособность и стойкость – общепризнанные характерные черты курдов в процессе национально-освободительной борьбы. Однако исторический опыт нередко показывает, что одно дело – вооруженная борьба за национальное освобождение, а другое – организация и реализация процесса мирного развития со сложными и разнохарактерными проблемами. В этом плане в новых условиях организации мирной жизни курдским демократическим силам, прежде всего ведущим курдским национальным партиям, предстояло выдержать серьезный и сложный экзамен: насколько они будут способны организовать и руководить процессом политических и социально-экономических преобразований в почти полностью разрушенном регионе, к тому же во враждебном окружении как со стороны соседних стран, так и правившего в то время режима Ирака.

В мае 1992 г. на основе свободных демократических выборов в Южном Курдистане был избран национальный парламент и стало функционировать правительство. Началась реализация программы широких демократических преобразований во всех областях жизни. Право свободной деятельности получили почти все политические партии и организации, юридически и практически были обеспечены национально-демократические права всех национально-этнических меньшинств и религиозных групп. На новые основы было поставлено дело организации здравоохранения и образования. В результате, в значительной степени поднялся уровень рождаемости, резко сократился процент детской смертности. Все это происходило на основе повышения материального благосостояния народа. Характерно, что по этим показателям автономный регион Курдистана превосходит не только остальные районы Ирака, но и соседние страны.

Большие успехи были достигнуты в области образования. В настоящее время в Южном Курдистане открыты четыре университета (в Эрбиле, Сулеймании, Дохуке и Кой-Санджаке), большое количество колледжей разных специальностей и другие средние учебные заведения. В автономном регионе действует закон об обязательном 6-летнем образовании. Во всех звеньях образование и здравоохранение бесплатное.

Широкий размах получило строительное дело. Возводится много школ, больниц, культурных центров, выставочных залов; создаются новые селения вместо разрушенных и др. Строительство части этих объектов ведется средствами и усилиями зарубежных стран.

Несмотря на ряд сложностей различного характера, довольно значительны достижения в создании органов национальной власти и системы управления. Наиболее важным является преодоление серьезного межкурдского конфликта и создания единых курдских органов власти и правления. Возникший в мае 1994 г. вооруженный конфликт между ведущими курдскими национальными партиями – Демократической партией Курдистана (ДПК) и Патриотическим союзом Курдистана (ПСК) – представлял серьезнейшую опасность для судьбы курдского движения. Заинтересованные в провале курдского автономистского движения, соседние государства всячески подогревали межкурдский конфликт. В сентябре 1998 г. ДПК и ПСК при посредничестве США преодолели конфликт и стали прилагать усилия для достижения подлинного единства и реализации программы развития региона.

После завершения вооруженного конфликта между ДПК и ПСК потребовалось сравнительно долгое время для восстановления атмосферы доверия между этими партиями. Все это было связано с давностью противоречий и конфликтов между ними, серьезными наслоениями недоверия и вражды, в насаждении которых активную роль играли соседние государства, разделившие этнический Курдистан. Следует отметить, что, несмотря на все это, в ДПК и ПСК все

больше доминировали настроения в пользу преодоления противоборства между ними, объединения усилий для решения проблем создания национальных госструктур. Из уст руководящих деятелей этих партий многократно звучали заявления, осуждавшие межкурдский вооруженный конфликт и заверения о том, что при любых острых ситуациях отныне такие методы выяснения отношений решительно будут отвергаться.

После восстановления доверия и готовности сотрудничать ДПК и ПСК совместными усилиями решили ряд ключевых вопросов статуса автономного региона. В 2003 г. вслед за крахом саддамовского режима, после долгих и сложных переговоров между иракским временным правительством и курдской стороной был согласован проект временной иракской конституции, в которой, в подтверждение признания прав курдов в Ираке, предусматривалась федеративная система государства. В период обострения межкурдских отношений, наряду с официально признанной курдской национально-государственной администрацией со столицей в Эрбиле, была создана параллельная администрация в Сулеймании, которая контролировалась ПСК. После долгих переговоров были созданы условия для формирования единого курдского правительства и парламента.

В январе 2005 г. в Ираке состоялись парламентские выборы так называемого переходного периода. На основании результатов этих выборов в парламенте курды представлены адекватно своей численности.

В 2005 г. имело место беспрецедентное политическое событие. Президентом Ирака был избран видный деятель курдского национального движения генеральный секретарь ПСК Джалал Талабани, кандидатуру которого выдвинули и поддержали все курдские партии и организации. 27-го апреля было образовано иракское правительство под руководством шиита Ибрагима Аль-Джаафари. 17 министерских постов заняли шииты, восемь — курды, шесть — арабы-сунниты. Должности заместителя главы правительства и министра иностранных дел соответственно заняли курды — доктор Нури Шавис и Хушияр Зибари.

Любопытно, что вслед за этим в начале мая 2005 г. в Стамбуле состоялась встреча министров иностранных дел Турции, Ирана, Ирака и Сирии, на которой было положительно оценено создание правительства Ирака с характерной оговоркой, что «единство Ирака будет сохранено».

В июне 2005 г. парламент Южного Курдистана президентом автономного региона избрал Масуда Барзани, председателя ДПК, выдающегося руководителя курдского движения. Показательно, что, в отличие от прежнего статуса, он избран не «руководителем автономного региона», а «президентом автономного Курдистана», что означает более высокий уровень курдского самоопределения в федеративном государстве.

Целостную картину политических и социально-экономических преобразований в Южном Курдистане невозможно представить в

пределах одной статьи. Тем не менее, для составления общего представления о нынешнем этапе процесса самоопределения курдов важно рассмотреть следующие две группы вопросов:

а) Какие разнохарактерные факторы мешали и будут мешать процессу самоопределения курдов?

б) Каковы объективные предпосылки необратимости процесса самоопределения курдов?

Прежде всего, следует напомнить, что одним из факторов, мешающих процессу самоопределения курдов является факт разделенности этнического Курдистана. Причем, в данном случае речь идет не об отрицательном влиянии фактора разделенности на курдское освободительное движение в целом. Дело в том, что, несмотря на то, что в Южном Курдистане, а также в других частях разделенной страны, курды преследуют цели внутреннего самоопределения в пределах данного государства. Тем не менее, каждое достижение в этом направлении соседними государствами рассматривается как шаг на пути создания независимого государства многомиллионного народа. В ответ на это соседние государства прилагают все усилия для провала этого процесса. Разнородные антикурдские действия соседних государств хорошо известны и не являются объектом этой статьи. Напомним лишь, что заинтересованные в подавлении курдского национального движения государства оставляют в стороне свои межгосударственные противоречия и конфликты и проявляют единство в деле организации открытых и тайных подрывных действий против курдского автономистского движения.

Большую активность в этом направлении проявляет Турция. В нынешних условиях ее руководство беспокоит не столько сам факт существования курдской автономии в Ираке, с руководством которой турецкие власти даже имеют политические связи, а также довольно обширные экономические отношения. Анкара опасается того, что турецкие курды могут воспользоваться опытом иракских курдов, что усилит консолидационные тенденции и приведет к развитию условий для создания объединенного курдского государства. В связи с этим турецкие правящие круги подчеркивают, что автономистское движение курдов является одним из этапов на пути к независимому курдскому государству в рамках Иракского Курдистана, что, по их мнению, создаст «непредсказуемое положение во всем регионе».

Перспектива независимости четвертого по численности народа Ближнего и Среднего Востока с явной осторожностью воспринимается также и великими державами. Даже государства, которые в последние два десятилетия занимали доброжелательную позицию по отношению к курдскому национальному движению, скорее всего склонны к сохранению статус-кво в этом важнейшем регионе. Этим обуславливается неоднозначность позиции ведущих государств мира по курдскому вопросу. Разумеется, нет оснований воспринимать эту

позицию как проявление вражды к курдам и правомерности их требования о национальном самоопределении. И хотя столь же очевидна и невозможность силового решения курдского вопроса, тем не менее, доминирующим продолжает оставаться фактор конъюнктуры, при которой приоритетную роль играют военно-политические и экономические интересы держав в этом регионе.

Процесс автономизации, как и прежде, в основном осложняется вследствие различных, порой взаимоисключаемых подходов к курдской проблеме Багдада, с одной стороны, и курдов, – с другой. Почти все предложения центральных властей сводятся к плану так называемой децентрализации, который является всего лишь разновидностью административно-территориального размежевания и никак не может удовлетворить национально-автономные требования курдов. Любопытно в связи с этим позиция шиитов.

Во время конфронтации оппозиционных сил с саддамовским режимом шииты, учитывая силы и влияние курдов, сотрудничали с ними и в целом поддерживали их требования о формах самоопределения в постсаддамовском Ираке. Придя к власти, шииты стали отказываться от своих позиций по курдскому вопросу. При этом позиция шиитов стала сближаться с позицией суннитов по курдскому вопросу. Суть ее состоит в том, чтобы четко определить полномочия курдских автономистов. При этом они выступают за ограничение требований, предъявляемых курдами, оперируя политическим инструментарием, обусловленным, прежде всего, религиозным мировоззрением.

Проблема роли, места и значения курдского национализма и ислама в общественно-политической жизни Южного Курдистана, а также соотношения между ними представляет не только общетеоретический, но и практический интерес. Как наиболее политизированная из всех мировых религий и регулирующая почти все сферы деятельности своих приверженцев, исламская идеология традиционно противопоставляла себя идеологии курдского национализма и препятствовала развитию курдского национального движения. Одним из основных постулатов ислама является понятие «уммы», мусульманской общины. В связи с этим идеологи ислама старались внушить курдам, что они являются частью мусульманской общины, поскольку единство всех мусульман, вне зависимости от национальных и социальных различий, является одной из основополагающих идей в догматике и социальной доктрине ислама, а посему курды соотносятся с «исламской уммой, то есть с глобальным исламским сообществом»¹.

Несмотря на то, что на современном этапе в курдском движении очевидна доминирующая роль этнического фактора и его превосходство над религиозным, тем не менее, значение исламского фактора нельзя отрицать. Исламские идеологи внушают курдам идею о том, что безальтернативным средством решения всех острых проблем курдского общества является шариат; «все мусульманские народы-

братья», их объединяет «исламская умма». «Национальный вопрос, – писал один из исламских богословов, – по современной терминологии отсутствует в учении ислама. По этому учению религия и нация тождественны. В свете учения ислама есть одно единственное международное исламское сообщество, существует лишь братство и единство всех национальностей под флагом ислама»². Они всячески стараются распространять идеи панисламизма среди курдов и противопоставляют их идеям автономистского движения.

Хорошо известно, что международные исламские организации в той или иной форме оказывают поддержку народам, исповедующим ислам и находящимся в конфликте с центральными властями этих стран. И это независимо от того, какой характер носят эти движения. Исключение составляют только курды.

Кроме того, исламисты объявили настоящую войну самоопределению Южного Курдистана и его авангарду – ДПК и ПСК. В одном из обращений к курдам исламистской организации «Джунуд аль-ислам» («Воины ислама») говорится: «Ваши братья-мусульмане уже долгие годы заняты подготовкой священной войны для нравственного и духовного очищения области» (Иракского Курдистана – Ш.М.)³. Исламисты решительно выступают против автономии курдов, прогрессивных преобразований, демократических прав женщин. «Люди должны понять, – гласит воззвание, – что область (Южный Курдистан – Ш.М.) нуждается в сохранении и защите чистоты ислама. Мы должны начать жесткую священную войну против богохульства, насаждаемого политическими, социальными и культурными учреждениями, которые стремятся поработить мусульман Курдистана и с помощью которых нечистые евреи и христиане пытаются разрушить основы ислама в Курдистане»⁴. В последние годы исламисты в Южном Курдистане (в Эрбиле, Сулеймании, Киркуке и других городах) совершили ряд террористических актов, жертвами которых стали сотни курдов, в том числе некоторые руководящие деятели региона. Привлекает внимание тот факт, что в этой террористической кампании заинтересованы не только исламистские организации, но и светские госсистемы соседних стран, которые всячески стремятся провалить процесс автономизации в Южном Курдистане.

Трудности самоопределения курдов в Ираке не однозначны. Они разнохарактерны и не всегда заметны. К категории таких трудностей относится беспрецедентный характер национально-автономного статуса как формы решения национального вопроса. Мусульманский Восток не имеет такого прецедента. Важно заметить, что отсутствие этой традиции неслучайно и обусловлено религиозными и политическими обстоятельствами, исключающими такую возможность. Если учесть, что в этом большом регионе наличествует ряд запутанных национально-этнических проблем, то станет ясна та болезнь, которая проявляется по отношению к реализации и легитимации автономии курдов.

Есть еще один вопрос такого характера, затрудняющий реализацию автономии курдов. Дело в том, что в нынешних условиях известный лозунг, под которым в течение десятилетий велась борьба курдов за автономию, дает повод для размышлений. Напомним, что в Ираке борьба курдов происходила под лозунгом «Демократия Ираку, автономия курдам» (под таким же лозунгом боролись и иранские курды*).

Эта политическая позиция (лозунг) реалистична и не вызывает сомнений, поскольку по известным причинам в настоящее время курды не выдвигают задачу независимости, с одной стороны. С другой стороны, опыт многолетней борьбы курдов показывает, что лозунг «Демократия Ираку (Ирану), автономия курдам», хотя теоретически и логичен, и приемлем, вследствие ряда причин трудно реализуем. Попытаемся внести ясность в этот вопрос. Ряд примеров различных форм национальной автономии дают страны западной демократии. Это проявление политики терпимости державного (государствообразующего) народа по отношению к национальным особенностям других народов и признания их этнических прав. Иначе говоря, национальная автономия в пределах этих государств – явление, разрешенное (предоставленное) «сверху», и, как таковое, возможно при демократическом правопорядке. В государствах, разделивших этнический Курдистан, таких возможностей нет. В этом смысле теоретически логично было связывать требование об автономии курдов с демократизацией общественно-политической жизни данного государства, что, собственно, и отражено в вышеупомянутом лозунге борющихся курдов. Однако эта теоретически логичная установка при нынешних реалиях имеет труднопреодолимые, если не говорить непреодолимые, препятствия. В самом деле, в современных условиях автономистское движение курдов навряд ли способно превратиться в решающий фактор демократизации всего Ирака (или Ирана) и, тем самым, открыть дорогу для автономии. Следует добавить, что в нынешних условиях усиления роли исламского фактора и радикализма, препятствий на пути автономии стало еще больше и навряд ли они преодолимы. Усиление религиозно-политического течения исламизма в Ираке стало серьезной преградой на пути демократизации страны. Приверженцами этого течения являются в основном шииты, которые даже предложили образовать исламскую государственную систему, что было отвергнуто курдами и арабами-суннитами. С учетом этого фактора напрашивается вторая часть обсуждаемого вопроса: насколько логично и реалистично увязывать выполнение требования об автономии с весьма трудно реализуемой демократизацией всей страны?

* Иранские курды выдвигали лозунг «Демократия Ирану, автономия Курдистану» – см. Программа ДПИК, б/м, 1979, с. 3, (на перс.яз.) Снят в 2004 г. (прим.ред.)

Нетрудно заметить, что в основе сложной задачи решения вопроса об автономном статусе курдов во время переговоров новых властей Ирака и курдских лидеров находится и этот, не всегда заметный фактор.

Внутриполитическая ситуация еще больше обостряется в нынешних условиях, когда в автономном курдском регионе реализуется широкая программа демократизации, плюрализма, признания прав женщин, религиозно-этнических меньшинств. Все это резко конфронтирует с исламским радикализмом и реакционными националистическими течениями, выступающими против процесса обновления Ирака.

Наряду со специфическими особенностями, проблема автономии Южного Курдистана имеет общие черты с другими национально-этническими проблемами. Так, становится очевидным, что контролируемое рядом гособразований ограниченное или формальное национальное самоуправление фактически блокирует решение национального вопроса, что приводит к возникновению конфликтов. В основе этой конфликтной ситуации находится все еще существующее порочное положение, при котором права национально-этнических меньшинств и зависимых народов отнесены к кругу внутренней политики державного народа и его государственной системы. Помимо того, что такое положение противоречит признанным на международном уровне принципам по этому вопросу, следует подчеркнуть, что одно дело – отнесение этого вопроса к категории внутренних проблем в западных демократических странах, в известной степени и в России, и совершенно другое – в странах мусульманского Востока, где исламский фактор и отсутствие демократических традиций и правопорядка исключают возможность решения национального вопроса в пределах отдельно взятого государства. Пример тому Турция, Иран, Ирак и др. Этим обусловлены конфликтные или кризисные ситуации, связанные с отсутствием внутреннего национального самоуправления как в Турции, Сирии, Иране и его половинчатостью (в Ираке).

Отмеченные выше трудности, безусловно, осложняют и тормозят становление автономии курдов. Однако есть целый ряд предпосылок или факторов другого склада, которые говорят в пользу необратимости этого процесса, его положительных перспективах. Начнем с того, что этот процесс начался не с нуля. Формально курды уже имели кое-какие автономные права, которые были зафиксированы в конституции страны. Право автономии было достигнуто благодаря вооруженной борьбе курдов за автономию в 1961–1970 гг. Условия соглашения 11 марта 1970 г. между багдадским режимом и лидером курдского движения Мустафой Барзани удовлетворяли почти все требования курдских автономистов. Для подготовки закона об автономии курдов был установлен четырехлетний срок. Однако подготовленный правительством так называемый закон № 33 об автономии курдов (от 11 марта 1974 г.) настолько ограничивал права курдов, что это привело к во-

зобновлению курдской вооруженной борьбе. Все это стало следствием специфического политического процесса, при котором право на автономию было завоевано «снизу», а закон о ней был подготовлен и навязан «сверху».

Следует отметить, что новый этап движения за автономию по существу преследует цель выполнения соглашения от 11 марта 1970 г. как по политическим вопросам, так и о границах автономного региона. Баасистский режим вероломно отверг договоренности с курдами. Более того, баасисты утвердили абсолютную диктатуру, что противоречило лозунгу автономистов и устраняло возможность решения спорных вопросов. Острыми оставались вопросы о нефтеносном Киркукском районе и районе, населенном курдами-езидами и др.

Заметим, что с самого начала автономистского курдского движения (с сентября 1961 г.) иракское правительство последовательно выселяло курдов из нефтеносных районов Киркука и некоторых других и переселяло туда арабов. Однако курдские лидеры считали законным возвращение курдов на их прежнее местожительство. Поэтому они во время встреч и переговоров с правительственными делегациями по курдскому вопросу настаивали на урегулировании этой проблемы. При подписании Соглашения от 11 марта 1970 г. этот вопрос был принят во внимание. При этом было принято решение руководствоваться статистическими данными переписи населения 1957 г. Однако этот вопрос так и не был решен мирным путем. Курды взяли за оружие. К этому времени относятся слова генерала Барзани «Киркук-сердце Курдистана». Между тем, этот вопрос так и не нашел своего решения до сих пор.

В 90-е годы XX в. Южный Курдистан фактически стал автономным. Теперь процесс курдского самоопределения вошел в новую стадию. Курды борются за отстаивание уже достигнутых автономных прав и их реализации в новом федеративном государстве.

Для курдского, как и для любого национально-освободительного движения, большое значение имеет позитивная международная позиция и внешнеполитическая поддержка. Курдское движение было лишено официальной поддержки какого-либо государства или группы государств. Поддержка курдским автономистам оказывалась лишь иногда по соображениям политической или военной конъюнктуры.

За последние полтора десятка лет курдское автономистское движение в значительной степени вышло из этой своеобразной «блокады». В настоящее время оно поддерживается некоторыми европейскими государствами. Так, парламенты Швеции, Бельгии, Греции, Норвегии, Испании и др. обсуждали этот вопрос и приняли решение о поддержке движения. Важно, что США и Канада, а также почти все европейские страны поддерживают идею федеративного государственного устройства Ирака, при котором Курдская автономия станет субъектом федерации.

Особое значение имеет позиция мусульманского Востока по отношению к автономии курдов в Ираке. Она не однозначна. Наряду с существованием антикурдски настроенных политических течений в арабских странах на протяжении длительного периода борьбы курдов за автономию, там всегда были политические силы, занимавшие позитивную позицию в отношении требований курдов. Эта позиция проявлялась, в частности, в государственной политике некоторых арабских государств (Ливии, Египта, Иордании, Туниса и др.). Так, на конференции в Каире в мае 1998 г. с участием большого количества арабов и курдов, было принято решение о необходимости взаимопонимания и дружбы курдов и арабов, развитии курдско-арабских отношений во имя справедливого решения проблемы автономии курдов. Важно подчеркнуть, что, несмотря на долгий и драматичный характер курдского освободительного движения и применение против курдов жесточайших репрессивных мер со стороны баасистского режима, они не привели к тотальной вражде и нетерпимости между курдами и арабами, что характерно для других регионов национальных конфликтов. В Южном Курдистане с участием представителей интеллигенции Ирака и других арабских стран, а также различных слоев общественности проводили и проводят различного рода мероприятия, выставки работ арабских художников, выступления деятелей искусств и целый ряд других арабо-курдских дружественных встреч. Среди мероприятий такого характера в Южном Курдистане, пожалуй, наиболее значимым было масштабное празднование 100-летнего юбилея со дня рождения крупнейшего арабского поэта Мухаммеда Махди аль-Джавахири, в котором приняли участие представители ряда арабских стран. В Эрбиле и Сулеймании установлены изготовленные в Италии бронзовые памятники поэту. В начале 2005 г. руководитель курдско-арабского общества в Эрбиле Салех Бадреддин совершал поездку в Палестину, встретился с его президентом Махмудом Абасом и передал ему послания Масуда Барзани и Нечирвана Барзани. Палестинский президент заявил, что он совершит поездку в дружественный Иракский Курдистан⁵.

К числу факторов, способствующих процессу становления автономии курдов, относится фактически широкое международное признание автономных национально-государственных структур. Автономный Южный Курдистан имеет свои представительства почти во всех европейских странах, а также США, Канаде, Японии, Южной Корее и др. Характерно, что, несмотря на известное негативное отношение Турции, Ирана и Сирии к автономным курдским госструктурам, в этих государствах функционируют представительства курдской автономии, обеспечивающие своего рода роль межгосударственных связей. Важным проявлением процесса признания автономного курдского региона является тот факт, что его руководители Масуд Барзани, Джалал Талабани, Нечирван Барзани, курдские парламентские

делегации многократно совершали визиты в различные государства мира и принимаются главами государств, руководителями правительств и парламентов США, Англии, Франции, Германии, Канады, Японии, России, арабских стран и пр.

Особо следует подчеркнуть контакты курдских руководителей с руководством Турции, Ирана и Сирии. ДПК и ПСК участвуют в работе различных форумов Социалистического Интернационала. Членами соответствующих международных организаций являются курдские молодежные, научные, учительские и другие общества и объединения.

Автономный регион имеет также значительные экономические связи с целым рядом стран, в том числе и с Китаем.

Эрбильский и Сулейманийский университеты являются членами международной ассоциации университетов.

Для сравнения заметим, что политические и экономические связи такого характера и масштаба с внешним миром не имеет ни один из так называемых непризнанных национально-конфликтных регионов.

Южный Курдистан является одним из объектов террористической и подрывной деятельности исламских радикалов. Тем самым он фактически находится в международной антитеррористической коалиции. Естественно, что это обстоятельство способствует росту авторитета автономного региона, пониманию характера происходящего здесь процесса и адекватной его оценки. Необходимо подчеркнуть, что теоретически по всем объективным аргументам курдский народ имеет право на национальную независимость. Однако авторитетные лидеры курдского национального движения считают с конкретными реалиями и обстоятельствами, факторами конъюнктурного характера, в разной степени используемыми не только соседними государствами, но фактически и великими державами, и пока не ставят задачу достижения независимости, а полноценного внутреннего самоуправления в рамках федерации. Это фактически своего рода уступка, компромисс, что должно быть оценено при поиске путей решения курдской проблемы.

Как было отмечено, для судеб курдской автономии бесспорны значимость позиции международного сообщества и его поддержка. В связи с этим привлекает внимание тот факт, что после характерной для периода «холодной войны» конфронтации мирового масштаба между известными лагерями, в настоящее время имеет место процесс формирования новой по характеру и значимости конфронтации, теперь уже между международным терроризмом, с одной стороны, и антитеррористической коалицией, с другой. Последняя по своему составу весьма обширна и включает как западные страны, так и страны бывшего СССР и многие другие страны, в том числе арабские. Фактическое включение автономного региона в это сообщество имеет положительное значение для его авторитета, современного его состояния и судьбы в будущем.

В мае 2005 г. министр обороны США Доналд Рамсфелд в Эрбиле после встречи с Масудом Барзани на совместной пресс-конференции заявил, что «совместная борьба курдов и Америки против терроризма будет продолжаться, и курды будут бороться за демократический, федеративный и плюралистический Ирак».

Расширение общественно-политических и культурных связей автономного региона с внешним миром играет немалую роль в составлении правдивого и целостного представления об этом народе, его богатой истории и самобытной культуре. Следует напомнить, что одной из составных частей политики антикурдизма являлась фальсификация и извращение всего того, что составляло основу менталитета курдского народа. Важно отметить, что в настоящее время не остался незамеченным тот факт, что курдское национальное движение, несмотря на драматизм его развития, не привело к терроризму, актам насилия против мирного населения, захвату заложников и другим формам терроризма и насилия, столь распространенным в других конфликтных регионах.

Вдобавок к перечисленным факторам, поддержка и отстаивание федеративного статуса курдов диктуется и драматическими уроками истории, главным из которых является невозможность силового решения курдской проблемы. И именно ее нерешенность является одной из главных причин нестабильности в регионе.

Отдавая должное благоприятным условиям курдской автономии и возможности ее развития, в то же время нельзя преувеличивать их значимость. Факторы, мешающие существованию и развитию курдской автономии, имеют угрожающий характер и могут стать причиной различного рода осложнений в регионе. С учетом этого обстоятельства в автономном регионе созданы силы самообороны, которые и по численности, и по боеспособности в состоянии обеспечить самооборону края.

В настоящее время курды переживают ответственный этап своей борьбы за самоопределение. Его беспрецедентный характер на мусульманском Востоке и связанные с ним сложности диктуют необходимость соответствующей международной поддержки.

¹ Piscatorii J.P. Islam in the Political Process. Cambridge, 1983, с. 13.

² Коровников А. Исламский экстремизм в арабских странах. М., 1990, с. 30.

³ Спецзаявление ПСК «О деятельности "Джунуд аль-ислам"». 19.09.2001, с. 1.

⁴ Buro ya Kurdi. Bultena semehi, Bruxells, № 32, 2005, с. 9.

⁵ Buro ya Kurdi, Bultena semehi, Bruxells, № 31, 2005, с. 12.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ РОЛЬ УНИВЕРСИТЕТОВ ЮЖНОГО КУРДИСТАНА

В настоящее время на территории курдских администраций существуют четыре государственных классических университета: Эрбильский университет им. Салахэддина (Саладина), Дохукский, Сулейманийский и Койсанджакский. Лишь Эрбильский университет был создан иракскими властями. Университеты в Дохуке, Сулеймании и Койсанджаке были образованы курдскими властями. Сулейманийский и Дохукский университеты были учреждены решением Регионального правительства Курдистана (тогда еще единого) в 1992 г. Койсанджакский университет возник в 2005 г.¹

Кроме того, в 2005 г. на базе университета в Эрбиле (медицинского, стоматологического и фармацевтического факультетов) был образован медицинский университет. Университеты на территории курдских администраций находятся в ведении министерств образования и Советов по высшему образованию и научным исследованиям, созданных при соответствующих региональных правительствах. В основном обучение для студентов бесплатное.

Финансируются курдские университеты Региональными правительствами (Эрбильский и Дохукский университеты – Региональным правительством Курдистана (РегПК) в Эрбиле, Сулейманийский – РегПК в Сулеймании), которые ежегодно утверждают бюджеты университетов.

В курдских университетах, как и во всем Ираке, действует система ученых степеней, принятая в Европе. После четырех лет обучения присваивается степень бакалавра, еще двух лет – магистра (с защитой магистерской диссертации). После магистратуры следует трехлетняя аспирантура (postgraduate) с защитой докторской диссертации. Ученая степень доктора наук (Phd) эквивалентна российской ученой степени кандидата наук.

Крупнейшим университетом Иракского Курдистана является университет в Эрбиле.

Эрбильский университет им. Салахэддина (в Курдистане нередко говорят «Салахэддинский университет») был создан в 1968 г. в Сулеймании на основе соглашения между иракскими властями и Джалалом Талабани (ныне – председатель Патриотического союза Курдистана (ПСК) и президент Ирака). В то время Дж.Талабани и его

приверженцы вышли из Демократической партии Курдистана (ДПК) во главе с Мустафой Барзани и возглавил свою группировку, которую он противопоставлял ДПК. В этом можно усматривать интриги Багдада, поскольку иракское руководство пыталось расколоть курдское национально-освободительное движение, олицетворявшееся тогда, безусловно, лидером ДПК Мустафой Барзани и его партией. Используя стремление Талабани к лидерству, во второй половине 60-х годов иракское руководство как будто оказывало ему материальную и военную помощь взамен на его согласие продолжать соперничество с ДПК². Фракция Талабани в то время также имела название ДПК. В рамках согласительной политики Дж.Талабани с Багдадом им было получено разрешение на учреждение в Сулеймании курдского университета. Это было неслучайно, поскольку в течение двух столетий этот город был важным культурным центром Южного Курдистана.

В университет, который назывался тогда Сулейманийским университетом, начался прием студентов на три факультета – естественных наук (по специальностям «математика», «физика», «химия» и «биология», с 1976 г. – «геология»), сельского хозяйства и инженерный факультет. В 1971 г. был открыт факультет искусств («курдский язык и литература», «арабский язык и литература»), в 1976 г. – факультет управления и экономики и факультет образования (педагогический факультет), в 1977 г. – медицинский факультет.

Вместе с тем, Сулейманийский университет находился под жестким контролем иракских властей. В 1981/82 учебном году иракские власти решили перевести Сулейманийский университет в административный центр созданного в 1974 г. Курдского автономного района (КАР)³ – город Эрбиль. Это способствовало усилению идеологического контроля иракских властей над Эрбилем. Университету было присвоено имя Салахэддина – великого полководца и политического деятеля арабского и исламского мира, курда по происхождению. С этого времени начинается история Эрбильского университета, который считает себя преемником Сулейманийского университета.

Следует отметить, что С.Хусейн, называвший себя «современным Салахэдином», присвоил имя Салахэддина университету в Эрбиле не для того, чтобы отдать должное памяти курда, ставшего одним из известнейших деятелей арабской истории, а с целью собственного прославления. Иракские власти планировали перенести со временем Эрбильский университет⁴ на родину Саддама в Тикрит, являвшийся центром провинции Салахэддин. Таким образом, университет имени Салахэддина должен был быть переведен в административный центр провинции, также названной в честь Салахэддина. Однако иракским властям не удалось осуществить этот план, поскольку там перманентно вело борьбу курдское освободительное движение. Между тем, иракские власти не только не закрыли университет, но даже стали его расширять. Так, в 1985/86 учебном году в Эрбильском

университете, вдобавок к факультетам, открытым ранее в Сулеймании и переведенным в Эрбиль, был открыт факультет права и политологии. Однако в 1987 г. иракскими властями был закрыт один из важнейших для Курдистана факультетов – сельскохозяйственный.

В Эрбильском университете им. Салахэддина обучались около 6,5 тыс. студентов и работали около 700 преподавателей, половина которых являлась арабами. Это делалось для того, чтобы превратить университет в оплот арабского национализма в районе компактного проживания курдов, что соответствовало политике арабизации, принятой С.Хусейном. Эти преподаватели были отозваны из Эрбиля иракскими властями в 1992 г. в рамках блокады Курдистана со стороны иракских властей.

Между тем, в 90-е годы ситуация начала меняться. После создания в 1992 г. в Южном Курдистане «зоны безопасности», проведения парламентских выборов и создания РегПК вся полнота власти на территории севернее «зеленой линии»⁵ оказалась в руках курдской администрации. Курдские университеты, как и весь Южный Курдистан, с 1992 г. попали под двойную блокаду, – с одной стороны, под действие международного эмбарго, как часть Ирака, с другой, под блокаду иракских властей, пытавшихся «задушить» Курдистан и доказать «неспособность курдов к самоуправлению». Однако, несмотря на противоречия, имевшиеся между курдскими политическими организациями, приводившими к братоубийственным конфликтам, работа Эрбильского университета не прекращалась. Теперь его работой стала заниматься курдская администрация, старавшаяся освободить его от идеологического влияния арабского национализма. Она продолжила тенденцию расширения этого учебного заведения. Так, в 1992 г. был создан вечерний факультет права (фактически на основе существующего факультета права и политологии). В 1995/96 учебном году впервые был организован факультет стоматологии. В 1996 г. был вновь открыт сельскохозяйственный факультет. В 1997/98 учебном году возник фармацевтический факультет, в 1998/99 учебном году – факультет физического воспитания (выделен на основе созданной в 1988 г. на факультете образования специальности «физическое воспитание»), в 2001/2002 учебном году – факультеты дошкольной педагогики и повышения квалификации учителей (лишь бакалавриат), в 2002/2003 учебном году – факультет шариата (исламского права) и исламских исследований (три специальности: «исламские исследования», «исламское право» и «основы религии»), на котором ведется подготовка имамов. Этот факультет был учрежден курдами на базе специальности «исламоведение», введенной в 1991 г. на факультете искусств.

Факультет испытывает недостаток специалистов по исламу. Так, среди девяти преподавателей кафедры «исламские исследования» лишь трое являются специалистами по исламу – один преподаватель

является специалистом в области шариата, два – в области исламской идеологии. При этом пять преподавателей кафедры являются специалистами по арабскому языку и литературе (два по грамматике, два – по лингвистике и один литературный критик). Примечательно, что среди преподавателей кафедры есть и специалист по христианству. На кафедре два преподавателя имеют звание доцента и степень Phd (кандидата наук), в том числе один специалист по шариату, один – по грамматике арабского языка.

На кафедре «шариат» работают преподаватели без ученых степеней и званий. Из шести человек двое являются специалистами в области основ религии, двое – исламской идеологии, один – арабского языка и один – арабской литературы.

На кафедре «основ религии» девять преподавателей, но лишь один имеет звание доцента (хотя и без степени). Двое преподавателей – специалисты в области арабского языка.

Создание «исламского факультета» весьма важно для системы образования Южного Курдистана в связи с усилением значимости исламского фактора в общественной жизни. Созданием этого факультета РегПК, видимо, преследовало следующие цели: осуществлять и контролировать подготовку «национальных» исламских священнослужителей, которых будут назначать имамами мечетей в Курдской автономии; предотвратить проникновение в курдистанские мечети иностранных исламских проповедников; создать в Южном Курдистане авторитетную научную школу исламского права и исламских исследований, которая была бы противопоставлена радикальным течениям, в последние годы весьма активно распространенным в этническом Курдистане.

Медицинские (включая фармацевтические и ветеринарные) и естественно-научные предметы в Эрбильском университете (как и в Дохукском и Сулейманийском университете) преподаются на английском языке, гуманитарные и экономические специальности – на курдском и арабском языках. Обучение на арабском языке происходит вследствие привлечения преподавателей-арабов, что обусловлено недостатком курдских кадров. Следует отметить, что после свержения в Ираке баасистского режима и возникновения напряженной ситуации на территории арабской части Ирака, значительное количество преподавателей из иракских университетов устремилось в Курдистан, где они могут работать в условиях безопасности и получать достойное вознаграждение. Однако преподаватели-арабы сталкиваются с языковыми проблемами. Как заявляют арабские преподаватели и курдские студенты, по крайней мере, в Сулейманийском университете большое количество студентов либо совсем не владеет арабским языком либо владеет им на недостаточном для обучения уровне. Хотя руководство курдских университетов в качестве одного из условий предоставления работы ставит владение преподавателями-

арабами курдским языком. Однако в большинстве случаев им не удается за короткое время и в должной степени изучить курдский язык. Поэтому они работают на арабском языке. Нередко экзамены принимаются преподавателями-арабами с помощью переводчика. Все это вызывает недовольство курдских студентов⁶.

Однако, по словам ректора Эрбильского университета Мохаммеда Садыка⁷, руководство университета планирует перевести преподавание на всех гуманитарных факультетах на курдский язык. Английский язык, по словам М.Садыка, будет вторым языком обучения по этим специальностям в университете им. Салахэддина, а арабский – третьим⁸. Кроме того, он заявлял, что в университете уже начался перевод обучения на два языка по ряду гуманитарных специальностей (курдский и английский)⁹.

Следует отметить, что указанная тенденция характерна для всей системы образования в Южном Курдистане. Так, в последние два-три года курдские власти ведут активную работу по подготовке преподавателей английского языка. С 2005 г. английский язык введен в качестве обязательного предмета в школе с третьего года обучения, в то время как ранее он изучался с пятого года обучения. Примечательно, что на факультете дошкольной педагогики в настоящее время осуществляется подготовка лишь по следующим специальностям: «курдский язык», «английский язык», «математика» и «социология». Именно эти предметы являются приоритетными в начальных школах Южного Курдистана. Среди названных направлений, как видно, нет арабского языка, а главными языками обучения будут курдский и английский. Следует отметить, что специальность «социология» на этом факультете несколько отличается от принятого в науке обозначения социологии. Этот курс дает будущим учителям представление о социологических основах курдского общества. Так, среди основных предметов этой специальности – история курдов, география Курдистана, история Айюбидов (известная курдская династия, правившая в средние века обширными территориями на Ближнем и Среднем Востоке, представителем которой был и Салахэддин), история цивилизаций, психология.

Курдские власти заявляют, что в школе первым языком обучения будет курдский, далее усиленно будет изучаться английский, а затем уже арабский язык. Они подчеркивают приоритет научных достижений Запада и необходимость приобщения курдской молодежи к европейской цивилизации с целью восприятия западных технологических знаний. При этом они говорят о приоритете заимствования на данном этапе технических достижений Запада, умаляя значимость созданных в странах арабского мира. Следует отметить, однако, что этот процесс не является однозначным.

После свержения баасистского режима в сложной военно-политической обстановке, сложившейся в Ираке, Южным Курдиста-

ном, как единственным безопасным регионом страны, заинтересовались арабские бизнесмены, которые предпринимали попытки вложить там свои капиталы. Курдские власти поощряют этот процесс, представляя Южный Курдистан как «ворота в Ирак». В связи с этим некоторые наблюдатели говорят, что на улицах курдских городов все чаще можно услышать арабскую речь, а в элитных курдистанских гостиницах нередко можно увидеть ценники лишь на английском и арабском языках.

Ежегодно Эрбильский университет, являющийся главным университетом Южного Курдистана, заканчивают более двух тысяч человек (бакалавриат) и около трехсот человек завершают обучение в магистратуре и аспирантуре. За все время существования Эрбильского университета (с учетом 1968–1981 годов) окончило более 15 тыс. человек. В настоящее время на 65 специальностях 17 факультетов Эрбильского университета обучается более 16 тыс. студентов, почти половина из которых девушки. Там работает свыше тысячи преподавателей, из которых треть составляют женщины.

В Южном Курдистане наблюдается бурный процесс вовлечения женщин в социально-экономическую и политическую жизнь. В настоящее время пока рано говорить о гендерном равенстве в Иракском Курдистане и об отсутствии препятствий для женщин. Они имеют, например, при поступлении на государственную службу и продвижении по ней. Однако высокая доля девушек в курдских университетах и происходящие в Иракском Курдистане общественно-политические процессы, а также стремительная эмансипация, означают, что в течение ближайших одного-двух десятилетий курдские женщины смогут стать полноправными участниками политической и социально-экономической жизни Курдской автономии. Следует отметить, что весьма активно работают над вовлечением женщин в общественную жизнь курдские власти, сочетая для этого различные меры (от пропаганды до выделения квот).

Основной проблемой курдских университетов является отсутствие высококвалифицированных преподавателей, особенно по техническим специальностям. Так, деканом естественно-научного факультета (специальности: «химия», «биология», «математика», «физика» и «геология») в Эрбильском университете является магистр математики. Аспирантура существует лишь по специальностям «химия», «биология» и с 2003 г. «физика». На инженерном факультете (специальности: «энергетика», «механика», «архитектура» и «информационные технологии») вообще нет аспирантуры. Кроме того, по техническим специальностям обучается лишь небольшая группа студентов. Основная их часть обучается гуманитарным и экономическим специальностям. Подобная ситуация характерна и для других курдских университетов.

Как заявлял ректор Эрбильского университета Мохаммед Садык, 15-летняя двойная блокада курдских университетов нанесла им зна-

чительный ущерб. По его словам, основная проблема состоит в том, что эти университеты занимаются лишь текущей работой (обучением) и не ведут научных исследований¹⁰, хотя в Южном Курдистане университеты могут стать научными центрами. Там нет отдельной научной структуры, которая осуществляла бы сугубо научные исследования, как, например, в СССР, где действовала Академия Наук. Кроме того, существуют проблемы и с профессиональным уровнем преподавателей, большинство из которых окончили иракские и курдистанские вузы. Лишь небольшая часть преподавателей получила образование за рубежом¹¹. Однако далеко не всегда полученные за рубежом дипломы и ученые степени являются свидетельством высокого уровня образования или научной подготовки. Так, вызывает сомнение университетской администрации квалификация специалистов, получивших некогда образование в советских учебных заведениях, преимущественно по гуманитарным специальностям.

На факультете искусств и лингвистики (до 2005 г. просто факультет искусств), являющемся крупнейшим факультетом университета (более 2 тыс. студентов) в настоящее время идет обучение по многим специальностям. Еще иракскими властями были открыты специальности: «курдский язык» (1971 г.), «социология» (1974 г.), «арабский язык» (1976 г.), «английский язык» (1985 г.), «история» (всеобщая и курдская, 1985 г.), «географии» (1987 г.). В дальнейшем продолжилась тенденция расширения специализации: на факультете были открыты следующие специальности: «исламоведение» (1991 г.), которая, как уже отмечалось, была впоследствии выделена в отдельный факультет, «персидский язык» (1998 г.), «археология» (2000 г.) и «английский язык» (вечерняя форма обучения, 2000 г.). Магистратура имеется по специальностям «курдский язык», «арабский язык» (открыты в 1986 г.), «история» (1987 г.) «английский язык», «социология» и «география» (все в 1992 г.) Лишь в 1992 г. на факультете была открыта аспирантура («курдский язык» — 1992 г., «история» — 1993 г., «география» и «английский язык» — 1995 г., «социология» — 1999 г., «арабский язык» — в 2000 г.). Примечательно, что аспирантура по специальности «курдский язык» в главном университете Иракского Курдистана была открыта сразу же после формирования РегПК, а по специальности «арабский язык» — лишь в 2000 г., спустя пять лет после открытия аспирантуры по специальности «английский язык».

На факультете управления и экономики ведется подготовка по специальностям «статистика», «управление», «бухгалтерский учет» и «экономическая теория».

Факультет образования (педагогический факультет), готовящий учителей для средних школ Южного Курдистана, имеет специальности «биология», «химия», «физика», «математика», «арабский язык», «курдский язык», «педагогика и психология», «английский язык».

Впервые с 1999 г. в университете стали готовить специалистов по «информационным технологиям».

Следует отметить, что подготовка по естественно-научным специальностям («биология», «химия», «математика», «физика») на этом факультете уступает подготовке на естественно-научном факультете. В настоящее время руководство университета планирует разделить этот факультет на два: педагогический факультет гуманитарных наук и педагогический факультет естественных наук.

На факультете права и политологии первоначально была одна специальность — «правоведение». В 1993 г. введена специальность «политические науки».

На вечернем факультете права обучаются почти 800 студентов.

Среди ближайших планов университета открытие специальности «журналистика».

Выше говорилось о проблемах образования по естественно-научному блоку. Однако и по гуманитарным специальностям курдская высшая школа, как Эрбильский, так и другие университеты, имеют значительные пробелы. Так, в лучшем случае, лишь к 2010 г. курдские университеты смогут выпускать журналистов. В курдских университетах нет направления «туркология», хотя Турция является важнейшим экономическим партнером и имеет значительное политическое влияние в регионе. Важной является также подготовка специалистов по ряду европейских языков. Кроме того, следует отметить, отсутствие, например, таких специальностей, как философия. Некоторые факультеты планируется расширять, а пока на них обучается небольшая часть студентов.

Эрбильский университет является лидером в формировании новой курдской системы образования, и не только высшего.

Ректор Эрбильского университета откровенно заявляет, что «одним из наших важнейших приоритетов является создание *независимой курдской* (курсив автора) образовательной системы, основанной на модернизации, развитии критического мышления...» и т.п. В то же время он говорит и о «включении в глобальное образовательное сообщество», в связи с чем важное значение он придает, как уже отмечалось, английскому языку и информационным технологиям¹². При этом следует отметить, что курдские университеты пытаются подключиться к глобальному образовательному процессу, минуя арабские университеты. Эрбильский университет, как и другие курдские университеты, в первую очередь во главу угла ставит сотрудничество с европейскими и американскими университетами. Он старается отмежеваться от Багдадского университета. При этом курдские студенты стремятся попасть на стажировку и продолжить свое обучение не в ведущих иракских университетах, а получить гранты западных, в первую очередь, американских и британских университетов.

По словам ректора Эрбильского университета, курдские власти провели реформу образования от дошкольного до высшего в Курдской автономии. Новые программы гражданского образования подготовлены с учетом курдской и всемирной истории, географии, литературы, социальных исследований, курдского языка и других ключевых предметов¹³. Об арабах и Ираке речь уже не идет.

Важная роль в системе высшего образования КАР принадлежит Дохукскому университету, который стал развиваться быстрыми темпами с 90-х годов XX в.

Первыми факультетами **Дохукского университета** были медицинский и сельскохозяйственный (1992 г.). В 1994 г. были созданы инженерный факультет («иригация», «инженерное дело»), факультет искусств («курдский язык», «английский язык» и «история», арабского языка нет), в 1997 г. — факультет образования (педагогический) («математика», «физика» с 1997 г., «информационные технологии» — с 2000 г.) и «факультет управления и экономики» (специальности «экономика», которая существовала с 1995 г. в рамках факультета искусств, и «управление» с 1998 г.), в 1998 г. — ветеринарный факультет, с 1999 г. — факультет права и политических наук (единственная специальность «правоведение» была введена в 1997 г. на факультете управления и права). Магистратура в Дохукском университете по некоторым специальностям была открыта с 1997 г., аспирантура — с 1998 г.

В настоящее время на 9 факультетах Дохукского университета обучается около 4,5 тыс. студентов.

В Дохукском университете имеется один независимый (негосударственный) колледж шариата и исламских исследований. Этот колледж был создан в 1992 г. вне Дохукского университета, однако в 1995 г. он заключил с университетом соглашение, согласно которому последний осуществляет научное руководство колледжем. В связи с этим, Совет по высшему образованию и научным исследованиям при РегПК признает дипломы колледжа. Деятельность колледжа финансируется за счет пожертвований.

Свою работу в 90-е годы XX в. возобновил **Сулейманийский университет**. Первыми его факультетами были сельскохозяйственный, лингвистический и медицинский (1992 г.).

Сельскохозяйственный факультет (специальности: «зерноводство и табаководство», «почвоведение», «животноводство») является одним из важнейших в университете. С 1998 г. здесь открыта магистратура, с 2000 г. — аспирантура. Факультет имеет большую ферму в Бакраджо, в 10 км от Сулеймании.

Лингвистический факультет имеет следующие специальности: «курдский язык и литература» (1992 г.), «арабский язык и литература» (1992 г.), «английский язык и литература» (1994 г.). На факультете защищены более десятка кандидатских (Phd) диссертаций, причем все по курдскому языку и литературе.

Медицинский факультет ежегодно выпускает 60–80 врачей.

В 1994 г. был создан естественно-научный факультет («геология» и «математика», с 1996 г. — «химия», «биология», с 1998 г. — «физика», с 2000 г. — «информационные технологии»), в 1995 г. — инженерный факультет («иригация», с 1996 г. «строительство», с 1999 г. — «архитектура»), в 1996 г. — ветеринарный и стоматологический факультеты.

В настоящее время на 16 факультетах Сулейманийского университета обучается более 8 тыс. студентов.

Следует отметить, что нынешний Сулейманийский университет также считает себя преемником университета, существовавшего в Сулеймании в 1968–1981 гг.

Курдистан охватил образовательный бум. Несмотря на многие проблемы, в регионе наблюдается большой энтузиазм в деле развития высшего образования.

Кроме созданных недавно университета в Койсанджаке (планируется, что в скором времени там будет 11 факультетов) и медуниверситета в Эрбиле, планируется создание еще нескольких высших учебных заведений.

Еще один университет предполагается открыть в Халабдже (провинция Сулеймания). Планируется, что первым факультетом университета будет сельскохозяйственный, который откроется на базе сельскохозяйственного отделения Технического института в Халабдже. Технические институты, кроме Халабджи, имеются в Эрбиле, Дохуке и Сулеймании. В технических институтах Курдистана обучается около 3 тыс. человек. Дипломы этих институтов не приравнены к дипломам университетов, эти институты, фактически являющиеся техникумами, созданы для подготовки специалистов-практиков.

В Южном Курдистане имеются также т.н. промышленные, коммерческие, сельскохозяйственные школы, а также школы искусств. Срок обучения составляет в них три года. По своему уровню их можно причислить к средним учебным заведениям (профессионально-техническими училищами и техникумами).

Согласно некоторым сообщениям, РегПК в Сулеймании активно продвигает проект создания в Сулеймании Американского университета. Как заявила министр образования РегПК в Сулеймании Ахтер Наджмаддин, американское посольство в Багдаде готово выделить для реализации этого проекта 10 млн. долл., сулейманийское РегПК — 7 млн. долл. и еще один миллион долларов выразил готовность пожертвовать президент Ирака и лидер ПСК Джалал Талабани¹⁴. Заинтересованность в создании подобного вуза со стороны США объясняется, по-видимому, тем, что в этом университете будет вестись подготовка проамерикански настроенной элиты, и, скорее, всего, не только из Сулеймании или Южного Курдистана, но и других частей этнического Курдистана.

Нельзя исключать, что университет может быть создан в скором времени также и в городе Захо (провинция Дохук), влияние которого возросло благодаря приграничной торговли с Турцией.

С конца 90-х годов университеты Иракского Курдистана стали принимать студентов из других частей Курдистана. Однако до свержения в Ираке баасистского режима этот процесс не имел регулярного и массового характера. Если абитуриент из других частей этнического Курдистана желал учиться в университете, то каждый случай ректорат рассматривал индивидуально.

В 2004 г. министерство образования РегПК в Сулеймании выделило в Сулейманийском университете 5% бесплатных мест для курдов из других частей Курдистана¹⁵. С этого времени курды активно привлекают на учебу в Иракский Курдистан. В 2004 г. в Сулейманийском университете уже обучалось около 100 студентов из других частей Курдистана, в основном из Сирии и Ирана. Большинство граждан Сирии бежали в Южный Курдистан и получили возможность учиться там в университетах после восстания в марте 2004 г. Они получают стипендию в размере 100 долларов, что вдвое превышает размер стипендии для граждан Ирака. Эрбильский университет лишь в 2004 г. принял 120 студентов из Сирии и 70 из Ирана¹⁶. По данным ректора Эрбильского университета, в 2005 г. в этом вузе обучалось около 500 студентов из других частей Курдистана. Примечательно, что, по его словам, иракские курды надеются, что эти студенты станут мостом между всеми частями Курдистана. Более того, как заявил ректор, руководство не считает курдов из других частей Курдистана иностранными студентами. Кроме того, курдские университеты заинтересованы не только в студентах-курдах из других частей Курдистана, но и в преподавателях. Ректор Эрбильского университета в феврале 2005 г. в своем интервью призвал курдов-преподавателей, проживающих за пределами Южного Курдистана, быть патриотичными и приехать преподавать в курдские университеты¹⁷. С подобным призывом ранее неоднократно руководители курдских университетов обращались к курдским преподавателям. Так, 30 апреля 2002 г. на встрече в Эрбиле руководители Эрбильского, Дохукского и Сулейманийского университетов приняли даже специальное обращение к проживающим за пределами Южного Курдистана курдам, имеющим ученые степени, чтобы они приезжали в Курдистан и работали там¹⁸.

Курды из других частей Курдистана высоко оценивают возможность «учиться по-курдски и жить как курды», чего они лишены в своих странах¹⁹.

В 2005 г. РегПК (Сулеймания) сохранил 5% квоту для приема абитуриентов из других частей Курдистана²⁰. По заявлениям курдских властей, эта квота будет сохранена и дальше, а, возможно, и увеличена.

Иранские власти уже беспокоились процессом притока в университеты Южного Курдистана иранских курдов. Они прекрасно по-

нимают, что эти университеты станут базой для подготовки националистически настроенной курдской интеллигенции Ирана (и не только Ирана), слоя интеллектуалов и проповедников идеологии и политики панкурдизма. Следует отметить, что приехавшие учиться в Южный Курдистан курды из других частей Курдистана, как правило, уже являются убежденными сторонниками панкурдизма и весьма политизированы²¹. При этом их национализм будет базироваться на националистических представлениях курдов Южного Курдистана.

Курды, имея самоуправление, живут значительно лучше, нежели, находясь под властью (гнетом) соседних народов. Поэтому для предотвращения потока иранских курдов в университеты Южного Курдистана заместитель министра образования Ирана заявил, что дипломы, полученные гражданами Ирана в университетах Иракского Курдистана, не будут признаваться в Иране²². Следует отметить, что иранский замминистра образования заявил о непризнании дипломов именно университетов Южного Курдистана, а не всех иракских университетов.

В последние годы среди иракских курдов укрепилась уверенность в способности курдов к самоуправлению, т.е. курдам удалось развеять «миф» о том, что они, будто бы, не способны к государственно-созидательной (общественно-созидательной) жизни, и об их этнопсихологической обреченности на «повстанческое существование», неспособность к мирной жизни. Опыт последних лет показал, что этот миф был умышленно сфабрикован врагами курдов. Поскольку курды не имели условий для созидательного образа жизни. «Экономический бум», как в настоящее время характеризуют экономическую ситуацию в районах, подконтрольных курдской администрации, и опережающее по сравнению с остальной частью страны, социальное развитие, является наиболее достойным опровержением различных, ставших уже традиционными, стереотипов о неспособности курдов к современным способам ведения хозяйства и их изначальной воинственности. Впервые в истории, и, что самое главное, после нескольких лет самоуправления, «курдская периферия» по своему развитию и качеству жизни опережает «метрополию». Возможно, в этом заслуга не только курдских лидеров, но не следует и преуменьшать их роль.

В соседних странах не могут не осознавать, что, хотя нынешняя курдская элита понимает нереальность создания именно сегодня независимого Курдистана, опережающее развитие иракских курдов по сравнению с остальной частью страны уже стало весьма важным фактором создания экономического базиса независимости. В настоящее время желание курдов создать государство обусловлено не только патриотическими порывами, но и реальными материальными предпосылками. У курдов объективно укрепляется вера в то, что уровень жизни в независимом Курдистане будет значительно выше, чем в соседних странах, перерабатывающих курдистанское сырье. Фактор

экономических мотивов значительно усиливает веру в необходимость *курдского этагенеза*²³.

Объединительные устремления курдской элиты (создание Великого Курдистана из всех территорий, населенных курдами в регионе – Н.М.), безусловно, будут подпитываться желанием добиться контроля над природными богатствами Курдистана и создать общекурдистанское экономическое пространство и рынок и таким образом преодолеть геоэкономическую «замкнутость» Курдистана. Это рассматривается элитой как ключевые факторы стремительного развития Курдистана. Кроме того, немаловажным является подготовка новых управленческих и руководящих кадров. Если ранее курдская управленческая элита формировалась исключительно из полевых командиров, то последние годы предоставили уникальную возможность иракским курдам готовить новые кадры благодаря созданию широкой сети университетского образования. Ставшее массовым высшее образование в районах курдских администраций, благодаря университетам в Эрбиле, Сулеймании и Дохуке, неизбежно в ближайшие несколько лет выведет в элиту людей, не имеющих никакого опыта военной и национально-освободительной борьбы, являющихся технократами. Как ни парадоксально, однако новая гражданская курдская элита, в отличие от предшествующей ей, преимущественно военной, будет, очевидно, более радикальной в вопросах строительства курдской государственности.

Уже сегодня курдское студенчество решительно настроено на объявление независимости Южного Курдистана. В этом его поддерживает и руководство курдских университетов. Так, Эрбийльский университет стал одной из авторитетных трибун полномасштабного обсуждения пути к независимости. В настоящее время в университете проводятся интенсивные исследования по вопросам независимости Курдистана.

10 ноября 2005 г. в одном из научно-исследовательских центров Эрбийльского университета состоялась конференция под названием «Независимость – единственный путь к суверенитету Курдистана». В конференции участвовали многие известные политические деятели Южного Курдистана, а также курдские деятели из других частей Курдистана. Кроме ректора Эрбийльского университета в конференции участвовали, в частности, спикер парламента Курдистана Аднан Муфти, члены руководства правящих партий Южного Курдистана – Демократической партии Курдистана и Патриотического союза Курдистана, соответственно, Фазыл Мирани и Саади Ахмад Пира, глава Демократической партии Иранского Курдистана Мустафа Хеджари, представители движения «Комала» (Иранский Курдистан). Целью этой конференции была «апробация идеи независимости Курдистана», «анализ правовых аспектов этого вопроса», «обсуждение вызовов, с которыми могут столкнуться курды на пути к независимости», а

также «возможная роль независимого Курдистана на Ближнем и Среднем Востоке».

Ректор Эрбийльского университета М.Садык, говоря о необходимости независимости Курдистана, заявил: «Сейчас исторический момент, когда мы должны определить будущее курдов. Мы должны обезопасить будущее наших семей и наших детей». А.Муфти отметил, что, хотя у курдов есть неотъемлемое право на независимость, с учетом внутренней, региональной и международной обстановки, «*сейчас* (курсив автора) наш лучший выбор – это федерация». Выступавший на конференции Саади Ахмад Пира заявил, что «Курдистан почти готов к независимости». По его словам: «Мы имеем все основы независимого государства: власть, правительство, президента, безопасность, университеты и некоторое международное признание. Однако *сейчас* (курсив автора) мы предпочли остаться в составе Ирака»²⁴.

Следует отметить, что немалая часть курдского студенчества весьма критически настроена в отношении нынешних властей Курдистана. При этом резкое увеличение абсолютного количества и удельного веса образованной молодежи, являющееся для Курдистана новым феноменом, может усложнить внутривнутриполитическую обстановку в самом Южном Курдистане. Сегодня в Курдистане рост числа получившей высшее образование молодежи резко опережает процесс создания для нее рабочих мест.

В Курдистане наблюдается высокий уровень монополизации политической и экономической жизни. Фактически две крупнейшие и полномасштабные монополии Курдистана контролируют все сферы региона. Высокая монополизация в экономической сфере препятствует развитию мелкого и среднего бизнеса, который смог бы взрастить многочисленные предприятия, абсорбирующие получившую образование молодежь. Резкое увеличение доходов курдских администраций, фактически курдских политико-экономических монополий за счет денег преимущественно неэкономического происхождения (помощи американцев за политическую лояльность, за счет монополии на все виды деятельности, в т.ч. и внешнюю торговлю, контроля за транзитной торговлей) не сопровождается соответствующим развитием гражданских, политических и, главное, экономических институтов – многочисленных предприятий и обслуживающих их структур. Высокие доходы расходуются крайне неэффективно. Строительный бум и резкий рост потребления в основном обеспечивается не предприятиями Южного Курдистана. Основные подряды получают, как правило, турецкие фирмы. Хотя в последнее время наблюдается зарождение курдского бизнеса, тем не менее, его рост недостаточен для того, чтобы использовать всех выпускников университетов.

Подобная импорто-потребительская ориентация экономики Иракского Курдистана таит в себе опасность консервации отсталости, препятствует созданию национальной промышленности.

Монополизация политической жизни создает питательную почву для nepoтизма, а также препятствует замене не справляющихся со своими обязанностями чиновников и управленцев.

Все это стало причиной весьма высокого уровня безработицы и низкого уровня вертикальной мобильности. Кроме того, среди населения Иракского Курдистана весьма распространены «патерналистские» настроения. Последние 15 лет курды в основном жили за счет зарубежной помощи. В целом в Ираке тоже, благодаря наличию значительных нефтяных запасов, была распространена «патерналистская модель». То есть налицо факторы, которые могут привести к росту социального недовольства одной из самых мобильных групп населения – молодежи, и соответственно к вспышке социально-политической обстановки. При этом следует отметить, что значительный удельный вес выпускников гуманитарных направлений лишь усугубляет ситуацию, так как именно эта часть населения является наиболее экстремистской, требовательной, но в то же время зависимой, и ориентирована на перераспределение.

Из-за низкого уровня выполнения курдскими властями своих функций в Курдистане весьма распространено мнение о коррупции властей. Особенно это мнение широко распространено среди учащейся молодежи.

Время от времени масштабные антиправительственные выступления курдского студенчества проходят в Сулеймании и в Эрбиле. Во время антиправительственных демонстраций в Сулеймании в ноябре 2005 г. курдские студенты, выступая под лозунгами разрушения здания РегПК, «где уселись воры», угрожали даже отказаться от участия в общеиракских выборах в декабре 2005 г.²⁵

Уже сегодня студенчество Южного Курдистана представляет определенную политическую силу. И его роль будет все более возрастать.

Курдские лидеры прекрасно понимают неминуемое повышение роли студенчества в Курдистане. В настоящее время ведущие партии Курдистана – ДПК и ПСК – управляют основной массой курдского студенчества через созданные при этих партиях студенческие союзы. Однако даже эти союзы то и дело выражают недовольство деятельностью курдских властей. В преддверии общеиракских выборов, назначенных на 15 декабря 2005 г., президент Курдистана Масуд Барзани встретился с представителями студенческих союзов ДПК и ПСК. Примечательно, что основным вопросом, который был задан курдскому президенту, являлся вопрос, почему Курдистан не требует независимости. Барзани ответил на это: «Если мы сравним наше положение с тем, что было у нас 10 лет назад, мы увидим, что больших целей, которые у нас были (федерация. – автор), мы уже достигли. Несомненно, это было поддержано Соединенными Штатами, Великобританией и ООН. То, что прописано в конституции [Ирака] также является большим достижением. Поэтому мы не можем требовать чего-

то без международной поддержки»²⁶. Тем не менее, вопросы о независимости поднимают и аффилированные с курдским руководством студенческие организации.

Еще одной важной темой на встрече с Масудом Барзани была критика властей. Коснувшись этого вопроса, он отметил, что никто не вправе препятствовать критике недостатков властей Курдистана. Однако, по словам президента, эта критика «должна осуществляться в предусмотренных законом рамках. Никто не должен препятствовать демонстрациям, но нельзя осуществлять поджоги или наносить ущерб правительственным учреждениям»²⁷. Барзани имел ввиду участвовавшие в последнее время выступления курдской молодежи, которые сопровождаются и актами насилия. Трудно не согласиться с президентом Курдистана, что протесты должны проходить в предусмотренных законом рамках. Однако при существующей ныне монополизации политической жизни Курдистана все протесты, демонстрации и т.п. не имеют никакого значения, не могут ничего изменить. Даже выборы являются лишь формальным одобрением списка, подготовленного курдскими политическими монополиями.

Касаясь проблемы коррупции, широко поднимаемой курдской молодежью и оппозиционными партиями, Масуд Барзани отметил, что в курдской властной структуре есть факты коррупции, однако масштабы ее очень преувеличены. А проблемы, которые существуют, по мнению Барзани, в первую очередь, обусловлены недостатком опыта государственного управления: «Мы никогда не имели таких проблем в горах, как электричество, дороги и водное хозяйство. Это вопросы, с которыми мы впервые столкнулись, когда вернулись с гор»²⁸.

Однако немалая часть населения Курдистана не согласна с президентом Курдистана. В последние месяцы все больше людей говорят о том, что система власти в Курдистане полностью коррупционна, что проблемы возникают не только и не столько из-за отсутствия опыта управления. Тема коррупции стала одной из важнейших проблем общественной жизни Курдистана.

Следует отметить, что проблемы с курдскими властями могут стать причиной новых попыток исламизации курдского общества, в особенности, курдской молодежи.

Первая попытка политической исламизации Курдистана осуществлялась в 90-х годах, когда в результате братоубийственного конфликта между ДПК и ПСК Курдистан оказался в глубоком политическом кризисе. Попытки противоборствующих сторон переманить на свою сторону исламские организации и использовать их в борьбе против основного соперника привели к росту авторитета исламских организаций. Однако последующая террористическая деятельность исламистских группировок содействовала их дискредитации.

Новая попытка политической исламизации Курдистана происходит, если можно так выразиться, более «политическими методами».

В настоящее время единственной политической силой в Курдистане, которая может выступать хотя бы в качестве какой-то оппозиции курдским политическим монополиям, является Исламский союз Курдистана (ИСК). На общеиракских выборах эта организация входила в коалиционный курдский список под руководством ДПК и ПСК, в результате чего получила в иракском парламенте (в составе курдской фракции) 6 мест, а в парламенте Курдистана – 9 мест. Она получила один министерский пост в курдском правительстве, однако претендовала также на одно министерство в правительстве Ирака и на дополнительные места в курдском правительстве. Эти требования ИСК ДПК выполнить отказалась, после чего ИСК начала критику курдских властей и отказалась войти в избирательный список под руководством ДПК и ПСК на выборы 15 декабря 2005 г. После этого решения курдские власти развернули масштабную кампанию против ИСК, попытались дискредитировать организацию. В Дохуке были совершены нападения на офисы ИСК. При этом были убиты несколько ее членов. Вряд ли эти выступления были стихийными. ИСК же построила свою критику курдских властей как раз на вопросах, которые, наряду с вопросом независимости, более всего волнуют общество Южного Курдистана – низкий уровень курдского чиновничества, nepотизм, коррупция и т.д. Эта критика весьма беспокоит курдские власти, так как они понимают, что ИСК находит поддержку среди определенных слоев населения, в особенности, молодежи.

Таким образом, ИСК под видом гражданской и даже в чем-то либеральной критики курдских властей накапливает политический капитал. Можно сказать, что нет ничего негативного в том, что ИСК в качестве одной из политических партий сможет стать влиятельной силой и действовать в рамках демократии. Однако целью ИСК, как и любой исламской партии, будет не сохранение той демократии, в рамках которой ей предоставлена возможность политического успеха. Процесс усиления политических сторонников ИСК можно назвать скрытой исламизацией, так как она происходит в рамках пусть и несовершенного, но политического процесса. При этом курдское общество весьма восприимчиво к навязываемой ему исламскими партиями идеологии.

* * *

Несмотря на все проблемы, существующие на пути формирования системы высшего образования Южного Курдистана, можно с уверенностью заявить, что реформа высшего образования состоялась. Политика «курдизации», проводимая руководством КАР, неизбежно приводит к увеличению роли курдского языка в автономном Курдистане (создания курдской системы образования и почти полного перевода ее на курдский язык). Программы в курдских университетах отличаются от программ иракских университетов. И эти программы отли-

чаются не только из-за начавшегося в 1991 г. в Курдистане процесса дебаасизации системы образования. Курдские университеты активно внедряют западные программы и методики, минуя иракскую систему образования.

После свержения в Ираке баасистского режима курдам были выделены квоты в университетах в арабской части Ирака. Точнее, было принято решение во всех иракских университетах 5% мест зарезервировать за жителями других районов. Этим порядком, кроме прочих, воспользовались несколько сотен курдов. Однако курды, уехавшие учиться за пределы Курдистана, вскоре в массовом порядке начали возвращаться в Курдистан. Причина этого скрывается в неприязни к курдам, имеющейся в арабской части Ирака, которая не обошла даже иракские университеты. Студентам-курдам угрожали и предлагали «по-хорошему» уехать в Курдистан. Кроме проблем с безопасностью, курдские студенты жаловались на дискриминацию по национальному признаку и со стороны руководства учебных заведений и преподавателей. Даже если абитуриент-курд имел направление на определенный факультет, декан этого факультета мог отказаться принять его, предлагая выбрать другую, менее престижную специальность²⁹. Таким образом, попытка вовлечь хотя бы небольшую часть курдской молодежи в иракские (арабские) вузы окончилась неудачно и еще более антиарабски (антииракски) настроила курдскую молодежь. Курдские университеты были вынуждены принимать этих студентов, однако это было связано с дополнительными незапланированными издержками.

* * *

Курдские университеты, несмотря на различные проблемы, активно развиваются. Нынешние их проблемы – издержки роста. Уже идет, а в ближайшем времени, скорее всего, будет повышаться качество образования. Развитие массового высшего образования в Южном Курдистане в ближайшее время выведет на политическую арену Курдистана новую силу – курдское студенчество и образованную молодежь. С одной стороны, эта часть курдского общества поддерживает стремление всего курдского народа к обретению Курдистаном независимости. Вместе с тем, она видит многие недостатки, присущие нынешним курдским управленцам и политическим руководителям. Поэтому среди молодежи усиливается недовольство курдскими властями, ведущими политическими партиями. Курдская молодежь начинает осознавать необходимость проведения широкомасштабных реформ управления КАР.

¹ В статье не рассматривается вопрос о Киркукском университете, поскольку пока провинция Киркук не подконтрольна курдским администрациям. Однако следует отметить, что в связи с избранием на ключевые посты в

провинции курдов и деарабизации (курдизации) Киркука этот процесс затронул и Киркукский университет, ранее бывший одним из бастионов баасизма на «севере Ирака». Курдские администрации оказывают значительную помощь Киркукскому университету, ключевые посты в вузе также занимают курды.

² В 1966 г. Талабани, получая помощь от иракских властей, начал воевать против ДПК.

³ КАР включал провинции Дохук, Эрбиль и Сулеймания.

⁴ ДПК, как известно, не согласившись с кущими правами, предоставленными Курдскому автономному району законом об автономии от 11 марта 1974 г., а также выступив против непрекращающейся арабизации Киркука, вопреки предварительным договоренностям, в 1975 г. потерпела военное поражение в конфликте с иракскими властями, которые в том году заключили соглашение с Ираном, гарантировавшим Ираку прекращение помощи курдам через свою территорию. С этого времени тяжело больной Мустафа Барзани отошел от руководства ДПК, которая находилась в глубоком кризисе, на грани краха. Лишь с конца 70-х годов Масуд и Идрис Барзани начали восстановление ДПК, которая в скором времени вновь вернула себе лидерство в курдском освободительном движении и до 1991 г. (создания «зоны безопасности») вела вооруженную борьбу против иракских властей. А иракские власти для руководства курдской автономией, являвшейся завоеванием курдского освободительного движения под руководством ДПК, создали марионеточные структуры, которые ДПК Масуда и Идриса Барзани и подавляющее большинство населения Иракского Курдистана называли «предателями» и «коллаборационистами».

⁵ Т.н. зеленая линия разграничивала территории под контролем курдских освободительных сил и территории под контролем иракских властей. В значительной степени территория контроля курдских сил совпадала с территорией КАР. Курдская администрация получила контроль над небольшой частью провинции Ниневия (районы Акры и Шейхана), не входящие в КАР, «вклинившиеся» между провинциями Дохук и Эрбиль (границы здесь были проведены таким образом, чтобы оторвать Дохук от Эрбиля); небольшой частью провинции Дияла на границе с Ираном. Между тем, южнее «зеленой линии» оказались южная часть провинции Эрбиль (район Махмура) и восточная часть провинции Сулеймания.

⁶ *Wirya Hama Tahir*. Arab lecturers go north. Teaching at Kurdish universities has its problems, but for many Arabs it is a better option than staying at home. // *ICR* (The Institute for War & Peace Reporting), № 114, 24-Feb-2005. См. по: *KurdishMedia.com*, 26.02.2005.

⁷ Полное имя ректора Эрбильского университета Мохаммед Садык Хошнав, однако в Курдистане, как правило, употребляют два его первых имени. Мохаммед Садык был назначен ректором Эрбильского университета в январе 2005 г. До этого он прожил более 20 лет в Великобритании, где и получил докторскую степень. Он был назначен на этот пост для проведения широкомасштабной реформы в университете, вывода его на новый уровень.

⁸ *Arif Zerevan*. Mihemed Sedîq: unîversîteyên Kurdistanê pêwistî bi reformeka gewre heye. (Мухамед Садык: университеты Курдистана нуждаются в полномасштабной реформе). // *Kerkuk Kurdistan e*, 26.02.2005 (на курд. яз.).

⁹ См. выступление ректора Салахэддинского университета Мохаммеда Садыка: *President's Welcome*. // <http://www.usalah.org/index.php?id=9>.

¹⁰ *Arif Zerevan*. Mihemed Sedîq: unîversîteyên Kurdistanê...

¹¹ *Arif Zerevan*. Mihemed Sedîq: unîversîteyên Kurdistanê...

¹² *President's Welcome...*

¹³ *President's Welcome...*

¹⁴ *American University in Suleymaniya*. // *Hewler Globe*, 04 October, 2005. – № 26.

¹⁵ *Xwendekarên kurd dikarin xwendina xwe ya bilind li Kurdistanê bikin*. (Курдские студенты могут получать высшее образование в [Южном] Курдистане). // www.amude.com, 30.07.2004 (на курд. яз.).

¹⁶ *Talar Nadir – Silêmanî*. Komek ji xwendekarên kurd di zanîngehên Kurdistanê Iraqê de dixwînin. Xwendekarên kurd ji Îran û Suriyê bi xwendina li bakurê Iraqê ji bûyerên li welatên xwe direvin. (Талар Надир – Сулеймания. Группа курдских студентов учится в университетах Иракского Курдистана. Курдские студенты из Ирана и Сирии бежали для учебы в северном Ираке из-за событий в своих странах). // *Peyama Kurd*, № 16, 26.12.2004 (на курд. яз.).

Talar Nadir in Sulaimaniyah. Foreign Students Flock to Iraqi Kurdish Colleges. // *ICR*, № 94, 16-Dec-2004.

¹⁷ *Arif Zerevan*. Mihemed Sedîq: unîversîteyên Kurdistanê...

¹⁸ Газета «Курдистане Нуэ» (Сулеймания), 02.05.2005 (на курд. яз.).

¹⁹ *Talar Nadir – Silêmanî*. Komek ji xwendekarên kurd...

Talar Nadir in Sulaimaniyah. Foreign Students Flock...

²⁰ *Other Kurds in Sulemanyia*. // *Peyamner*, 21 Jun 2005. <http://www.peyamner.com/article.php?id=13212&lang=english>.

²¹ Термин панкурдизм в данном случае используется в качестве нейтрального термина, отражающего естественное стремление к объединению искусственно разделенного внешними силами единого народа. При этом он отличается от различных других «пан...измов», в частности, пантюркизма, паносманизма, паниранизма и т.п., которые пытаются идеологически обосновать объединение под крылом определенного «старшего брата» различных народов на основе этнической либо религиозной близости. Кроме того, сегодня разжиганию панкурдизма способствуют правящие круги стран, в состав которых входят части этногеографического Курдистана, не предоставляя «своему» многочисленному курдскому населению даже минимальных прав на самоуправление. Поэтому их курдское население с большой надеждой смотрит на опыт курдского самоуправления в Ираке.

²² *Kurdistan certificates not accepted in Iran*. // *Hewler Globe*, Nov. 8, 2005. – № 31.

²³ От франц. *état* – государство. Этагенез – процесс формирования основ государственности.

²⁴ Aiyob Mawloodi. Conference reiterates Kurdish support for independence. // *Hewler Globe*, November 15, 2005. – № 32.

²⁵ См., например: Azad Hewrami. Kurdish students denounce Kurdistan regional government in Suleimani. // *TheKurdistan.com*, 22 November 2005, http://www.thekurdistan.com/news/index.php?option=com_content&task=view&id=1220&Itemid=2.

²⁶ Barzani urges Kurds to go to ballot boxes. // *Hewler Globe*, December 6, 2005. – № 35.

²⁷ Barzani urges Kurds to go to ballot boxes. // *Hewler Globe*, December 6, 2005. – № 35.

²⁸ Barzani urges Kurds to go to ballot boxes. // *Hewler Globe*, December 6, 2005. – № 35.

²⁹ Wrya Hama Tahir. Kurdish students face discrimination. // *ICR*, № 78, 10-Aug-2004 (The Institute for War & Peace Reporting). См. по: *KurdishMedia.com*, 13.08.2004.

Г.И.Старченков

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПРОРЫВ ИРАКСКИХ КУРДОВ

За создание собственного государства курды ведут борьбу с XVII или даже с XVI в. На этом то мирном, то боевом пути курдское национально-демократическое движение в различных районах Ближнего и Среднего Востока познало как бесспорные успехи, так и крупные поражения.

Особенно тяжелым на стыке XX и XXI вв. было положение иракских курдов в годы диктатуры С.Хусейна. В этот период иракское правительство использовало против курдского населения вооруженные силы, а также отравляющие газы. Для курдов эти годы по существу были периодом борьбы за выживание.

Новый этап наступил после агрессии Ирака против Кувейта, когда США и их союзники вторглись на иракскую территорию. Армия С.Хусейна была частично разбита, а сам президент был лишен полноты власти и действий на территории собственного государства. США организовали зону, свободную от иракских вооруженных сил, и взяли ее под контроль. Здесь была воссоздана Курдская автономия, формально провозглашенная несколько лет тому назад. Постепенно под американским зонтиком курды создали стабильный и быстро развивающийся район.

Еще более важный и более радикальный этап для курдов и многих других народов Ближнего и Среднего Востока наступил в марте 2003 г., когда США и Великобритания под надуманными предлогами без санкции Совета безопасности ООН напали на Ирак. Агрессия западных держав была неоднозначно воспринята в мире, и особенно, в исламских странах. Тем не менее, США и поддерживавшие их союзники разгромили иракскую армию, пленили С.Хусейна и установили временную администрацию, призванную обеспечить контролируемый переход иракского народа от диктатуры к западной демократии. В своей деятельности оккупанты не исключали возможности опоры на арабов-шиитов, которые подвергались притеснениям со стороны суннитского руководства С.Хусейна, но главная ставка была сделана на курдов, даже при наличии у них, в частности, у Демократической партии Курдистана (ДПК) во главе с М.Барзани, и у Патриотического Союза Курдистана (ПСК) во главе с Дж.Талабани, порой обострившихся политических разногласий.

Вынужденная ставка США на курдов привела к тому, что их представитель – генеральный секретарь ПСК – был избран президентом Иракской республики. Можно утверждать, что такого мощного политического прорыва не ожидали сами курды. И вполне естественно, что актуально исследовать возможные последствия этого прорыва.

Действительно, избрание президентом Ирака авторитетного политического деятеля курдского происхождения – это не только крупный успех, но и ряд новых опасностей, которые могут осложнить положение курдов как в Ираке, так и в соседних государствах, а также в европейской диаспоре, то есть практически внутри всего курдского национального движения. Чаша политических весов здесь может в любой момент склониться в ту или иную сторону в зависимости от множества, порой, весьма незначительных факторов.

Конечно, судьба курдов в первую очередь зависит от политики США, т.е. от того, насколько самостоятельное существование этнического меньшинства соответствует интересам единственной супердержавы. Очень коротко стратегические цели США в их глобальном и региональном аспектах можно свести к двум:

1) США, используя все законные и незаконные средства (с точки зрения международного права) стремятся к установлению мирового господства. В этом плане они готовы действовать как в рамках ООН (или НАТО), так и вне их. Одной из задач «глобализации по-американски» и является создание нового мирового порядка во главе с США.

2) В ближайшей перспективе дальнейшее развитие многих стран будет зависеть от обеспечения их экономики нефтью. США под предлогом борьбы с международным терроризмом по существу взяли под свой контроль два наиболее крупных месторождения углеводородного топлива – на Ближнем и Среднем Востоке и в районе Каспийского моря.

Необходимо отметить, что США по потреблению нефти занимают первое место в мире, а по запасам – двенадцатое (еще меньше составляют месторождения природного газа), поэтому при нынешнем уровне добычи американская нефть закончится через 8–10 лет. В то же время Ирак по запасам этого ресурса занимает второе место в мире после Саудовской Аравии. Не менее важно и то, что себестоимость добычи сырья обходится в США в среднем по 10 долл. за баррель, на Каспийском море – по 6–8 д/б, в Саудовской Аравии по 2,5 д/б и в Ираке – по 1 д/б. Поэтому овладение запасами дешевой иракской нефтью (частично добываемой на территории Курдской автономии), означало бы беспроblemное существование США в течение всего XXI столетия. И «глобализация по-американски», в частности, означает установление контроля над всей нефтью, где бы она ни была¹.

Для достижения стратегических целей американский президент использует и кнут, и пряник. В своих политических действиях в регионе он открыто игнорирует ООН, не считаясь с ее Уставом и мнением ее генсека Кофи Аннана. В то же время он считает необходимым предос-

тавлять экономическую или военную помощь странам, организациям или даже партиям, если их деятельность в соответствующих условиях содействует достижению поставленных целей. Так, например, в 80-е годы XX в. США оказали большую финансовую и военную помощь талибам и «Аль-Каиде» в Афганистане в их борьбе против СССР.

Неоднократно США пытались использовать религиозный фактор в своих политических целях. Они то прибегали к христианским лозунгам с целью привлечь на свою сторону христианские государства Запада, то мусульманские, чтобы добиться расположения исламских стран Востока². После оккупации Ирака Буш заявил о намерении провести демократизацию Большого Ближнего Востока, т.е., в первую очередь, исламских стран. Речь шла не только об Иране, отнесенном американским президентом сначала к числу «стран-изгоев», а затем к странам «оси зла». Реформаторские устремления Буша распространялись даже на традиционно лояльную Саудовскую Аравию, где весьма жестко придерживаются ислама ваххабитского толка.

Естественно, заявление американского президента вызвало, мягко говоря, недоумение практически всех исламских государств. Ряд видных мусульманских деятелей расценили речь Буша как повторный призыв к новому «крестовому походу» против всего исламского мира.

На этот раз попытку смягчить скатывание США в сторону антиисламизма сделал руководитель американско-британской администрации Пол Бремер, который предложил, чтобы новая конституция была основана на шариате, а ислам был бы объявлен государственной религией. И это предложение попало в текст Временной конституции.

Американская «уступка» не возымела повсеместного воздействия, и в оккупированном Ираке продолжало нарастать неприятие иноверцев, сначала у многих, лишенных привилегий суннитов, а затем и у части шиитов. Антиамериканским настроениям служило обнародование в СМИ вопиющих фактов издевательства американских военнослужащих в тюрьме Абу Грейф над иракскими военнопленными, надругательство над священной книгой всех мусульман Кораном, избиение военнопленных при допросах и другие проявления «гуманизма» американской демократии.

В результате для значительной части арабских мусульман Ирака ислам предстал в виде «религии освобождения» от продолжавшейся оккупации страны коалиционными войсками. Впервые в Ираке появились сунниты или шииты-смертники (шахиды), в том числе прибывшие из других стран. Участились взрывы заминированных автомашин, направленные не только против оккупантов, но и против местных коллаборационистов. В список жертв исламистов в ряде случаев стали попадать и курды.

В Иракском Курдистане наблюдались столкновения курдских автономистов со сторонниками Исламской партии Курдистана в связи с

разногласиями накануне декабрьских 2005 г. выборов в иракский парламент. Нельзя исключать, что подобные распри поощряются его региональными соседями. Так, например, Турция как будто поддерживая благоприятные отношения с иракскими курдами, подспудно ведет борьбу против усиления позиций Курдской автономии. В то же время она выступает за решительное искоренение курдского автономистского движения в Турецкой Республике. Некоторые ее лидеры, например, утверждают, что у нее есть масса причин, чтобы неослабно вести антикурдскую кампанию. Ссылки делаются преимущественно на два обстоятельства. Во-первых, курды Турции поднимают вопрос о создании собственной автономии и таким образом «раскалывают» единое турецкое государство. Во-вторых, Рабочая партия Курдистана (РПК), возглавлявшаяся А.Оджаланом, пыталась добиться автономии не столько мирным, сколько вооруженным путем, что позволило турецкому правительству причислить РПК к числу «террористических организаций». После захвата Оджалана в Кении и заключения его под стражу на острове Имралы в 1998 г. РПК ограничила свои цели борьбой за национально-культурную автономию. Однако уже в 2002 г. РПК провела реорганизацию, даже изменила название организации на Конгресс свободы и демократии Курдистана (КСДК), который выступил с инициативой мирного решения курдского вопроса³. Это решение было поддержано многими государствами мира, а также двумя основными курдскими организациями Ирака – ДПК и ПСК.

Между тем, Турция стала играть на Ближнем и Среднем Востоке ведущую роль «в объединении усилий против курдского национального движения»⁴. Однако полностью использовать мощь своей армии и организовать совместный поход против турецких, а, заодно, и иракских курдов ныне мешают Турции, на наш взгляд, три новых обстоятельства:

1) Покровительство США Курдской автономии. Еще весной 2003 г. турецкое правительство отказалось разрешить американцам использовать свои территории накануне несанкционированного СБ ООН вторжения в Ирак, хотя в Турции американские войска находятся уже более полувека со времени ее вступления в НАТО в 1952 г. И США, со своей стороны, воспрепятствовали намерению турецких властей вторгнуться на иракскую территорию, опираясь на протурецки настроенных туркоман Ирака, насчитывавших менее четверти миллиона человек. Турция все отчетливее выражает свою заинтересованность в сокращении влияния курдов в нефтеносном районе Киркука, ныне не входящем в состав Курдской автономии. Но курды считают важным именно город Киркук сделать будущей столицей широкой Курдской автономии. В этом случае США по вине своего военного союзника лишились бы тактически важной этнополитической опоры в Ираке.

2) Участники ЕС, куда на протяжении более двух десятилетий пытается вступить Турция, настойчиво требуют от турецкого правительства «цивилизованного решения курдского вопроса». Такой под-

ход европейцев охлаждает пыл турецких националистов, стремящихся вооруженным путем урегулировать отношения как с турецкими, так и иракскими курдами.

3) В конце 2005 г. намечается ввод в эксплуатацию нефтепровода Баку-Тбилиси-Джейхан, значительная часть которого проложена по турецкой территории, где еще недавно активно действовали партизаны РПК и армянской организации «Асала».

Вопреки призывам к Турции провести полную амнистию всем курдским борцам за свободу, турецкое правительство по-прежнему продолжает искать только военное решение, а не демократический диалог. Для Турции каждый курд, выступающий в защиту своей национальной легитимности и культурных прав, является потенциальным террористом и сепаратистом. Смягчение позиции Турции относительно курдов дало бы ей возможность начать двусторонние политические переговоры. Опыт соседнего Ирака свидетельствует о конструктивности переговорного процесса между различными политическими течениями. Договоренности курдов и шиитов с суннитами не позволили последним лишиться своих гражданских прав. Однако Турция угрожает курдам даже в Иракском Курдистане и прибегает к агрессии против находящихся там курдских беженцев. Это – непонятная позиция, ибо беженцы готовы сдать оружие и вернуться в свои дома при безусловной амнистии и гарантии того, что в Турции состоится политический процесс на демократической и миролюбивой основе⁵.

Однако за последние пять лет решение курдской проблемы в Турции так и не продвинулось. Летом 2005 г. между турецкой армией и боевыми подразделениями курдов-автономистов стали возникать вооруженные столкновения. Турецкие власти, а вслед за ними и некоторые зарубежные государства, включая и страны ЕС, продолжали называть КСДК той же РПК, одновременно усиливая пропагандистскую кампанию против «террористической организации». Это сопровождалось активизацией подрывных действий и нападков против иракских курдов.

Турецкие СМИ регулярно публикуют материалы, которые нацелены на то, чтобы убедить читателей в том, что жертвами «курдского терроризма» становятся не только турки, но и арабы, и туркмены (туркоманы) Ирака. Так, на международной конференции «Будущее Ирака», состоявшейся в июле 2005 г. в Брюсселе, министр иностранных дел Турции Абдулла Гюль утверждал: «Последние четверть века дестабилизация Юго-Восточной Анатолии инициируется из Северного Ирака, находящегося в стадии переходного периода. Жертвами, в частности, стали сто турецких шоферов, занятых перевозкой грузов через турецко-иракскую границу»⁶. При этом турецкие СМИ сообщают, что со времени начала боевых действий курдов в 1984 г. в стране погибло более 30 тыс. человек. И поскольку КСДК, вернувшийся к своему прежнему названию РПК, возобновил нападения на турецкие

объекты, турецкая армия начала проводить свои операции в Восточной Анатолии. Турецкие СМИ даже утверждали, что «от курдских террористов погибает больше турецких солдат, чем от иракских партизан американских военнослужащих». Одна из газет сообщила, что «Турцию окружает религиозный и этнический террор»⁷. Кроме того, появилось еще одно обвинение курдов в том, что в районе Диарбакира местные власти обнаружили тайные поля индийской конопли⁸.

На основе собранного таким образом материала премьер-министру Турции Т.Эрдогану удалось получить от Дж.Буша подтверждение в том, что «РПК – террористическая организация, намеревающаяся идти по стопам иракских террористов». И хотя президент США заверил его, что «мы избавимся от террористов», он указал турецкому правительству на несвоевременность «операций против РПК». Более того, он отклонил просьбы Эрдогана о предоставлении более обширной помощи Турции в борьбе с РПК⁹.

Но Турция не ограничилась операциями против своих курдов, продолжая преследовать их на территории соседнего Ирака. В качестве противодействия курдам иракской автономии, она смогла создать «Фронт иракских туркмен» во главе с С.Эргечем, который приступил к формированию боевых отрядов для защиты от курдов нефтеносного Киркука и для поддержки требований об освобождении туркмен из тюрем. Летом 2005 г. была сформирована официальная делегация из представителей ведущих партий Турции и руководства г.Адана, которая намерена была на месте провести обследование положения иракских туркмен¹⁰.

В это же время правящие круги Турции организовали заявление 264 курдских интеллектуалов (адвокатов, писателей, политиков, профсоюзных деятелей и др.), в котором они призвали РПК «сложить оружие без всяких условий» и не возобновлять в стране «кровавый период». Интеллектуалы выразили уверенность, что, «если состоится амнистия, то под нее может попасть и А.Оджалан, что послужит процессу демократизации Турции»¹¹.

В этой обстановке ДПК и ПСК сохранили свое негативное, а чаще всего враждебное, отношение к РПК. А Талабани уже в должности президента республики Ирак, заявил: «Никто не должен разрешать использование иракской территории в качестве базы против Турции. Мы не можем в настоящее время предпринять какие-либо действия и хотим поддерживать связи с Турцией на высшем уровне»¹².

В самой РПК нет полного единства по ряду принципиальных вопросов. Например, партия периодически поднимает тему создания объединенного государства «Курдистан». Но чаще говорит об автономии в рамках Турецкой Республики. На турецких курдов произвело впечатление то, что иракским курдам удалось закрепить в Постоянной конституции некоторые из своих требований. Но они также не исключают того, что это хрупкая автономия и ее правительство, по

сути, не отражают интересы всех слоев и политических течений иракских курдов, ограничиваясь заинтересованностью только двух доминирующих семейных кланов. Поэтому политический прорыв иракских курдов вызывает в РПК далеко не однозначную реакцию.

В Турции курдские сторонники мирного решения проблемы возлагают надежды не на США, как это имеет место в Ираке, а на ЕС (особенно в период окончательного вступления Турции в это сообщество). Некоторые члены РПК настойчиво повторяют «Мы не хотим снова воевать. Мы, курды, желаем, чтобы ЕС приняло Турцию в свои ряды. Мы ощущаем себя полными азиатами, но сейчас мы хотим быть европейцами»¹³. Под давлением ЕС бескомпромиссная политика Турции в отношении курдов порой несколько «прогибается». Так, выступая в Диарбакире, Эрдоган обещал увеличить инвестиции в образование, строительство жилья и здравоохранение на юго-востоке Турции, а также обещал снизить безработицу, которая в некоторых городах Турецкого Курдистана превышает 50%¹⁴. Правда, такие же обещания в 80-х годах XX в. давала и премьер-министр Т.Чиллер, но после этого армия шла громить курдов.

Правда, позиция Турции не нашла однозначной оценки и среди стран ЕС. Так, на упоминавшейся конференции в Брюсселе посол Нидерландов сказал, что в Турции «цивилизационные решения заменяются военным выбором, хотя военные операции не приносят результата»¹⁶.

Следует отметить, что в Турции в настоящее время наблюдается определенный рост антиамериканских настроений, порожденных в основном акциями США в Ираке. Одна достаточно распространенная газета под заголовком «Буш – тиран и Саддам – тиран» привела следующие аргументы: «Раньше иракцы бежали в Турцию от режима Саддама, а теперь – от режима Буша. Имена поменялись, но существо режима сохранилось». Такого мнения придерживается, в частности, С.Торун, депутат меджлиса от правящей партии¹⁷. Правда, Торун умолчал, что из Турции, как раньше, так и сейчас, бегут курды. Похоже, что ни в Турции, ни в США, ни в ЕС не знают, как следует решать курдскую проблему.

В целом, в сложившейся обстановке становится ясно, что политический прорыв иракских курдов опирается лишь на оккупационные войска и собственные боевые отряды. Но «час пик» еще не наступил. Поэтому в ближайшие месяцы курдам следует быть предельно осторожными, ибо любой шаг влево или вправо может вызвать взрыв возмущения арабов или туркмен, суннитов или шиитов. Президент же Ирака обязан защищать не столько курдские, сколько общегосударственные приоритеты. Для курдских партий и организаций еще не наступило время официально ставить вопрос о создании собственного государства, а лишь о расширении полномочий и территории курдской автономии. И в настоящее время курды не имеют права на межпартийные или межклановые разборки.

Кроме того, в случае вывода коалиционных сил из Ирака ситуация в Курдской автономии может резко измениться. Эрдоган, в частности, не исключал активизации турецкой политики в зоне турецко-иракской границы: «Мы делаем все необходимое в пределах наших границ, – отмечал он, – но если обстоятельства изменятся, мы предпримем соответствующие шаги»¹⁸.

В шахматах есть выражение «цуг-цванг», когда игрок вынужден делать ходы, которые неизбежно ведут его к проигрышу. Сейчас иракские курды делают вынужденные ходы. И чтобы эти ходы не привели к проигрышу, курдам следует проводить чрезвычайно тонкую дипломатию, вести политику возможного. Только в этом случае они одержат победу на политической шахматной доске Ирака.

¹ Нефть России, 2005, № 1, с. 8. Независимая газета, 13.05.03.

² Старченко Г.И. 11 сентября 2001 года – новый этап геополитики США. В сб. «Терроризм – угроза человечеству в XXI веке». М., 2003, с. 215.

³ Новый Курдистан, 2002, № 4.

⁴ Мгой Ш.Х. Курдский фактор (современное состояние и перспективы). В сб. «Курдский вопрос на рубеже тысячелетий». М., 2004, с. 11.

⁵ Turkish Parliament hold special Session on Kurdish unrest. – <http://kurdistanobserver.servehttp.com/Sep/16-9-05-tyk-parlament-hold-e-special-session-on-kurdish-unrest.htm>

⁶ Zaman. 23.06.05.

⁷ Turkish Leader Demands Crackdown in N.Iraq. – <http://kurdistanobserver.servehttp.com/Sep?17-09-05-erdogan-demands-crackdown-pkk.htm>

⁸ Posta. 16.06.05; Posta. 18.06.05.

⁹ Hurriet. 10.06.05; Posta. 18.06.05.

¹⁰ Zaman. 23.06.05.

¹¹ Zaman. 13.06.05.

¹² Posta. 18.06.05.

¹³ How Turkey Fails its Kurds. – <http://kurdistanobserver.servehttp.com/Sep/21-09-05-how-tyk-fails-kurds.htm>

¹⁴ Там же.

¹⁵ Turkey main pro-kurdish Party to resolve, join new Kurdish Political Movement – <http://www.puk.org/web/htm/news/nws/news050817.html>

¹⁶ Zaman. 23.06.05; Posta. 13.06.05.

¹⁷ Posta. 15.06.05.

¹⁸ Turkish Leader demands...

Ф.Бадерхан

ПОСТОЯННАЯ КОНСТИТУЦИЯ ИРАКА И ИНТЕРЕСЫ КУРДОВ

15 октября 2005 г. в Ираке состоялся референдум по постоянной конституции, согласно которой страна стала «федеративной парламентской республикой, единой, независимой и суверенной, поликонфессиональной и многонациональной частью исламского мира». Всего в стране проживают около 27 млн. человек. Из них лица, достигшие 18 лет, имеющие право голосовать, составляют 14 млн. 78% всего населения голосовали за принятие постоянной конституции.

Предполагалось, что Ирак вернется к той системе территориально-административного деления, которая была в 20-е годы XX в. Тогда он был разделен на 3 зоны – провинция Басра на юге, Багдад в центре и Мосул на севере¹. Однако на практике этого не произошло из-за требований курдов о сохранении Курдского автономного района (КАР). В связи с этим между различными политическими течениями страны было достигнуто соглашение о том, что Иракский Курдистан выделится в федеральный район, и его Национальная ассамблея сможет вносить поправки к любому федеральному закону на курдской территории с оговоркой, что эти поправки не будут касаться сфер, находящихся в компетенции федерального правительства, т.е. внешней, монетарной и финансовой политике, национальной безопасности и управления природными ресурсами и т.д.

За ходом голосования по постоянной конституции наблюдали более 46 тыс. местных и иностранных наблюдателей, помогали им еще 94,5 тыс. специально аккредитованных помощников – «доверенных лиц» – из различных политических структур. В отличие от январских 2005 г. парламентских выборов, ни один из примерно двух миллионов иракцев, проживающих за границей, не принимал участие в референдуме.

Эксперты прогнозировали более высокую явку в сравнении с избирательной кампанией в парламент в январе 2005 г., когда проголосовать решились 60% избирателей. Данные Высшего комиссариата по выборам (Центризбирком) отчасти оправдали эти надежды. Так, например, в провинции Анбар, где население составляют сунниты, проигнорировавшие парламентские выборы, на этот раз зарегистрировалось до 75% избирателей. Активно в выборах участвовали курды и шииты, у которых не было претензий к тексту конституции, поскольку ее авторами были их представители.

Напомним, что суннитское меньшинство (20% населения) выступало против целого ряда положений Основного закона, считая, что они приведут к ущемлению их прав или к распаду государства, объявленного федерацией. Суннитские лидеры, заявили, что конституция «была написана под диктовку США, а подписавшие ее члены ВУСИ, назначенные американскими оккупантами, не являются законными представителями иракского народа».

Проведенные опросы показывают, что большинство иракцев выступает за создание унитарного централизованного государства (62%). За идею федерации высказались лишь 22% респондентов. Многие иракцы считают, что новый закон – это прямое давление американской администрации, открывающей путь к созданию «независимого Курдистана»².

За два дня до референдума трем основным общинам иракского общества все-таки удалось достичь относительного согласия. Национальная ассамблея (парламент) одобрила возможность внесения дальнейших поправок в Основной закон. Текст отправят на доработку, но рассматривать его будут уже законодатели нового созыва, которых избрали в декабре 2005г. Наряду с этим, ассамблея внесла в преамбулу ключевую фразу: «Конституция является гарантией единства Ирака». Еще одна важная фраза касается функционеров партии Баас: «...те, кто не причастен к массовым репрессиям, преследоваться не будут». Третья поправка обязывает курдов в официальных и региональных структурах использовать два языка – курдский и арабский. Все эти, внесенные фактически в последнюю минуту, изменения поднимают достаточно острый вопрос: а за что, собственно, проголосуют иракцы? Ведь упомянутые компромиссы были достигнуты уже после того, как 5 млн. экземпляров Конституции разошлись по всей стране³.

«Политический процесс продолжается», – с удовлетворением заявили в Центризбиркоме. И началась активная подготовка к намеченным на 15 декабря 2005 г. выборам в постоянный парламент.

Сунниты, считавшие, что текст постоянной конституции ущемляет их права, призывали к повторному проведению плебисцита, обвиняя власти в подтасовках. Однако обвинения в фальсификациях можно считать не совсем логичными: ведь к подсчету голосов в двух провинциях, где Основной закон не прошел, претензий не было. На наш взгляд, принятие конституции вряд ли что изменит в стране, потому что одна из главных и боеспособных политических сил Ирака – сунниты – не приемлет конституции, ущемляющей, с их точки зрения, их права.

По мнению известного ученого Г.Мирского, «было бы лучше, если бы Конституция не прошла, и политический процесс начался с чистого листа. В этом случае у суннитов появилась бы надежда принять в нем более полноценное участие. Они могли бы не бойкотировать выборы в новую временную Национальную ассамблею, как это

было в январе, а принять в них участие и получить больше депутатских мест. Это обеспечило бы им и больший вес при составлении нового проекта Конституции. Таким образом, у них было бы меньше мотивации браться за оружие. Теперь многие решают, что им терять больше нечего, и встанут в ряды боевиков»⁴.

Активизировать сопротивление готовы не только сунниты, но и шииты, а именно возглавляемая радикальным имамом Муктадой ас-Садром «Армия Махди». Боевики-шииты, которые были вынуждены сложить оружие через несколько месяцев после вторжения американцев, готовятся возобновить военные операции. Правда, на этот раз их целью станут не американские силы, а, скорее, вооруженные суннитские группировки, которые несут ответственность за многочисленные теракты.

Конституцию встретили далеко не однозначно представители основных общин иракского населения. Шииты подписали документ, по их признанию, под давлением ультиматума, выдвинутого курдами, заявившими о своей готовности взять курс на полное отделение северных провинций в случае внесения в «Закон» изменений, ущемляющих их права. Духовный лидер шиитов аятолла Али ас-Систани объявил Временную конституцию «не имеющим силы документом». По его оценке, «любой закон, принятый в переходный период, будет иметь юридическую силу только после одобрения Национальной ассамблеи, избранной народом». Пойдя, в конечном итоге, на подписание Временной конституции, шиитские руководители продолжают выражать свое несогласие с рядом ее положений.

Кроме того, шиитское руководство настаивало на том, чтобы планируемый президентский совет состоял из пяти человек (три шиита, суннит и курд). Но в Законе утвержден состав из трех человек (шиит, суннит и курд)⁵.

Напряженная ситуация в Ираке и противоречия между политическими течениями чреваты развязыванием затяжной гражданской войны. Кроме того, базирующаяся в Ливане группировка «Хезболла», как предполагается, направит в Ирак инструкторов, которые будут готовить новых боевиков. Оружие и снаряжение в Ирак якобы направил и Иран.

В этой связи необходимо сказать, что большинство шиитов пока поддерживают взгляды Али Систани, шиитского лидера, который способен оказывать влияние на политические процессы, происходящие не только среди шиитов, но и в Ираке в целом. С ним считаются и американцы, и англичане⁶. Более того, Систани настаивал на изменении позиции Ибрагима Аль-Джаафари, убедив его решиться на сотрудничество с американцами, после того, как они фактически оккупировали Ирак⁷.

Согласно недавно проведенному социологическому опросу, большинство иракцев (65%) приветствуют атаки против иностран-

ных вооруженных сил, а за их присутствие выступают менее 1% респондентов. Число погибших американских солдат составляет уже более 2 тыс. человек⁸.

Усугубляет и без того сложную ситуацию в Ираке и то, что коррупция доходит до самой вершины политической власти. Объявлено о выдаче ордера на арест более 20 министров и высокопоставленных чиновников, входивших во временное правительство Ийяда Аллауи. Их обвиняют в хищении государственных средств. По данным следствия, члены кабинета, управлявшего страной менее года, сумели похитить более миллиарда долларов, предназначенных для восстановления иракской армии и экономики.

Как считает следствие, высокопоставленные чиновники минобороны Ирака из этих сделок сумели получить большую личную выгоду. Иракские власти полагают, что экс-глава минобороны, обвиняющийся в коррупции, укрывается в Лондоне⁹. Они также отметили политическую подоплеку нынешнего расследования.

Говоря о постоянной конституции, необходимо отметить, что иракские сунниты еще до голосования все-таки пришли к решению ее поддержать. При этом они не снимали своих претензий к тексту Основного закона. В обмен на эту уступку шиитско-курдское парламентское большинство пообещало пересмотреть позднее спорные положения конституции. Было решено для этой цели в парламенте Ирака создать специальную комиссию.

Недовольство суннитов вызывал, в первую очередь, пункт о федеральном устройстве страны. По их мнению, шииты, населяющие юг Ирака, и курды, проживающие на севере, не преминут воспользоваться им, чтобы выйти из состава государства. Опасения вполне обоснованные, тем более, что главные запасы иракской нефти залегают как раз на юге и севере.

Поначалу шиитские и курдские политические силы не особенно стремились достичь компромисса по конституции с суннитами, что, на наш взгляд, является неверной тактикой с их стороны. При С.Хусейне сунниты несколько десятилетий безраздельно господствовали в высших эшелонах власти. Теперь шииты и курды получили доступ к властным структурам, стали придерживаться мнения о том, что они вполне могут игнорировать позицию вчерашней «расы господ». Однако, если новый Ирак будет построен с учетом принципа исторической местности, ничего хорошего от этого не будет ни курдам, ни шиитам.

«Об отказе от федерального устройства не может быть и речи. Это наша красная черта, за которую мы не отступим», – заявлял, в частности, глава Демократической партии Курдистана (ДПК) Масуд Барзани¹⁰. Сунниты тоже готовы были стоять насмерть. Убедившись в невозможности достичь компромисса, сунниты пообещали провалить проект конституции на референдуме. Согласно закону о референдуме, для этого им было достаточно всего в трех провинциях набрать

две трети голосов «против». А как раз в трех из 18 провинций страны сунниты и составляют большинство.

В сентябре 2005 г. Национальная ассамблея Ирака, где преобладают шиитские и курдские партии, попыталась лишить суннитов даже этой возможности. Согласно внесенным тогда изменениям в закон о референдуме, для провала проекта конституции требовалось, чтобы против документа высказались две трети всех иракских избирателей. Однако поправка подверглась столь жесткой критике со стороны ООН, а главное – США, что ее пришлось аннулировать.

Сложность состояла в том, как будет развиваться политический процесс после референдума. Г.Мирский, например, считает, что сунниты опасаются, что шиитско-курдский вариант конституции, не исключающий возможности федеративного устройства государства, приведет к распаду Ирака. Ведь северная часть страны, Южный Курдистан, согласно принятому проекту, уже выделяется в федеральный регион, и нет гарантии, что впоследствии не будет создан еще и шиитский регион на юге, где большинство населения шииты. И, как уже было сказано, в этих двух автономных регионах находится вся нефть, главное богатство страны. Кроме того, политическая власть в самой арабской части Ирака будет в руках шиитов, а суннитская община, доминировавшая в политике страны в течение столетий, окажется на заднем плане. В этих условиях они будут продолжать борьбу против оккупации и против новых органов власти, которые должны быть избраны в декабре 2005 г., легитимность которых не будет признана населением, считающим и нынешнее правительство ставленником Вашингтона. Ничего изменить нельзя, иначе курды вообще захотят выйти из состава Ирака. Кроме того, «развитие суннитско-шиитских противоречий может погрузить Ирак в гражданскую войну, призрак которой давно витает над Ираком, и вывод американских войск тут уже ничего не изменит», – считает Г.Мирский¹¹.

Об отношении США к курдам справедливо пишет исследователь Н.В.Степанова. Она полагает, что на нынешнем этапе и, очевидно, на перспективу, США делают ставку на иракских курдов как на наиболее прочную точку опоры в Ираке и как на радикальный фактор, способный оказывать давление на страны региона, в первую очередь, на соседей Ирака – Турцию, Иран и Сирию¹².

Можно конечно считать новую конституцию Ирака принятой, узаконивающей форму территориально-административного деления страны, которую условно можно назвать первоначальной кантонизацией. Представляется, что федерация с тремя субъектами может в дальнейшем трансформироваться в конфедерацию и т.д.

Многие исследователи, в том числе курдские, считают, что интересы курдов совпали с интересами США, и необходимо использовать тактический момент для решения стратегических задач, давно стоящих перед курдским национальным движением. Более того, некоторые ана-

литики полагают, что США действительно пришли в регион, чтобы решить и курдский вопрос и что принятие конституции является одним из шагов, принятых США в этом направлении¹³. Однако в этом сомневаются даже сами курды. Они опасаются того, что США в любой момент могут их оставить на произвол судьбы, как это случилось в 1991 г., когда США и европейские страны призывали курдов восстать против режима С.Хусейна, и сам президент Буш-старший просил народ Ирака взять судьбу в свои руки и свергнуть диктатора. Призывы поступали через радиостанцию «Голос свободного Ирака»¹⁴ на территории Саудовской Аравии. В них говорилось об обязательной поддержке со стороны США любого восстания против диктатора. Однако когда шииты на юге и курды на севере действительно восстали, никто им на поддержку не пришел. Более того, когда диктатор предпринимал массовое уничтожение собственного курдского и шиитского населения, Вашингтон даже не потребовал соблюдения решения о прекращении огня и запрета на использование полетов вертолетов над территорией южного и северного Ирака. Это позволило С.Хусейну легко справиться с шиитами и курдами¹⁵. Учитывая уроки прошлого, курды стали придерживаться весьма взвешенной политики. Поэтому Масуд Барзани не случайно заявил в начале вторжения коалиционных войск в Ирак в марте 2003 г., что «мы не готовы рисковать потому, что мы не уверены, что этот риск приведет к улучшению нашего положения»¹⁶. В то же время курдские руководители, стараясь сохранить как можно больше рычагов воздействия на ситуацию, сделали ряд заявлений, которые сводились к тому, что демократия в Ираке возможна лишь в том случае, если пост президента или премьер-министра будет занимать представитель курдского народа. По словам Д.Талабани, без поддержки второго по численности народа в Ираке невозможно будет сохранить национальное единство в стране. В свою очередь, глава эрбильского правительства М.Барзани неоднократно отмечал, что у курдов есть «естественное право» получить один из высших руководящих постов как знак того, что их считают полноправными партнерами в высших эшелонах власти¹⁷.

Надо сказать, что курдские партии стремились извлекать как можно больше выгод от создавшейся ситуации в Ираке и создали курдский альянс, куда, помимо ДПК и ПСК, вошли несколько партий. В то же время лидирующие партии Иракского Курдистана фактически остались каждая со своей программой и, что немаловажно, с разными позициями в отношении будущего Курдской автономии. М.Барзани занимает весьма осмоторительную позицию. Лидер ДПК считает, что «время микросоударств ушло в прошлое, и сейчас курдам необходимо оставаться интегрированной частью Ирака». Сегодня, по мнению М.Барзани, вопрос о выходе курдских территорий из состава Ирака совершенно неактуален, так как существуют другие рычаги воздействия на правительство, позволяющие курдам сохранить свои права в полном объеме¹⁸.

Барзани, очевидно, осознает, что является пешкой в политической игре США на Ближнем и Среднем Востоке. Так, известно, что американцы использовали и продолжают использовать в своих интересах личность С.Хусейна. Когда победила иранская революция в 1978–1979 гг., Соединенные Штаты приложили усилия, чтобы сорвать процесс стабилизации режима Хомейни. Они пытались также ослабить и иракский режим тоже, поскольку Иран и Ирак представляли собой два крупных региональных государства, способных влиять не только на военно-политическую ситуацию в важном для США регионе, но и на мировую ситуацию в области энергетических ресурсов. При этом важен не повод для столкновения, а то, что США, в целях укрепления своих позиций на Ближнем Востоке, стратегически планировали многоходовую игру, участником которой оказался сам С.Хусейн, выполнивший ее четко и правильно.

Американские политики разработали сценарий, согласно которому следовало заинтересовать Саддама в развязывании войны против Ирана, а также подтолкнуть его на захват Кувейта при молчаливом согласии США. Следует обратить внимание на то, что никто в этой войне не победил, потому что так именно она и была запланирована, т.е. с целью ослабления двух сильных региональных государств.

После окончания войны с Ираном Саддам присоединил Кувейт, а когда США пришли «освободить» его, С.Хусейн напомнил им о «договоренности». Ему сказали, что с ним договаривался американский посол, который, будто бы, не выражает официального мнения США (спрашивается, если не посол, то кто еще? – Ф.Б.).

Кувейт освободили в 1991 г., а Саддама и его режим пока не трогали. Тогда он был еще нужен американцам, но уже не для укрепления военного присутствия США в Персидском заливе, поскольку оно уже стало реальным, а для укрепления экономики и, прежде всего, ВПК. Странам Персидского залива указали на то, что «плохой парень» еще жив и в любой момент может напасть на них. Поэтому им посоветовали вооружаться. Таким образом, более 10 лет нефть региона текла в США взамен на американское оружие.

После 11 сентября 2001 г. встал вопрос о причастности Саддама к международному терроризму и о его причастности к распространению оружия массового поражения (ОМП). Ирак был снова атакован силами коалиции, костяк которого составили англо-американские силы. Но ОМП не было найдено. Но это не смущает американцев.

Напомним, что Саддам еще жив и оспаривает свои права в суде как незаконно свергнутый президент. На суде он держится очень уверенно и считает, что его политическая роль еще не сыграна. Не исключено, что это так, поскольку никто из серьезных политических деятелей Ирака не может быть уверен в своем будущем, пока есть малейшая возможность возвращения Саддама или его сторонников к

власти. Судебный спектакль в Ираке создает впечатление, что в демократическом суде Саддам вполне мог бы быть оправдан.

То, что США не уничтожили С.Хусейна еще в первой компании в Персидском заливе, доказывает, что американцы не считают его роль законченной. Не уничтожили его и сегодня. Более того, разговоры о его судимости также вызывают опасения в том, что игра с ним продолжается. Судя по всему, он знает, что будет еще играть, подобно Бен Ладену, роль политика, способного поддерживать ситуацию неустойчивости в регионе. Поэтому неслучайно идет спекуляция по поводу места проведения суда – в Ираке или за его пределами. Это вызывает протест не только у простых иракцев, но и у высокопоставленных лиц во временном правительстве Ирака.

Премьер-министр Ирака Ибрагим Джаафари считает неприемлемым проведение суда над бывшим президентом вне Ирака. «Этот судебный процесс – полностью внутреннее дело Ирака. Он должен проходить на территории Ирака, и о его переносе в другую страну не может быть и речи», – заявил господин Джаафари, отвечая правозащитникам, которые, после того как был похищен, а затем убит один из адвокатов Саддама Хусейна, призвали провести суд за пределами Ирака. Кроме того, премьер предположил, что «убийство адвоката могло быть направлено на то, чтобы перенести суд в другое место»¹⁹.

Адвокат Саадун Антар аль-Дженаби был похищен неизвестными из офиса в Багдаде. Позднее его нашли на одной из улиц иракской столицы с огнестрельными ранениями головы. После этого адвокаты потребовали от правительства обеспечить их защиту и даже вынести суд за пределы Ирака. Отказав в переносе суда, власти Ирака пообещали обеспечить безопасность правозащитников, участвующих в процессе. «Мы решили принять некоторые меры, которых раскрыть не можем по причинам безопасности, чтобы защитить адвокатов», – сказал замминистра внутренних дел страны генерал Хусейн Али Кемаль. Ранее особые меры защиты принимались иракскими властями только в отношении прокуроров и судей, участвующих в процессе. Их имена засекречены, а лица не показывались во время телевизионной трансляции первого заседания спецтрибунала по преступлениям режима Хусейна. Исключение составили глава спецтрибунала и главный обвинитель, чьи имена были оглашены до начала заседания.

Конечно, вряд ли США допустят оправдание С.Хусейна. Однако они будут использовать его в своих интересах до конца. Сегодня он является символом сопротивления, и будет таким и в тюрьме. А те, кто считает его символом, никогда не смирятся с разделом Ирака и будут бороться до конца, полагая, что они что-то смогут изменить.

Очевидно, что М.Барзани как умный и тонкий политик не может сбрасывать со счетов наличие политической активности в Ираке сторонников С.Хусейна и его баасистской партии.

Однако Ирак сегодня уже разделен или почти разделен, как делились все государства, куда США пришли «наводить порядок»: это Югославия, Афганистан, сегодняшний Ирак, а завтра, возможно, Ливан, Сирия и Иран. Хотя, необходимо признать, что предпосылки разделения Ирака в принципе существовали и ранее. Вместе с тем, США действительно могли бы сыграть цивилизаторскую роль в разделении этого государства на основе конструктивного федерализма, который существует во многих странах мира. Однако Соединенные Штаты избрали иной путь.

На самом деле, прослеживается целенаправленная политика кантонизации всего региона. Видимо, это одна из целей предлагаемой США концепции Большого Ближнего Востока: укрупнение региона и одновременно разделение его на мелкие образования. Поэтому очевидно, что конституция, принятая иракцами 15 октября 2005 г., должна быть направлена на разделение Ирака, а не на его сохранение как единого государства. Напомним, что конституция принята с поддержкой исключительно курдов и шиитов, между которыми нет единства в подходе относительно будущего устройства Ирака. Кроме того, Ирак фактически разделен еще с 1991 г., с того времени, когда курдский район был выведен из-под контроля центрального правительства и передан под международный контроль. США заявляют о территориальной целостности Ирака, как делают это, например, с Южным Суданом, но специалисту видно, что дела идут к фактическому разделению страны. Однако вопрос о курдской независимости или об автономии, может решаться только в рамках регионального договора, под международные гарантии²⁰.

Проанализируем теперь некоторые положения новой иракской конституции.

Ст. 1 «Иракская республика, независимое государство, система управления в ней республиканская, парламентская, демократическая федеративная».

О независимости иракского государства сегодня не может быть и речи, пока оно находится под оккупацией США. Вывод оккупационных сил из Ирака может ввергнуть страну в длительную гражданскую войну, которая и без того фактически идет. Поэтому вряд ли можно рассчитывать на то, что Ирак станет независимым в ближайшем будущем. Следовательно, и конституция пока не будет работать.

Ст. 2 «1) Ислам – официальная религия государства и она является источником законодательства.

а – недопустимо принимать законы, противоречащие исламским принципам.

б – недопустимо принимать законы, противоречащие принципам демократии.

в – недопустимо принимать законы, противоречащие основным правам и свободам, зафиксированным в этой конституции.

2) Конституция гарантирует сохранение принадлежности к исламу большинства населения Ирака, а также гарантирует религиозным меньшинствам таким, как христиане, езиды, сабии и миндаийин, свободу вероисповедания и выполнения их религиозных обрядов.

В данной статье конституции есть противоречие между первым пунктом и вторым. Если ислам, т.е. шариат, является источником законодательства, то он (шариат) не может законодательно гарантировать указанные в пункте 2 данной статьи права. Потому, что езиды, сабии, миндаийин, аль-хусейнийя и др., согласно исламской религии, являются своего рода сектами, не признанными исламом. Другое дело, исламские правоведы могут просто закрыть глаза на некоторые правовые моменты.

Ст. 7 – «...саддамовская Баас не может существовать в многопартийной системе страны».

Это положение характеризуется определенной двусмысленностью, поскольку в стране остаются приверженцы баасистской идеологии. Поэтому непонятно: имеет ли право «несаддамовская» Баас на существование в многопартийной системе Ирака или нет?

Ст. 9 «...вооруженные силы Ирака и его правоохранительные органы состоят из представителей иракского народа без разделения на группы. Они подчиняются гражданской власти ...» и т.д.

В одном из подпунктов этой статьи говорится о запрете создания вооруженных отрядов вне рамок вооруженных сил. Сохранятся ли в таком случае курдские вооруженные отряды «пешмерга»? По некоторым данным, их численность около 80 тыс. бойцов. Будут ли они являться подразделениями вооруженных сил Ирака или все-таки останутся в ведении Курдской автономии? Эти вооруженные отряды, с точки зрения некоторых курдоведов, являются гарантией существования курдской автономии на севере Ирака. Понятно, какой бы функцией ни наделяли пешмерга, они останутся под командованием военно-политических руководителей Иракского Курдистана. Исторический и политический опыт курдов Ирака не позволяет им распустить или растворить свои вооруженные отряды в общегосударственной иракской армии.

Ст. 13 гласит, что любая статья в конституциях регионов, противоречащая постоянной конституции, считается недействительной.

Вокруг этой статьи, возможно, будет много споров, так как регионы, в основном курдские и шиитские, хотят широкой автономии, а сунниты будут противиться этому. Кроме того, центральная власть в Ираке по объективным причинам не может быть консолидированной, потому что и курды, и шииты не заинтересованы в ее централизации, так как это станет препятствием в реализации их региональных (по этническим или религиозным соображениям) проектов.

Особый интерес вызывают ст. 108 и 109. Так, в ст. 108 сказано, что нефть и газ являются собственностью иракского народа. А в ст. 109

говорится о том, что правительство руководит добычей природных ресурсов совместно с правительствами регионов при условии справедливого распределения этого богатства и с учетом плотности населения на территории страны, с выделением временных дополнительных квот для регионов, пострадавших от предыдущего режима, в целях обеспечения равноправного развития всех регионов страны.

Эта статья четко не определяет сроки предоставления квот и их пропорциональность. Эти квоты будут определяться правительством Ирака, большинство в котором составят курды и шииты. Кроме того, в результате вторжения войск коалиции и продолжающегося поэтому сопротивления части иракского населения пострадали районы центрального Ирака. Однако пока ничего неизвестно о предоставлении им квот и их количестве.

Можно много говорить о конституции и о том, как в условиях современного Ирака будут сочетаться интересы различных политических сил как внутренних, так и региональных и международных. Однако вопрос даже не в самой конституции, какой бы она ни была совершенной, а в том, что она принята в условиях войны и оккупации, в условиях отсутствия консенсуса между различными иракскими политическими, религиозными и общественными группировками, а также при отсутствии единого мнения международного сообщества по этому вопросу. Да и внутри курдского сообщества Ирака тоже идут дискуссии по вопросу о статусе Иракского Курдистана. Так, согласно заявлениям представителей ПСК, «курды Ирака активно не добиваются независимости, но они не останутся иракцами, если правительство в Багдаде не примет их ключевые требования после выборов. Существуют «три красные линии», которые правительство «не должно переступать». В случае, если арабы не примут принципа федерализма, если арабы будут настаивать на теократическом режиме и если они не вернут в Курдистан курдов, обвиненных ранее в терроризме, курды больше не будут иракцами»²¹.

Проблема выделения Иракского Курдистана из состава Ирака является одной из ключевых тем, обсуждаемых мировым сообществом. Еще в декабре 2004 г. курды вручили официальным представителям ООН петицию, подписанную 1,7 млн. человек, в которой говорилось, что они требуют провести референдум о создании независимого курдского государства. Эта петиция была представлена и нынешнему руководству Ирака, но оно отвергло саму идею отделения курдских территорий. В день выборов на избирательных участках Движением за референдум в Курдистане, возглавляемым поэтом Ш.Бекасом, были установлены дополнительные урны, воспользоваться которыми предложили избирателям, пожелавшим ответить на вопрос: «Вы за то, чтобы оставаться частью Ирака, или Вы за независимый Курдистан?». На фоне заявлений лидеров ДПК и ПСК о предположительном выходе из состава Ирака эта акция выглядела как

четкий признак того, что в ближайшее время курды действительно начнут подготовку к процессу отделения. К тому же из 100% курдов, проголосовавших по данному вопросу, 90% были согласны на выход и лишь 10% выступили за то, чтобы оставаться в составе Ирака²².

Официально принято считать, что ни ДПК, ни ПСК не имеют отношения к проведенному референдуму. Однако, если принять во внимание заявления партийных лидеров, сделанные ими накануне выборов, то вполне очевидным станет то, что и М.Барзани, и Дж.Талабани могут опираться на свой народ, если они решат провозгласить курс на отделение Курдской автономии от Ирака. Тем не менее, по мнению наблюдателей, партийный авторитет ДПК и ПСК несколько пошатнулся в последнее время. В основном этот факт связывают с тем, что, несмотря на все предпосылки и договоренности, подконтрольные партиям зоны продолжают оставаться двумя «микросоударствами». Как справедливо заметил один из членов ДПК А.Хамид, «в глазах арабских партий курды выглядят, мягко говоря, нетривиально, так как наши 4 млн. (курдов в Ираке – Ф.Б.) объединены в три небольшие провинции, на которые приходится два совершенно независимых правительства».

Помимо собственно курдов, проживающих в северной части Ирака, существуют так называемые курды-фейли (курды-шииты), проживающие в Багдаде и в районах, расположенных вдоль иракско-иранской границы. В настоящее время они представлены на политической арене Ирака двумя партиями: Исламским союзом иракских курдов-фейли и Курдской организацией свободных курдов-фейли. Обеими партиями было принято решение об участии в выборах 30 января 2005 г. Причем Исламский союз иракских курдов-фейли пошел на выборы самостоятельно, а Курдская организация свободных курдов-фейли вошла в блок «Справедливость и будущее». Основной задачей обеих партий является построение демократического общества в Ираке, в котором соблюдались бы политические свободы и свобода вероисповедания. Курды-фейли резко осуждают все акции и заявления, касающиеся выхода Курдской автономии из Ирака, справедливо предполагая, что в этом случае они останутся курдским меньшинством среди арабского населения страны.

Таким образом, в настоящее время курдские партии продолжают борьбу за права своего народа, выбирая при этом различные пути и методы реализации своих интересов²³.

США оказались не в состоянии победить сопротивление иракского народа оккупации его страны, выражающееся в форме террористических атак. Возможно, они ставили задачу ликвидации всех режимов в арабско-исламском мире, в том числе и светских, чужими руками. Поэтому неслучайно в Ираке, как и ряде других мусульманских стран, процветает деятельность исламистских

группировок, которым США как будто бы объявили войну. Ведь они стали конкурировать в борьбе за контроль над энергоресурсами региона.

Трудности подготовки к выборам парламента и сложный процесс становления постсаддамовской государственности в Ираке связаны не только с внутрииракскими противоречиями, но и с борьбой на международной арене. Так, буквально за полмесяца до выборов нового парламента вокруг Ирака разгорались несколько скандалов²⁴. Вашингтон попытался через иракскую прессу повлиять на иракское общественное мнение с целью формирования позитивного имиджа коалиционных войск среди местного населения. Тем самым американцы надеялись сократить число иракцев, желающих примкнуть к сопротивлению. Однако его ряды пополняются из Европы: оказалось, что подорвавшая в начале ноября 2005 г. американский патруль смертница была гражданкой Бельгии. Кроме того, образ освободителей иностранным войскам здорово подпортили британские наемники, забавляющиеся расстрелом автомобилей мирных иракцев²⁵.

Хотя Дж.Буш говорит о том, что немедленный уход американских военнослужащих является страшной ошибкой, он в рамках так называемой национальной стратегии по достижению победы в Ираке участвует в дебатах по вопросу о сроках возвращения на родину войск США. Он считает, что сокращение и прекращение американского присутствия в Ираке зависит от успеха формирования иракских силовых структур. В то же время он подтвердил стремление Вашингтона постепенно создавать условия для начала поэтапного вывода войск²⁶.

Однако, как представляется, о выводе войск США из региона пока не может быть и речи: во-первых, они пришли не для того, чтобы «устанавливать демократию» в Ираке (или в Персидском заливе, или Афганистане) и уйти. Они пришли осуществить прямой контроль над энергетическими ресурсами региона. США прекрасно знают, что в нынешнем миропорядке вывод коалиционных сил из Ирака поведет за собой приход других сил, которые прямо или косвенно будут осуществлять контроль над этим регионом.

Сохраняющаяся неопределенность ситуации в Ираке оказывает свое влияние и на Иракский Курдистан, будущее которого, как справедливо считает Н.В.Степанова, пока что остается неясным. Но, возможно, выдвинутая Иракским Курдистаном идея федерального союза станет основой для решения курдской проблемы в XXI в.²⁷

Таким образом, как решение курдского вопроса, так и нормализация ситуации в Ираке и регионе Ближнего и Среднего Востока в целом зависит от политики США. Решение курдского вопроса в Ираке не является для американцев первостепенной задачей. Он рассматривается ими лишь как фактор, способный дестабилизиро-

вать те регионы или государства, которые намечено «кантонизировать» в рамках концепции ББВ.

Действительно, федеративное устройство Ирака согласно новой иракской конституции, возможно, и послужит позитивному разрешению иракского кризиса. Однако это может быть таковым в том случае, если процесс федерализации будет осуществляться цивилизованно. Вместе с тем, вряд ли этот проект можно осуществить практически в условиях оккупации независимой страны и вооруженной борьбы иракского сопротивления. При этом можно прогнозировать усиление внутривнутриполитической напряженности и эскалации насилия.

Курдский вопрос в Ираке еще далек от своего логического разрешения. Избранная курдами в нынешних условиях тактика национальной борьбы, может быть, и верна (если другого им не дано). Однако решение их судьбы зависит не только от Соединенных Штатов, но и во многом от согласованности действий по этому вопросу всего мирового сообщества.

¹ Ж. «Ас-сияса ад-даулия» (Международная политика), № 152, Каир, 2003 г. Ст. 85.

² Н.В.Степанова. Проблема курдов в Ираке. Сборник статей: «Этносы и конфессии на Востоке: проблемы и взаимодействие». М., 2005, с. 211.

³ Независимая газета (НГ) 14.10.05.

⁴ НГ 26.10.05 г.

⁵ Н.В.Степанова. Указ соч., с. 211.

⁶ Журнал «Аль-маджалля», № 1310, (20–26)03.2005 г.

⁷ «Аль-маджалля», № 1317 (8–14).05.2005 г.

⁸ Там же.

⁹ Примечательно, что Лондон становится местом для убежища различных категорий людей, причастных и к террору и к другим серьезным преступлениям экстремистского характера.

¹⁰ Коммерсант 13.10.05.

¹¹ Время новостей 14.10.2005.

¹² Н.В.Степанова. Указ. соч., с. 214–215.

¹³ Председатель национального совета Ирака в интервью журналу «Аль-маджалля» прямо сказал, что «мы хорошо знаем, что американцы пришли в Ирак не ради «красивых глаз иракцев».

¹⁴ По данным журнала «Ас-сияса ад-даулия» (Международная политика) эта станция принадлежит ЦРУ – № 136 1999 г. Каир.

¹⁵ Там же, с. 83.

¹⁶ Ж. «Ас-сияса ад-даулия», № 152, апрель, 2003 г.

¹⁷ Е.В.Загорнова «Этапы становления и взаимоотношения наиболее влиятельных курдских партий». – В сб. «Ближний Восток и современность», № 26, с. 192.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Коммерсант 25.10.2005.

²⁰ «Ас-сияса ад-даулия», № 152, апрель, 2003, с. 90.

²¹ «Курдистан сегодня» – движение. См. Е.В.Загорнова. «Этапы становления и взаимоотношения наиболее влиятельных курдских партий». – В сб. «Ближний Восток и современность». № 26, с. 192.

²² Там же.

²³ Там же.

²⁴ Некоторое время ранее итальянские СМИ показали кадры об использовании белого фосфора во время бомбардировки Эль-фаалуджа.

²⁵ Независимая газета, 02.12.05.

²⁶ Там же, 01.12.05.

²⁷ Н.В.Степанова. Указ соч., с. 215.

С.Б.Дружиловский

**ВЛИЯНИЕ ИРАКСКОГО КРИЗИСА
НА УРЕГУЛИРОВАНИЕ КУРДСКОЙ ПРОБЛЕМЫ
В ТУРЕЦКОЙ РЕСПУБЛИКЕ**

В настоящее время в Турции насчитывается не менее 10 млн. курдов. Они проживают, в основном, компактно в восьми юго-восточных провинциях страны и, в отличие от турок, говорят на двух курдских наречиях – заза и курманджи, которые ближе к персидскому языку, чем к турецкому. Курды являются, пожалуй, единственным из национальных меньшинств на территории этой страны, которое не смирилось с ассимиляторской политикой турецкого правительства, проводимой с момента провозглашения республики в 1923 г. Известно, что уже в первой республиканской конституции 1924 г. все граждане, проживавшие на момент ее провозглашения в Турецкой Республике, объявлялись турками. Курды с самого начала отказались признать такое положение, основываясь, прежде всего, на статье Севрского мирного договора 1920 г. между Турцией и державами Антанты, согласно которой турецкие курды имели право поставить перед Лигой Наций вопрос о провозглашении своей независимости. Однако Лозаннский мирный договор перечеркнул надежды курдов получить независимость из рук международного сообщества, и тогда в Турции произошло первое в новейшей истории курдское восстание под руководством шейха Саида, жестоко подавленное республиканским правительством.

В дальнейшем турецкое руководство постоянно заявляло о том, что курдского вопроса в Турции не существует. Для идентификации этой части турецкого населения вплоть до начала 80-х годов прошлого столетия употреблялось официальное название «горные турки». До этого периода турецким властям удавалось держать курдский вопрос под контролем. При этом само курдское национальное движение проявляло себя очень слабо. Курдское население продолжало жить обособленно, сплываясь на основе исключительно племенных связей и патриархальной самобытности. Однако с середины 70-х годов XX столетия курдское племенное единство стало быстро разрушаться, и повсеместно, особенно в городах, наблюдался всплеск курдского национального самосознания и политизация значительной части курдского населения.

Начало этому процессу положило создание в 1978 г. запрещенной в настоящее время Рабочей Партии Курдистана, которая, в отли-

чие от большинства других курдских организаций, строилась не по племенному принципу, а привлекала в свои ряды всех, кто готов был бороться за национальное освобождение курдского народа. После военного переворота 1980 г. руководство партии во главе с ее лидером Абдуллахом Оджаланом эмигрировало из страны и нашло себе пристанище в ливанской долине Бекаа, подконтрольной Сирии, где в течение нескольких лет оно смогло накапливать силы и ресурсы и вести пропаганду в курдских районах Турции, воспользовавшись тем, что турецкое правительство предпочитало в этот период игнорировать деятельность этой партии, делая вид, что никаких прокурдских, также как и любых других национальных движений, в стране нет и быть не может.

Реакция наступила в 1984 г., когда РПК объявила о начале вооруженной борьбы за создание на территории Турции независимого курдского государства. Вскоре отдельные вооруженные стычки между бойцами РПК и правительственными войсками переросли в полномасштабную гражданскую войну в юго-восточных районах страны. К моменту ареста в 1999 г. лидера РПК А.Оджалана итог противостояния обеих сторон составил 30 тыс. человек убитыми, из которых большинство являлось гражданскими лицами, более 3 тыс. разрушенных деревень, а также 2,5 млн. курдов, вынужденных бежать в другие районы страны или эмигрировать¹.

Начав вооруженную борьбу 15 августа 1984 г., РПК до 1991 г. вела ее довольно вяло, ограничиваясь, в основном, отдельными терактами как в курдских районах, так и в крупных городах, прежде всего, в Стамбуле, где проживает большое количество курдов, часть из которых разделяла идеалы РПК. Эскалация насилия в 1991 г. была связана с событиями в Персидском Заливе, в результате которых иракское правительство утратило контроль над своими северными границами. В результате этого турецкие курды получили возможность свободно перемещаться по территории северного Ирака и приобрели каналы доставки оружия из Ирака, Ирана, Сирии, Ливии, а также, как свидетельствовала печать во время суда над А.Оджаланом, из Греции и Южного Кипра.

В ответ на активизацию военных действий курдскими боевиками турецкий парламент в апреле 1991 г. принял Закон № 3713 «О борьбе с терроризмом» и ввел чрезвычайное положение в юго-восточных районах страны, то есть в местах компактного проживания турецких курдов на границе с Ираком.

В это же время турецкая печать сообщала о том, что президент Т.Озал нарушил «табу», существовавшее более 70 лет, и впервые пригласил в Анкару для официальных переговоров курдских лидеров Ирака. С курдской стороны на переговорах присутствовали Джалал Талабани – лидер Патриотического Союза Курдистана (ПСК) и Мохсен Дизали, помощник Масуда Барзани, лидера Демократической

партии Курдистана (ДПК) Ирака. Турецкая сторона предложила помощь иракским курдам в обмен на отказ поддерживать РПК и предоставлять ее членам убежище на контролируемой ими иракской территории. Руководители иракских курдов выразили готовность получать турецкую помощь. Что же касается РПК, то было заявлено, что это внутритурецкая проблема, и они в нее вмешиваться не собираются².

20 февраля 1992 г., по приглашению турецкого руководства, Турцию посетил лидер самой крупной организации иракских курдов, ДПК, Масуд Барзани. Он был принят президентом Т.Озалом и премьер-министром С.Демирелем. Во время этой встречи М.Барзани поставил три вопроса:

1. Турция должна продолжить оказание гуманитарной помощи продуктами питания и медикаментами и не препятствовать оказанию такой помощи другими странами курдам на севере Ирака.

2. Турецкое правительство должно разрешить ВВС международных сил оставаться на военно-воздушной базе Инджерлик для противодействия авиации С.Хусейна, используемой против курдов.

3. Турецкие войска не должны пересекать границу с Ираком для проведения карательных операций против турецких курдов.

Со своей стороны, турки потребовали от М.Барзани прекратить поддержку РПК³.

Во второй половине ноября 1992 г. турецкая армия начала регулярные рейды против РПК на юго-востоке страны. С этого же времени турецкие военные подразделения стали вторгаться на территорию Северного Ирака. 12 ноября турецкое руководство договорилось с иракскими курдами самозванной Курдской Федерации в лице М.Барзани и Д.Талабани о строительстве совместных фортов на границе между Турцией и Ираком для борьбы с РПК. Идея заключалась в том, что на протяжении 300 км границы будет выстроено 65 фортов, в каждом из которых будет находиться по 100 пешмерга для задержания боевиков РПК, которые попытаются пересекать здесь границу. Идея, правда, в то время осталась нереализованной, так как вскоре между группировками М.Барзани и Д.Талабани начались военные столкновения за право доминировать в этих районах, и РПК смогла воспользоваться возникшими между курдскими лидерами противоречиями, чтобы беспрепятственно пересекать районы, находившиеся под их контролем. Однако турецкое вторжение в северный Ирак продолжало усиливаться, и в борьбе с РПК на этой территории стали применяться тяжелое оружие и даже авиация.

В Турции действия армии против РПК были восприняты в целом положительно. Основные политические партии выступили в поддержку решительного отпора курдскому терроризму и за то, чтобы единство Турции было сохранено любой ценой. Однако свой протест против турецкого вторжения в северный Ирак заявили арабские страны и Иран, которые опасались, что Турция таким способом старается подобраться к нефтяным источникам в Мосульском районе Ирака.

Для этих опасений основания, безусловно, имелись. Турция претендовала на присоединение Мосульского вилайета в период создания Турецкой Республики, считая его неотъемлемой частью коренных земель. Отчуждение Мосула в 1926 г. в пользу подмандатного тогда Англии Ирака турки считали и продолжают считать исторической несправедливостью, хотя официально никогда после этого не ставили данный вопрос в повестку дня международных переговоров и теперь постоянно заявляют о стремлении сохранить территориальную целостность Ирака. Но время от времени турецким руководителям не удается сдерживать эмоции и сквозь них прорывается жажда реванша. Например, в апреле 1992 г. в интервью газете «Миллиет» С.Демирель заявил: «...хотя Лозаннский договор (1923 г.) оставил Мосул по другую сторону от нашей границы, проживавшие там люди были нашими людьми. Поэтому для нас не существует той и этой стороны на данной границе»⁴. Другой известный политический деятель Турции Б.Эджевит, реагируя на заявление турецких военных о том, что они останутся на территории Северного Ирака до тех пор, пока не покончат с базами РПК, призвал их остаться там навсегда⁵.

Однако политическая осторожность на этот раз взяла верх, и турецкое правительство заявило о готовности объяснить свои действия в Северном Ираке, пригласив на встречу министров иностранных дел Сирии, Ирана и Саудовской Аравии. В декабре 1992 г. министры иностранных дел Турции, Сирии и Ирана обсудили сложившуюся в курдских районах Ирака ситуацию.

Представитель Саудовской Аравии от участия в этой встрече отказался. При всех выявившихся разногласиях стороны согласились по одному пункту, а именно, о недопущении создания независимого курдского государства. В то же время гости настояли на принятии пункта о неделимости иракской территории⁶.

В течение 1993 г. масштабы военных действий на юго-востоке Турции и в Северном Ираке постоянно расширялись и в 1994 г. противостояние сторон достигло состояния гражданской войны. В эти годы Турция тратила на подавление курдского движения по 7 млрд. долл. в год. В мае 1994 г. было официально сообщено, что в боях с курдскими террористами участвуют 150 тыс. военнослужащих турецкой армии, 15 тыс. полицейских и 2,5 тыс. бойцов спецназа. В то же время силы курдских боевиков оценивались в 4–5 тыс. бойцов в горных районах страны, 2 тыс. членов РПК в северном Ираке, 1 тыс. в Иране и 400–500 человек в Сирии⁷. По сведениям министерства юстиции Турецкой Республики, в 1991 г. в турецких тюрьмах по обвинению в терроризме содержались 900 человек, а в 1994 г. уже 7 тыс. человек⁸.

В ответ на усиление правительственных репрессий РПК также активизировала свою деятельность. Это произошло вслед за решением, принятым в июне 1994 г. военно-политическим руководством РПК во главе с А.Оджаланом, о реорганизации региональной структуры КРП и

создании трех зон военных действий, включая зону в Северном Ираке. Была поставлена задача вооружить не менее 50 тыс. новых бойцов РПК и усилить террористическую деятельность и саботаж как в районах проживания курдов, так и в крупных городах Турции⁹.

В начале 1995 г. РПК провела очередной съезд на территории бывшей советской Армении, на котором было принято решение усилить борьбу за национальные интересы курдского народа. По времени с этим съездом совпал ряд крупных террористических актов на территории Турции, во время одного из которых, когда был взорван рейсовый автобус на линии Анкара-Стамбул, погибли несколько десятков человек.

В ответ на это, 20 марта 1995 г. 35-тысячный турецкий экспедиционный корпус вступил на территорию северного Ирака для проведения операции «Стальной удар» с целью окончательно уничтожения боевиков РПК в этом районе. На этот раз Демократическая Партия Курдистана М.Барзани и Патриотический Союз Курдистана Д.Талабани открыто поддерживали турецкую операцию, блокируя отступление бойцов РПК. Однако и в ходе этой операции добиться решающего перелома в разгроме РПК турецким войскам не удалось. Даже по официальным турецким сведениям, за полтора месяца боев было уничтожено 550 боевиков, что составило десятую часть от их общего количества.

Еще одна попытка использовать силовой вариант решения курдской проблемы была предпринята в сентябре 1997 г., когда 30-тысячная турецкая армия осуществила своеобразный стратегический прорыв вглубь Ирака на расстояние до 400 км от турецкой границы, что вызвало официальный протест иракского правительства, но она снова не привела к желаемому результату. После этого турецкое правительство приняло решение оставить свои войска в северном Ираке на постоянной основе¹⁰. Впрочем, на официальном уровне это не признавалось турками вплоть до вторжения англо-американских войск в Ирак в марте 2003 г., когда начальник Генерального штаба турецкой армии генерал Х.Озкек подтвердил, что турецкие военные контингенты уже находятся в Северном Ираке.

Не добившись перелома в военной кампании против РПК, турецкое правительство активизировало свою дипломатию, прежде всего, на сирийском направлении, сделав ставку на «выдавливание» курдского руководства из этой страны, где оно получило надежное убежище и возможность непосредственно руководить действиями курдских боевиков как в северном Ираке, так и в самой Турции. Угрожая Сирии применением против нее военной силы и перекрытием вод Евфрата, а также предприняв серьезные шаги по укреплению своего военно-стратегического партнерства с Израилем, Турция заставила ныне покойного президента Х.Асада официально отказаться от поддержки РПК и объявить о закрытии всех учреждений партии на сирийской территории. Сирийские обязательства зафиксировал турец-

ко-сирийский протокол, подписанный в Адане 20 октября 1998 г. После этого А.Оджалан и его ближайшие соратники вынуждены были покинуть Сирию. Турецкое правительство начало за ним охоту по всему миру. За короткое время он побывал в Российской Федерации, Италии, Греции, надеясь получить политическое убежище в этих странах. Однако эти попытки А.Оджалана не увенчались успехом, поскольку этому препятствовала политика турецкого правительства, выступившего с жесткими дипломатическими демаршами в отношении Москвы, Рима и Афин. Ни Россия, ни Италия, ни Греция, ни другие страны, где рассчитывал обосноваться А.Оджалан, не пошли на риск резкого ухудшения отношений с Турцией.

15 февраля 1999 г. лидер РПК был захвачен в Найроби турецким спецназом и этапирован в Турцию. Уже в ходе предварительного следствия он от имени своей партии объявил об отказе от вооруженной борьбы за независимость Курдистана. VII чрезвычайный съезд РПК, проходивший в январе 2000 г. на одной из ее баз в Северном Ираке, вновь избрал А.Оджалана председателем партии и, повинувшись его приказу, объявил об окончательном отказе от вооруженной борьбы и переводе ее исключительно в политическое русло. Соответствующие изменения были внесены в программу, устав и организационную структуру РПК. С апреля 2001 г., по решению руководства РПК, эта партия изменила свое название на Конгресс за свободу и демократию Курдистана. В ноябре 2003 г. она еще раз обновила программу и приняла свое нынешнее название Народный Конгресс Курдистана (НКК). Председателем РПК избран Зубейр Айдар¹¹.

Судебный процесс над А.Оджаланом, начавшийся 31 мая 1999 г., спустя несколько месяцев завершился вынесением ему смертного приговора. Правда, правительство, опасаясь широкого международного резонанса и возобновления террористических акций со стороны РПК, не привело приговор в исполнение, наложив на него мораторий. До настоящего времени А.Оджалан отбывает пожизненное заключение в тюрьме строгого режима на острове Имрали.

Несмотря на благоприятно складывающуюся в целом для турецкого правительства ситуацию, «закрыть» курдскую проблему после ареста и осуждения А.Оджалана не удалось. Сложившееся, было, хрупкое равновесие в курдском вопросе вновь оказалось под угрозой в начале 2003 г., в преддверии новой американской военной операции против режима С.Хусейна в Ираке. По оценке американских исследователей, сделанной еще в 1996 г., но продолжающей сохранять свою актуальность и по сей день, «коренные интересы США и Турции в Ираке не совпадают. Для США главным врагом является С.Хусейн, тогда как для турок – курдское национальное движение... Разница в подходах США и Турции... является классическим примером противоречия интересов региональной державы и ее более мощного покровителя»¹².

Турецкое правительство 2 марта 2003 г. выступило с заявлением, где говорилось, что Турция будет рассматривать официальное провозглашение независимости или автономии иракских курдов как повод для ввода своих войск в Северный Ирак.

Несмотря на жесткое давление со стороны США, 20 марта 2003 г. турецкий парламент принял закон, который, с одной стороны, запрещал использование иностранными государствами территории Турции и ее военных баз для вторжения в Ирак (войскам антииракской коалиции предоставлялось лишь турецкое воздушное пространство для пролета самолетов, участвующих в операции), а с другой, – наделял правительство полномочиями направить подразделения турецких вооруженных сил в Северный Ирак для обеспечения национальной безопасности и территориальной целостности страны.

Американцы, со своей стороны, приняли все меры к тому, чтобы как можно быстрее войти с юга в Северный Ирак и локализовать антибагдадское вооруженное выступление местных курдов, не дав ему вылиться в провозглашение независимости или автономии.

11 апреля 2003 г. американцы по требованию Турции заставили отряды пешмерга покинуть занятый ими Киркук и допустили туда турецких военных наблюдателей. По-видимому, турецкое руководство восприняло этот шаг американцев как приглашение к совместному наведению порядка в северных районах Ирака и предприняло шаги по укреплению здесь своего военного присутствия. Однако вскоре оно смогло убедиться в ошибочности своих выводов. 4 июля в североиракском городе Сулеймания американские солдаты в сопровождении курдов ворвались в здание, где располагались турецкие военные, арестовали 11 офицеров, надели им наручники, на головы мешки и на глазах местного населения увезли в неизвестном направлении. Как оказалось, их обвинили в подготовке покушения на назначенного американцами губернатора Киркука, курда по национальности¹³. После этого Турции пришлось предпринять большие усилия, чтобы добиться их освобождения. Судя по всему, США стремились показать своему союзнику, кто хозяин положения в северном Ираке и отстранить Турцию от решения курдской проблемы в оккупированной ими стране.

В таких условиях и правительство Турции, и военные выразили готовность официально присоединиться к международным силам, обеспечивающим порядок в послевоенном Ираке под американским командованием. Однако на этот раз твердую антитурецкую позицию заняли иракские курды. Их лидеры, входившие в состав временного управляющего совета в Ираке, пригрозили бойкотировать работу этого органа и прекратить всякое взаимодействие с коалиционными силами в случае вступления турок в Ирак. Дальнейшее развитие событий в Ираке явно развивалось по антитурецкому сценарию. Временным президентом страны был выбран лидер Патриотического союза

Курдистана Д.Талабани, а руководителем Курдской национальной автономии Ирака другой лидер иракских курдов М.Барзани. 15 октября 2005 г. на всеобщем референдуме была принята новая иракская конституция, которая закрепила федеральное устройство иракского государства. При этом четкие принципы формирования субъектов федерации в конституции отсутствуют, и этот вопрос передается в компетенцию текущего законодательства. Сегодня речь может идти только об одном очевидном субъекте иракской федерации – это курдская национальная автономия, то есть то, против чего еще так недавно категорически возражало турецкое правительство. Судя по всему, под давлением США и объединенной Европы турки вынуждены будут с этой ситуацией смириться. После опубликования результатов референдума Р.Эрдоган поздравил иракский народ с принятием первой демократической конституции страны и заявил о готовности Турции развивать добрососедские отношения с новым иракским руководством.

Таким образом, Турция, несмотря на все свои усилия, была полностью отстранена от участия в политическом устройстве постсаддамовского Ирака. В то же время, опасения Анкары по поводу того, что в результате американской силовой акции против Ирака, ушедшее было в глубокое подполье сепаратистское движение турецких курдов, может снова проявить себя, оказались небеспочвенными. Первым свидетельством этого стали события в августе 2003 г., когда на территорию Турции из северного Ирака проникли несколько сотен боевиков НКК, и в районе Сиирта произошли столкновения между правительственными войсками и сепаратистами, в ходе которых погибли семеро боевиков и двое военнослужащих.

Согласно распространенному руководством НКК в турецких СМИ 30 мая 2004 г. заявлению, исполнение условий соглашения о перемирии, достигнутого пять лет назад после ареста лидера РПК А.Оджалана, не имеет больше смысла из-за серии силовых операций, проведенных спецслужбами Турции против курдских активистов. НКК обратился с предупреждением ко всем туристам воздержаться от поездок в Турцию, а всем потенциальным инвесторам в турецкую экономику предложено пересмотреть свои планы¹⁴.

Очевидно, что пятилетнее затишье вновь может быть подвергнуто серьезному испытанию и вылиться в новое военное противостояние. В связи с этим здравомыслящие политики в Турции все чаще начинают поговаривать о необходимости поиска политического решения курдской проблемы.

Справедливости ради следует сказать, что турецкое правительство не всегда и не во всем занимало непримиримую позицию в курдском вопросе. С 1983 г., когда военные приняли закон, запрещающий национальным меньшинствам проявлять себя каким-либо образом, в том числе и посредством использования национального языка, до

настоящего времени был достигнут определенный прогресс в политическом решении курдского вопроса.

Премьер-министр первого после военного переворота гражданского правительства Т.Озал был против независимости курдов как в Турции, так и за ее пределами, но постепенно начал проводить линию на предоставление культурных прав турецким курдам. Известно, что родился он в Малатье, на границе с курдскими районами и даже как-то однажды признал, что в его жилах течет и курдская кровь. Именно благодаря позиции Т.Озала, в 1991 г. в Турции был снят запрет на свободное использование курдского языка. Ему же принадлежит заявление, что он не видит никаких конституционных нарушений в том, что специальный канал телевидения будет вести передачи на курдском языке¹⁵. Но в основном Т.Озал все-таки предпочитал использовать для умиротворения курдов силу. С Демирель, находясь в оппозиции, критиковал этот подход, считая, что решение курдского вопроса придет вслед за восстановлением демократического развития Турции.

Став премьер-министром, С.Демирель, казалось, решительно приступил к реализации своих планов мирного решения курдского вопроса. В декабре 1991 г. он вместе с партнером по коалиции лидером СДНП Э.Иненю посетил курдские районы и в своих выступлениях заявил, что «мы признаем курдскую самобытность. Нет более смысла замалчивать ее. Турки должны признать существование курдов в своей стране»¹⁶. Однако эскалация напряженности в курдских районах заставила С.Демиреля искать выход из создавшегося положения, и он нашел его в формулировке: «Турецкое правительство борется не с курдами, а с террористами в лице РПК, которая никак не связана с основной массой турецких курдов, осуждающих деятельность этой организации»¹⁷. Но уязвимость этой позиции состояла в том, что турецкое правительство препятствовало свободному образованию курдских политических партий и их равному с турками участию в политической жизни страны. В то же время правительство С.Демиреля не препятствовало многим проявлениям национального самосознания курдского населения. В апреле 1992 г., с разрешения властей, в Стамбуле вышла первая в истории Турции общенациональная газета на курдском языке с названием «Ружнаме» (Газета). Правда, после выхода первого номера издание этой газеты было приостановлено как из-за нехватки средств, так и из-за прохладного отношения к ней курдского населения, вызванного его поголовной неграмотностью. В апреле 1992 г. было объявлено об открытии курдского института в Стамбуле. Директором этого института стал Исмаил Бешикчи, проводивший много лет в тюрьмах за публикации по курдскому вопросу¹⁸. В эти же годы во многих турецких городах стали появляться названия магазинов и объявления на курдском языке. Все это, безусловно, подтверждало стремление правящих кругов и лично

С.Демиреля оставлять двери открытыми для мирного решения курдского вопроса.

Большое влияние в этом отношении на турецкое руководство оказывало международное давление со стороны как западных правительств, так и различных правозащитных организаций и общественных и политических деятелей, которые требовали от Турции приведения в соответствие ее международных обязательств по соблюдению прав человека с реальным положением дел в стране. Так, например, в мае 1992 г. президент ЮАР, лидер Южно-африканского Национального Конгресса Н.Мандела отказался принять присужденную ему турецким правительством ежегодную премию мира имени К.Ататюрка, обвинив турецкие власти в проведении политики геноцида в отношении курдского населения. В том же 1992 г. Германия, а затем Норвегия ввели ограничения на поставки в Турцию оружия, которое, по мнению правительств этих стран, использовалось против мирного населения в курдских районах Турции¹⁹. В марте 1995 г. ЕС связал вопрос о вступлении Турции в Европейский таможенный союз с принятием турецким правительством мер по политическому решению курдской проблемы. Ответом правительства Т.Чиллер стало обнародование доклада о положении этнических курдов в стране, который был призван прояснить ситуацию об отношении турецких курдов к правительственной политике в курдском вопросе. Доклад, по поручению правительства, подготовил известный турецкий профессор Д.Эргиль под заголовком: «Восточный вопрос: прогнозы и наблюдения». И то, что он был опубликован и обсуждался в Турции, уже само по себе свидетельствовало о серьезных подвижках в позиции турецкого правительства. В нем на 168 страницах давалось обобщение различных оценок по курдской проблеме. В докладе подвергалась критике негибкая позиция правоконсервативных властей, отклоняющих все требования курдов признать за ними хотя бы элементарные культурные права, такие, как использование своего языка, права на образование, издание газет, выпуск телепрограмм, открытие курдских школ.

В документе отмечалось, что, несмотря на преследования, 89,8% опрошенных считают курдский язык своим родным и лишь чуть более половины респондентов говорят по-турецки.

О тесных связях населения с РПК свидетельствует то, что почти 35% опрошенных граждан курдского происхождения признались, что поддерживают те или иные контакты с этой организацией, а 46,7% – показатель, удививший обозревателей стамбульских газет, – заявили в анонимных анкетах, что поддерживают запрещенную РПК.

Отношение курдского населения к РПК совсем другое, нежели у властей. 31% опрошенных убеждены, что партизаны РПК борются не за создание курдского государства, а за жизненные права курдов,

проживающих в Турции. «Наш доклад, – отметил профессор Эргиль, – составлен в то время, когда весь мир стремится покончить с насилием, поэтому пора более здраво и гибко выработать подходы к курдской проблеме. Невозможно всех курдов поставить на колени, арестовать или просто уничтожить из-за того, что они восстали против несправедливости»²⁰.

Как отмечали комментаторы турецких СМИ, Т.Чиллер, предъявив на суд общественности столь необычайное социологическое исследование, преследовала двойную цель – смягчить отношение в обществе к курдам и произвести хорошее впечатление на критически настроенных в отношении Турции депутатов Европарламента. На то, что, по крайней мере, во втором случае ей это удалось, указывает ставившееся многими под сомнение решение ЕС о ратификации таможенного союза с Турцией.

Серьезные политические решения по курдской проблеме были приняты в Турции после прихода к власти Партии справедливости и развития. В 2004–2005 гг. парламент принял ряд законов, разрешающих ограниченное радио- и телевидение на языках меньшинств и свободное использование национальных языков, в том числе и для образовательных целей. Турецкие спецслужбы прекратили преследование лиц, использующих спутниковое телевидение для приема запрещаемых ранее телепрограмм. Например, сегодня турецкие курды открыто смотрят телепередачи, передаваемые из Брюсселя контролируемой НКК телекомпанией MEDYA-TV. Свое желание «договориться» с курдами неизменно демонстрирует лидер ПСР, премьер-министр Т.Эрдоган. Так, во время посещения курдских районов в сентябре 2005 г.* он на многотысячном митинге в крупном административном центре Диярбакыре заявил, что Турция допускала ошибки в обращении с турецкими курдами и что ей не подобает и далее обходить эти ошибки молчанием. При этом он назвал курдскую проблему «коллективной проблемой Турции»²¹. Не вызывает сомнений, что все эти подвижки в позиции турецкого руководства вызваны, прежде всего, тем, что в последнее время курдская проблема все более перестает быть чисто турецкой. За ее решение ратует Евросоюз. Логика развития событий в соседнем Ираке неизбежно приводит к тому, что курды превращаются в главного, если не в единственного, союзника США в этой стране, а это неизбежно ведет к усилению сепаратистских настроений, как в курдских районах Ирака, так и в других частях т.н. Курдистана, включая курдские районы Турции. Решение курдской проблемы может существенно повлиять на безопасность, а следовательно, и рентабельность путей прокладки стратегических трубопроводов, которые в наступившем столетии будут снабжать энергоносителями значительную часть населения Земли.

* По некоторым данным, в августе 2005 г. (прим. ред.)

К 2006 г. Турция предполагает начать полномасштабную эксплуатацию крупнейшего в регионе Юго-восточного Анатолийского гидротехнического проекта им. Ататюрка, предусматривающего сооружение 22 плотин, 19 электростанций и двух водоводных туннелей, которые позволят увеличить площадь орошаемых в курдских районах земель в 25 раз (против 68 тыс. га на сегодня). Причем, число рабочих мест предположительно удвоится, в такой же пропорции ожидается и рост подушного национального дохода в регионе, численность его населения достигнет 9 млн. человек, в том числе, и за счет прекращения миграции курдского населения, при этом особенно заметно будет расти городское население²². В то же время до сих пор остается неурегулированным вопрос о поставках пресной воды в Сирию и Ирак после введения Юго-восточного проекта в строй, и не исключено, что эти страны вновь попытаются использовать курдскую проблему как рычаг давления на турецкое правительство при решении этой проблемы.

Таким образом, крайняя заинтересованность Турции в решении курдского вопроса в ближайшем будущем не вызывает сомнений. Вопрос в том, какой путь она для этого выберет и хватит ли у нее политического мужества использовать для этого преимущественно цивилизованные методы.

¹ International Politic, № 1, 01.1998, с. 43.

² Turkey Confidential, № 18, April 1991, с. 16.

³ Turkey Confidential, № 27, March 1992, с. 7.

⁴ Ibid., с. 8.

⁵ Middle East International, № 474, 20.04.1994, с. 14.

⁶ Turkey Confidential, № 31, December 1992, с. 10.

⁷ Turkish Daily News, 20.05.1994.

⁸ Ibid.

⁹ Turkish Daily News, 14.06.1994.

¹⁰ Русский вестник № 46–48, 1997, с. 11.

¹¹ Российская газета 04.06.2004.

¹² The Kurdish Nationalist Movement in the 1990s/ Its Impact on Turkey and the Middle East., Lexington: The University Press of Kentucky, 1996, с. 72.

¹³ Hurriyet, 05.07.2003.

¹⁴ Российская газета, 31.05.2004.

¹⁵ Turkey Confidential., № 29, May 1992, с. 1.

¹⁶ Turkey Confidential, № 25, January 1992, с. 2.

¹⁷ Turkey Confidential, № 28, April 1992, с. 9.

¹⁸ Turkey Confidential, № 29, May 1992, с. 3.

¹⁹ Turkey Confidential, № 28, April 1992, с. 9.

²⁰ Компас. 1995, № 65, июль-сентябрь, сс. 11, 12.

²¹ <http://www.voanews.com/russian/2005-09-12-voa2.cfm>

²² Турция между Европой и Азией. М., 2001, с. 321.

ВОПРОСЫ ДЕМОКРАТИЗАЦИИ И КУРДСКИЙ ВОПРОС В ТУРЦИИ В НАЧАЛЕ XXI ВЕКА

Изменившиеся в начале XXI в. реалии турецкой политики не могли не сказаться на отношении властей к курдскому фактору в стране. Победившая в 1999 г. на выборах Демократическая Левая Партия и ее престарелый лидер Бюлент Эджевит недолго продержались у власти. Из начавшегося было нового экономического и политического кризиса страну удалось вывести новой политической силе – Партии Просвещения и Развития («Ак Парти»), совместившей в своей программе традиционно исламские приоритеты и прагматические либеральные взгляды, создав при этом достаточно широкую социальную платформу на всеобщих выборах 2003 г.

Во второй раз исламская партия оказалась у власти в Турции. Декларируемые программные приоритеты вступления в ЕС, развитие либеральных свобод, совмещенных с традиционными турецкими ценностями, а также постепенная ревизия некоторых кемалистских установок, в частности, в вопросах приверженности принципам лаицизма, позволили говорить о новом этапе в политической истории Турции, часто называемом «посткемализмом». Сущность его заключается в том, что не отменяются, а некоторым образом коррелируются традиционные кемалистские постулаты с существующими политическими реалиями и требованиями международного сообщества. В начале XXI в. в Турции полным ходом шел процесс формирования гражданского общества. Турция не без оснований претендует на роль самой демократичной, влиятельной и стабильной страны Ближнего Востока. Генералитет практически перестал оказывать влияние на политическую жизнь в стране, были сняты многие запреты и отменен ряд жестких законов, принятых в восьмидесяти годы прошлого века еще в период власти генералов.

Ныне ставится вопрос о возможности существования либеральной демократической модели в условиях исламского государства. Причем теперь эта проблема должна рассматриваться в контексте общества, где ислам, несмотря на декларируемый секуляристский характер государства, является ценностью, распространяющей свое влияние на социальную и политическую жизнь страны, которая изъявила желание в ближайшее время стать членом ЕС.

В современных условиях Турции в лице «Ак Парти» мы имеем дело с политической происламской силой. Учитывая печальный опыт

Партии «Рефах», которая была объявлена «радикально-исламской» и запрещена генералитетом, нынешние «исламские демократы» характеризуются как твердо стоящие на либеральных, прагматических позициях. Это следует как из политической программы партии, так и из заявлений премьера Реджепа Эрдогана, который не без оговорок, но все же дал понять, что вступление Турции в ЕС является приоритетной целью нового руководства страны.

При этом исламская риторика «Белой партии» (именно так дословно переводится аббревиатура «Ак парти») позволила заручиться поддержкой и электората, уважающего исламские ценности, и части курдских племен, проживающих на востоке страны. Традиционно оппозиционный электорат на юго-востоке страны зачастую отдавал свои предпочтения тем партиям, действия и идеологические установки которых шли вразрез с существующими в Турции политико-идеологическими догмами. Обтекаемость формулировок программ оппозиционных режимов партий, апелляция «к традиционным духовным и моральным ценностям турецкого общества» или к «культурному развитию и укреплению гражданских свобод и прав человека», часто в завуалированной форме, обозначали их в качестве приверженцев идее исламского ренессанса. Возможно, поэтому «Ак парти» удалось создать образ преемницы (в своеобразном «либерализированном» варианте) довольно радикальной для секулярной Турции партии «Рефах» и заручиться поддержкой большинства электората Турции, где своеобразный умеренный духовный исламский ренессанс в последние годы является важным фактором политической культуры страны.

Пугавшая многих, в том числе и в России, «возможность прихода исламистов к власти в Турции», возможно, явилась следствием отсутствия понимания понятий «исламизм» и «исламская партия». Нынешние происламски настроенные силы в Турции, на наш взгляд, стараются представить «Ак парти» такой же органичной для Турции политической партией, как, например, христианские демократы в Германии. Учитывая политическую платформу партии, ее постепенное дистанцирование от радикальной «Рефах» и позитивный настрой на диалог со всеми политическими силами Турции, можно говорить, что победившая в Турции «Ак Парти» старается создать образ «исламских демократов», что является вполне естественным для исламской страны, каковой является Турция.

Немаловажным фактором, повлиявшим на ход политических реформ в стране, стала постепенное охлаждение отношений с Соединенными Штатами и большее сближение позиций по ряду политических вопросов с Европейским союзом. При этом одним из наиболее важных факторов, повлиявших на остроту курдского вопроса в стране, стала осуществленная в 2004 г. Соединенными Штатами и их союзниками операция по свержению режима С.Хусейна в Ираке. В частности, заметным событием было то, что новое руководство в лице «Ак Парти»

отказалось предоставить войскам коалиции свою территорию для прохождения войск в Ирак. Это не лучшим образом сказалось на турецко-американских отношениях последующих лет. Так, в турецкой прессе и в высказываниях ряда политиков все чаще стали звучать упреки в адрес «проамериканских» политических сил и партий.

Что же касается отношения к курдскому фактору в стране, то фундамент для изменения характера межэтнических отношений был заложен еще при прежнем, «неисламском» руководстве страны. В августе 2002 г. турецкий меджлис формально подтвердил пакет реформ, направленных на снятие напряженности в межэтнических отношениях в стране с целью ускорения возможного вступления в ЕС. И хотя реформы встретили яростное сопротивление националистически настроенных депутатов, которые усматривали в них уступки курдским националистам, они все-таки были приняты. Помимо окончательной отмены смертной казни, предусматривалось полное снятие запрета с курдского языка, введение его преподавания в частных школах, а также начало теле- и радиовещания на курдском языке. Пакет реформ включал смягчение законов об общественных демонстрациях, а также меры по ужесточению контроля над нелегальной иммиграцией¹.

Курдский вопрос оставался для Турции главным препятствием на пути вступления в ЕС. Особую обеспокоенность правозащитных европейских организаций вызывали вынужденные переселенцы из юго-восточных районов страны. Переселения сельских жителей в 80-е и 90-е годы XX в. из слабразвитых районов восточной части Турции, производимые властями, имели массовый характер и преследовали две основные цели. Во-первых, в период начала активных боевых действий с повстанцами из РПК, вынужденные переселения были призваны перерезать каналы поддержки боевиков среди местного населения. При этом наблюдателями зачастую отмечались многочисленные нарушения прав человека. Сельских жителей переселяли в основном в крупные города региона, такие как Диярбакыр. При этом нередко селиться им приходилось у своих родственников, в домах которых уже жило по несколько семей.

Снятие запретов с использования курдского языка и открытия школ властям не сопровождалось решением многих социальных и экономических проблем юго-востока страны. Так, в мае 2000 г. состоялось заседание государственного Совета Безопасности Турции, на котором было отмечено, что, ввиду практической нейтрализации боевиков из РПК, государство должно сосредоточить свое внимание на социальных и экономических вопросах в регионе. Советом был подготовлен 200-страничный доклад по этому поводу. Роль своеобразного локомотива экономического подъема этого региона призван выполнить амбициозный Юго-восточный Анатолийский проект, предусматривающий сооружение крупных электростанций. Он призван осуществить искусственное орошение бесплодных земель юго-востока страны. Этот проект,

начатый еще пятнадцать лет назад, планируется завершить к 2010 г. Однако его выполнение движется крайне медленными темпами. Если его энергетическая составляющая выполнена к настоящему времени на 80%, то та часть проекта, которая предусматривает выполнение ирригационных программ, и как следствие, является наиболее животрепещущей с точки зрения подъема сельского хозяйства в этом районе, осуществлена только на 12%².

Следует отметить, что и политическая трансформация кемалистских установок в стране мало затронула курдскую проблему в Турции. С одной стороны, власти пошли на значительные уступки: было разрешено преподавание курдского языка частным образом, снят запрет, как отмечалось, с теле- и радиовещания на курдском языке. С другой стороны, правящей «Ак партии» пришлось столкнуться и с многими объективными трудностями. В 2003 г. властями был принят закон «Общественного прощения», призванный ускорить процесс разоружения курдских партизан, укрывавшихся в горах и изредка совершавших вылазки против военных, даже несмотря на объявленное находящимся в заключении Абдуллой Оджаланом временное перемирие. Однако на деле этот закон сразу же обнаружил свою бесперспективность, поскольку возвращаться партизанам было некуда, многие деревни были разорены в ходе антитеррористических операций в середине девяностых годов прошлого века. Негативное влияние на попытки «Ак партии» решить курдский вопрос у себя в стране оказал тот факт, что Турция была фактически отстранена от процесса политического урегулирования в Северном Ираке, где северная курдская автономия уже по многим показателям имеет в скором времени шанс стать независимым государством.

На этом фоне заметно усилились и позиции курдских националистов на Юго-востоке, где Народно-демократическая партия, постоянно меняя свое название перед очередными муниципальными выборами, имеет весомую поддержку местного электората. Ниже приведены данные о количестве голосов, отданных в курдских илах страны за эту партию, представляющую интересы националистически настроенных курдов.

Наряду с развитием политических свобод курдов Турции (в части создания прокурдских политических партий) давление на основную легальную политическую силу курдов носило все более завуалированный характер. Основным аргументом оставались «наличие органических связей с террористической организацией РПК», что само по себе является трудно доказуемым делом. Между тем, в большинстве городов юго-востока страны мэрами были избраны представители прокурдских партий, имеющие непосредственные рычаги власти в регионе. В ноябре 1997 г. курдами была создана Демократическая народная партия (ДЕХАП – в названии были просто переставлены местами два слова) которая, в случае закрытия ХАДЭП, не нарушая в принципе за-

кона о политических партиях в части сроков создания, могла бы органично выйти на выборы и быть поддержанной сторонниками ХАДЕП. Именно такая ситуация сложилась как на муниципальных 2002 г., так и на всеобщих выборах в ноябре 2003 г., когда ДЕХАП получила 6,22% голосов избирателей всей Турции. Однако десятипроцентный барьер снова не позволил представителям курдских социал-демократов войти в новый состав меджлиса. Сразу после выборов в прессу был запущен скандал о том, что ХАДЕП вышла на выборы по поддельным документам, а само ее создание якобы не соответствовало закону о политических партиях. Как отмечал автор одной из статей в «Хюрритет», «если бы ХАДЕП не участвовала в выборах, то тогда в меджлисе смогла бы оказаться влиятельная партия Верного Пути («Догру Йол»), которой не хватило совсем немного голосов для преодоления десятипроцентного барьера»³. Курды, таким образом, «отобрали» голоса у влиятельных политиков. Информация в прессе о курдских демократах стала носить все более спекулятивный характер.

Выборы в местные органы власти на юго-востоке страны
(число голосов, %)

Провинции (илы)	1999 (ХАДЕП)	2002 (ДЕХАП)	2004 (СНП)
Адыяман	8,6	12,0	8,9
Агры	29,6	35,1	29,2
Батман	57,2	47,1	73,6
Бингель	26,6	22,1	28,4
Битлис	17,3	13,7	27,2
Диярбакыр	62,5	56,1	58,3
Хаккари	55,8	46,1	62,5
Игдир	35,0	32,4	33,3
Карс	5,6	19,6	4,3
Мардин	25,2	39,6	26,9
Муш	17,6	38,0	25,1
Сиирт	38,6	32,0	42,8
Тунджели	24,8	32,6	35,7
Урфа	14,6	19,4	23,8
Ширнак			46,0
Ван	44,6	41,0	40,7

По данным одного из турецких информационных веб-сайтов, основные голоса курдских аширетов на юго-востоке страны распределялись между «белыми» исламистами из «Ак парти» и прокурдской ДЕХАП. Значительно меньшую поддержку получили здесь правые и левоцентристские партии, а также более радикальные исламисты из «Саадет Парти».

Следует отметить, что нынешнее правительство Турции, представленное «Ак Парти», старается проводить взвешенную политику в курдском вопросе. Сторонники этой партии выгодно дистанцировались от прошлых т.н. либеральных режимов времен премьерства Тансу Чиллер и Сулеймана Демиреля, которые декларировали свой светский характер, но с курдскими повстанцами предпочитали разговаривать только на языке пушек и угроз. Исламские демократы же декларативно включили в свою программу пункт о курдском вопросе. Как отмечает один из функционеров партии, заместитель председателя партии Денгир Мехмер Фырат, «партия стала первой, которая включила в свою программу вопрос, который для кого-то в Турции является экономической, для кого-то политической проблемой, а для кого-то проблемой, связанной с терроризмом»⁴.

В августе 2005 г. во время поездки в Диярбакыр премьер Эрдоган официально признал существование в Турции курдского вопроса. Это был довольно смелый, но в то же время крайне важный шаг. До этого в Турции, которая долгое время проводила шовинистическую политику по отношению к националистически настроенным курдам, признавали и факт существования в стране курдского народа, и проблему терроризма в стране, и (по словам премьера Демиреля) существование «курдской реальности» в стране, но собственно курдским вопросом эта проблема никогда не называлась. Следует отметить, что этот шаг Эрдогана был крайне негативно встречен националистически настроенным истеблишментом Турции. Его обвиняли в заигрывании с курдскими националистами, а в ноябре этого же года в ряде населенных пунктов Юго-востока произошли провокации и были подожжены принадлежащие курдам магазины, что вызвало многочисленные демонстрации курдов, в том числе и под флагами РПК. Основным противником диалога с курдскими националистами остаются сторонники партии националистического действия, а также находящаяся под их крылом организация «Серые волки». Скорее всего именно эта организация сыграла печальную роль в срыве процесса демократизации в отношениях с курдами, когда в середине девяностых по стране прокатилась волна т.н. загадочных убийств курдских активистов, журналистов и интеллигентов, в числе которых был и известный курдский писатель Муса Антер.

Турецкие националисты настаивают на недопустимости изменения националистических постулатов Ататюрка и признания существования в стране «курдского вопроса», что неминуемо приведет страну к хаосу и развалу. По словам заместителя председателя ПНД Мехмета Экиджи, «ХАДЕП является ни чем иным, как шовинистической партией»⁵. Крайне недопустимым, с точки зрения интересов Турции, по мнению сторонников ПНД, является возможное создание на севере Ирака курдского государства. В то же самое время турецкие националисты заявляют о «грубом нарушении прав этнических туркоманов в провинциях Мосул, Киркук и Эрбиль»⁶.

Программы демократизации, принимаемые нынешним руководством, оказываются трудновыполнимыми из-за бюрократических проволочек в регионе, где многие руководящие лица, назначаемые в основном из центра, продолжают действовать в отношении с курдами по принципу «как бы чего не вышло». Так, в прессу просочилась информация, растиражированная затем многими СМИ, о том, что власти запретили открытие первой частной школы курдского языка, мотивируя это тем, что двери школы открывались, якобы, не в ту сторону, что противоречило требованиям пожарной безопасности⁷. Нельзя сбрасывать со счетов и тот факт, что в регионе до сих пор действует система сельских стражей, призванных в свое время защищать жителей от партизан РПК. Стражи до сих пор продолжают получать из казны специальное жалование. В нынешних условиях многие из них не собираются разоружаться и возвращаться к мирной жизни, поскольку безработица в регионе крайне высока, а многие деревни опустели.

Взгляды же большинства граждан Турции на перспективы либерализации отношений с курдами носят достаточно консервативный характер. Подавляющее большинство турок считает, что находящийся в заключении лидер РПК Абдулла Оджалан – террорист, который заслуживает смертной казни. При этом, как показал опрос жителей Турции на одном из Интернет сайтов, только 49% жителей считают возможным существование в стране легальной курдской оппозиции, в то время как 46% респондентов высказались против существования партий, построенных по этническому признаку.

Важным и решающим моментом, который становится все более очевидным в начале XXI в., является тот факт, что самое активное участие в решении курдского вопроса в Турции будут принимать Европейские организации. Вопрос с предоставлением курдам этнических прав в рамках Турции тесно связан с вопросом вступления этой страны в ЕС. Следует отметить, что на протяжении всего периода, который связывают с обострением курдского вопроса в Турции, не только Европейские правозащитные организации, но и парламентские комиссии на уровне Совета Европы ставили вопрос о демократическом и ненасильственном разрешении курдского вопроса, предоставлении курдам равных этнических прав. 22 и 23 ноября 2004 г. в Брюсселе состоялось заседание комиссии при Европейском парламенте, посвященное проблеме курдов и интеграции Турции в ЕС. И хотя ее организаторами и инициаторами выступили неправительственные общественные организации, было отмечено, что их рекомендации и резолюции, приуроченные к началу масштабных переговоров о перспективах интеграции Турции в ЕС, будут носить обязательный характер для турецких властей. На заседании были высказаны конкретные предложения Европейскому парламенту по координации его действий в вопросе принятия Турции в ЕС с полной демократизацией

курдского вопроса в стране. Примечательным является то, что это заседание не носило односторонний характер; на него были приглашены как представители официальных кругов Турции, так и представители курдских политических и общественных организаций как из самой Турции, так и из Европы.

В частности, в резолюции бельгийской комиссии подчеркнуто, что именно курдский вопрос является главным препятствием на пути вступления Турции в ЕС в качестве полноправного демократического государства. Особо следует отметить, что Брюссельская комиссия настаивала на необходимости проведения политической реформы в стране, которая в итоге существенно трансформирует ту форму этнического национализма, которая существовала в Турции на протяжении всего республиканского периода.

Немаловажным моментом является то, что представители курдов, согласно резолюции конференции, должны на равных участвовать в работе всех последующих комиссий, а реформы должны осуществляться в строгом соответствии с конвенцией по правам человека и конвенцией по защите прав этноменьшинств, принятых Европарламентом. С этой целью было объявлено о создании специальной гражданской комиссии по вопросу вступления Турции в ЕС. В нее должны войти представители курдских политических партий, общественных организаций, академических кругов, а также активисты различных правозащитных организаций. Заинтересованность Европы здесь понятна: в случае вступления Турции в ЕС курды будут составлять 3–4% населения всего Европейского сообщества.

Напомним, что Турция поставила своей целью вступление в ЕС еще 1957 г. Однако начавшая в начале 80-х годов война на юго-востоке страны существенно охладила пыл тех европейских политиков, которые при помощи Турции надеялись «перекинуть европейский мост на Ближний Восток».

Именно европейский фактор стал немаловажным стимулом, подтолкнувшим в свое время либерально настроенного к курдскому движению президента Озала к началу первых контактов с апочистами (сторонниками А.Оджалана-прим.ред.). В 1993 г. в Копенгагене Европейским парламентом была принята резолюция, где курдский вопрос был поставлен в качестве краеугольного камня на пути возможной интеграции Турции в ЕС. Этот факт сыграл немаловажную роль в том, что власти начали осуществлять робкие попытки и, с оглядкой на генералитет, готовить почву для возможных реформ.

Следует отметить, что сразу после проведения Брюссельской конференции 2004 г. Турция, которая к тому времени уже сняла запрет с использования и преподавания курдского языка, а также с курдского радио и телевидения, пошла на дальнейшие уступки.

Вскоре после проведения конференции в декабре 2004 г. из тюрьмы была освобождена известная курдская правозащитница Лей-

ла Зана, а также бывшие члены и создатели прокурдской Демократической народной партии, такие как Хатип Диджле, Ахмет Тюрк и другие курдские активисты, осужденные 10 лет назад за пропаганду курдского национализма.

После событий 10-летней давности имя Лейлы Заны стало широко известно в Европе. Она была первым парламентарием в Турции, которая произнесла клятву верности на курдском языке и была за это заключена в тюрьму. В октябре 2004 г. Зане была вручена премия им. Академика Сахарова, присвоенная ей еще в середине девяностых.

Сразу после выхода из тюрьмы Лейле Зане и ее соратникам по Демократической партии был дан зеленый свет на создание нового политического движения. В декабре 2004 г. ими было объявлено о создании новой политической партии – Народно-Демократического движения. На учредительном съезде было отмечено, что новое политическое движение не является оппозиционным существующим легальным политическим партиям страны, а как раз наоборот, будет вести вместе с ними политическую борьбу. В частности, на съезде присутствовало много представителей ДЕХАП – Демократической Народной партии, а ее председатель Тунжер Бакырхан принял участие в совместной пресс-конференции. Интерес к этому событию был так высок, что пресс-конференцию с перерывом пришлось растянуть на два дня.

Главной задачей для Турции является создание образа демократического сосуществования партий различных взглядов, в том числе и националистического толка. Для страны фигура Заны в настоящее время является выгодной, поскольку ее взгляды, при всей их бескомпромиссности, отличаются от взглядов представителей Рабочей партии Курдистана, с которой власти не хотят иметь дело как с террористической организацией.

В декабре 2004 г. 50 тыс. демонстрантов собрались в Диярбакире для проведения акции в поддержку приема Турции в ЕС. Акция проходила под лозунгом «Разнообразие – да, сепаратизму – нет». Курдский политик Х.Диджле, выступая перед собравшимися, сказал, что «Евросоюз должен назначить Турции дату начала переговоров о вступлении и при этом курды не должны быть проигнорированы». Как отметила Л.Зана, «Турция совершенно не готова к содружеству с Европой. Ее политика противоречит элементарным человеческим законам, не говоря уже о политической свободе и равноправии». Таким образом, бывшие члены ДП вновь начали активно вести политическую деятельность и выступать против политики, проводимой турецкими властями. В своих заявлениях они рекомендуют ЕС «настойчивее требовать от Турции соблюдения выдвинутых ей условий и обращать внимание на реальные шаги турецкого правительства по отношению к курдскому вопросу, и лишь затем принимать столь ответственное решение». В свою очередь, пресс-секретарь Европейской

комиссии Ж.К.Филори в своем заявлении по поводу перспектив приема Турции в ЕС сказал: «Когда будет приниматься решение, мы будем иметь в виду правительственные решения ТР в отношении представителей ДП и их дальнейшую судьбу».

Вторым немаловажным аспектом, затронувшим курдскую проблему в Турции в начале XXI в., стали события в Ираке, и, что особенно важно, турецко-американские отношения. В 2003 г. Вашингтон был крайне озабочен нежеланием Великого Национального Собрания Турции предоставить территорию страны для переброски американских войск. Поскольку расчеты на Турцию, как на своего верного союзника, не оправдались, США были вынуждены отложить дату начала военной операции и пересмотреть пути доставки войск в Ирак.

На протяжении всего 2004 г. курдская тема была основным вопросом турецко-американского диалога. Анкара требовала от Вашингтона решительных действий против отрядов РПК, базирующихся на территории Северного Ирака. Министр иностранных дел Турции А.Гюль, регулярно посещавший Вашингтон, отмечал в своих заявлениях, что на территории Северного Ирака находится свыше 5 тыс. турецких курдов, среди которых террористы, скрывающиеся от турецких властей. Анкара открыто заявляла, что ближневосточная политика Вашингтона ведет к угрозе курдского сепаратизма, и если она не будет пересмотрена, то Ближний Восток столкнется с непреодолимыми трудностями. Премьер-министр Р.Эрдоган неоднократно настаивал на том, что США должны пересмотреть свое отношение к курдскому вопросу и объединиться с Турцией в борьбе с апочистами. Руководство страны указывало на случаи нападения на турецких военнослужащих боевиков партии и на бездеятельность американцев в этих вопросах. Отношения с США достигли наибольшего напряжения в июле 2003 г.

При этом совершенно не устраивает Турцию и то, что американцы стали регулярно проводить встречи с руководителями РПК, о результатах которых не считают своим долгом информировать Анкару. Например, такие переговоры состоялись 28 декабря 2003 г. в местечке Кала Дизе, расположенном недалеко от Эрбиля. Как сообщалось, на встрече с членами РПК представители США обсудили политическую ситуацию в Ираке и перспективы ближневосточной обстановки в целом. Наряду с этим в Турции с начала 2004 г. стали отмечать рост активности боевиков РПК на востоке страны, что многие турецкие политики склонны связывать с деятельностью США в этом регионе. Так, в конце мая 2004 г. представители РПК распространили заявление о прекращении перемирия и возобновлении боевых действий по всей территории страны. Правда, в начале 2004 г. Вашингтон внес РПК в список террористических организаций, о чем было заявлено главой американской администрации в Ираке П.Бремером. Согласно его заявлению, «члены партии укрывают среди курдского населения

Ирака террористов, а терроризм в обновленном Ираке следует искоренять». В своем ответе Анкара выразила благодарность правительству США «за понимание всей опасности ситуации, когда угроза курдского сепаратизма надвигается на Ближний Восток». Между тем, никаких реальных предпосылок для нарушения хрупкого перемирия, которое установилось после пленения Оджалана, пока нет. Однако многие политические деятели Турции были склонны рассматривать американское заявление как акт запугивания турецких властей с целью оказания на них давления в вопросе предоставления турецкой территории для дислокации войск союзников.

Факт пленения и осуждения Абдуллы Оджалана изменил существовавшую расстановку сил в курдском повстанческом движении. Раньше, несмотря на всю одиозность фигуры Оджалана, партия, находившаяся под жестким контролем своего лидера, представляла единое целое. После потери своего лидера РПК стала распадаться на отдельные группы, которые имели серьезные противоречия как по вопросам о способах ведения борьбы, так и чисто идеологического порядка.

Тем не менее, нельзя отрицать тот факт, что для многих курдов не только Турции, но и проживающих за рубежом, фигура Абдуллы Оджалана приобретает харизматические черты мученика и борца за свободу курдов. Теперь с помощью Оджалана власти Турции стремятся сделать подконтрольными наиболее радикальные курдские группировки, к которым относится сама РПК, а также ряд связанных с нею групп. Захват Оджалана вызвал определенную дезинтеграцию в среде курдских радикалов. Достаточно сказать, что, если раньше РПК проводила свои очередные съезды в среднем раз в пять лет, то, начиная с 1999 г., таких съездов было проведено уже три. И в результате каждого из них внутри РПК происходили сложные организационные изменения. Напомним, что в августе 1999 г., находясь уже в тюрьме, Оджалан выступил с мирными инициативами, суть которых сводилась к полному отказу РПК от вооруженных методов борьбы и перенесения ее деятельности в политическую сферу. В январе 2000 г. съезд РПК принял резолюцию Оджалана, а в апреле 2002 г., на Восьмом своем съезде, партия была переименована в Конгресс свободы и независимости Курдистана (КАДЕК) (затем она вернулась к своему прежнему наименованию – РПК – прим.ред.), тем самым подчеркнув изменившийся статус партии. Однако на съезде было заявлено, что партия не может полностью отказаться от вооруженных методов самозащиты и будет прибегать к ним только в целях самообороны, а основное внимание сосредоточит на претворении в жизнь мирных инициатив Оджалана.

2003 год характеризовался поиском апочистами новых идеологических ориентиров, которые помогли бы им сплотить вокруг себя как можно больше сторонников. Одну из основных задач они видели в популяризации личности Оджалана, а также в распространении его взглядов, его книг. Лидер, хоть и находящийся в заключении, мог

стать теперь своеобразным объединяющим фактором для курдских радикалов. Так, на Седьмом съезде партии было даже принято решение о выделении крупных средств на изучение работ Оджалана и их публикацию в Европе. Парадоксально, но подобная ситуация выгодна и официальным кругам Турции, которые, хотя и считают РПК террористической, крайне не заинтересованы в том, чтобы организация распалась на ряд независимых друг от друга групп, поскольку их будет очень сложно контролировать. Поэтому, несмотря на отчаянные заявления официальной Анкары о том, что власти никогда не пойдут на контакт с апочистами, нельзя полностью исключать того, что в правительстве имеется ряд ответственных лиц, курирующих «курдское направление» и отвечающих за поддержание неформальных, и, по-видимому, засекреченных контактов с апочистами. Подобные контакты крайне важны в деле борьбы с радикализацией курдского движения, и правительство Турции, имея в руках такой козырь, как плененный Оджалан, вряд ли не воспользовалась бы такой возможностью. Прагматический подход, которым в принципе характеризуется сейчас курдская политика в Турции, может предполагать и наличие неофициальных контактов с РПК. История показывает, что спецслужбы разных стран тесно связаны и сотрудничают с террористами, желая использовать их в своих целях. Чаще всего, оказавшись никому не нужными, многие из этих организаций выходят из-под контроля и самостоятельно создают, но уже полностью подчиняющуюся им самим, «индустрию насилия».

Примечательно, что в Турции кое-где уже можно свободно купить книги Оджалана, а спецслужбы Турции, по-видимому, не спешат закрывать Интернет-сайт лидера РПК, где на восьми языках изложена его очередная политическая платформа. Следуя указаниям находящегося в заключении на острове Имралы Абдуллы Оджалана, РПК, как говорилось выше, декларирует отказ от вооруженной борьбы и сосредоточение своей деятельности на политической агитации.

Основным фактором, повлиявшим на смягчение позиций властей в отношении курдского вопроса, стала политика Европейских правозащитных организаций, которые жестко увязывают вступление Турции в ЕС (чего Турция добивается вот уже многие годы) с демократизацией ее позиции в курдском вопросе. В июле 2003 г. в Анкаре проводился первый научный симпозиум по проблеме курдов, куда были приглашены представители всех политических партий страны. Представлены были, правда, не все, а в основном из оппозиции. В том же году была проведена определенная либерализация общественной жизни в курдских районах. Все это говорит о неких шагах турецких властей для смягчения напряженности в курдском сообществе.

В октябре 2003 КАДЕК, бывшая РПК, была переименована в «Конгра-гель» – Курдский национальный конгресс. Находясь в заключении, Оджалан (по-видимому, не без поддержки официального ис-

теблешмента) остается главным идеологом курдских радикалов. Его изоляция на острове Имралы особенно выгодна Турции, поскольку его резолюции и рекомендации являются обязательными для РПК. Интересно отметить, Оджалан, находясь в заключении на Имралы, как и Ясир Арафат, оставшийся в Рамалле, продолжает руководить подконтрольными ему силами.

Так, в марте 2004 г. по инициативе Оджалана был создан специальный комитет по разработке новой идеологической программы курдского движения, которая должна учитывать современные реалии. Поиски новых идеологических основ продолжались вплоть до марта этого года, когда в рамках Конгра-гель было объявлено о создании так называемой новой РПК, которая, следуя инициативе Оджалана, объявляла о новой идеологической платформе для курдского движения. Особо подчеркивалось, что РПК решительно порывает с прошлым, а также является отличной от Конгра-гель организацией, с которой, впрочем, у нее нет противоречий. Новая РПК объявила себя наиболее приверженной взглядам Оджалана. Существенным моментом является то, что теперь РПК провозгласила не только отказ от создания независимого государства, но и отказ от принципа национализма вообще, поставив во главу угла новый, сформулированный ее идеологами, принцип «демократического федерализма». Власти же Турции продолжают настаивать на нелегитимном характере РПК и будут и в дальнейшем препятствовать ее превращению в политическую силу Турции.

В целом, можно сказать, что перспектива политического решения курдского вопроса в стране весьма туманна, как и возможность вступления Турции в ЕС, с чем, собственно, это решение и связывается. Такие решения во многом «завязаны» и на политическом будущем Ирака и курдской автономии. Такая неопределенность создает порочный круг, когда власти опасаются идти на значительные уступки курдскому населению в признании культурных и социальных прав (к чему власти в принципе готовы), потому что не уверены в том, что их действия не приведут к нестабильности, что создаст угрозу государственной целостности Турции. Между тем, в обществе постепенно формируется взгляд на возможность решения этого сложного вопроса в рамках международного права и в условиях свободного гражданского общества.

¹ Hurruiet, 03.08.02.

² Ruşen Çakır. Türkiye'nin Kürt Sorunu. Metis Yayınları. 2004, с. 20.

³ Hürriyet, 12.12.03.

⁴ Rusen Çakır..., с. 166.

⁵ Там же, с. 73.

⁶ Там же.

⁷ Hurruiet, 12.04.05.

Н.З.Мосаки

ИРАКСКИЕ ТУРКОМАНЫ ВО ВЗАИМОДЕЙСТВИИ РАЗЛИЧНЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ СИЛ И ИНТЕРЕСЫ ТУРЦИИ

Туркоманские поселения на территории современного Ирака появились в средневековье, хотя туркоманские националисты возводят свою «иракскую историю» чуть ли не к шумерскому периоду. В средние века османские власти создали в Киркуке туркоманские военные поселения (укрепления), имевшие стратегическое значение для защиты турецких границ от курдов и Ирана. Они рассматривались ими в качестве буфера между курдами и арабами, также защиты путей сообщения между северными и южными районами Месопотамии. Со временем туркоманское население Киркука значительно увеличилось. В середине XX в. оно составляло около пятой его части. Он и является главным центром расселения туркоман в Ираке (значительно меньше их проживает в Эрбиле: в 1957 г. – 5%, в 1977 г. – 6,5%). В Киркуке проживают в основном туркоманы-сунниты, в то время как в Туз-Хурмату и большинстве туркоманских сел проживают в основном туркоманы-шииты.

В результате политики арабизации к концу XX в. количество туркоман значительно сократилось. Проследим вкратце динамику этого процесса. Так, в первой половине XX в. туркоманы составляли, по приблизительным оценкам, 2,1–2,4% всего населения Ирака. По переписи 1957 г., туркоманское население составляло 2,16% населения страны. Однако согласно переписи 1977 г., численность туркоман стало значительно меньше – 1,15%. Аналогичная ситуация наблюдается и в отношении численности киркукских туркоман: в 1957 г. туркоманское население составляло 21,4% населения Киркука, в то время как в 1977 г. – всего лишь 17%. А в губернаторстве Ниневия (Мосул) удельный вес туркоманского населения и вовсе уменьшился в пять раз – с 4,8% в 1957 г. до 1% в 1977 г. В то же время необходимо добавить, что в полосе Мосул – Киркук на протяжении почти 160 км туркоманское население полностью отсутствует¹.

По переписи 1957 г., которая, как известно, является единственной более или менее достоверной и полномасштабной переписью (хотя и во время ее проведения допускались некоторые нарушения), почти половина населения провинции Киркук назвала своим родным языком курдский, 29% – арабский язык, а 22% – туркоманский язык. При этом следует отметить, что собственно в Киркуке относительное

большинство населения назвало родным языком туркоманский – 40%, курдский язык – 35%, а арабский язык – 24% (см. Табл.).

Население провинции Киркук по переписи 1957 г.

Родной язык	Город Киркук	%	Провинция Киркук без города Киркука	%	Итого провинция Киркук	%
Курдский	40 047	35,1	147 540	55	187 587	49,1
Арабский	27 127	23,8	82 493	30,8	109 620	28,7
Туркоманский	45 306	39,7	38 065	14,2	83 371	21,8
Ассирийский	1 509	1,3	96	0	1 606	0,4
ИТОГО	113 989	100	268 194	100	382 283	100

Табл. составлена по: Nuri Talabani. Iraq's policy..., с. 68.

По переписи 1977 г., т.е. уже после начала активной арабизации Киркука (особенно после коллапса курдского освободительного движения в 1974–1975 гг.) доля курдского населения Киркука снизилась более, чем на 10%, составив 37,5%, доля арабов выросла более, чем на 15% – до 44,4%, а туркоман снизилась более, чем на 5% – до 16,3%. Согласно переписи 1997 г., доля арабского населения в Киркуке составляла уже 57%.

Снижение численности туркоманского населения было связано, видимо, как с политикой арабизации, проводимой баасистским режимом, так и с процессом ассимиляции туркоман курдами. Это сопровождалось постепенным вытеснением туркоман с руководящих административных постов в Киркуке. Так, в период монархии лишь два мэра Киркука были туркоманами, в то время как традиционно на этот пост назначались курды. А первый мэр-араб в Киркук был назначен в 1969 г. баасистским режимом из числа представителей тикритского клана. Кроме того, в иракском парламенте две трети депутатов от Киркука были курдами, а треть – туркоманами. Арабы редко избирались депутатами от Киркука в иракский парламент².

Следовательно, снижение численности туркоман способствовало тому, что политическая жизнь Киркука оказалась в руках курдов, численность которых в городе стала превышать число туркоманского населения. Между тем, в 90-е годы XX в. стало наблюдаться усиление внимания Турции к этому району.

Для Турции отторжение от нее в 20-х годах XX в. Мосульского вилайета и присоединение его к Ираку, особенно нефтеносных районов Мосула и Киркука, было весьма ощутимым ударом для ее геополитических и геоэкономических амбиций. Тем не менее, на протяжении всего периода с середины 20-х годов XX в. до войны в Персидском заливе

1991 г. Анкара «мирилась» с потерей этих районов, не выражая стремления «вернуть потерянные территории». Однако после 1991 г. Турция неожиданно «вспомнила» о своих притязаниях на богатые нефтью районы Киркука и Мосула. Следует отметить, что этому предшествовало восстание иракских курдов, установивших на несколько дней контроль над территорией всего этногеографического Иракского Курдистана, в том числе и над Киркуком. Часть Иракского Курдистана (без Киркука, Ханекина и некоторых других районов) была объявлена «зоной безопасности». С 1991 г. в Анкаре стали заявлять о своих притязаниях на эту территорию и связывать вопрос о распаде Ирака с опасностью для Турции создания курдского государства. С целью недопущения развития процесса, способного привести иракских курдов к независимости, Турция начала использовать туркоман Ирака в своих интересах. Это выражалось, в частности, в оказании туркоманам помощи и организации протурецких туркоманских организаций, чтобы сократить влияние на них Демократической партии Курдистана (ДПК), возглавляемой М.Барзани.

Представляется, что одной из основных причин начала широко-масштабного использования Анкарой туркоман послужило определенное ослабление военно-политической деятельности Рабочей партии Курдистана (РПК) в зоне турецко-иракской границы. В период своего «могущества» РПК делала все возможное для дестабилизации обстановки в Иракском Курдистане в связи с ее враждебным отношением к политическим организациям иракских курдов. Вместе с тем, это соответствовало политическим интересам Турции, которая пользовалась этим обстоятельством, чтобы вторгаться на иракскую территорию под предлогом борьбы с боевиками РПК. Но после заключения под стражу ее лидера А.Оджалана усилия РПК на этом направлении ослабли. В связи с этим стратегия Турции претерпела определенные изменения, которая стала использовать иракских туркоман, недовольных распространением влияния ДПК в Северном Ираке.

С конца 90-х годов туркоманский фактор стал «козырем» Анкары в проведении ею кампании, направленной на ослабление влияния ДПК на курдов в зоне турецко-иракской границы. Турция, как известно, стала заявлять о наличии нескольких (более трех) миллионов туркоман в Северном Ираке. Курдские источники единодушно опровергали данные Анкары о численности туркоман. Они считали их слишком завышенными. В то же время и данные различных курдских источников о численности иракских туркоман и их оценки значительно отличались друг от друга. Так, известно, что одни курдские источники насчитывали несколько сот тысяч туркоман. Другие – считали, что их значительно меньше. Так, лидер ДПК Масуд Барзани указывал цифру 1,3 млн. Он, в частности, заявлял 7 мая 2003 г. в интервью турецкому агентству новостей «Доган», что арабы составляют около двух третей населения Ирака, курды – около четверти, туркоманы – около 6%, христиане – около 3%.

Вместе с тем, как уже отмечалось, по переписи 1957 г. численность туркоман в Ираке была чуть более 2%. Поэтому, если население Ирака составляет около 22 млн. чел., то численность туркоман в целом в Ираке, по мнению Барзани, насчитывает свыше 1,3 млн. чел., что в несколько раз превышает другие курдские оценки численности туркоман. Некоторое завышение числа туркоман могло произойти и за счет того, что в начале 90-х годов при распределении турками «гуманитарной» помощи в Иракском Курдистане по этническому принципу (а на самом деле лишь туркоманам. – *Н.М.*), многие курды отмечались в турецких «благотворительных» организациях как туркоманы. Тем не менее, разница в оценке иракскими курдами численности туркоман весьма велика. Примечательно, что Турция для искусственного увеличения численности туркоман стала платить киркукским арабам за то, чтобы они называли себя туркоманами.

Вопрос о соотношении туркоманского и курдского населения принадлежит к числу спорных и до сих пор пока не разрешенных.

Подавляющее большинство туркоман, проживающих на территории, контролируемой курдскими властями, находится в районе контроля ДПК – Эрбиле. На территории, контролируемой Патриотическим союзом Курдистана (ПСК), почти не имеется туркоманского населения. Значительно большее количество туркоман, как отмечалось, проживает в районе Киркука, в котором традиционно некоторое влияние имеет ПСК. Поэтому Турция пыталась использовать туркоман для усиления разногласий между ДПК и ПСК, особенно для ослабления ДПК, так как турки опасались распространения влияния курдских автономистов Ирака и на турецких курдов. Кроме того, турецкие власти прилагали усилия для объединения протурецки настроенных туркоманских организаций, действовавших на иракской территории. Поэтому неслучайно в 1995 г. на базе нескольких созданных турками мелких организаций был образован Иракский туркоманский фронт (ИТФ). Основу ИТФ составили Национальная партия иракских туркоман (лидер Джамаль Шан), Партия Туркоманели (лидер Рияд Сари Кихиях), Независимое туркоманское движение (Канаан Шакир Аг'али), Партия прав иракских туркоман и Туркоманское исламское движение Ирака. Штаб-квартира ИТФ находится в столице Иракского Курдистана Эрбиле. В 1996 г. ИТФ «открыл» «представительство» в Анкаре, а в 1999 г. – в Лондоне.

ИТФ является пантюркистской организацией, декларирует свою приверженность «великой тюркской нации». 30 января 2002 г. в газете ИТФ «Туркоманели», выходящей на арабском языке, был опубликован документ, представляющий декларацию ИТФ, подписанную главой ИТФ Сааном Ахмад Агой и другими его лидерами. В нем, в частности, говорилось, что, хотя «туркоманский народ живет в своей стране в Ираке еще до рождения Христа», «туркоманы не должны забывать о своей принадлежности к великой тюркской нации. С того времени, как

османы ушли из Ирака в 1918 г., наш народ стал подвергаться угнетению, этнической ассимиляции, арестам и уничтожению иракским правительством ...наши национальные, культурные, социальные права и права человека нарушались шовинистической политикой нынешнего (баасистского – прим. ред.) иракского режима, которую он осуществляет с 1986 г.». Правда, лидеры ИТФ, все время «призывавшие» Турцию вторгнуться в Иракский Курдистан для помощи «угнетенному туркоманскому народу» и «уверенные в получении поддержки от турецких братьев», никогда не затрагивали то обстоятельство, что ни разу не просили Анкару помочь в предотвращении угнетения туркоман центральными иракскими властями того времени, а сама Анкара также никогда не проявляла инициативы в этом вопросе.

В этой декларации говорилось также, что «после народного восстания в Ираке, после второй войны в Заливе [1991 г.], в Северном Ираке на основе резолюции СБ ООН от 5 апреля 1991 г. была создана «зона безопасности» (как известно, именно для защиты курдов, о чем и говорилось в резолюции ООН. – *Н.М.*) С этого времени туркоманские борцы за права туркоман, политические партии и авторитетные лидеры начали открыто функционировать на территории «зоны безопасности», и до сих пор туркоманское политическое движение под руководством ИТФ охватывает регион от Теллафара до Мендали.

Хотя штаб-квартира ИТФ находится в Эрбиле, он противопоставляет свою деятельность курдским организациям. Примечательно, что ИТФ придерживается мнения, что туркоманы в Киркуке, Мендали и др. районах принадлежали к числу угнетаемых народов. При этом его члены предпочитали не уточнять, что туркоманы испытывали давление со стороны баасистских властей Ирака.

ИТФ не признает Региональное правительство Курдистана (РегПК) и другие курдские органы власти. Он отказался получить разрешение (лицензию) на осуществление своей деятельности на территории, контролируемой курдскими властями.

Следует также отметить и неоднозначный подход курдских властей к проблемам туркоман. Так, в начале 1998 г. в отношениях туркоманской партии Туркоманели, входящей в ИТФ, и ДПК возникла напряженность по поводу школьного образования туркоман. Как писала *Turkish Daily News* (TDN), пресс-секретарь ИТФ Касым Омер заявлял, что ДПК закрыла 18 туркоманских школ в Захо, Эрбиле, Дохуке и Кифри (хотя последний район контролировался ПСК). Кроме того, Омер отмечал, что ДПК не разрешала обучение «тюркскому языку» на латинице (турецкой латинице). ДПК, естественно, отрицала справедливость заявлений К.Омера. «Напротив, мы оказываем большую поддержку именно туркоманам в области образования. В курдских школах на одного учителя приходится 25 человек, а в туркоманских – 11. ... Но иракская конституция (принятая режимом С.Хусейна – прим.ред.) не разрешала получать образование на латинице, и мы должны под-

чиняться этому. Если вы вводите новую систему образования, значит, вы имеете политические цели. Перед законом все равны», – заявлял, комментируя обвинения К.Омера, представитель ДПК в Анкаре Сафин Дизайи³.

Иракские курды препятствовали использованию туркоманами латинского алфавита, поскольку усматривали в этом фактор турецкого влияния. Однако с начала 90-х годов в Иракском Курдистане предпринимались попытки осуществления публикаций и на курдском языке на латинице. Но переход курдов на латиницу не получил распространения в Иракском Курдистане. Основным противником использования алфавита на латинской основе является господствующий в культурно-идеологическом плане сулейманийский (соранский) регион. При переходе на латиницу он может потерять свое господствующее положение среди части курдского населения. При этом значительная часть курдов, подконтрольных ДПК, усилит свое взаимодействие с турецкими курдами.

Следовательно, даже способ письменного языкового выражения (латиница или арабская вязь) является фактором соперничества туркоман и иракских курдов. Между тем, официальные представители ДПК заверяли туркоман в том, что эта партия не имеет какого-либо негативного настроения против них. Так, С.Дизайи, в частности, заявлял в январе 1999 г. по этому поводу: «ДПК за все время своего существования всегда уважала права туркоман и других этнических групп в северном Ираке. Они имеют дюжину организаций. Они имеют культурные центры, школы, радио и телевизионные передачи, и газеты. Более того, некоторые группы туркоман имеют военные организации. Мы можем сказать, что туркоманам предоставлено больше прав, нежели курдам, живущим в соседних странах в регионе». Это свидетельствует о том, что ДПК пытается избежать напряженности между своими приверженцами и иракскими туркоманами.

Вместе с тем, ДПК заинтересована в привлечении туркоман к своей борьбе. Поэтому она приняла меры, чтобы сгруппировать вокруг себя лояльных туркоман. Она содействовала их объединению и противопоставлению ИТФ, поддерживаемого Турцией. При этом ДПК отрицательно относится к ИТФ, считая ее структурой, полностью созданной внешними силами и управляемой из-за рубежа.

В конце 2002 г. ДПК попыталась создать из лояльных туркоманских организаций единый фронт, который смог бы стать альтернативой ИТФ. 5 ноября 2002 г. в Эрбиле было объявлено о формировании пяти туркоманскими организациями (Туркоманской культурной ассоциацией, Туркоманской партией братства, Туркоманской национально-освободительной партией, Туркоманской партией союза и Туркоманской демократической партией Курдистана), сотрудничающими с курдскими властями, Туркоманской национальной ассоциацией. Глава Туркоманской национальной ассоциации Дж.Наджар заявлял тогда, что «объе-

динение туркоманских организаций стало реальностью в результате достижений регионального правительства Иракского Курдистана»⁴.

Хотя туркоманы не представлены в курдском парламенте, они имеют несколько организаций, 2 телеканала, 8 газет, 4 радиостанции, ряд школ. Кроме того, их программы передаются по государственному радио и спутниковому телеканалу.

Представители ИТФ, конечно же, понимали, что ДПК ведет работу по организации структур лояльных туркоман. Они не могли одобрять этот процесс. В преддверии саммита иракской оппозиции в Лондоне в декабре 2002 г. член совета ИТФ Джюнейт Менгу заявлял, что Барзани создал искусственную туркоманскую группировку, чтобы затруднить участие туркоман (ИТФ) во встречах оппозиции. Менгу говорил, что подход Барзани напоминает политику Саддама Хусейна, который в свое время создал свою ДПК, хотя, по словам туркоманского представителя, США в свой Акт об освобождении Ирака, принятый конгрессом в 1998 г., включили именно ИТФ5.

Как писал 15 декабря 2001 г. в газете «Браяти» генсек Партии братства иракских туркоман Валид Шарика, в Иракском Курдистане существуют два типа политических движений туркоман. «Одно исполняет патриотические обязанности, а другое – работает на внешние силы». По мнению Валида Шарика, «создание т.н. Туркоманского Фронта (ИТФ. – Н.М.), которым управляют из-за рубежа, является попыткой разрушения демократического эксперимента (в Иракском Курдистане)»⁶. В то же время он подчеркнул, что туркоманы в Ираке пользуются многими национальными правами. Это, в частности, подтвердил и генсек Партии союза иракских туркоман Сайфалдин Демирчи: «Сейчас в Курдистане, свобода, которую имеют туркоманы, значительна». Он подчеркивал, что, если в районах, находящихся под контролем баасистского режима, ни один туркоман не мог выражать правду и свою национальную идентичность, не могли работать туркоманские школы или радиостанции, то в Иракском Курдистане туркоманы уже тогда имели политические партии, газеты; их назначали на административные должности. Он отмечал, что на территории Курдской автономии не было правовых различий между туркоманами и курдами. Поэтому он рассматривал РегПК того времени как великое достижение. Он констатировал, что одни туркоманские организации, функционировавшие в Ираке, в своей деятельности опирались на внешний фактор, а другие – на внутренний. «Наша партия находится во взаимодействии с обществом, другие опираются на внешний фактор», – говорил В.Шарика. Он также отмечал, что туркоманам лучше не участвовать в межпартийных конфликтах. «Для туркоман лучше оставаться нейтральными, вместо того, чтобы становиться частью одной стороны против другой; такая ситуация не будет служить ни туркоманам, ни братству в Курдистане».

В отличие от прокурдски настроенных туркоман, протюркский ИТФ пытается использовать противоречия, имеющиеся между ирак-

скими курдами, являющимися сторонниками той или иной партии (ДПК или ПСК). Так, его члены нередко выступают в турецкой прессе с критикой позиций М.Барзани по ключевым проблемам Иракского Курдистана. Например, в 2002 г. в Turkish Daily News было опубликовано интервью члена Иракского национального конгресса и представителя ИТФ Мустафы Кемаля Яйчили, в котором он обвинял Масуда Барзани в нарушении консенсуса и единого подхода в стане иракской оппозиции по вопросу о федерализме в Ираке и принадлежности Киркука. Вместе с тем, Яйчили выразил свое позитивное отношение к Дж.Талабани. Он, в частности, сказал: «Талабани более оптимистичен и показывает более позитивный подход к решению проблем. Он не защищает шовинистические подходы. Он принимает особенности туркоман. Лишь такой подход может внести вклад в будущее Ирака». Яйчили осуждал подход ДПК к проблеме туркоман, аргументируя тем, что эта партия, якобы, мешает развитию туркоманских школ, турецкого языка, функционированию радиостанций, телевидения. «Мы не имеем проблем в регионе Талабани – Сулеймании, мы решаем свои проблемы с ней (ПСК) путем переговоров. ДПК запрещает турецкий язык в Эрбиле». Аналогичной точки зрения придерживается и член исполнительного совета ИТФ Айдын Баятлы, заявлявший, что лидер ДПК Масуд Барзани представляет «серьезную угрозу» для деятельности этого объединения, поскольку прилагает усилия для вытеснения из «Северного Ирака» всех, кто не принадлежит к ДПК, особенно, туркоман. Он заявил также, что «силы Барзани пытались предотвратить встречи исполнительного совета фронта в Эрбиле и Киркуке», не объяснив при этом, как мог Барзани помешать провести встречу фронта в Киркуке, который полностью контролировали иракские власти. Кроме того, хорошо известно, что в 2000 г. ИТФ провел в Эрбиле свою конференцию.

В преддверии американской кампании против С.Хусейна, когда Турция чуть ли не ежедневно заявляла о возможном вторжении в Иракский Курдистан, а ИТФ перманентно «призывал» Турцию ввести в «Северный Ирак» свои войска для «предотвращения хаоса в регионе», многие туркоманские лидеры однозначно поддержали курдские власти. Так, 21 февраля 2003 г. один из лидеров Туркменской национальной ассоциации Дж.Наджар заявлял на пресс-конференции в Эрбиле, что туркоманы Иракского Курдистана не желают вторжения Турции в Курдистан: «Мы не думаем, что существуют обстоятельства для вторжения, так как туркоманский народ, живя здесь, имеет стабильность и пользуется демократическими правами с 1991 г. ... Я не думаю, что Турция совершит такую ошибку. Турция имеет легитимное право заботиться о своей национальной безопасности, но не вторгаться в Ирак. Мы, иракский народ, против этого»⁷. Того же мнения придерживался и другой лидер туркоман А.Каршти, глава Туркоманской культурной ассоциации, действующей в Эрбиле, подчеркивав-

ший, что он сомневается в заверениях Турции защищать туркоман. По его мнению, «она хочет контролировать нефть и территории», поэтому намеренно использует лозунг о своей заботе о туркоманах, живущих в Иракском Курдистане. Вместе с тем, туркоманы боялись, что в случае ввода в Иракский Курдистан турецких войск, курды будут мстить им, так как Турция могла использовать в качестве повода для их ввода лозунг защиты туркоманского населения от произвола курдов⁸. Поэтому туркоманы совместно с курдами участвовали в демонстрациях протеста в Эрбиле против ввода Турцией своих войск в Иракский Курдистан.

Туркоманы старались опровергнуть заявления некоторых турецких политиков о том, что их беспокоит положение туркоман в Ираке. В связи с этим высказывались мнения о том, что ни один турецкий кабинет на самом деле не интересовался их судьбой. Так, туркоманы не случайно заявляли: «На протяжении 30 лет ни одно правительство Турецкой Республики никогда не помогало нам. Они (турецкие правительства. – Н.М.) продали нас за нефтепровод (Киркук – Юмурталык. – Н.М.) и три контракта. [Турция] никогда не спрашивали Саддама [о туркоманах]. Почему? Потому что Саддам обеспечивал [Турцию] нефтью»⁹.

Таким образом, Турция использовала туркоман как фактор, способный дестабилизировать ситуацию в Иракском Курдистане. Тем самым, турецкое руководство пользовалось услугами ИТФ, чтобы внести раскол между ведущими политическими организациями иракских курдов, которые имеют различные подходы в отношении иракских туркоман, с одной стороны, а с другой, – проводят собственную политику в отношении туркоманских организаций.

Позиции ДПК и ПСК в отношении иракских туркоман, по меньшей мере, несколько расходились. ДПК полагала, что ИТФ не отражала интересы иракских, в частности, южнокурдистанских, туркоман, и являлась марионеточной организацией, управляемой внешними силами (из Анкары). В то время как ПСК, напротив, поощряла его деятельность.

Талабани и ПСК рассматривают ИТФ «влиятельной туркоманской организацией» и стараются поддерживать с ней благоприятные отношения. Так, 5 января 2002 г. ПСК и ИТФ подписали в Сулеймании «протокол о дружбе и сотрудничестве». С этого времени, по некоторым сообщениям, в Сулеймании, где исторически никогда не было туркоман, начало значительно увеличиваться их количество, в том числе начали возникать их офисы и представительства¹⁰. Кроме того, во время своих визитов в Анкару Талабани традиционно проводит встречи и «переговоры» с представителями ИТФ. Так, 7 марта 2002 г. он встретился с «главой турецкого представительства» ИТФ Мустафой Зия и еще одним представителем ИТФ Сананом Касапом¹¹. Во время своих визитов в Анкару Талабани регулярно проводил встречи с представителями ИТФ. С одной стороны, понятно, что турки настаивали на встрече влиятельных лидеров иракских курдов с этой

туркоманской организацией. С другой стороны, совершенно очевидно, что Талабани не отказывался от встречи с представителями ИТФ.

11 июля 2002 г. печатный орган ПСК газета «Курдистане Нуэ» сообщила, что глава Бюро внешних сношений ПСК Сади Ахмед Пира принял представителя ИТФ в Сулеймании Сия Курачи, главу его внешних сношений Исса Мухсина Кассаба и его помощника Рызгара Карани. С.А.Пира выразил свое удовлетворение созданием представительства ИТФ в Сулеймании и повышением его уровня и статуса. «Курдистане Нуэ» писала, что представители ИТФ заявляли: «ИТФ высоко ценит дружественный и реалистичный подход ПСК и РегПК [в Сулеймании]...» Газета писала также: «Со своей стороны, глава Бюро внешних сношений ПСК заявил, что курды и туркоманы имеют общую судьбу...»¹²

Кроме того, на территории, контролируемой ПСК, существует еще одно отделение ИТФ – в Кой-санджаке, руководителем которого в ноябре 2002 г. был назначен турецкий гражданин, ранее работавший в структуре РМФ (Peace Monitoring Force). Силы РМФ были созданы в Иракском Курдистане в апреле 1997 г., после заключения (при участии Анкары) соглашения между ДПК и ПСК, для мониторинга зоны прекращения огня между вооруженными силами этих двух курдских партий. Примечательно, что, хотя руководство РМФ осуществляли турецкие офицеры, а финансирование – США, основной штат этой структуры, с подачи турок, составляли туркоманы – члены ИТФ. В преддверии американской кампании против С.Хусейна иракские курды начали высказываться за роспуск РМФ и вывод турецких «наблюдателей». Как писала 11 ноября 2002 г. курдская газета *Hawlati*, турецкий гражданин Валид Али заменил на этом «посту» иракского туркомана Муваффака Мухаммада, что, по мнению газеты, представляет «прямое вмешательство в дела Иракского Курдистана»¹³.

В конце декабря 2002 г. во время своего визита в Анкару глава ПСК Дж.Талабани встретился в анкарском офисе ИТФ с руководителем этой организации Сананом Ахмадом Агой¹⁴ и заявил, что ПСК защищает права туркоман, которые имеют равные и демократические права среди различных групп иракской оппозиции. По словам Талабани, «год назад мы подписали с туркоманами (ИТФ. – Н.М.) протокол о дружбе и сотрудничестве, и этот протокол продлен»¹⁵. Как писала тогда TDN, в то время как Талабани называл турецкую армию «дружественной» армией, говорил о возможности ввода турецких войск в «Северный Ирак» (именно так процитировала газета Талабани) для «помощи» беженцам и т.д., представитель ДПК в Анкаре Сафин Дизайи заявлял, что ДПК выступает против турецкой интервенции в Иракский Курдистан как под предлогом борьбы с РПК, так и любым другим предлогом¹⁶. Турция, организовывая встречи Талабани с ИТФ, пыталась таким образом легализовать эту организацию, придать ей какой-то политический вес.

В интервью агентству *Gulf News* 3 февраля 2003 г. Джалал Талабани заявлял: «Мы приняли высокопоставленную делегацию ИТФ. Мы имеем с ними соглашение о сотрудничестве по широкому кругу вопросов». В том же интервью Талабани продолжает: «ИТФ имеет хорошие отношения с Турцией, и политика Турции направлена на защиту туркоман везде (в любом месте). Они (турки. – Н.М.) считают и курдов, и туркоман своими родственниками и братьями»¹⁷.

Талабани осуществлял подобную политику по отношению к ИТФ, несмотря на то, что эта организация постоянно повторяла турецкие идеи об опасности установления государственного устройства Ирака в форме федерации. Так, в конце сентября 2002 г., представитель ИТФ Кемаль Яйчили резко выступил против совместно подготовленного ДПК и ПСК (хотя в действительности это был проект ДПК, с которым «согласился» ПСК. – Н.М.) проекта Временной иракской конституции, заявив, что «туркоманские группы против создания в Ираке федерации, которая может свергнуть страну во внутреннюю войну... мы надеемся, что Турция окажет нам помощь по этому вопросу»¹⁸.

Позиция Талабани в отношении ИТФ определяется не только соперничеством ДПК и ПСК за власть в Курдском автономном районе. Он старается балансировать между интересами турецкого руководства, на которое давление оказывают Соединенные Штаты, и заинтересованностью ПСК сохранить под своим контролем часть территории Курдской автономии.

Несмотря на то, что в последние годы (а с 1998 г. постоянно) лидер ПСК заявляет о своей приверженности единой с ДПК стратегии, готовности создать единое региональное правительство и т.д., он не желает нарушения достигнутого между двумя партиями status quo в Курдской автономии. Поэтому он выступал за сохранение разделенного положения в Иракском Курдистане: зону контроля ДПК и зону контроля ПСК. Дж.Талабани, видимо, опасался того, что при создании единых региональных (южнокурдистанских) органов власти, ведущую роль будет играть неизмеримо более мощная (с политической, финансовой, демографической и т.п. точек зрения) ДПК. Эта позиция Талабани в определенной степени согласуется с региональными центрами силы, для которых фрагментация южнокурдистанского этнопространства предоставляет возможность играть на противоречиях, создавать баланс сил, предотвращать возникновение единого курдского центра. В связи с этим представляется, что, несмотря на перманентные заявления Талабани о выступлении с ДПК единым фронтом и желании создать единое региональное правительство, на практике он противодействует умалению политической роли ПСК на территории Иракского Курдистана.

Соперничество ДПК и ПСК в Курдской автономии находится в основе недоверия обоим лидерам друг к другу. Так, например, М.Барзани заявлял, что «нет доверия Талабани». Во время своего визита в Тур-

цию в октябре 2000 г. Масуд Барзани на встрече с курдскими интеллектуалами Турции заявил: «Нет доверия ни РПК, ни ПСК»¹⁹. При этом Барзани прилагает все усилия по созданию единой власти в Южном Курдистане при руководящей роли ДПК.

В преддверии военной операции США против Ирака Турция неоднократно заявляла о готовности предпринять военную интервенцию в Иракский Курдистан, если, в случае возникновения «вакуума власти», иракские курды попытаются взять под контроль Киркук. Курды, в свою очередь, перманентно убеждали Анкару, что не имеют стремления взять под свою власть Киркук. Так, во время визита в Анкару курдский премьер Нечирван Барзани уверял Турцию в отсутствии желания курдских властей контролировать Киркук. Говоря о проекте конституции Иракского Курдистана, в которой Киркук объявлялся столицей этого региона, Нечирван Барзани заявлял: «Это всего лишь проект, предложение. Это не является окончательным решением». Однако, как уже отмечалось, Нечирван Барзани весьма однозначно заявил, что «с географической точки зрения, безусловно, Киркук находится в регионе, известном как Иракский Курдистан»²⁰.

Как сообщала газета *TDN*, сразу после освобождения курдами Киркука от баасистских властей, 18 апреля 2003 г., Дж.Талабани заявил, что «высокопоставленные турецкие военные посетили вчера [17 апреля] Киркук и остались довольны отношением ПСК к туркоманам». По данным *TDN*, этим высокопоставленным турецким военным был командующий спецвойсками в Силопи генерал Абдулла Киличаслан²¹.

Турция в преддверии американской кампании против Ирака пыталась выразить свою «поддержку» туркоманам. Как заявлял, например, в конце августа 2002 г. министр обороны Турции Сабааттин Чакмакоглу, «территория вокруг Мосула и Киркука является регионом туркоман, и чужие взоры на этот регион (для Турции) неприемлемы»²². Вице-премьер правительства Турецкой Республики Месут Йылмаз полагал, что «если Киркук, вопреки всем историческим показателям, будет включен в курдский субъект федерации...», Турция должна будет немедленно отреагировать²³. Масуд Барзани довольно жестко отвергал все турецкие претензии касательно Киркука. Как он заявлял: «Насколько далеко находятся друг от друга небеса и земля, настолько далека от правды тюркскость (турецкость) Киркука»²⁴. А в интервью ведущему телеканала *CNN-Turk* Мехмету Али Биранду 18 октября 2002 г. Масуд Барзани выразил свое недоумение относительно того, какое отношение имеет к Киркуку Турция²⁵.

В дни, когда антиюжнокурдистанская истерия Анкары, в т.ч. и с использованием «туркоманского фактора», достигала наивысшего накала, в турецкой прессе развернулась острая полемика об иракских туркоманах. Так, например, известный турецкий публицист Мехмет Али Биранд писал: «Мы никогда не обращали на них [туркоман] внимания, не заботились о них. Вдруг мы вспомнили о них. Но туркоманы

в Ираке существовали всегда. Они угнетались Саддамом, испытывали ассимиляцию. Но Ирак был важен для нас, поэтому мы игнорировали туркоман». По мнению Биранда, некоторые «ястребы» в Анкаре пытаются использовать туркоман против попыток курдов организовать Северный Ирак под своей властью. Все это, — пишет Биранд, — создает ощущение, что Турция решила защищать туркоман не из-за того, что они этнически близки ей, а для предотвращения возникновения потенциального курдского государства. Вследствие этого курды стали рассматривать Турцию и туркоман в негативном свете²⁶.

Другой автор, И.Чевик, также выразил свое мнение по вопросу о туркоманах: «Турция бросила туркоман Ирака и своим молчанием одобряла Саддама Хусейна и его диктатуру. Те, кто так особенно недовольны Талабани и Барзани... (их политикой в отношении туркоман. — Н.М.), молчали на протяжении лет, в то время как основная часть туркоман Ирака, живущих в районах, подконтрольных власти Саддама, испытывали все виды репрессий»²⁷. Он также подчеркивал, что «туркоманы Ирака, которые испытали все жестокости баасистского режима, говорят, что Турция, бросившая их в прошлом, не должна действовать как старший брат». Как отмечает И.Чевик, проживающие на территории курдской администрации туркоманы создали несколько партий, в то время как туркоманы, находившиеся под властью баасистского режима, подвергались этническим чисткам. Между тем, лишь после свержения баасистов ИТФ открыл офисы в Киркуке, Мосуле и Багдаде. И.Чевик пишет о недовольстве туркоман попытками Анкары манипулировать ими. По его мнению, туркоманы считают, что ИТФ мешает создавать им политические организации. Желая завоевать расположение туркоманского населения, ИТФ в некоторых районах своими представителями начала назначать даже людей, весьма далеких от ИТФ, которые даже критикуют политику Анкары.

Так, главой представительства ИТФ в Киркуке был назначен Салахаттин Эргеч, отвергавший критику Турцией иракских курдов по вопросу их отношения к туркоманам. Он отмечал, что Анкара на протяжении десятилетий не выражала своих протестов против политики Саддама Хусейна в отношении туркоман. Другие туркоманские лидеры открыто заявляли, что причиной молчания турецких властей при угнетении туркоман баасистами были нефтяные соглашения и огромные контракты, подписанные с Саддамом. Эргеч и другие туркоманские политики считают, что Анкара не вмешивалась во внутренние дела иракских туркоман, оказывая им материальную и моральную поддержку. Вмешательство Анкары, по его словам, лишь разъединяет и так разрозненных туркоман и создает напряженность между ними. Особое недовольство Эргеч выразил тем обстоятельством, что офис ИТФ в округе Дохук провинции Киркук, напрямую связан с офисом ИТФ в Сулеймании. А офис ИТФ в Сулеймании напрямую связан с турецким военным представительством, на который американцы 4 июля 2003 г.

совершили рейд по подозрению в осуществлении подрывной деятельности. Одновременно с его осуществлением американцы также организовали рейд на офис ИТФ в Дохуке. Это свидетельствует о глубоких противоречиях, существующих между американскими и турецкими властями по туркоманскому вопросу.

Туркоманские лидеры отмечают, что недоверие к ним американцев и отсутствие единства между иракскими туркоманами является одной из причин того, что туркоманам в Правящем совете Ирака было предоставлено лишь одно место, которое получила активистка из Киркука Сонгул Чабук.

Примечательно, что в своей статье И.Чевик отмечал, что влиятельный правительственный источник в Турции заявил, что Турция уважает желание туркоман иметь свободу в деле создания собственных партий и организаций. Желанием Анкары является позволить туркоманам организоваться подобно болгарским туркам, которые создали собственную партию и ведут партнерскую политику в коалиции с правительством. Кроме того, этот источник заявил также, что военные офисы в северном Ираке будут заменены дипломатическими миссиями, и попыткам манипулирования местных политиков через эти миссии придет конец²⁸.

Не ставя под сомнение существование подобных заявлений в Анкаре, можно отметить, что подобные мнения не являются господствующими в турецкой столице, и хотя все большее количество политиков в Турции начинает осознавать неэффективность ее «туркоманской политики», никаких изменений в этой политике пока не происходит.

Это, однако, не помешало Ильнур Чевик писать о «стадии здоровой трансформации», в которой находится ИТФ, имея ввиду начало более независимых от Анкары действий²⁹. Однако, как показали последующие события, указанный процесс, возможно, и сдвинулся с мертвой точки, однако так и не набрал обороты.

И.Чевик отмечал, что ИТФ, «которым открыто манипулировали некоторые силовые круги в Анкаре, потерял доверие как подлинный голос туркоман Ирака»³⁰. Между тем, ИТФ не терял доверия той части туркоман Ирака, которые обитали в зоне контроля ДПК.

Примечательно, что Масуд Барзани и Джалал Талабани 1 декабря 2004 г. после встречи объявили о том, что ДПК и ПСК пойдут на парламентские выборы, назначенные на 30 января 2005 г. одним списком. При этом Талабани на пресс-конференции в Салахэддине заявил, что в объединенном курдском списке есть несколько ассирийцев и туркоман, но особо отметил, что не из ИТФ³¹.

В результате решения иракской избирательной комиссии от 11 января в Киркук вернулись и зарегистрировались для голосования около 100 тыс. курдов. Курдские лидеры были удовлетворены этим решением комиссии. Талабани даже заявлял, что указанное решение избирательной комиссии прокладывает путь к «нормализации ситуа-

ции в Киркуке». Арабские же и туркоманские представители были крайне недовольно указанным решением избирательной комиссии и заявляли, что оно приведет к лишению арабов и туркоман прав в местном совете. Дж.Талабани, считал, что, в случае бойкота туркоманами, «результаты выборов изменятся несильно (в силу малочисленности туркоман. — Н.М.), но это приведет к росту напряженности»³².

Однако, как писал в марте 2004 г. курдский еженедельник «Джававар», турецкие власти через Иракский туркоманский фронт (ИТФ) «для изменения демографического статуса Киркука» предложили арабам в нескольких деревнях в окрестностях Киркука платить деньги и выдавать вознаграждение за то, чтобы они заявляли о себе как туркоманы в период предстоящей переписи в регионе. Курдский еженедельник, со ссылкой на арабские источники, сообщал, что некоторые арабы согласились за деньги записываться туркоманами.

При этом особенно знаменательным было лидерство созданного под руководством ДПК и ПСК коалиционного избирательного блока в провинциальных выборах в Киркуке и провал Туркоманского фронта. ДПК и ПСК в Киркуке создали для выборов в Киркуке «Блок братства» вместе с прокурдскими ассирийцами, арабами и туркоманами. В Киркуке курды получили 237303 голоса из 405951 (58,5%). Примечательно, что за «Блок братства» проголосовало около 40 тыс. арабов³³. Фронт иракских туркоман получил 73791 голос (16%). Как заявлял Дж.Талабани, курды не ожидали получить столь высокий процент голосов: «Мы ожидали 25% голосов»³⁴. Курды получили 26 мест в 41-местном совете Киркука, туркоманы – 9 мест. Хотя туркоманы и Турция после выборов неоднократно заявляли, что выборы прошли с многочисленными нарушениями и т.д., однако всем было очевидно, что численность туркоманского населения ими значительно завышалась, и база поддержки ИТФ, несмотря на значительные финансовые средства, получаемые от Анкары, была не так уж и широка. Следует отметить, что в результате выборов в 111-местный парламент Иракского Курдистана по объединенному списку ДПК и ПСК в его состав прошли четверо туркоман – бывший высокопоставленный деятель туркоманского фронта, ныне лидер Туркоманского демократического движения Курдистана Кархи Алтыпармак, представитель поддерживаемого ПСК Туркоманского Совета Эсат Эрбиль, представитель поддерживаемого ДПК Туркоманского Совета (две разные организации под одним названием на территории Иракского Курдистана. — Н.М.) Сейит Талат и туркоманка Сухан Энвер Вели. Вместе с тем, бывший деятель туркоманского фронта К.Алтыпармак, заявлял, что туркоманы, отрицая политические структуры Иракского Курдистана, оказались вне региональной политики и понесли в связи с этим значительный урон³⁵.

В иракском парламенте Туркоманский фронт, заявлявший на протяжении последних лет о «многомиллионном туркоманском населении Ирака, получил 3 места (93480, или 1% голосов). Еще 7 турко-

ман прошли в иракский парламент через другие политические силы – «Иракский объединенный альянс» и блок Аллауи.

Прошедшие в иракский парламент по спискам Туркоманского фронта три представителя присоединились к шиитскому блоку.

Фактический провал Туркоманского фронта на состоявшихся 30 января 2005 г. впервые с 1953 г. многопартийных выборах привел к началу распада этой организации.

Примечательно, что, зная о желании населенных курдами-езидами районов Синджара и Шейхана о присоединении к курдской администрации, туркоманы пытались разжечь вражду между курдами-езидами и курдскими властями. Так, глава ИТФ Фарук Абдулрахман заявлял 3 марта 2005 г. турецким СМИ: «Курды (курдская администрация Барзани. – Н.М.) желают получить Синджар и Шейхан и включить эти районы в контролируемый им регион. Эти районы никогда не принадлежали курдам, а принадлежали езидам и туркоманам (ранее Туркоманский фронт заявлял о том, что эти районы принадлежат лишь туркоманам. – Н.М.)»³⁶.

Таким образом, на протяжении долгого периода туркоманы принадлежали к числу угнетаемых баасистскими властями народов Ирака. После создания США и их союзниками «зоны безопасности» в Иракском Курдистане несколько десятков тысяч туркоман благодаря курдской администрации получили равные права с курдами. При этом большинство туркоман оставалось под властью иракских властей. Однако именно в тот период, когда началось бурное развитие культуры туркоман в районах контроля курдских администраций, туркоманы «заинтересовали» Анкару. Она стала использовать туркоманский фактор с целью усиления противоречий, имевшихся между ведущими курдскими политическими партиями (ДПК и ПСК) с тем, чтобы затянуть процесс их политического объединения, поскольку Турция не заинтересована в том, чтобы в Иракском Курдистане усилились консолидационные тенденции. С этой целью турецкое руководство искусственно создает напряженность вокруг территориальных проблем, таких как проблема Киркука, где проживают туркоманы и курды, проблема Синджара и Шейхана, большинство населения которых составляют курды-езиды и туркоманы и т.д. Оно также борется против усиления влияния ДПК как на иракских туркоман, так и турецких курдов зоны турецко-иракской границы. Поэтому оно заинтересовано в политическом размежевании иракских туркоман. Не случайно, благодаря материальным и военно-политическим возможностям Анкары, возник ИТФ, претендующий на роль организации всех туркоман Ирака, сумевший внести раскол в ряды иракских туркоман. Это имеет негативные последствия для туркоман, которые лишены возможности использовать определенные преимущества, которые склонна предоставить им курдская администрация.

В настоящее время туркоманы в силу своей малочисленности, политической неорганизованности и низкого национально-политиче-

ского потенциала не представляют собой самостоятельной политической силы. Наиболее конструктивным для туркоман можно полагать выбор сотрудничества с иракскими курдами, которые способны гарантировать им национально-культурное и политическое развитие. Хотя курды создали несколько лояльных туркоманских организаций, наличие глубокого политического раскола между туркоманами позволяет некоторой их части выступать против курдов-автономистов.

Вместе с тем, все больше туркоман начинает понимать губительность использования внешними силами туркоманских организаций. Они стали заявлять о стремлении к политической самостоятельности. Но иракские курды, особенно приверженцы ДПК, хотят, чтобы туркоманы находились на их стороне. Их объединяет позиция в отношении арабского национализма в Северном Ираке вообще и Иракском Курдистане, в частности. Они выступают в едином политическом русле против политики арабизации этих районов Ирака. При этом курды готовы взять на себя роль гаранта прав киркукских туркоман и обеспечить возвращение в Киркук туркоман, изгнанных оттуда баасистскими властями.

¹ Nuri Talabani. Iraq's policy of ethnic cleansing: onslaught to change national/demographic characteristics of the Kirkuk Region. Prefaced by Lord Eric Avebury. // www.fortunecity.com/business/laur/791/nouri_kirkuk.htm.

² Dr. Nuri Talabani. Some observations on the situation of the displaced persons of Kirkuk, post-conflict. // *KurdishMedia.com*, 19.03.2003.

³ Turkomans: 'KDP decided to close 18 Turkoman schools'. // *TDN*, 6 March 1998.

⁴ Turkoman parties form a new coalition organization in Iraqi Kurdistan. // *Iraqi Kurdistan Dispatch*, 6 November 2002.

⁵ Murat Unlu. Mengü: KDP establishes artificial Turkoman groups. // *TDN*, 13 December 2002.

⁶ Iraqi Turkmen slam KDP. Questions raised by Turkomans on a Turkoman party's 'foreign affiliation'. // *Iraqi Kurdistan Dispatch*, weekly news bulletin, 23 December 2001.

⁷ Bryar Mariwani. Iraqi Turkmens say 'No' to Turkish intervention. // *KurdishMedia.com*, 22.02.2003.

⁸ Там же.

⁹ См. интервью с И.Чевиком: *An Independent Kurdish State would be a gain for Turkey*. // *KurdishMedia.com* (Translated), 11 November 2004.

¹⁰ PUK promotes the hardline Turkoman Front in Sulemani. // *KurdishMedia.com*, 14.07.2002.

¹¹ Jalal Talabani met with Recep Tayyip Erdogan, Deniz Baykal and Turkomans. // *TDN*, 8 March 2002.

¹² См. по: PUK promotes the hardline Turkoman Front in Sulemani. // *KurdishMedia.com*, 14.07.2002.

¹³ A PMF Turkish official reportedly appointed as Iraqi Turkoman Front representative. // *Iraqi Kurdistan Dispatch*, news, 15 November 2002.

¹⁴ Саан Ахмад Ага избран руководителем ИТФ на первой конференции ИТФ, прошедшей в ноябре 2000 г. в Эрбиле. Вторая конференция ИТФ также прошла в Эрбиле в январе 2002 г. Третья конференция ИТФ состоялась в Киркуке, после свержения С.Хусейна, летом 2003 г. На этой конференции главой ИТФ был избран д-р Фарук Абдулла Абдурахман.

¹⁵ *Talabani: Foreign forces should leave Iraq as soon as possible after toppling Saddam. // TDN, 26 December 2002.*

¹⁶ *Talabani: Foreign forces should leave Iraq as soon as possible after toppling Saddam. // TDN, 26 December 2002.*

¹⁷ *Tanya Goudsouzian, Gulf News, February 3, 2003; www.kurdmedia.com/inter.asp?id=61; См. также по: Nusret Ronai. Talabani promotes the presence of Turkish Military in South Kurdistan. // KurdishMedia.com, 10 February 2003.*

¹⁸ Sabah, 27.09.2002.

¹⁹ На этой встрече присутствовали тогдашний депутат ВНСТ от Диярба-кыра член АНАР Хашим Хашими, бывший министр Шарафаттин Эльчи, бывший лидер DEP Феридун Язар, бывший депутат ВНСТ от Мардина Ахмет Тюрк и бывший депутат ВНСТ от Муша Мехмет Эмин Север. См. по: *Mert Gozde. Barzani expresses distrust of PKK. // TDN, October 19, 2000.*

С точки зрения противодействия ДПК, Талабани традиционно без тени сомнения готов на сотрудничество с отъявленными антикурдскими силами, которые также прекрасно знают и понимают это обстоятельство. В свое время (с 1993 г.) Талабани и ПСК в обмен на помощь в борьбе (точнее – войне) с ДПК «пригласили» исламистов, предоставив им во владение целый район Халабджи. На протяжении ряда лет Талабани пытался не замечать того, что исламисты устанавливали на контролируемых ими территориях свои порядки, не имеющие ничего общего с демократическими ценностями, что исламисты превратили этот район в гнездо для различных сил, целью которых является борьба с демократическими ценностями, скапливали оружие и т.д. И лишь сразу после 11 сентября 2001 г. Талабани вдруг «обнаружил» у себя под боком террористические группировки. При этом иногда «борьба с терроризмом» велась ПСК настолько неумело, что лишь позорила сулейманийское РегПК. Так произошло с историей ареста и освобождения муллы Крекара (настоящее имя – Наджмаддин Фарадж Ахмад). Талабани, ПСК и РегПК в Сулеймании повсюду трубили о том, что мулла Крекар является лидером террористической организации «Джунд аль-Ислям» («Солдаты ислама») (впоследствии переименована в «Ансар аль-Ислям» – «Сторонники ислама»). Мулла Крекар выслан из Ирана, был задержан в Амстердаме, переправлен в Норвегию, где он с 1991 г. имел и имеет вид на жительство. Мулла Крекар допрашивался и сотрудниками спецслужб США, однако, в итоге, был освобожден. Более того, норвежские власти выплатили ему компенсацию за неправомерное временное заключение. ПСК и РегПК в Сулеймании не смогли представить *никаких* доказательств виновности муллы Крекара. Давно известно, что главной особенностью ПСК и РегПК в Сулеймании являются бессмысленные заявления, пустые бездоказательные обвинения и т.д. Примечательно, что министр юстиции Ирака Малик Духан аль-Хасан 11 марта 2005 г. заявил газете «Аш-Шарк аль-Аусат», что иракские власти не имеют никаких доказательств причастности Крекара к преступле-

ниям, хотя прекрасно знают, что он являлся основателем и лидером группы «Ансар аль-Ислям», которую покинул в 2002 г. Министр юстиции Ирака заявил также: «Иракская судебная система является независимой и не может наказывать кого-либо за симпатии вооруженным организациям или противостояние оккупации. Иракское правительство не имеет ничего против Крекара, однако не может гарантировать ему безопасность от его врагов» (См. по: *Kathleen Ridolfo. Alleged terrorist leader to be deported from Norway. // RFE/RL, 02.04.2005.*). Хотя спустя три дня, 14 марта 2005 г., в интервью печатному органу ПСК «Аль-Иттихад» министр юстиции Ирака заявлял, что «мы будем сотрудничать с судом Сулеймании в отношении любого дела против муллы Крекара» (Там же).

²⁰ *Iraqi Kurds seek to mend fences with Turkey, but retain claim over Kirkuk. // AFP, 24 October, 2002.*

²¹ *Ilnur Cevik. Talabani: Turkomans Have Reclaimed Their Homes from the Arabs. // TDN, April 19, 2003.*

²² *Turkey Fears U.S. Iraq Policy Revives Kurdish Independence. // Tehran Times, August 28, 2002.*

²³ *Yilmaz: international community Won't recognize Kurdish State. // Anadolu Agency, Oct 19, 2002.*

²⁴ Цит. по: *Erd û ezman çawan ji hevdu dâr bin, tirkbûna Kerkûkê jî ewqasî ji rastîyê dâr e.* (Насколько далеки друг от друга земля и небеса, настолько далека от истины тюркскость Киркука.) // *Kerkuk Kurdistan, 30.12.2002* (на курд. яз).

²⁵ См. по: *Amadekar: Arif Zêrevan. Mesûd Barzanî: Em ji Tirkîyeyê natîrsin û fêm nakim çi girêdana Kerkûkê bi Tirkîyeyê ve heye.* (Масуд Барзани: Мы не боимся Турции и не понимаем, какое отношение имеет Киркук к Турции.) // *Kerkuk Kurdistan, 21/10/2002* (на курд. яз.).

²⁶ *Opinion Mehmet Ali Birand. Is Turkoman a friend and Kurd a foe? // TDN, 18 April 2003.*

²⁷ *Editorial: Ilnur Cevik. Saddam was not an angel. // TDN, 18 July 2003.*

²⁸ *Ilnur Cevik. Turkmens ask Turkey: Where were you when Saddam was crushing us? // TDN, 21 July 2003.*

²⁹ *Editorial: Ilnur Cevik. Turkmens of Iraq on healthy path. // TDN, 15 September 2003.*

³⁰ *Editorial: Ilnur Cevik. Turkmens of Iraq on healthy path. // TDN, 15 September 2003.*

³¹ *KDP, PUK To Run Jointly In January Election. // Salaheddin (Southern Kurdistan), Dec 1 2004, (AFP).*

³² *TDN, 18.01.2005.*

³³ *Hawlati, № 210.*

³⁴ *Kurds Set To Win Two-Thirds Of Vote In Kirkuk. // Suleimaniyah, (Southern Kurdistan), Feb 1 (AFP).*

³⁵ *Ilnur Cevik. Opening of Kurdish regional Parliament delayed until April 30 due to uncertainties in Baghdad. // The New Anatolian, 25.04.2005. <http://www.thenewanatolian.com/html/subs/index/001-1.htm>*

³⁶ *Turkman Front and Kurds at odds on disputed areas. // Peyamner, 06 Mar 2005.*

ПОЗИЦИИ ИРАНСКИХ НЕОКОНСЕРВАТОРОВ ПО КУРДСКОМУ ВОПРОСУ

В начале XXI в. курдский вопрос в Иране постепенно стал переходить из числа внутренних нерешенных проблем страны в проблему региональную. Этому прежде всего способствовала политика исламского руководства страны в отношении собственного курдского населения, которая, однако, оказалась малоэффективной. Игнорирование обоюдных компромиссов и переговорного процесса привело к тому, что запрещенные имамом Хомейни еще в 1980 г. курдские политические организации перебазировались на иракскую территорию, в зону, подконтрольную Патриотическому Союзу Курдистана (ПСК), возглавляемому Дж.Талабани. Они стали тесно сотрудничать с руководством Курдского автономного района (КАР), президентом которого в 2005 г. был избран М.Барзани. Иранские курды признают и уважают этого курдского лидера, продолжающего дело своего отца – легендарного генерала Моллы Мустафы Барзани, оказавшего неоценимую помощь курдским автономистам в период существования в Иранском Курдистане в 1946 г. Мехабадской республики, 60-летие которой отмечается курдами в этом году. Пребывание курдских автономистов Ирана в КАР оказало неоднозначное влияние на их идеологию и политическую практику.

С одной стороны, их воодушевил опыт иракских курдов, сумевших под покровительством США и НАТО закрепить свой автономный статус и начать процесс строительства мирной жизни при минимизации вмешательства центральных властей в общественные процессы, происходящие в КАР. Это привело иранских курдов к мысли о том, что подлинные демократические свободы в Иране можно установить лишь после свержения исламского режима, поскольку они отдают предпочтение западному пути общественного развития. Эта задача совпадает с интересами коалиционных сил, базирующихся в соседнем Ираке. Поэтому под влиянием политических процессов, происходящих в Ираке, иранские курды, возглавляемые Демократической партией Иранского Курдистана (ДПИК), пересмотрели свои позиции и пришли к решению о целесообразности использования опыта иракских курдов с тем, чтобы при поддержке США добиться установления реальной автономии для курдов Ирана в условиях федеративного государственного устройства. Курдская республика при этом будет,

по их мнению, субъектом федерации. Вместе с тем, они рассматривают свое движение как часть регионального курдского движения за независимость, что дает основание предположить их стремление присоединить свою республику к Иракскому Курдистану.

М.Барзани, президент КАР, поддерживает устремления ДПИК свергнуть режим ИРИ вооруженным путем с иностранной помощью и провозгласить на территории Иранского Курдистана Курдскую республику. В связи с этим в курдских районах Ирана, граничащих с Иракским Курдистаном, ведется острая идеологическая борьба: с иракской территории курдские СМИ ведут пропаганду курдского национализма; активизируют курдскую общественность на протестные акции против исламского режима и т.д. В университеты, учрежденные в КАР, принимаются теперь студенты и из Иранского Курдистана, которые, по сути, являются центрами идейно-политической обработки курдской молодежи и очагами идеологии панкурдизма.

Очевидно, что такая позиция курдских автономистов не может не заботить иранское руководство, опасющееся, что идейно-политическая деятельность курдов станет началом распада иранского государства по этническим квартирам. Между тем, после потери иранскими курдами своего политического лидера А.Касемлу в 1989 г., их влияние в районах иранской неперсидской периферии резко сократилось. Тем не менее, при определенных обстоятельствах национальные движения в Иранском Белуджистане, Хузестане, Азербайджане и Туркмен-Сахра могут возобновиться. Этим в определенной степени объясняется позиция исламского руководства ИРИ в отношении искоренения любой политической деятельности курдских организаций, направленных на подрыв устоев нынешнего иранского режима. Вместе с тем, в Иранском Курдистане продолжают происходить инциденты с курдскими политическими функционерами и общественниками. Так, например, иранские силы безопасности преследуют членов организации «Пейджак», занимающейся оппозиционной деятельностью. При этом нередко они задерживают и активистов общественных курдских организаций, непричастных к противоправным политическим действиям. Об этом, в частности, свидетельствует случившийся в начале января 2006 г. инцидент с Ш.Камкаром, сотрудником организации «Ассоциация по правам человека Восточного Курдистана». Он был захвачен группой полицейских и солдат в Мехабаде и препровожден в полицейский участок, где его в течение 4 часов подвергали пыткам и насилию. Однако, удостоверившись в том, что Камкар не был причастен к организации «Пейджак», он был отпущен. По аналогичному обвинению был задержан другой активист той же правозащитной организации, который до конца января 2006 г. все еще остается в тюрьме¹. Вместе с тем, сотрудничество иранских автономистов с руководством КАР ставит их курдское движение в определенную зависимость от иностранных покровителей, взявших на себя ответст-

венность как за политические процессы в Ираке в целом, так и в КАР, в частности. Так, например, курдские автономисты Ирана располагают некоторым числом боевых подразделений, готовящихся зарубежными инструкторами. Нельзя исключать и того, что иностранные советники участвуют в разработке вооруженных вылазок, осуществляемых иранскими курдами на территории ИРИ: в их числе, например, нападения на иранские силы безопасности, антииранская политическая пропаганда, организация протестных акций и т.п. Известно, что ДПИК находится под американским патронажем. Кроме того, ее подразделения расположены в зоне интересов и Израиля, враждебного Тегерану. 16 декабря 2005 г. ДПИК обнародовала специальное заявление, осуждающее антиизраильские выпады иранского президента М.Ахмадинежада. При этом подчеркивалась неспособность этого политика вывести страну из кризиса и обеспечить достойный жизненный уровень населению страны. Миллионы молодых людей страны, — считает ДПИК, — страдают от безработицы, голода, отчаяния, пагубных привычек и пр. Курдские автономисты выразили мнение, что его деятельность способствует возникновению региональных конфликтов и ведет Иран в неизвестное будущее. Они призвали его поддержать политику Израиля по установлению границ и сосредоточению на проблеме мирного решения израильско-палестинского конфликта, решительно осудив высказывания Ахмадинежада в отношении Израиля, суть которых, по мнению партии, понятна большинству иранского народа².

Несмотря на взвешенность внешнеполитической позиции курдских оппозиционных организаций, их устремленность к вооруженному свержению существующего в ИРИ режима с помощью иностранных сил не оставляет движению иранских курдов надежд на установление каких-либо контактов с иранскими властями с целью урегулирования курдской проблемы.

Процесс усиления политической роли неоконсерваторов в высших эшелонах власти, начавшийся после оккупации Ирака коалиционными силами, получил логическое завершение избранием М.Ахмадинежада президентом страны. Принятый им курс на возобновление жесткой политической линии имама Хомейни способствовал тому, что иранские неоконсерваторы объявили войну курдскому движению как на страновом, так и на региональном уровне. Теперь исламское руководство держит курс на ликвидацию курдского автономистского движения и иранских, и иракских курдов, находящихся в тесном сотрудничестве с главными врагами ИРИ — США и Израилем. Оно опасается того, что идейно-политическое влияние и военное присутствие этих стран в Ираке, позволит им использовать территорию Иракского Курдистана для нанесения удара по Ирану (хотя эта проблема в настоящее время имеет чисто гипотетическое значение). Поэтому неслучайно на встрече президента Ирака Дж.Талабани с М.Ахмадинежадом, а также главой министерства национальной безо-

пасности Али Лариджани и министром иностранных дел Манучехром Моттаки, состоявшейся в конце 2005 г., обсуждался вопрос о двусторонней безопасности, включая имевшие место летом 2005 г. беспорядки в Иранском Курдистане. Представители иранского руководства старались убедить Дж.Талабани не предоставлять курдскому движению моральную или иную поддержку и жестко соблюдать достигнутое status quo. Талабани заверил другую сторону в соблюдении и уважении принципов невмешательства во внутренние дела других стран, а также в намерении придерживаться взвешенной позиции относительно активности курдского населения соседних стран³.

Некоторые зарубежные аналитики, например, полагают, что нанесение США или Израилем удара по Ирану с территории Иракского Курдистана будет иметь определенные преимущества для американцев: во-первых, авиации не потребуется дозаправка, как в случае вылета самолетов из Тель-Авива; во-вторых, аэропорты Сулеймании и Эрбиля в скором будущем получат международное лицензирование, в связи с чем будут оснащены соответствующей техникой (аппаратурой для ночных полетов), получат право принимать и обслуживать тяжелые самолеты и т.д. Заметим, что в Эрбиле начато строительство еще одного аэропорта, который предполагается оборудовать по международным стандартам. При этом руководство КАР более симпатизирует Израилю, чем его арабским соседям. Однако представитель КАР в США Н.Шемдин опроверг вероятность использования Иракского Курдистана израильскими спецподразделениями, поскольку курдский регион остается частью Ирака, и Соединенные Штаты продолжают контролировать его воздушное пространство. Он подчеркнул, что разрешение на полеты в Ирак и обратно дает американское военное командование в Катаре. Шемдин исключил вероятность проведения операций Израилем против Ирана, поскольку это потребовало бы поддержки иракского федерального правительства, американского правительства и правительства КАР. Тем не менее аналитики отмечали, что в 1981 г. при нанесении Израилем удара по иракскому ядерному реактору в Ошираке израильтяне сотрудничали только с США. При этом их авиация пересекла территорию Иордании и Саудовской Аравии и не была запеленгована американскими средствами контроля воздушного пространства и системой АВАКС⁴.

В случае эскалации международного конфликта курдский этнический регион окажется в центре противоборствующих сторон. Поэтому курдский вопрос, остающийся в числе нерешенных также в Турции и Сирии, становится предметом обсуждения на самом высоком региональном уровне. Так, например, этот вопрос доминирует в ирано-сирийских отношениях, поскольку не только Иран, но и Сирия включена США в «ось зла». ИРИ сотрудничает с Турцией в подавлении деятельности курдских националистических группировок вооруженным путем на ирано-турецкой границе. Например, в начале сен-

тября 2005 г. проводился обстрел деревень на ирано-турецкой границе якобы с целью пресечения деятельности функционеров Рабочей партии Курдистана (РПК) Турецкого Курдистана и радикально-националистической группировки иранских курдов «Пейджак». В результате погибли мирные жители и их скот, а в лесах возникли пожары, нанешие урон экологии данной местности⁵. В то же время базы РПК, находящиеся на иранской территории, не пострадали.

Турецкое правительство обсуждало вопрос об обуздании деятельности РПК на турецко-иракской границе с новым президентом Ирака Дж.Талабани. Эта организация соперничает с курдскими партиями иракских курдов за доминирование в регионе, против деятельности которой решительно борется турецкое руководство. Талабани подтвердил свое стремление сохранять территориальную целостность Ирака и о намерении искоренять операционные базы РПК в Иракском Курдистане объединенными усилиями турецких и иранских вооруженных сил.

Между тем, Турция пока не может найти приемлемых решений курдского вопроса. Учитывая этот факт, Соединенные Штаты предлагали турецкому руководству присоединиться к осуждению иранской ядерной программы и даже проинформировали его о том, что нанесение удара по Ирану может, якобы, осуществиться уже в недалеком будущем. При этом Турцию уведомят об этом заранее с целью открыть путь турецкой армии для нанесения ударов в день атаки по лагерям РПК, расположенным на территории Ирана. При этом американцы пытаются запугать турецкое руководство опасностью экспорта исламской революции, поэтому Иран, якобы, поддерживает РПК и «Аль-Каиду». Однако представители ЕС в Тегеране выражают сомнения по этому поводу. Они полагают, что Иран вряд ли начнет экспорт шиитской революции в тотально суннитской Турции, а, видимо, скорее будет использовать авторитет Кума и религиозный прозелитизм, чем атомную бомбу.

Вовлечение Турции Соединенными Штатами в антииранскую коалицию является их попыткой оказать давление на турецкое руководство. В то же время подобный союз в определенной степени способствовал бы смягчению напряженности в американо-турецких отношениях, возникших после того, как в 2003 г. турецкий парламент отказал США в дислокации своих войск в Инджирлике накануне вторжения в Ирак. На решение Турции может, однако, оказать влияние ее нежелание сокращать торговый оборот с Ираном, существенно возросший в 2005 г. (до 4 млрд. долл.). Ирано-турецкое взаимодействие по курдскому вопросу определяется работой двусторонней комиссии, которая собирается дважды в год для обсуждения проблемы курдского сепаратизма. Кроме того, ежемесячно работает двусторонняя межправительственная комиссия по пограничным делам. Все эти усилия приводят турецкие политические круги к мнению о том, что

политические процессы в Иране и Ираке не остановят курдов в их борьбе за создание независимого Курдистана. Турецкие власти опасаются, что после того, как «американцы исчезнут с горизонта», им придется расплачиваться за тайный сговор против Ирана. «Эрдоган – консервативный политик, и он не будет рисковать своей страной», – сказал один из представителей ЕС⁶. Он уверен, что вряд ли Турция откроет свое воздушное пространство Израилю для поражения целей в Иране. В случае, если Израиль все-таки осуществит удар без разрешения Турции, турецко-израильские отношения надолго будут испорчены. В то же время использование Турцией права *veto* относительно нанесения удара по территории ее иранского соседа актуализирует роль Иракского Курдистана. Однако осложнение ситуации в зоне ближневосточного конфликта в связи с победой «Хамас» в Палестинской автономии отодвинуло на второй план проблему военной угрозы Ирану со стороны США и Израиля.

Сложная геополитическая обстановка побуждает ИРИ к принятию мер против сепаратистских устремлений иранских и иракских курдов на региональном уровне. Так, в частности, исламское руководство принимает шаги к ослаблению политической значимости иракских курдов в регионе. Оно, например, прилагало усилия для ослабления курдского лобби на выборах нового парламента в декабре 2005 г. Тогда Исламская партия Курдистана отказалась идти на выборы в коалиции с курдскими организациями, за что функционеры последних учинили разгром ее отделений в пяти городах Иракского Курдистана. Наруку иранскому руководству может послужить недовольство курдским населением Ирака деятельностью своих политических организаций, не справляющихся в должной степени с внутренними проблемами КАР. Студенчество и женщины составляют основное ядро недовольных сдержанной позицией курдских лидеров относительно провозглашения независимости Курдистана. Альтернативой идеологии курдского национализма может стать идеология достижения независимости на основе ислама, чего весьма опасаются курдские автономисты.

Эскалация шумихи вокруг иранской ядерной программы, а также амбициозные высказывания М.Ахмадинежада способствуют усилению напряженности в Юго-Восточном Курдистане, ареале проживания иранских и иракских курдов и сосредоточения их военно-политических сил. Это негативно отражается на положении простого курдского населения. Поэтому неслучайно в начале января 2006 г. группа авторитетных курдских интеллектуалов объявила о создании Курдского объединенного фронта (КОФ) для того, чтобы мирным путем добиваться признания прав курдов, которые игнорируются властями. Руководителем этой организации стал Бахаэддин Адаб, ранее являвшийся членом парламента. Он был снят с предвыборной гонки накануне парламентских выборов 2004 г. вместе с некоторыми други-

ми кандидатами от Курдистана по обвинению в недостоверности собранных ими подписей в подписных листах. Он заявил, что целью активистов этой организации является разъяснение курдам своих прав и оказание им помощи в выборе представителей в городские советы и парламент, поскольку это единственный путь, с помощью которого курды могут добраться до властных структур. При этом он подчеркнул, что эта организация не будет иметь политического характера и не станет неправительственной организацией, требующей государственного лицензирования, так как не собирается проводить собрания и принимать новых членов. Вместе с тем, правозащитники и Нобелевский лауреат премии мира Ширин Эбади выразили свой протест по поводу отказа министра внутренних дел Ирана в регистрации этой организации. Эбади сказал при этом, что «курды не принимают активного участия в разработке касающихся их решений, и их права были проигнорированы в конституции», осудил растущую безработицу в районах компактного проживания курдов и ограничение использования курдского языка в средствах массовой информации. Он также разъяснил, что этот фронт не ставит перед собой сепаратистские цели, подобно курдским политическим организациям, а будет действовать в рамках закона и бороться с насилием. Беспорядки, происходившие в Иранском Курдистане летом 2005 г., подтолкнули правозащитников к мысли о необходимости начала мирного диалога с властями по курдскому вопросу. Они полагают целесообразным активизировать участие курдов в органах местного и центрального управления, поскольку «правительство не вникает в проблемы курдского населения» и выражает свое недовольство тем, что курды не проявили необходимой активности в кампании выборов нового президента. Участники фронта надеются, что исламские власти не будут чинить препятствий деятельности этой «мирной» группы. Они полагают, что методы запугивания населения вряд ли способствуют консолидации страны. Только свобода и равноправие могут положить конец сепаратистским движениям⁷.

Таким образом, в Иране возникла альтернативная курдским политическим организациям структура, активисты которой рассчитывают путем сотрудничества с официальными властями на основе обоюдных уступок и компромиссов извлечь курдский ареал Ирана от сохраняющейся в нем социально-политической напряженности и постепенно начать конструктивный диалог с руководством страны. Однако реакция иранских властей относительно новой инициативы иранских правозащитников пока неизвестна.

В целом, курдский вопрос для ИРИ приобретает все большую значимость: он является ключевым элементом его ближневосточной политической стратегии, внутренней и региональной политики, основывающейся на полном искоренении курдского движения в целом. В этом контексте инициативы иранских правозащитников, выступивших

в защиту прав курдского населения Ирана, представляются важным и позитивным шагом, направленным на сохранение курдской этнической популяции в стране. Они осознают тот факт, что современные политические реалии требуют поиска общих принципов государственности, управления и конституции, отвечающих запросам всего иранского общества, а не только его шиитской части. В связи с этим представлялось бы конструктивным использование иранской идейно-политической элитой принципов умеренного ислама в ведении международной и региональной политики.

Идеология и политика курдского движения также требуют модернизации. Ведь концепция курдской автономии, разработанная под влиянием национального обустройства бывшего СССР, в нынешних политических условиях труднореализуема, поскольку после распада Советского Союза курдские национально-демократические движения лишились опоры распавшегося лагеря социализма. Так уж актуален сегодня вооруженный захват власти или смена режима? Возможно ли мирными, парламентскими методами привести существующую модель государственного устройства страны в соответствие с потребностями большей части иранского общества?

Вряд ли также может быть успешным перенос моделей национального обустройства, характерный для так называемых стран Социнтерна (Швеции, Австрии, Франции и др.), весьма привлекательных для курдских интеллектуалов, но малопримемых для Курдистана в силу цивилизационных различий. В связи с этим актуализируется поиск новых подходов, отвечающих не только политическим интересам курдов, их менталитету, социальной организации курдских ареалов, но и не умаляющих значения их культурных и духовных традиций.

¹ Eastern Kurdistan Human Right Association Member Abducted in Mahabad. – <http://kurdistanobserver.servehttp.com/jan06/12-1-06-irn-arrests-kurdish-human-rights-association-member-abducted-in-Mahabad.htm>

² Democratic Party of Iranian Kurdistan condemns the immature statements of Mahmoud Ahmadinejad. – <http://www.pdk-iran.org/english/presse/statement-politbureau16122005.htm>

³ Talabani set off to Iran? – <http://kurdistanobserver.servehttp.com/now/25-11-05-talabani-iran-tky.htm>

⁴ Turkey feels Iran chill. – <http://puk-org/web/htm/news/nws/news060124a.html>

⁵ Turkish-Iranian Bombarding of Villages in the Kurdistan-Iraq. – <http://kurdistanobserver.serverhttp.com/Sep/6-9-05-tky-irn-bomb-villages-s-kurdistan-iraq.htm>

⁶ Turkey feels...

⁷ Iran Kurds form reformist front. – <http://kurdistanobserver.serverhttp.com/jan06/2-1-06-kurds-party-e-kurdistan.htm>

КУРДСКИЙ ВОПРОС В СТРАНАХ ЗАПАДНОЙ АЗИИ (ИРАКЕ, ИРАНЕ, СИРИИ, ТУРЦИИ)

Москва, 10 апреля 2006 г.

КУРДСКИЙ ВОПРОС И ПРОБЛЕМА СТАБИЛЬНОСТИ В ЗАПАДНОЙ АЗИИ

Политические процессы в Ираке свидетельствуют о том, что курды активно привлекаются к участию в высших управленческих структурах страны. Это объясняется отчасти тем, что американские политики рассматривают новое иракское государство и складывающуюся политическую систему как механизм примирения и согласования различных индивидуальных и групповых интересов в конкретных условиях современного Ирака. Эта политика в то же время нацелена на сдерживание сепаратистских и местнических тенденций. Поэтому американцы заинтересованы в поддержании стабильности как внутри Курдского автономного района (КАР), так и в стране в целом.

Сложившаяся к началу XXI в. геополитическая ситуация, а также внутривнутриполитическое положение в Ираке предоставило иракским курдам определенные преимущества. Они получили возможность социально-политического развития своего региона, который, благодаря американскому покровительству, оказался менее всего уязвимым для факторов нестабильности. Вместе с тем, руководство КАР реально оценивает преимущества и недостатки своего сотрудничества с Соединенными Штатами. Поэтому оно стремится к усилению политической и экономической интеграции автономного района в рамках федеративного Ирака.

В начале мая 2006 г. премьер-министр Н.Барзани объявил состав нового объединенного кабинета министров, а также выступил с его программой на заседании Национальной Ассамблеи Курдистана 7 мая 2006 г. Эта программа состоит из нескольких разделов. Одним из важнейших является раздел о статусе КАР в федеративном Ираке, в котором подчеркивается стремление руководства курдского региона всячески способствовать становлению демократической федеративной системы в стране на основе согласия и уважения всех национальностей и религиозных убеждений. Оно поддерживает демократический консенсус в политическом процессе. Н.Барзани подчеркнул необходимость координации работы всех министерств для создания новых планов развития КАР. Он, в частности, уделил внимание вопросу развития нефтегазовой промышленности и распределения доходов от реализации нефтепродуктов; необходимости развития частного сектора в экономике и сельском хозяйстве; проблеме увеличе-

ния рабочих мест и снижения безработицы; развитию банковской системы и организации системы микрокредитов для мелких предпринимателей и пр.¹

Все это свидетельствует о позитивных созидательных процессах в Иракском (Южном) Курдистане, рассчитанных на создание национальной экономики, системы финансов и т.д., поскольку предложенная американцами Ираку неолиберальная экономическая стратегия, по свидетельству некоторых зарубежных экономистов, оказалась ошибкой. По их мнению, она не является эволюционной, поскольку неолиберальные экономические реформы не повлияли на благосостояние простых граждан и ряду других причин². Иракское правительство намерено руководствоваться документом «Перспективы национальной стратегии Ирака», принятым в 2005 г., согласно которому Ирак должен превратиться в «целостное федеративное демократическое и процветающее государство с рыночной экономикой»³. В условиях сохраняющейся нестабильности в Ираке руководители курдского правительства стремятся самостоятельно, независимо от Багдада, осуществлять некоторые экономические проекты, такие, как, например, транспортировку нефти через иракско-турецкую границу, разведку иностранными компаниями новых нефтяных и газовых месторождений и пр. Разведанные запасы нефти и газа в Иракском Курдистане, по некоторым данным, составляют 45 млрд. баррелей и 100 триллионов кубических футов газа. Это может послужить основой для развития национальной экономики. Однако ее развитие и становление требует определенного времени. Этим объясняется то, что курдские руководители пока не торопятся провозглашать КАР независимым, стараясь сосредоточиться как на решении внутренних проблем своего региона, так и на вопросах строительства федеративного Ирака.

Между тем, специалисты по-разному оценивают вероятность самоопределения этого ареала в форме независимости. Одни полагают, что достижение иракскими курдами своих целей реально угрожает политической стабильности стран региона с курдскими ареалами (Турции, Сирии и Ирана), поскольку это обострит борьбу турецких, иранских и сирийских курдов за аналогичные цели. Эта группа аналитиков, однако, считает, что будущее Иракского Курдистана в меньшей степени зависит от региональных государств и в большей от внутриполитических процессов в самом Ираке. По их мнению, неожиданный вывод американских войск и отсутствие в Ираке коалиционных сил будут способствовать развязыванию гражданской войны в стране. Это поставит соседей Южного Курдистана в сложные условия: беспорядки могут начаться и на их территории. При этом Иран выступит в защиту шиитов и вторгнется в Ирак; Саудовская Аравия, Сирия и Иордания будут на стороне арабских суннитов, а Турция – на стороне туркоманов. Эти обстоятельства способны ввергнуть регион в мировую войну⁴.

Курдские политические круги Ирака прилагают усилия к тому, чтобы не допустить развития политического процесса в стране по подобному сценарию. Дж.Талабани, президент Ирака, настаивает на национальной интеграции, несмотря на то, что это не совпадает с настроениями населения КАР, 99% которого высказались за независимость Иракского Курдистана. Курдские лидеры активно участвовали в формировании нового правительства страны. Вместе с тем, М.Барзани, президент КАР, отмечал, что, в случае начала широкомасштабной войны в Ираке, КАР выйдет из состава Ирака и провозгласит независимость⁵. Однако известный иракский аналитик Бехрам Тахир полагает, что подобные высказывания должны рассматриваться лишь как прием политического давления на фракции, борющиеся за места в новом кабинете. При этом Тахир отметил, что, в случае развязывания в Ираке гражданской войны, курдам будет предоставлена редкая возможность «освободить другие районы Курдистана, до сих пор находящиеся под контролем иракского правительства, такие, как Киркук»⁶.

Альтернативного мнения придерживается Ю.Ш.Набиев, советник представителя Регионального правительства КАР в странах СНГ. Он полагает, что, в случае начала гражданской войны в Ираке, «Курдистан может оказаться самым надежным местом базирования американской армии». Он расценивает этот факт как благоприятный для иракских курдов, «так как это – надежная гарантия для безопасности Курдистана, с далеко идущими позитивными для курдов последствиями». Представляется, что Набиев как бы ратует за превращение КАР в американский протекторат⁷.

Существуют и другие мнения на этот счет. Так, например, Мухсин Бэиз, заместитель начальника подразделений пешмерга КАР, заявил, что курды не допустят распространения повстанческой деятельности на автономной территории, и всеми силами будут бороться за поддержание стабильности в регионе⁸. Представители курдских деловых кругов полагают, что война не в интересах курдов, поскольку они опасаются «потерять все политические и экономические преимущества, достигнутые за последние несколько лет»⁹.

Между тем, не все курдское население одобряет тактику опоры руководства КАР на США в борьбе за независимость. Можно отметить, что в Иракском Курдистане внутри собственно автономного района в недрах курдского сообщества формируется новая молодая политическая элита, не связанная с периодом арабизации, геноцида и войны. Консолидирующим фактором выступает представление об этнополитическом единстве курдов всех частей Курдистана. Центрами формирования концепции «курдского единства» выступают университеты, куда на обучение направляют своих детей турецкие и иранские курды. Идеология курдского единства способствует формированию нового типа личности, лишенной родовой привязанности, и

потому более соответствующей системе государственных отношений. Молодому поколению присуще новое видение курдской независимости. Они овладевают навыками управления, соответствующими новому технологическому уровню развития общества. Поэтому они ставят вопросы об обращении богатств Курдистана на благо курдского народа. Ведь этнический Курдистан является частью региона, природные ресурсы которого привлекают внимание как его региональных соседей (например, Турции и Ирана), так и международных западных корпораций.

Учитывая ситуацию в КАР и в стране в целом, можно полагать, что иракские курды не будут в ближайшем будущем форсировать процесс сецессии Южного Курдистана, поскольку это также не поощряется их американскими советниками. Курдское руководство сосредоточится на решении проблем региона в соответствии с формированием федеративного и демократического Ирака.

Политические процессы в Ираке вообще и в Иракском Курдистане, в частности, заставляют правящие круги Турции, Сирии и Ирана обратить более пристальное внимание на состояние курдского вопроса в этих странах. Еще в 2003 г. Турция, Сирия, Иран, Кувейт, Иордания, Саудовская Аравия и Египет провели двухсторонние и многосторонние встречи, на которых рассматривался курдский вопрос. Они выступили с предостережением к иракским курдам не настаивать на строительстве национального государства, угрожающего их политической стабильности.

Весьма остро эта проблема стоит в Турции в связи с участвовавшими требованиями представителей Евросоюза приступить здесь к решению курдского вопроса. Стремление Турции войти в ЕС побудило турецкое руководство позволить национальным меньшинствам свободу самовыражения. Но это не обеспечило ей условия, соответствующие международным стандартам. Между тем, накануне заседания ЕС по вопросу вступления Турции в Европейское сообщество 3 октября 2005 г. Р.Т.Эрдоган, премьер-министр Турции, согласился встретиться с 12 из 150 турецких интеллектуалов, выступившими за мирные и демократические пути решения курдского вопроса в Турции. Во время своего визита в Диярбакыр, центр курдского национализма в стране, Эрдоган заявил 13 августа 2005 г., что курдский вопрос является «его проблемой, нашей проблемой. Были допущены ошибки. Игнорирование ошибок прошлого недостойно такой великой нации, как Турция»¹⁰. В то время как одни эксперты склонны рассматривать высказывания Эрдогана как шаг вперед, другие считают его слова отговоркой. Так, например, известный турецкий журналист Али Биранд писал 16 августа 2005 г., что дебаты по курдскому вопросу надуманны, поскольку Турция остается на своих прежних позициях и что курдский вопрос все более приобретает региональное звучание. Он полагает, что курдская проблема, признает ли ее существование или нет турецкое руководство, выходит за пределы страны, и ее

роль в Турецкой Республике во многом зависит от событий, происходящих в Иракском Курдистане. Он высказывает мнение, что лучше приложить усилия, чтобы найти компромисс при рассмотрении требований курдов, а не игнорировать их, как будто их не существует¹¹.

Турецкое руководство обвиняет в беспорядках в Диярбакире, возникших в конце марта текущего года, Рабочую партию Курдистана (РПК), которая объявлена террористической. Вместе с тем, США сдерживают активность Турции против баз турецких автономистов, расположенных на севере Ирака, до тех пор, пока не будет урегулирован иракский кризис. Это свидетельствует о том, что курдский фактор является инструментом оказания давления Соединенных Штатов на турецкие правящие круги.

Оценивая развитие ситуации, некоторые американские специалисты полагают, что возникновение полунезависимого курдского государства в Ираке станет реальностью независимо от попыток Турции расправиться с ним силой, что повлечет за собой региональный и международный кризис. Дружественные отношения с иракскими курдами, по их мнению, могут послужить сдерживающим фактором для турецких курдов и приостановят влияние Ирана в регионе¹².

Нерешенность курдского вопроса в Иране превратила автономистское движение иранских курдов в инструмент борьбы между Ираном и Западом в Западной Азии. Покровительство США иракским курдам способствовало расколу курдских политических организаций в Иране и Сирии. Одни из них стали поддерживать идею решения курдского вопроса по примеру иракских курдов через свержение существующих режимов. Это, в частности, показалось привлекательным для Демократической партии Иранского Курдистана (ДПИК), которая заявила о своей готовности поддерживать политику англо-американской коалиции в регионе ради свержения иранского режима и провозглашения федерализма в Иране. При этом она тотчас же получила поддержку со стороны Вашингтона. Автономистское движение иранских курдов как бы консолидировалось с курдами Ирака, поскольку его базы находятся на иракской территории. Кроме того, по инициативе Курдского национального конгресса Северной Америки 6 марта 2006 г. в Эрбиле состоялось учреждение Объединенного фронта Восточного (Иранского) Курдистана. Его согласились поддержать 5 курдских организаций (ДПИК, Комала – Революционная организация трудящихся Курдистана, Комала – компартия Ирана, Организация Борьбы Иранского Курдистана и Революционный союз Курдистана – Иран). Он создан с целью привлечения других курдских партий в его состав и организации совместной борьбы за самоопределение¹³.

Очевидно, что иранские курды, как и курды Ирака, преследуют свои цели. Однако их устремления используются Западом как механизм реализации своих замыслов в Западной Азии. Так, иракские курды уже были использованы США для свержения режима С.Хусейна. А иранские курды становятся важным фактором подрыва иранского ре-

жима изнутри, что находится в русле американской политики в отношении Ирана. Кроме того, иракские и иранские курды обладают хорошо подготовленными вооруженными отрядами.

Иран, со своей стороны, борется с курдским лобби в иракском парламенте с начала 2004 г., поддерживая шиитскую фракцию ас-Садра. Не случайно, П.Гэлбрейт, американский советник президента КАР М.Барзани, сказал, что «сегодня граница является не барьером, а проводником иранского влияния и идеологии в Ирак и на Ближний Восток. Это может повлечь за собой исторический сдвиг сейсмического значения, который может иметь серьезные последствия для Ближнего Востока, особенно для арабских районов шиитского большинства, таких как Бахрейн и богатая нефтью Восточная провинция Саудовской Аравии»¹⁴. Представители шиитских политических кругов Ирака также, как и саудовский министр иностранных дел, опасаются того, что усиление иранского влияния в Ираке будет способствовать распаду страны.

Несмотря на то, что Иран не приветствует стремления иракских курдов к широкой автономии или независимости, он избегает открытой конфронтации с ними. В Иранском Курдистане и других ареалах региона хорошо известно о достижениях иракских курдов. Однако американское покровительство сдерживает амбиции их противников. Вместе с тем, исламское руководство ИРИ негативно рассматривает деятельность функционеров нелегально работающих в стране курдских политических организаций, подвергая их преследованиям и репрессиям. Иранские власти были вынуждены ввести в июле 2005 г. в регион армию и силы безопасности численностью 100 тыс. человек для подавления широкомасштабных волнений в Иранском Курдистане, вызванных гибелью курдского оппозиционера Швана Кадыри. В результате столкновений были 20 убитых и 300 раненых. Все это свидетельствует о том, что иранское руководство продолжает придерживаться политики, принятой им еще в период пребывания у власти аятоллы Хомейни и не собирается искать новые подходы к решению проблем курдского населения страны. Поэтому Иранский Курдистан продолжает оставаться зоной нестабильности.

В другой стране, включенной США в «ось зла», Сирии, курды составляют четыре политических организации (Екити, Курдский народный союз и Курдский демократический союз), а также «Курдский фронт», который, как и Курдский демократический союз, считает возможным решение проблем курдского народа путем сотрудничества с правящим руководством. Екити, созданная в 1992 г. и являющаяся наиболее популярной, и Курдский народный союз выдвигают требования конституционного признания курдов, прекращения дискриминации, предоставления прав гражданства, отмены чрезвычайного положения, действующего с 1963 г. и т.д., а также демонтажа тоталитарной системы, прекращения монополии партии Баас на власть, политической амнистии и установления в стране многопартийной, плюралистической парламентской системы.

Движение сирийских курдов в защиту своих прав становится фактором нестабильности из-за неспособности властей адекватно ответить на запросы курдского населения. Установление в Иракском Курдистане «зоны безопасности» в 1991 г. и оккупация Ирака в 2003 г. силами американо-британской коалиции было, якобы, расценено Дамаском как «знак арабскому миру и победа его израильских врагов»¹⁵. Во время визита в Анкару в начале 2005 г. сирийский министр иностранных дел сказал, что он согласен с мнением Р.Т.Эрдогана о том, что Курдский автономный район в Ираке угрожает региональной стабильности, поскольку «он является основой сепаратистского государства»¹⁶. Некоторые зарубежные аналитики указывают на то, что сотни бомбистов-смертников, финансируемых иракцами, находили убежище в Сирии. Они, якобы, пересекали сирийско-иракскую границу для организации беспорядков в суннитском треугольнике, направленных против коалиции и иракских политических сил. Несмотря на опасность получить воздаяние со стороны США, сирийцы отказываются сотрудничать с американцами и иракскими официальными кругами, чтобы воспрепятствовать иностранным бойцам переходить сирийско-иракскую границу. При этом Х.Зибари, министр иностранных дел Ирака и курд по происхождению сказал, что «Сирия и некоторые другие арабские страны опасаются того, что демократический эксперимент в Ираке может пустить корни и станет угрожать их тоталитарной системе». Вместе с тем, некоторые наблюдатели полагают, что координированная поддержка повстанцев в Ираке Сирией и Ираном может способствовать дестабилизации внутривнутриполитической ситуации с целью вывода американских войск из страны»¹⁷.

В Сирии продолжают столкновения между курдами, поддерживающими политику М.Барзани и американский проект Расширенного Ближнего Востока, и противниками этой позиции. Это противостояние началось еще в марте 2004 г. в Камышлы между курдскими футбольными болельщиками и их арабскими оппонентами. В результате столкновений были 25 убитых и 300 раненых. За этим последовали похищения, пытки и убийства курдских активистов. В их числе оказался авторитетный шейх Мухаммад Машуг аль-Хазнауи, чье обезображенное тело было впоследствии найдено на сирийско-иракской границе. Подобные противостояния продолжают и в настоящее время. Так, например, в марте текущего года состоялась демонстрация по поводу годовщины подписания 8 курдскими партиями декларации, требующей демократических реформ, отмены чрезвычайного положения и политической амнистии. Курдские оппозиционеры натолкнулись на группу молодежи с флагами и портретами президента Башара Асада, которые являлись членами Сирийского студенческого национального союза. Они выкрикивали курдам, что те – предатели и американские агенты. Студенты поддерживают свое руководство и выступают против тех, кому платит Америка, стремящаяся обосноваться в Сирии, и против тех, кто хочет свергнуть существующий режим»¹⁸.

Весной 2006 г. сирийское руководство продолжило практику заключения под стражу курдских политических функционеров по обвинению в сепаратизме, принадлежности к нелегальным организациям и пр. Сирийские курды настаивают на амнистии политзаключенных и незамедлительной демократизации общества, предоставлении свободы слова, организации политических партий и общественных организаций¹⁹. В 2005 г. представители партии Баас заявляли о том, что в Сирии будет разрешено формирование политических партий, но не на этнической основе. Курдских демонстрантов, несогласных с этой позицией, разогнали в Алеппо в марте 2006 г., арестовав нескольких правозащитников. При разгоне демонстрантов полиция использовала слезоточивый газ²⁰. Международная организация «Human Rights Watch» призвала президента Асада покончить с беспорядками и преследованиями борцов против ущемления прав человека, освободить политзаключенных. Курды настаивают на предоставлении гражданства тем, кто был его лишен еще в 1962 г., запрещении пыток политзаключенных, гражданского равноправия.

Нерешенность курдского вопроса в Сирии и иракская политика сирийских властей создают напряженность не только в ее курдском ареале, в зоне сирийско-иракской границы, осложняет установление отношений между Сирией и новым Ираком. В этой ситуации присутствие США в регионе имеет двойное значение. С одной стороны, Соединенные Штаты своим авторитетом пытаются стабилизировать ситуацию в курдских ареалах Ирака, сдерживать разрастание вооруженного конфликта в Турецком Курдистане. С другой стороны, они поощряют провокационные действия некоторых националистических сил в Иранском и Сирийском Курдистане для создания напряженных ситуаций, смягчение которых может потребовать иностранного вмешательства, что укладывается в американскую доктрину Расширенного Ближнего Востока. Вместе с тем, анализ требований иранских, сирийских и турецких курдов свидетельствует о том, что проблемы курдского населения этих стран в принципе решаемы в рамках переговорного процесса и обоюдных компромиссов.

Таким образом, новые геополитические условия способствовали тому, что курдское автономистское движение утратило характер и формы, присущие национально-освободительным движениям предшествующего исторического периода. В каждой из частей этнического Курдистана (Иракском, Турецком, Иранском, Сирийском) оно имеет свою специфику. А курдские ареалы Ирана, Турции и Сирии представляют собой зону нестабильности из-за неадекватности политики властей в курдском вопросе, не отвечающей современным политическим реалиям.

Правящие круги Ирана, Турции и Сирии высказываются за искоренение автономистского движения. Они выражают солидарность в необходимости разработки общей политической линии в курдском вопросе,

обусловливающейся опасениями передела Соединенными Штатами существующих границ Западной Азии. Поэтому наблюдается определенное военно-политическое сотрудничество Турции и Ирана в деле уничтожения баз РПК на ирано-турецкой границе, а также Сирии и Ирана с целью дестабилизации КАР и т.д. Позиции региональных режимов совпадают и по поводу возможности объявления независимости Иракского Курдистана. Они полагают, что это обострит ситуацию в Иранском, Турецком и Сирийском Курдистане. Иран, например, использует для этого политические рычаги воздействия, в том числе активность радикально-исламистских группировок, чтобы привлечь к ним курдов или сформировать курдские исламские экстремистские группировки; поощряет распространение наркотиков в курдских ареалах и пр. Втягивание этнического Курдистана в борьбу между Западом и Востоком существенно осложняет решение курдского вопроса.

Нерешенность курдского вопроса является не только фактором нестабильности и напряженности между курдами и правящим руководством, но и способствует возникновению новых курдских группировок экстремистского толка (например, Пейджак в Иране или Свободные соколы в Турции), заявляющих о своей вооруженной борьбе за права курдского народа.

В научной и политической литературе представлено множество подходов к решению курдского вопроса. Большинство политологов сходятся во мнении о конструктивности курдского урегулирования путем диалога. И с этим трудно не согласиться. Однако руководство стран проживания курдов, оставаясь на традиционных националистических позициях, не может найти точки соприкосновения с оппозиционным курдским автономистским движением, оказывавшим им не только политическое неповиновение, но и военное сопротивление. Эрдоган, например, не пожелал вести переговоры с Демократической социальной партией, поддержавшей РПК во время беспорядков в Диарбакире²¹. Неслучайно, партизанские действия во имя свободы и прав курдского народа отождествляются с акциями радикально-исламистских группировок, не имеющих ничего общего с действиями курдских патриотов.

Между тем, в этническом Курдистане наблюдается возникновение альтернативных политическим организациям курдских автономистов структур, активисты которых рассчитывают путем сотрудничества с официальными властями на основе обоюдных уступок и компромиссов избавить курдские ареалы стран Западной Азии от сохраняющейся в них нестабильности. Примером может служить Движение национальных интересов Л.Зана в Турции, а также Курдский Национальный фронт в Иране, возглавляемый Бахаэддином Адабом. Инициативы курдских правозащитников, выступающих в защиту прав курдского населения, представляются важным и позитивным шагом, направленным на сохранение курдской этнической общности в регионе. Они осознают тот факт, что современные политические реалии требуют поиска новых

принципов управления, отвечающих запросам всего общества в этих странах, а не только их элитарной части. Конструктивность такого подхода обуславливается возможностью реализации требований, предъявляемых курдами, в ходе переговорного процесса, без иностранного военно-политического вмешательства.

Открывшаяся в начале XXI в. новая эпоха ставит решение курдского вопроса в странах Западной Азии на более значимый уровень, поскольку эта проблема уже не ограничивается предоставлением курдам культурной автономии и права использования национального языка. Теперь перед курдами стоят глобальные проблемы, решение которых связано с использованием и распределением находящихся на их территории энергоресурсов (нефти, газа, воды) и эксплуатации расположенных на курдской территории газо- и нефтепроводов, производством продовольствия, поскольку курдские районы являются житницей Западной Азии. В связи с этим актуальность приобретают проблемы экономической и предпринимательской деятельности курдов на своей территории, инвестиционное участие курдского капитала в крупных предприятиях в курдских ареалах, прокладка газо- и нефтепроводов по курдской территории, борьба курдов за превращение этнического Курдистана в демилитаризованную зону, недопущение использования территории этнического Курдистана в военно-политических акциях третьих стран. Теперь вопрос стоит о том, насколько курды сумеют сохранить за собой ресурсы, способные обеспечить им автономное существование и потенциальную независимость, сумеют ли они наладить экономическое и деловое сотрудничество между различными частями этнического Курдистана с целью достижения подлинной независимости.

Хотя многое из того, что было сделано иракскими курдами стало осуществимо благодаря американскому покровительству, смогут ли они в дальнейшем продолжить решение своих задач параллельно с реализацией США политики Расширенного Ближнего Востока? Ведь со второй половины прошлого века курдское движение в Западной Азии находится в сфере пристального внимания американских политических кругов, начавших строить перспективные планы укрепления позиций США в регионе путем розыгрыша «курдской карты».

После вторжения в Ирак в марте 2003 г. сил англо-американской коалиции США как бы взяли на себя ответственность за решение курдского вопроса в этническом Курдистане. Иракским курдам была предложена прагматическая программа реформ, обеспечивающая политическую стабильность их сообщества, в определенной степени все еще наделенного чертами традиционализма. Американская администрация делает беспрецедентную попытку внедрения элементов западной демократии в традиционное исламское общество, хотя эта политика не встречает одобрения большинства населения страны. Курдский ареал Ирака служит опорой американских интересов. Политика США в этническом Курдистане строится с учетом использования курдов как инст-

румента прежде всего осуществления интересов США в Западной Азии. Подобный подход оказывает негативное влияние на поиск путей урегулирования курдского вопроса в странах с обширными курдскими ареалами, поскольку в большей степени отвечает интересам Запада. Кроме того, буферное положение этнического Курдистана между двумя центрами силы – американского гегемонизма и мусульманского национализма – не способствует быстрому решению курдского вопроса, урегулирование которого в каждом курдском ареале стран региона (Ираке, Иране, Турции и Сирии) требует особого подхода, определяющегося как страновой спецификой, так и геополитическими трансформациями. Поэтому вряд ли возможно в исторической современности создать единую универсальную шкалу индикаторов стабильности (нестабильности) применительно к странам проживания курдов. Если в Иране, Сирии и Турции нерешенность курдского вопроса является фактором нестабильности, то в Ираке, напротив, курды содействуют стабилизации внутривнутриполитической ситуации.

Они активно участвуют в формировании нового иракского правительства на основе создания большой коалиции, хотя этот процесс весьма неоднозначен. Показатели политической нестабильности общества различны для каждого из упомянутых выше государств, поскольку каждое из них обладает собственным опытом предшествующего политического развития. Вместе с тем, можно выявить и общую сущность их нестабильности, обуславливающуюся в основном политическими акциями дестабилизирующего характера. К ним можно отнести государственные перевороты, правительственные кризисы, партизанские действия и мятежи, забастовки, террористические акции, убийства в политических целях, изменения в нормативной структуре, партийной системе и пр. Эти факторы имеют неравнозначный характер: в одних случаях они лишь усиливают давление на органы государственной власти и политический режим, в других ведут к падению правительства или изменению политического режима. Участие курдов в подобных акциях осложняет поиск решения курдского вопроса, требующий комплексного подхода. Поскольку процесс урегулирования курдского вопроса затрагивает интересы не только курдов, а также региональных правительств и международных партнеров, то американский арбитраж в этой проблеме вряд ли можно считать конструктивным. Проблема независимости Южного Курдистана, на наш взгляд, должна решаться одновременно с курдским урегулированием в Турции, Иране и Сирии при согласовании позиций на региональном и международном уровне всех заинтересованных сторон. Решение курдского вопроса могло бы быть передано в компетенцию многосторонней международной комиссии.

¹ Prime Minister Barzani's speech emphasizes efficiency and openness. – <http://www/krg.org/articles/article-detail.asp?LangNr=12&RubricNr=&ArticleNr=10...>

² R.Looney. Socio-Economic Strategies to Counter Extremism in Iraq. – In: «Journal of South Asian and Middle Eastern Studies». Vol. XXIX, № 2, Winter 2006, с. 26.

³ Ibid., с. 30. «Iraq's Strategic Vision for National Development» presented to the International Conference on Iraq, Brussels, Belgium, June 21–22, 2005 (Bagdad: Ministry of Planning and Development Cooperation, 2005.).

⁴ Mohammed M.A. Ahmed. Kurdish Nationalisms and Regional States. – In: «Journal of South Asian and Middle Eastern Studies», Vol. XXIX, № 2, Winter 2006, с. 16.

⁵ Kurds Wants Independence If Fighting Continues. – <http://Kurdistanobserver.servehttp.com/april2006/5-4-06-northern-kurds-see-s-kurdistan.htm>

⁶ Там же.

⁷ Ю.Ш.Набиев. Перспективы курдской государственности, с. 11. (Рукопись).

⁸ Kurds Wants Independence...

⁹ Kurds Wants Independence...

¹⁰ Mohammed M.A. Ahmed. Kurdish Nationalism..., с. 17.

¹¹ Ibid., с. 16.

¹² Ibid., с. 17.

¹³ Ibid.

¹⁴ Press Release. Eastern Kurdistan (Iran) Political Parties Meet to Form a United Front. March 6, 2006 – Hawler. –

<http://kurdistanobserver.servehttp.com/mar06/15-3-06-e-kurdistan-parties-meet.htm>

¹⁵ Mohammed M.A. Ahmed. Kurdish Nationalism... с. 19.

¹⁶ Ibid., с. 17.

¹⁷ Ibid.

¹⁸ Syria Sentences Eight Dissidents to Prison: Lawyer. –

<http://kurdistanobserver.servehttp.com/mar06/20-3-06-syria-jails-8-kurds.htm>

¹⁹ Syria: Rights Activists Detained in Crackdown. –

<http://kurdistanobserver.servehttp.com/mar-6/25-3-05-syria-crackdown-on-activists.htm>

²⁰ Syrian Police, Kurds Clash In Aleppo. –

<http://kurdistanobserver.servehttp.com.mar06/21-3-06-kurds-syrian-regime-clash-aleppo.htm>

²¹ Turkish PM Promises More Democracy, Welfare For Kurds After Riots. –

<http://kurdistanobserver.servehttp.com/april2006/5-4-06-erdogan-says-more-reform.htm>

В.К.Еропов

КУРДСКИЙ ФАКТОР ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ ТУРЦИИ

До недавнего времени о курдском факторе можно было говорить лишь в исторической ретроспективе, исследуя проблему мироустройства после Первой мировой войны. Тогда, как известно, по итогам мирной конференции в Париже (январь 1919 – январь 1920 г.) и в соответствии с заключенными в ходе ее или вскоре после ее окончания 27 странами Антанты (без России) Версальским (с Германией), Сен-Жерменским (с Австрией), Трианонским (с Венгрией), Нейским (с Болгарией) и Севрским (с Турцией) договорами была введена Версальская система международных отношений. Согласно этой системе побежденные державы были жестко разделены. Большинство держав-победительниц приросли территориально, расширили зоны своего влияния, а целый ряд стран (среди них Чехословакия, Польша, Австрия, Венгрии, Королевство Сербов, Хорватов и Словенцев) обрели или вернули себе самостоятельность.

Согласно Севрскому договору территория Османской империи была практически полностью поделена между странами Антанты, часть ее отходила к Армении (границы должны были быть определены по третейскому решению США), а также предусматривалось создание государства Курдистан, вопрос о границах которого должна была решить англо-франко-итальянская комиссия. Эти условия и вводимый режим капитуляций вызвали сильное протестное движение в Турции, активизировали национально-освободительное движение во главе с правительством Великого национального собрания Турции, отвергшим договор. Даже султанское правительство не решилось его ратифицировать, и Севрский договор не вступил в силу. Лозаннские соглашения 1923 г., подписанные с турецкой стороны представителями ВНСТ, уже не содержали каких-либо упоминаний о государстве Курдистан. После Лозанны глава правительства Турецкой Республики Инёню упомянул о курдах как о части населения Турции, но затем долгое время существование многомиллионной народности официально замалчивалось, а попытки самоорганизации курдов, их претензии на какую-либо форму автономии, а тем более независимости, жестко подавлялись. Курдская проблема многие десятилетия оставалась фактором внутренней политики Турции, ее внутренним делом и в этом качестве не привлекала особого внимания мировой общественности, включая союзников по НАТО.

Краткая ретроспектива заявленной проблемы обусловлена не только историей вопроса, но, прежде всего, международно-правовыми последствиями событий более, чем 80-летней давности. Лозаннские соглашения, перечеркнув Севрский договор, сохранили, тем не менее, и подтвердили основную часть Версальской системы, в том числе в той ее части, где Великобритания получала мандат на территории нынешнего Ирака, а Франция – Сирии с перспективой превращения их со временем в независимые государства. Для несостоявшегося независимого Курдистана это означало окончательное закрепление его раскола на четыре неравные части. Курды влились в население Турции, Ирака, Сирии, а часть Курдистана вошла в состав Ирана еще по ирано-турецкому договору 1639 г.

В отличие от Турции, в Иране и ставшим со временем независимым Ираке факт существования курдов как особой народности не отрицался, но они были лишены права на собственную государственность, и периодически, как и в Турции, выступали за свою независимость. Эти выступления подавлялись, но эта борьба, то затихая, то разгораясь с новой силой, продолжалась. Динамика этих выступлений в странах с курдскими общинами была различной, существовали противоречия между лидерами курдских политических организаций, и, тем не менее, относительные успехи курдского освободительного движения в Ираке стимулировали активность курдов в Турции.

После победы в Ираке антимонархической революции 1958 г., активно поддержанной Демократической партией Курдистана (ДПК), республиканское руководство страны приняло Временную конституцию, где впервые в истории курдского народа признавалось равенство арабов и курдов. Это положение основного закона оказалось лишь декларативным, поскольку попытки курдов на конституционной основе добиться осуществления своих национальных прав, включая право на автономию внутри страны, были пресечены силой. Вооруженная борьба курдов за независимость возобновилась, и руководство Ирака было вынуждено пойти на соглашение о мирном решении курдской проблемы. В марте 1970 г. между вице-президентом Ирака С.Хусейном и лидером ДПК М.Барзани было подписано соглашение, названное «Программой 11 марта». Эта программа стала следующим шагом большого исторического значения, так как в нем впервые курдам предоставлялось право автономного определения, что стало примером для курдов «большого» Курдистана.

Как известно, и это достижение не воплотилось в жизнь, так как принятый в 1974 г. правительством Ирака Закон № 33 сводил практически к нулю права курдов на автономию. Отказ руководства ДПК признать этот закон, его попытки заручиться поддержкой США и Ирана, вызвали жесткие репрессии со стороны властей. Одной из особенностей насильственных операций стало создание на границах с Турцией и Ираном «арабского пояса» путем принудительного переселе-

нения курдов из этих районов в центр страны. Эта акция была попыткой снизить влияние борьбы иракских курдов за свою независимость на ситуацию в курдских районах Ирана и Турции. Ожидаемый эффект не был достигнут, и с начала 70-х годов значительно активизировалось национально-демократическое движение на юго-востоке Турции, где происходил процесс консолидации антиправительственных сил. В середине 70-х годов начала действовать Рабочая партия Курдистана (РПК), ставшая ведущей политической силой турецких курдов.

С объявлением этой партией в 1984 г. начала вооруженной борьбы за создание на территории всего этнического Курдистана независимого курдского государства курдская проблема стала все усиливающимся фактором внешней политики Турции. После того, как РПК приступила к созданию в приграничных с Турцией районах Ирака своих военных лагерей, между двумя странами были заключены секретные соглашения о возможности преследования турецкой армией курдов на территории Ирака и ведения там ограниченных военных действий. Дислоцирование на юго-востоке Турции с 1979 г. на постоянной основе подразделений турецкой армии специально для борьбы с курдами вывело военное взаимодействие двух стран на регулярную основу. Следует отметить, что пребывание отрядов РПК на территории Ирака неоднозначно воспринималось местным населением, включая курдов, которое несло большие жертвы во время вооруженных операций.

80-е годы были одним из наиболее тяжелых периодов в новейшей истории курдов. Военный переворот в Турции в сентябре 1980 г. и совпавшее с ним по времени начало войны Ирака с Ираном не только резко ужесточили условия ведения освободительного движения, но и поставили под угрозу (особенно в Северном Ираке) физическое существование курдского населения. Обвинив курдов в поддержке Ирана, правительство Ирака осуществило массированные военные операции против курдов, в результате которых были уничтожены около 100 тыс. человек. А еще больше мирного населения было изгнано из мест их постоянного проживания, особенно из районов, приграничных Турции и Ирану. Создание вдоль границ «арабского пояса» имело целью перекрыть пути для помощи от курдов Турции и Ирана.

В Иракском Курдистане во время ирано-иракской войны была предпринята попытка преодоления раскола, объединения основных национально-патриотических сил и создания в 1988 г. Фронта Иракского Курдистана (ФИК). Консолидация сил позволила курдам в марте 1991 г. во время войны Ирака против Кувейта установить контроль практически на всей территории Южного Курдистана. Успех ФИК был во многом обусловлен тем, что значительные силы иракской армии были брошены на подавление восстания шиитов на юге страны. Следует отметить, что и курдов, и шиитов склоняло к выступлению американское руководство, стремясь ослабить режим С.Хусейна перед нача-

лом операции «Бури в пустыне». Иракские войска уже после того, как Ирак потерпел поражение от Многонациональных сил, подавили восстание шиитов, а затем начали операции против курдов, сопровождавшиеся массовыми расправами над мирным населением. Около 200 тыс. курдов ушли в Турцию и Иран, десятки тысяч погибли. США, имевшие все возможности контролировать ситуацию в Ираке, не предприняли необходимых мер для того, чтобы предотвратить репрессии.

От окончательного истребления курдов спасло вмешательство Совета Безопасности ООН, принявшего в апреле 1991 г. резолюцию № 688, установившую на севере Ирака зону безопасности севернее 36 параллели. Из этой зоны были выведены иракские войска, а на освобожденной территории ФИК провозгласил «Свободный Курдистан». На этой территории, находившейся под контролем международных сил, началась активная деятельность по созданию реальной курдской автономии. Уже в мае 1992 г. состоялись первые выборы в Национальный Совет (парламент) Курдистана, а в июле было сформировано правительство, в которое вошли представители Демократической партии Курдистана (ДПК) и Патриотического союза Курдистана (ПСК). Впервые уже не на бумаге, как это было в 1974 г., курды получили легитимное право во многом самим определять свою судьбу.

Действия руководства курдской автономии получили поддержку в остальных частях «большого Курдистана», прежде всего – в Турции. В свою очередь, успехи иракских курдов в борьбе за независимость стимулировали активность курдов в Турции, Иране, Сирии, вооружали их опытом успешной тактики и стратегии борьбы. Естественно, что события на севере Ирака, формирование органов законодательной и исполнительной власти в Южном Курдистане вызвали серьезную озабоченность у соседей. Резко негативной была реакция на принятие в начале октября 1992 г. парламентом курдской автономии закона о федеративном принципе решения курдской проблемы в Ираке. В законодательном оформлении этого принципа руководители Турции, Ирана и Сирии увидели потенциальную угрозу собственному территориальному устройству.

В октябре 1992 г. по инициативе Турции в Анкаре состоялось заседание министров иностранных дел трех стран, участники которого заявили о готовности не допустить нарушения территориальной целостности. (И это при том, что во всех законодательных актах, принятых парламентом Южного Курдистана, подчеркивалось намерение реализовать свои права в рамках единого иракского государств.) Своим заявлением министры иностранных дел по существу легализовали самые различные меры противодействия автономизации Южного Курдистана, включавшие непосредственное вмешательство в его внутренние дела. Это вмешательство, наиболее масштабно и часто практикуемое Турцией в 90-е годы XX в., стало долговременным фактором, определяющим кризисное состояние ситуации в регионе.

Особая активность Турции в этом вопросе была обусловлена намерениями руководства Рабочей партии Курдистана (РПК) добиться создания независимого курдского государства на территории Турецкого и Иракского Курдистана. При этом РПК считала своими противниками не только турецкие власти, но и правительство курдской автономии в Ираке, как пришедшее к власти при поддержке командования многонациональных сил и, прежде всего, США, одержавших победу в операции «Буря в пустыне».

Действия РПК на севере Ирака, соответствующие изначальной идеологии и стратегии борьбы курдов за независимость, препятствовали, тем не менее, их политической консолидации и провоцировали не только неоднократные вторжения турецких войск на территорию автономии, но и создание там долговременных опорных пунктов турецкой армии. Чтобы избежать масштабных военных операций на своей территории, правительство Курдского автономного района (КАР) приняло меры для нейтрализации сил РПК в районах, прилегающих к Турции. Эти действия еще больше осложнили отношения между РПК, ДПК и ПСК, но не ликвидировали ни угрозу вторжения турецких войск, ни уже упомянутых опорных пунктов, позволяющих контролировать ситуацию в стратегически важных районах Северного Ирака.

Важность сохранения контроля Турции в Северном Ираке и особое значение и место курдского фактора в ее современной внешней политике определяется тем, что в течение всего республиканского периода истории турки не смогли окончательно смириться с утратой ряда территорий по условиям Версальской системы международных отношений. Прежде всего, это относится к бывшему Мосульскому вилайету (нынешний Северный Ирак), который перешел в 1920 г. под мандатное управление Великобритании, а затем, по договору между Великобританией, Турцией и Ираком, стал частью последнего. Большие запасы качественной нефти, удобные выходы на международные рынки Ближнего и Среднего Востока, важное геополитическое положение – все это делало невозможным отказаться если не от возвращения земель, то от установления там надежного, всеобъемлющего контроля.

Ирак, с момента своего создания в 20-х годах прошлого века, был неустойчивым государственным образованием, объединяя постоянно конфликтовавшие между собой южные шиитские районы, суннитский центр и заселенный преимущественно курдами север. Британский тотальный контроль и сменявшие друг друга репрессивные режимы до поры до времени обеспечивали целостность государства. Значительное ухудшение положения в стране и международная изоляция Ирака, вызванные затяжной войной с Ираном и чудовищными репрессиями режима Хуссейна в отношении явных и мнимых противников привели к тому, что после поражения в войне против

Кувейта и с созданием в 1992 г. Курдского автономного района начался процесс ослабления единства государства. В зависимости от комбинации различных факторов в результате этого процесса по оптимистическому варианту произойдет федерализация страны, по пессимистическому же – ее развал.

Несмотря на негативное отношение турецкого руководства к появлению и легитимации КАР, оно понимает, что при определенных условиях (а они уже складываются) наличие этого образования может на неопределенно долгий срок сохранить за Турцией контроль за ситуацией в Южном Курдистане и статус основного гаранта стабильности в этом районе. Для этого в настоящее время с успехом используются конфликтные отношения между РПК и коалицией ДПК и ПСК, угроза со стороны РПК процессу стабилизации положения в автономии и возможность Турции влиять на интенсивность этой угрозы.

Как известно, вскоре после формирования в июле 1992 г. коалиционного правительства КАР в составе представителей ДПК и ПСК между лидерами этих организаций Д.Талабани и М.Барзани возникли серьезные разногласия, которые в итоге привели в 1994 г. к территориальному разделу автономии и созданию двух правительств. Такое положение сохранялось до 2002 г., что с учетом неблагоприятного внутривластного положения и внешнего воздействия значительно ослабляло возможности позитивного развития автономии. Это обстоятельство вызывало серьезную озабоченность Соединенных Штатов, для которых нестабильность в Южном Курдистане представляла угрозу «жизненным интересам в зоне Ближнего и Среднего Востока», т.е. возможности военно-политического давления на режим С.Хусейна с севера.

США и их союзники Англия и Франция при участии Турции смогли организовать встречу руководителей ДПК и ПСК в Анкаре в 1996 г. В результате непродолжительных переговоров между двумя партиями было достигнуто соглашение о программе совместных действий в различных сферах, включая военно-политическую. Представители ООН, США, Великобритании и Турции вошли в состав групп наблюдателей за выполнением программы. Выполнение сталкивалось с большими проблемами объективного и субъективного плана, и потребовалась еще одна встреча Барзани и Талабани в Вашингтоне в 1998 г. и заключение еще одного соглашения, в котором, в частности, говорилось о федеративном устройстве Ирака, его целостности, равных правах курдов и других иракцев. Особое значение для Турции имело содержащееся в соглашении требование удалить с территории КАР базы боевиков РПК и не допускать их рейды в Турцию. Поскольку выполнить это требование без военных и специальных операций турецкой армии было явно невозможно, то соглашение в скрытой форме подтверждало особый статус Турции в деятельности на территории Южного Курдистана и обязывало ее к активным действиям против РПК.

Единое правительство КАР удалось сформировать лишь к концу 2002 г. на основе паритета между основными политическими силами. Оно должным образом оценило поддержку Турции процессу политической консолидации, направив основные усилия в тот период на ликвидацию лагерей и баз РПК на территории КАР и пресечение деятельности боевиков, в том числе, против Турции.

Важным этапом в становлении курдской независимости явилась военная операция США и их союзников против режима С.Хусейна, начавшаяся 20 марта 2003 г. Коалиция рассчитывала на помощь курдов, тем более, что Турция отказалась разместить на границах с Ираком американские войска для создания северного фронта. Иракские курды оправдали ожидания, активно выступив на стороне коалиции, попутно установив практически полный контроль в североиракских городах, включая Киркук. Перспектива появления неподконтрольного коалиции, де-факто независимого государства курдов очень обеспокоила Турцию, которая была готова на длительный срок ввести в Северный Ирак свои войска. В конечном итоге, США заверили Турцию, что американские войска установят контроль в городах вместо курдских вооруженных формирований.

Напряженность в американо-турецких отношениях, вызванная поддержкой со стороны США иракских курдов, не исчезла и после того, как Временная коалиционная администрация установила контроль на всей территории Ирака. Созданная коалицией Иракская временная администрация (ИВА) в августе 2003 г. сформировала переходное правительство, а в марте 2004 г. возглавляющий ИВА Временный управляющий совет Ирака издал «Закон об управлении Государством Ирак на переходный период». Согласно этому закону курдский язык признавался государственным наряду с арабским, курдам на пропорциональной основе выделялись места в правительстве, а также посты вице-президента, вице-премьера и министра иностранных дел. Но самым главным стало то, что Национальная ассамблея Курдистана получила право вносить изменения и поправки в любой федеральный закон на курдской территории за исключением сфер федерального ведения – финансовой, монетарной, внешней политики и национальной безопасности. По любопытному совпадению в это же время (март 2004 г.) на территории КАР были введены в обращение собственные денежные знаки с курдской символикой, изготовленные в Швеции.

В Турции склонны считать, что большие права, предоставленные курдам под давлением американцев – важный шаг на пути к созданию союзного Соединенным Штатам независимого Курдистана. Это обстоятельство может стать не только фактором стабилизации положения в одном из крупнейших нефтеносных районов мира в интересах США, но и, учитывая наличие курдской проблемы в Турции, Иране и Сирии, средством давления на эти страны.

Турция недовольна непоследовательностью США в отношении Рабочей партии Курдистана. С одной стороны, американцы признали РПК террористической организацией, а с другой, — отказались выступать против ее боевиков на территории Ирака, заняв примиренческую позицию. Достоинством гласности стали контакты американских представителей с руководителями РПК, о содержании которых турок не информируют. США ничего не сделали для того, чтобы с помощью своих союзников по НАТО добиться прекращения деятельности филиалов РПК в Западной Европе, закрытия их счетов в банках и т.п. Примиренчество подобного рода расценивается как своего рода признание Соединенными Штатами этой организации с целью сохранить ее потенциал для возможного использования в зависимости от ситуации в Ираке и регионе.

Озабоченность Турции подобной позицией американской администрации разделяют некоторые члены конгресса. Так, на слушаниях в комиссии по иностранным делам палаты представителей конгресса США в мае 2005 г. детально рассматривались причины роста антиамериканизма в Турции и способы его снижения. Первым была названа необходимость проведения американцами в Ираке активных действий по нейтрализации деятельности боевиков РПК, находящихся в Северном Ираке и совершающих оттуда террористические вылазки на территорию Турции. О том, что РПК рассматривается в конгрессе США как серьезная политическая и военная сила, свидетельствует заявление конгрессмена Барки, что «широкомасштабные действия против РПК потребуют от Вашингтона открытия «второго фронта».

Открытая поддержка Соединенными Штатами турецких курдов, как это происходит в отношении Иракского Курдистана в нынешней ситуации, чревата утратой стратегических и геополитических позиций Турции в регионе. Она невозможна из-за риска крупного локального конфликта с труднопредсказуемыми последствиями. Полностью устраниться от участия в решении проблемы турецких курдов на стороне Турции едва ли возможно, так как уже сейчас заметно, что, не получая от США практически ничего, кроме выражения «озабоченности», Турция все активнее идет на сближение с Ираном и Сирией, где существует этот же вопрос. США не могут допустить реального союза Турции со своими основными антагонистами на «Большом Ближнем Востоке», которые все чаще в заявлениях американских политиков называются очередными целями вооруженных акций США. Отсюда следует, что отношение США к курдской проблеме в Турции будет и далее характеризоваться осторожностью и сугубым прагматизмом.

Совершенно иначе курдский фактор сказывается на отношениях Турции с Западной Европой. Западноевропейские страны, хотя и имеют свои интересы в регионе, где проживают курды, не имеют там политических и военно-стратегических амбиций и планов, по-

добных американским. Это делает их более свободными в реализации своих внешнеполитических установок, в частности, на обеспечение прав человека в других странах. С начала 70-х годов прошлого века, когда РПК под руководством А.Оджалана возглавила вооруженную борьбу за независимость курдов, Европа и другие страны приняли более 1 млн. беженцев, покинувших Турцию из-за репрессий турецких властей.

Во многих странах Европы имеются курдские общины, организационные структуры РПК, культурные центры. Действует Парламент Курдистана в изгнании в составе около 70 депутатов, представляющих курдские диаспоры большинства стран Европы, а также США, Канады, Австралии, СНГ и России. Сессии этого парламента проводились в России, Дании, Норвегии, Италии. Курды располагают влиятельными связями в общеевропейских органах, в том числе в Европейском парламенте, имеют немало сочувствующих в политических партиях и общественных организациях. Все это в совокупности представляет собой серьезный потенциал влияния на отношения Турции с объединенной Европой, полноценной частью которой она давно и без особого успеха пытается стать.

Возможность курдских общин в Европе организовывать и проводить массовые, прежде всего протестные, мероприятия была неоднократно продемонстрирована после ареста в 1999 г. в Кении лидера РПК А.Оджалана и высылки его в Турцию. Как известно, турецкий суд приговорил его к смертной казни, что вызвало мощное движение курдов за отмену приговора, поддержанное правозащитными организациями в Западной Европе. Исполнение приговора неоднократно откладывалось и, в конце концов, после отмены в 2002 году смертной казни она была заменена пожизненным заключением. Но и это не остановило движение за освобождение Оджалана.

В 2005 г. Европейский суд по правам человека предписал Турции провести новый процесс по его делу. ЕСПЧ постановил, что Турция нарушила положение Европейской конвенции по правам человека, согласно которому задержанный имеет право на проверку законности взятия его под стражу. ЕСПЧ также счел, что смертный приговор, первоначально вынесенный Оджалану судом государственной безопасности, — это следствие «несправедливого судебного процесса» и еще одно нарушение Европейской конвенции. Руководство Турции осталось недовольным решением суда, но, тем не менее, турецкий МИД заявил, что повторный процесс будет проведен на основе международных соглашений.

Дело Оджалана и курдская проблема в целом серьезно осложняют задачу вступления Турции в Европейский союз. На суде в 1999 г. Оджалан, признав акции насилия, совершенные РПК, приказал своим сторонникам прекратить боевые действия. Одновременно он призвал решить проблему курдов Турции путем предоставления им культур-

ной и языковой автономии. Это заявление нашло понимание в Евросоюзе, поскольку не противоречит его позиции по правам национальных меньшинств. В октябре 2005 г. переговоры между Евросоюзом и Турцией по вопросу о ее членстве в этой организации возобновились. Стало очевидным, что курдская проблема, проблема Северного Кипра, требования к Турции признать геноцид армян 1915 г. станут значительно усложнять путь Турции в Европу.

В последние годы курдская и армянская диаспоры сблизились на идее реанимации Севрского договора, который восстанавливал историческую территорию Армении и предусматривал создание курдского государства. В многочисленных публикациях на эту тему обосновывается незаконность Лозаннских соглашений 1923 г., проигнорировавших эти положения Севрского договора при урегулировании отношений Турецкой Республики со странами, победившими в Первой мировой войне. Идея реанимации Севрского договора как правовой основы решения курдской и армянской проблем возникала в Европейском парламенте.

Трудно представить, что Турция легко пойдет на уступки по вышеупомянутым вопросам. Очевидно также, что ее неуступчивостью воспользуются противники ее вступления в Европейский союз, которых немало среди влиятельных политических деятелей. Среди них Жискард д'Эстен, Гельмут Коль, папа Бенедикт XVI и другие, кто озбочен возможной утратой Европой ее христианской идентичности и обременения серьезными турецкими проблемами. Европа, переживающая болезненный процесс образования и становления на ее территории новых национальных государств (Балканы, страны Восточной Европы, Кавказ) не хочет заниматься проблемой независимости турецких курдов, но не может и игнорировать ее в силу того, что отчасти изложено выше.

У проблемы турецких курдов не может быть простых, очевидных решений. Ясно лишь то, что она уже вышла за рамки внутреннего дела Турции и превратилась в серьезный фактор ее внешней политики.

Турция в новых геополитических условиях. М., 2004 г.

Курдская проблема в Ираке. Аналитические записки Научно-координационного совета по международным исследованиям МГИМО (У) МИД РФ. Выпуск 10, 2005 г.

Современное состояние курдской проблемы (научный симпозиум). М., 1995 г.

Мировой общественный форум «Диалог цивилизаций», № 3, 2004 г.

«Независимая газета», 2003–2006 гг.

«Время новостей». 2003–2006 гг.

<http://www.eurasianet.ru>

<http://www.newsweek.ru>

<http://www.iraq-war.ru>

Н.Ю.Ульченко

РОЛЬ ЮГО-ВОСТОКА ТУРЦИИ В НАЦИОНАЛЬНОЙ СТРАТЕГИИ ТРАНСПОРТИРОВКИ ЭНЕРГОРЕСУРСОВ НА ВНУТРЕННИЙ И ВНЕШНИЕ РЫНКИ

Особая, если не сказать стратегическая, роль юго-востока Турции в транспортировке энергоресурсов на внутренний и внешний рынки определяется несколькими обстоятельствами.

Во-первых, собственные запасы нефти на территории Турции, которые в настоящее время являются объектом промышленной разработки, сосредоточены именно на юго-востоке страны в районе Батмана. И хотя по последним оценкам, собственная добыча нефти обеспечивает лишь 10% потребностей Турции в данном виде энерго-сырья¹, разработка месторождений на юго-востоке продолжается, а значит, существует и проблема доставки добываемого сырья и продуктов перегонки (в самом Батмане функционирует один из старейших в стране нефтеперерабатывающих заводов) к центрам нефтепереработки или же потребления. В итоге Батман, находящийся в центре юго-восточного региона страны, соединен системой нефтепроводов с рядом экономических и транспортных центров страны².

Оставив в стороне 42-километровый нефтепровод, соединяющий месторождение Шелмо с терминалом нефтеперерабатывающего завода в Батмане, обратим внимание на нефтепровод Батман-Дертюл, связывающий нефтедобывающий район Турции с портовым городом Дертюл у побережья Искендерунского залива. Протяженность маршрута 511 км, он действует с 1967 г., в 1984 г. нефтепровод был передан в собственность государственной газо- и нефтераспределительной компании Турции Боташ. При пропускной способности в 3,5 млн. т в год в 2005 г. по нему было перекачано около 9,5 млн. баррелей нефти. Близ расположенный Джейхан (точнее, речь идет о портовом городе Юмурталык), где находится морской нефтяной терминал, связан нефтепроводом с Кырыккале – крупным промышленным центром в центре Турции, где расположен крупнейший и один из наиболее современных нефтеперерабатывающих заводов Турции. Это обстоятельство обеспечивает возможность транспортировки нефти Батмана в центр страны по системе нефтепроводов, хотя основное значение, по всей видимости, имеет загрузка нефтепровода привозной нефтью, сгружаемой танкерами в терминал Джейхана. В пользу последнего утверждения свидетельствует то обстоятельство, что по

нефтепроводу с пропускной мощностью 5 млн. тонн нефти в год в 2005 г. было перекачено около 30 млн. баррелей нефти.

Во-вторых, возможности импорта недостающих объемов нефти связаны для Турции именно с ее закупками в соседних, восточных и южных странах, непосредственно граничащих с юго-востоком страны. Именно в силу этого обстоятельства еще в 1984 г. было завершено строительство первой линии нефтепровода Ирак-Турция. Нефтепровод в основном предназначен для транспортировки нефти с месторождений Киркука к морскому терминалу Джейхана. С 1987 г. действует вторая линия данного нефтепровода. Они несколько различаются по протяженности – 986 и 890 км соответственно. При этом приблизительно треть протяженности как первой, так и второй линии приходится на территорию Ирака, две трети на территорию Турции. Суммарная мощность двух линий составляет 71 млн. т нефти в год. С 1990 г. по решению ООН в отношении Ирака применялось экономическое эмбарго. Присоединившаяся к нему, Турция прекратила отбор нефти из иракского нефтепровода. В 1996 г. Ирак получил от ООН разрешение на продажу некоторого количества нефти. По нефтепроводу, связывающему две страны, Турция получила свыше 5 млн. баррелей. В дальнейшем поставки продолжались в более значительном объеме, превысив в 1999 г. 300 млн. баррелей. В 2002 г. они резко сократились до 175 млн. В 2004 г. их объем составил всего 37 млн., а в 2005 г. – 13 млн. баррелей³.

Не слишком счастливая судьба нефтепровода Ирак-Турция не стала препятствием для строительства нефтепроводов, связывающих Турцию с другими странами региона. Во-первых, с 2001 г. действует газопровод между Турцией и Ираном. Во-вторых, в 2006 г. ожидается ввод в строй нефтепровода Баку-Тбилиси-Джейхан. Следует отметить, что район юго-востока Турции имеет естественные географические границы, в качестве которой с севера выступает высокогорная дуга Юго-Восточного Тавра. Горы являются естественным препятствием на пути прокладки нефтепроводов. Та подчеркнутая нарочитость, с которой и маршруты иранского газопровода и нефтепровода Баку-Джейхан обходят район юго-востока, является, по всей видимости, случаем исключительного единодушия в устремлениях природы и турецких властей. Последние были явно заинтересованы в том, чтобы вывести стратегически важные трубопроводы за пределы тревожных курдских районов. Но и обойдя их, маршруты транспортировки энергосырья остаются в опасной близости к нестабильным территориям.

Помимо уже названных, планируется строительство ряда новых международных трубопроводов, которые соединят Турцию с близлежащими государствами, располагающими экспортным углеводородным потенциалом. К числу наиболее близких к реализации следует отнести проект газопровода, который соединит азербайджанское месторождение Шах Дениз с турецким городом Эрзурум, через который уже прохо-

дит газопровод, связывающий Турцию и Иран. Реализация иных трубопроводов подобного плана, очевидно, будет связана с важным для Турции стратегическим решением, которое, на наш взгляд, в настоящее время, находится в стадии принятия. Дело в том, что изначально активизация интереса Турции к международным трубопроводам была продиктована стремлением предотвратить, как тогда казалось, вероятную возможность дефицита энергосырья на внутреннем рынке. Видимо, хорошо помня прямолинейную зависимость между кризисом конца 70-х-начала 80-х годов и сокращением импорта нефти, турецкие власти приложили значительные старания к тому, чтобы не допустить повторения пройденного сценария: были заключены соглашения, в основном о строительстве газопроводов, во многом носившие дублирующий или даже взаимоисключающий характер с точки зрения реальных потребностей Турции в энергосырье. Логика турецких властей в этом вопросе понятна: на тот момент было неясно, какие именно договоренности удастся реализовать, а какие окажутся забытыми. Вероятно, и для самой Турции, и для экспертов в вопросах международной торговли энергосырьем оказалась неожиданной синхронная активность потенциальных поставщиков газа, которая с легкой руки бывшего главы Газпрома Р.Вяхирева вылилась в конкурентную борьбу между ними за турецкий рынок, который, как обнаружили основные игроки, являлся ключом к рынкам европейским. Стало очевидным, что, либо Турции придется отказываться от некоторых из ранее согласованных проектов, либо заняться перепродажей газа на рынки третьих стран. Практическое осмысление особой транзитной роли страны в международных поставках энергосырья сейчас и происходит в самой Турции. Как только Турция адаптируется к новой роли уже не просто импортера энергосырья, а его транзитного поставщика на рынки третьих стран, в том числе, европейских, актуализируется реализация многих новых трубопроводных проектов, которые сейчас кажутся подзабытыми, например, проект газопровода из Туркмении, газопровода из Ирака мощностью 10 млрд. м куб. в год, рамочный проект по которому был подписан представителями сторон в 1996 г.

Процесс адаптации Турции к своей новой роли, видимо, достаточно успешно завершается. Представители академических кругов уже сформулировали положение о том, что крупнейший и растущий наиболее высокими темпами европейский рынок в настоящее время снабжается газом из трех основных источников (Россия, Северное море и Северная Африка). Цель Турции – стать четвертым важнейшим источником. Одновременно они, видимо, справедливо признавали тот факт, что, поскольку Россия имеет собственную газопроводную систему, связывающую ее напрямую с Европой, то первая вряд ли окажется заинтересованной в маршрутах транспортировки через Турцию⁴. В этой связи, состоявшаяся в ноябре 2005 г. официальная церемония открытия газопровода «Голубой поток», спустя три года с

момента начала его действия, являлась в действительности не столько церемонией открытия, сколько неожиданным для Турции сюрпризом – официальным признанием Россией статуса газопровода не как двустороннего, а как многостороннего международного проекта, с помощью которого российский газ пойдет в Южную Европу, в частности, Италию. О последнем обстоятельстве должно было свидетельствовать участие в церемонии бывшего премьер-министра Италии Сильвио Берлускони и подготовка к подписанию меморандума о сотрудничестве между российским Газпромом и итальянской газовой компанией ЭНИ. Как писала турецкая пресса, эта уступка России была обменена на «кабальные» обязательства, в соответствии с которыми к покупке газа на внутреннем рынке Турции не будут допускаться компании без согласования с зарубежными газовыми поставщиками Турции. Следовательно, право такого контроля предоставляется и Газпрому⁵.

Итак, из данного факта следуют два обстоятельства. С одной стороны, статус Турции как страны, осуществляющей международный транзит энергосырья, получил официальное признание. С другой, поддержание этого статуса не требует опоры исключительно на поставки энергоносителей по южному и восточному направлениям. Тем не менее, как уже осуществляющиеся, так и особенно перспективные поставки энергоносителей из Ирана, Азербайджана, Туркмении и Ирака сохраняют свою стратегическую важность для исполнения Турцией своей роли четвертого поставщика энергоносителей на рынок Европы, а значит, в перспективе будет возрастать насыщенность востока страны стратегически важными международными трубопроводами. Следовательно, сохраняется и ключевое значение поддержания стабильности и паритета интересов государства и населения на юго-востоке Турции.

¹ Подсчитано по: Türkiye İstistik Yılı 2000. Ankara, 2001, с. 301.

² См. информацию о системе действующих трубопроводов: www.botas.gov.tr

³ См. там же.

⁴ См., например, N.Devlet. Turkey's energy policy in the next decade. – Perceptions. Journal of international affairs. Ankara, Winter 2004–2005, с. 81.

⁵ Radikal, 05.12.2005.

К.В.Вертяев

СИТУАЦИЯ В ИРАКЕ И ПРОБЛЕМЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СТАБИЛЬНОСТИ ТУРЦИИ

Приход в 2002 г. к власти новых исламских демократов во многом симптоматичен для Турции. Он обозначил постепенную смену парадигмы внешнеполитического развития страны, переход от прозападной к многовекторной, евразийской ориентации, в которой важное значение начинает приобретать сотрудничество с мусульманскими странами, а также с Россией. Связано это и с постепенной трансформацией геополитической функции Турции, которая началась в девяностые годы и продолжается и по сей день. В нынешних условиях Турция потеряла ту приоритетную значимость в «антисоветском» стратегическом балансе сил, которая предназначалась ей в рамках членства в Североатлантическом союзе. Наряду с этим Турция начала постепенно дистанцироваться от политики США, зачастую насильно толкавшей ее к участию в невыгодных для нее проектах, таких как, например, операция 2003 г. в Ираке.

При этом собственно курдская проблема в Турции до конца девяностых мало интересовала Соединенные Штаты. Интерес к ней носил скорее научный, академический характер в качестве изучения частного случая межэтнического конфликта в рамках нации-государства. При этом следует отметить такого американского ученого как Роберт Олсон, известного по своему значительному труду о восстании шейха Саида в двадцатые годы прошлого века, множеству журнальных публикаций, а также авторов и экспертов как Грекхем Фуллер или Майкл Гюнтер. Однако уже в начале XXI в. курдский фактор, а также деятельность Рабочей партии Курдистана (РПК) стали предметом пристального интереса Соединенных Штатов. Нельзя сказать, чтобы США напрямую воздействовали на курдских повстанцев, но Анкару весьма раздражало то, что после военной операции в Ираке в 2003 г. американские представители стали проводить встречи с руководством РПК, не желая при этом информировать официальные круги Турции.

В октябре 2004 г., несмотря на заявления ряда европейских правозащитных организаций о необходимости пересмотра судебного решения в отношении А.Оджалана, лидера РПК, Европейская комиссия по правам человека всё же опубликовала сообщение, в котором в целом была представлена позитивная оценка политических, экономи-

ческих, социальных, культурных и гражданских реформ, проводимых турецким правительством в отношении курдов. Комиссия выступила с рекомендациями о возможности начала переговоров о вступлении Турции в ЕС. К этому времени в Турции были приняты важные решения, свидетельствующие об изменении характера отношения властей к межэтническим отношениям внутри страны. Однако многие из этих решений не были в достаточной степени реализованы на практике по целому ряду причин, и, в первую очередь, по причине сохранения руководством на местах консервативных позиций. Европейская комиссия рекомендовала Турции создать курдский комитет по ведению дел, касающихся курдской проблемы и отражения в конституции факта существования курдского народа в Турции. При Европейском суде по правам человека был также создан специальный комитет для отслеживания реального выполнения Турцией решений и рекомендаций комитета по правам человека. Нужно отметить, что подобная настойчивость Европы в осуществлении давления на Турцию в связи с курдским вопросом вызывала и вызывает определенное раздражение в консервативных политических кругах Турции, а также у значительной части населения. Все чаще в Турции стали звучать призывы отказаться от интеграционной стратегии с Европой.

В целом можно сказать, что политическая трансформация кемалистских установок постепенно начинает отражаться и во взглядах турецких политических кругов на курдскую проблему в Турции. Исламские демократы позволили и умеренную критику предыдущих правительств за их настрой на разговор с курдскими повстанцами исключительно с позиций силы. Одной из причин курдского вопроса в стране руководство партии видит в проблеме отсутствия должной демократизации, обеспечения прав человека и его свобод.

Правящей «Ак парти» пришлось столкнуться и со многими объективными трудностями. В 2003 г. властями был принят так называемый закон о государственной амнистии, обнаруживший свою бесперспективность. Меры новых исламских демократов в основном были сосредоточены на отмене наиболее жестких положений уголовного кодекса относительно ответственности за пропаганду сепаратизма, был существенно модифицирован пресловутый «Закон о терроризме».

Нельзя сбрасывать со счетов и то, что в юго-восточном регионе Турции до сих пор действует система сельских стражей, призванных в свое время защищать жителей от партизан Рабочей партии Курдистана (РПК). Стражи до сих пор продолжают получать из казны специальное жалование. В нынешних условиях многие из них не собираются разоружаться и возвращаться к мирной жизни, поскольку безработица в регионе крайне высока, а многие деревни опустели. На определенном недоверии к курдским активистам сказывается печальный опыт почти двадцатилетней войны на Юго-востоке с курдскими повстанцами. Многие граждане Турции придерживаются до-

вольно консервативных взглядов на межэтнические проблемы в стране, считая признание полиэтнического характера и существование в стране курдского национализма признаком ослабления общетурецкого национального единства. В 2005 г. всемирно известный турецкий писатель Орхан Памук высказался о том, что «Турция повинна в гибели миллиона армян и 30 тысяч курдов». Эта фраза в интервью одному из западноевропейских журналов способствовала приведению писателя на скамью подсудимых: ему грозило заключение до 6 лет за «антитуркизм».

Тем не менее, турецкий национализм кемалистского образца вынужденно переживает сейчас трансформацию, коррелируясь с идеологическими и политическими взглядами Европы, куда Турция всеми силами стремится вступить. Это осознает и нынешнее руководство страны, стремясь формировать мнение о необходимости демократического сосуществования в рамках страны различных этнических групп со своими националистическими взглядами, а также более толерантного отношения к различным политическим взглядам и устремлениям нацменьшинств.

Наряду с отменой чрезвычайного положения во всех регионах Юго-востока, начиная с 2004 г. руководством проводились семинары и образовательные программы для функционеров государственных и судебных учреждений, органов внутренней безопасности по вопросам демократизации и обеспечения прав человека в стране и в юго-восточном регионе. Однако, как бы ни развивались события, Турция не откажется от националистической концепции построения государства в угоду концепции мультикультурной и полиэтнической. Это стало ясно после принятия в октябре 2005 г. Советом национальной безопасности новой редакции концепции национальной безопасности страны. В ней особо подчеркивается, что в Турции существует только одна нация – турки. Хотя ее детали держатся в секрете, очевидно, что в целом она носит достаточно консервативный характер. В числе задач новой концепции следует отметить появление таких, как борьба с международным терроризмом и религиозным экстремизмом. Примечательно, что впервые в истории страны в подготовке концепции национальной безопасности наряду с военными принимали участие и представители гражданского политического истеблишмента.

На этом фоне заметно усилились позиции курдских националистов на Юго-востоке, где Народно-демократическая партия, постоянно меняющая свое название перед очередными муниципальными выборами, имеет весомую поддержку местного электората. На выборах в 2004 г. она уже выступала под именем Социальной народной партии (СНП).

Немаловажным фактором, повлиявшим на ход политических реформ в стране, стало, как уже отмечалось, постепенное дистанцирование нового руководства страны от Соединенных Штатов и большее

сближение позиций по ряду политических вопросов с Европейским союзом. Согласно опросам, проведенным в стране, большинство турецких курдов активно поддерживает вступление Турции в ЕС. В процессе осуществления реформ, требуемых Евросоюзом, Турция постепенно должна превратиться в мультикультурное демократическое сообщество турок и курдов. Однако это, как уже отмечалось, противоречит самой концепции национальной безопасности страны и является камнем преткновения для консерваторов и демократов.

Крайне недопустимым, с точки зрения интересов Турции, по мнению турецких националистов и армейского генералитета, является возможное создание на севере Ирака курдского государства. Независимый Курдистан, в случае дальнейшего развития центробежных тенденций в Ираке, будет национальным образованием, который, как считают многие в Турции, станет своеобразным центром притяжения для многих курдов, проживающих за рубежом, в том числе и в Турции. Это состояние, по мнению части руководства Турции, подрывает национальный дух нации и станет дополнительным стимулом подъема курдского национального самосознания, что в условиях нацигосударства, которым является Турция, считается неприемлемым. В то же самое время турецкие националисты заявляют о «грубом нарушении прав этнических туркоманов в провинциях Мосул, Киркук и Эрбиль» в Северном Ираке¹. Проблема обеспечения прав иракских туркоманов, проживающих на севере Ирака, была взята на вооружение Турцией для форсирования своего участия в иракском обустройстве, от чего Анкара была фактически отстранена после американского вторжения. Однако проблема этнических турок, которые составляют не более 7% населения Ирака, а в самом районе их компактного проживания – около 20% населения, оказалась недостаточно актуальной для того, чтобы Турция могла активно участвовать в решении иракской проблемы.

В то же время руководство самой иракской автономии четко осознает опасность этнического партикуляризма иракских туркоманов и всячески старается вовлечь их в управление делами Ирака. Иракские туркоманы представлены в парламенте страны, а силы полиции в районах компактного их проживания – а это в основном район Киркука – формируются как из представителей курдов, так и из представителей туркоманов.

В нынешних условиях процесс интернационализации курдского вопроса в Турции напрямую связан с событиями в соседнем Ираке. Правительственные и военные круги Турции видели и видят объективную угрозу существования у своих границ не только независимого Курдистана, но и курдской автономии в составе федеративного Ирака. Эти опасения исходят, в первую очередь, от армейского генералитета, который продолжает оказывать влияние на политическую жизнь страны. Связаны эти опасения с тем, что общая политическая ситуа-

ция на юго-востоке Турции, где компактно проживают курды, остается крайне нестабильной, может вылиться в политический кризис, который, при неблагоприятных внешнеполитических обстоятельствах, может привести к отторжению курдских областей от Турции. Развитие по такому сценарию рассматривается как прямая угроза территориальной целостности Турции. Турецкая армия, несмотря на тот факт, что положение об ее особом статусе в турецком обществе изъято из конституции, продолжает оставаться гарантом конституционного строя и закона о нерушимости национальных границ – так называемого Национального обета Турции. То, что создание Курдистана идет при активной поддержке США, также сказывается неблагоприятно на турецко-американских отношениях. В самой армейской среде давно вызревают антиамериканские настроения, все чаще высказываются мысли о необходимости осуществления независимого внешнеполитического курса. А тот факт, что Турция не предоставила свою территорию войскам антисаадамовской коалиции явился самым большим вопросом в турецко-американских отношениях последних лет.

Весь 2003 год Вашингтон был крайне озабочен нежеланием Великого Национального Собрания Турции предоставить территорию страны для американских войск. Поскольку расчеты на Турцию, как на своего верного союзника, не оправдались, США были вынуждены отложить дату начала военной операции и пересмотреть путь переброски войск в Ирак. Так, в марте 2003 г. правительству Турции не удалось добиться согласия парламента на использование турецкой территории американскими войсками во время операции в Ираке. Большинство населения страны не поддержало войны в Ираке и резко выступило против отправки туда войск. С самого начала операции в Ираке Турцией все же был введен небольшой контингент в приграничные районы с целью, как было заявлено, противодействия возможному потоку беженцев на территорию Турции.

Как уже отмечалось, с точки зрения руководства и, в первую очередь, генералитета, создание федерации или независимого курдского государства представляет опасность эскалации сепаратистских тенденций в среде турецких курдов. Особую обеспокоенность военных вызывает сосредоточенные в Северном Ираке боевики РПК. Их численность на территории Северного Ирака, по разным оценкам, составляет от трех с половиной до пяти тысяч человек. Независимый Курдистан, по мнению турецких властей, вряд ли будет в состоянии успешно бороться с боевиками РПК (апочистами) на своей территории, тем более, что нынешний президент Ирака Джалал Талабани нередко высказывался за легализацию Рабочей партии Курдистана и превращению ее в сугубо политическую силу.

Однако есть и другое мнение. В случае вступления Турции в ЕС существование под боком Турции стабильного независимого курдского государства, по мнению некоторых экспертов, не скажется на ее

стабильности. Так, бывший функционер ЦРУ и автор книги о проблеме турецких курдов Грэхем Фуллер считает, что «поскольку дела в Ираке идут неважно, то рано или поздно независимый Курдистан встанет на повестку дня, и Турция вряд ли сможет помешать этому военными методами, поскольку в этом случае ей придется использовать в качестве союзников Иран и Сирию, что выглядит довольно странно»². Вместе с тем, отставной генерал вооруженных сил Турции Атилла Кылат высказался о том, что Турция не должна бояться независимого Курдистана у себя под боком. Если для турецких курдов «соседнее независимое государство может рассматриваться в качестве их «национального центра», то Турция должна сделать все, чтобы таким «национальным центром» для курдов Турции являлась сама Турция»³.

Нынешняя иракская курдская элита не отрицает того факта, что в случае провозглашения независимости Иракского Курдистана он станет политическим образованием, созданным при поддержке США. Соединенные Штаты, таким образом, объективно рассматриваются в качестве гаранта от возможных посягательств или военного давления со стороны Турции. Это отлично понимают и в самой Турции. По этой причине будущее Иракского Курдистана остается камнем предковения в отношениях между Анкарой и Вашингтоном, а также в отношениях с курдской автономией. Например, в 2003 г. Масуд Барзани заявил, что на основании его общения со многими государственными деятелями Турции он считает, что официальные круги Турции не против того, чтобы Курдистан существовал в рамках федеративного государства. На это сразу же последовала незамедлительная реакция министра иностранных дел Абдуллы Гюля, который заявил, что это не соответствует действительности, но сразу же заверил, что это никак не отразится на уважении прав народа Ирака на самоопределение.

Вообще, в нынешней дипломатической игре Турции с иракскими курдами присутствуют два аспекта, две козырные карты. Это «проблема» этнических туркоманов, проживающих в основном в районе Киркука, и проблема окопавшихся на территории Северного Ирака партизан РПК. Чисто внешне это – проблема только двусторонних отношений курдской администрации и Турции.

Отношения администрации курдской автономии и Турции были максимально накалены в октябре 2003 г., когда турецкий парламент принял решение о вводе войск в Ирак, который был выгоден как США, так и Турции. Войска антисаддамовской коалиции находились в Ираке уже полгода, и, как заявляли, впоследствии представители турецкой администрации, предложение о вводе войск исходило именно от США. Официально позиция Турции сводилась к тому, что таким образом туркам удастся положить конец вылазкам РПК с территории Ирака. Пресс-секретарь МИДа Турции Н.Тан отметил, что Турция совершенно не претендует на вмешательство во внутренние дела Киркука,

но она справедливо считает, что город должен принадлежать всему Ираку, а не только курдам и их политикам»⁴.

6 октября правительство Турции приняло официальное решение направить войска в Ирак. Министр юстиции Джемиль Чичек заявил, что турецкие военные будут находиться в Ираке в течении одного года: «Мы не собираемся там долго задерживаться. Что же касается численности турецкого контингента, этот вопрос находится в компетенции парламента»⁵. Во время обсуждения этого вопроса на заседании кабинета министров некоторые министры выразили озабоченность в связи с тем, что пока точно неизвестно будущее место дислокации турецких войск и статус турецких военнослужащих, а также остается неясной позиция США в отношении РПК. Кроме того, США не требовали эту услугу от Турции даром. Речь шла о предоставлении кредита в размере 8,5 млрд. долл., который смог бы покрыть дефицит бюджета страны, а также помочь Турции справиться с поразившим страну экономическим кризисом. Эта позиция была крайне сомнительной, она лишь подчеркивала стародавнюю истину о зависимости Турции от американского капитала.

Турция долгое время не торопилась на помощь американцам – население страны, как говорилось, с самого начала выступало против войны в Ираке, тем более, что она не была санкционирована ООН. Кроме того, Анкара требовала, чтобы США сначала «разобрались» с курдскими боевиками, а уже потом она обещала направить свои войска в Ирак. Узнав о том, что турецкий парламент проголосовал за отправку своих миротворцев в Ирак, США не скрывали своего удовлетворения. В этой связи Белый Дом и государственный департамент выпустили специальные пресс-релизы, где особо подчеркнули важность принятия такого решения турецкими законодателями. США выразили уверенность в том, что присутствие миротворцев из других стран будет способствовать скорейшей нормализации внутривнутриполитической обстановки в Ираке. Предполагалось, что число турецких военнослужащих в Ираке составит от 6 до 16 тыс. человек.

Официальный турецкий новостной сайт «Интернетхабер» так отзывается о решении парламента отправить турецких солдат в Ирак: «В первую очередь, это предотвратит создание в Ираке государства Курдистан. Кроме того, создадутся широкие возможности для развития туркмен в новосозданном Иракском государстве и автономии туркмен Ирака и Киркука»⁶. Но в рамках Ирака существует проблема Киркука, на который претендуют различные этнические группы страны, в том числе и поддерживаемые Турцией туркоманы. Практически всем туркам известно, что Мосульский вилайет (Северный Ирак), был включен в состав Национального обета Турции в двадцатые годы прошлого века, но под давлением западных государств, в первую очередь Англии, он был отдан под юрисдикцию английского протектората в Ираке. В среде турецких националистов нередко зву-

чат высказывания, что распад Ирака поставит вопрос о пересмотре соглашений 1926 г., в результате которых от Турции были отторгнуты богатейшие нефтяные месторождения Мосула. Такая постановка проблемы не высказывалась официальными кругами Турции, однако интерес Турции к ним был налицо: это и активная поддержка туркоманского населения этого района, а также жесткое условие Турции, что Киркук ни в коем случае не должен становиться административным центром автономии.

Помимо прочего, необходимость ввода войск мотивировалась тем, что, наряду с Америкой, Турция будет в равной степени контролировать формирование в Ираке нового государства. Этот шаг сыграет, якобы, большую роль в формировании в Ираке, являющемся ближним соседом Турции, демократического правительства. В целом, размещение в Ираке турецкой армии создаст почву для установления в этой стране «благополучного демократического режима». Официальная Анкара настаивала, что турки должны войти в область Салахэддин, тогда у них появится шанс разрешить проблему РПК, так как базы курдских партизан находятся именно здесь. Такая постановка вопроса не устраивала США, которые хотели, чтобы и турецкая армия взяла на себя бремя обеспечения спокойствия в наиболее взрывоопасном регионе Ирака. Здесь стоит привести слова министра обороны США Доналда Рамсфелда о том, что «некоторые требования турецких властей нас не устраивают», но «все равно Вашингтон не собирается отходить от первичной тактики отправки турецких солдат в Ирак»⁷.

При этом отметим, что «Хуррийет», в частности, высказываясь о финансировании турецкого контингента в Ираке, полагает, что в течение года на его содержание потребуется, как минимум, 54 млн. долл. Газета проводит аналогию с Афганистаном, где за три месяца 1,5 тыс. военнослужащим выделено 28 млн. долл.⁸

Легальные курдские политические партии решительно против ввода турецких сил в Ирак. 6 октября генеральный секретарь единственной в Турции легальной курдской партии ДЕНАР Тунджай Бакырхан заявил, что «из-за кредита на сумму 8,5 млрд. долл., правительство отправляет турок и курдов на явную смерть»⁹. По его словам, его партия требует мира, и нынешние власти Турции до тех пор пока не решены внутренние острые проблемы страны, в первую очередь курдский вопрос, не должны были давать «добро» на отправку солдат в Ирак. «Вот уже год как исламисты находятся у власти, но проблемы безработицы, прав человека и курдский вопрос так и не нашли своего решения», – добавил Бакырхан.

Против ввода войск в Ирак высказались и иракские курды, и переходное правительство страны. Они заявили, что до конца останутся при своем мнении о недопустимости вмешательства турок в дела страны. Впрочем, и турецкое правительство тоже очень хо-

рошо понимало, что турецких солдат в Ирак не допустят. Представили Патриотического союза Курдистана открыто дали понять, что турецкие войска не получают допуска для дислокации в Мосуле и Киркуке. Чтобы избежать столкновений между курдами и тюркоязычным населением, силы безопасности городов в Ираке были сформированы в смешанном порядке – из курдов и, отчасти, местных тюрок (туркоманов).

США также стремились сделать политические уступки для обеспечения ввода войск Турции. Таковой стала позиция Соединенных Штатов в отношении РПК. Апочисты всячески декларировали свою покорность американцам и не сделали ничего, что противоречило бы их интересам в регионе. Осман Оджалан, нынешний лидер РПК, в интервью английской газете «Гардиан», корреспондент которой встретился с ним в Кандильских горах, заявил: «США не допустят военные операции Турции против курдов. Наши контакты с американскими представителями и по сей день продолжаются»¹⁰.

В Турции же были уверены, что США ведут двойную игру: с одной стороны, дают добро на борьбу с РПК, а с другой, – продолжают помогать курдским партизанам. По мнению газеты «Стар», официальные представители администрации США делают все для того, чтобы члены запрещенной в Турции РПК, получив паспорта граждан Ирака, переместились вглубь этой страны. По их мнению, большинство членов ЦК РПК, уже получили с помощью американцев иракское гражданство.

Американские эксперты справедливо отмечают непредсказуемость позиции Турции в случае провозглашения независимого Курдистана. В этой связи они стараются найти точки соприкосновения с турецкой стороной по животрепещущим проблемам ближневосточного урегулирования. Руководство Соединенных Штатов всячески декларирует, что оно находится на одной стороне с Турцией в деле отношений к апочистам. В начале 2004 г. американцы официально внесли РПК в список террористических организаций. Были достигнуты договоренности по обеспечению безопасности на границе Ирака. И хотя речь не идет об открытии американцами второго фронта против апочистов, они декларативно заявляют о совместной борьбе по пресечению ее деятельности в приграничных районах. По раздобытым газетой «Миллийет» от американских и турецких официальных источников сведениям, план состоит из пяти статей:

- США поддержат попытки Турции внести РПК в «черный список» Евросоюза;

- Турция обратится в Евросоюз с тем, чтобы запретить в этих странах деятельность структур, связанных с РПК, и закрыть их финансовые источники. Чтобы предпринимаемые шаги возымели успех, США окажут давление на Евросоюз;

- США будут решительно пресекать в Северном Ираке деятельность РПК в плане сбора финансовых средств у населения и контрабанды;

– США окажут давление на эту организацию с тем, чтобы ее члены воспользовались амнистией, объявленной турецкими властями, и вернулись к мирной жизни;

– при необходимости стороны осуществят совместные военные операции по очистке Северного Ирака от террористических отрядов РПК.

Под давлением Евросоюза в 2003 г. Турция объявила всеобщую амнистию РПК при условии гарантий возвращения боевиков к мирной жизни. Но при этом политические требования РПК не рассматривались принципиально. РПК на это, естественно, не согласилась и разоружаться не стала. К тому же большинству партизан просто некуда возвращаться: апочисты рекрутировались в основном из среды деревенских жителей, а многие деревни на Юго-востоке страны были разрушены в ходе военных операций в конце девяностых. Боевики так и остались в горах, а руководство партии стремилось всеми силами заручиться поддержкой американской администрации в Ираке, которая, как представляется, не очень-то и спешила бросать свои силы на борьбу с апочистами, тем более что последние всячески старались ничем не раздражать американцев.

В конце концов, Турция не решилась направлять свои войска в Ирак. Во многом решающую роль сыграла жесткая позиция иракской автономии, а также недовольство населения Турции такой перспективой. 19 ноября в Турцию прибыл Джалал Талабани. Он был принят на высшем уровне. Одним из главных вопросов, обсуждавшихся на встрече Талабани с премьером Турции Тайипом Эрдоганом, была проблема РПК, свободно действующей в северных районах Ирака. Талабани сказал, что он также обеспокоен деятельностью РПК в Ираке и «не допустит, чтобы курдские террористы пытались хозяйничать»¹¹.

Со своей стороны Талабани предложил Анкаре амнистировать всех членов РПК, оставшихся в Ираке. Министр иностранных дел временного правительства Ирака Хошяр Зибари, участвовавший во встрече, поблагодарил Турцию за то, что она не направила свои войска в Ирак. «Вы предотвратили вражду между нами. Мы с самого начала не хотели видеть в Ираке посторонних сил», – сказал Зибари. Выступая в эфире телеканала НТВ, Джалал Талабани предложил объявить амнистию в отношении всех членов возглавляемой находящимся в тюрьме Абдуллой Оджаланом РПК. «Одна ветвь РПК выступает за политическую борьбу, а другая поддерживает силовой метод борьбы. Эта группа находится в меньшинстве. Но есть еще третья группа, выступающая за мирное решение всех существующих проблем», – сказал Талабани. По словам курдского лидера, назрело время для изменения позиции официальной Анкары в отношении РПК, и лучшим методом является всеобщая амнистия, которая позволит всем ее функционерам, настроенным мирно, вернуться домой и влиться в мирную жизнь.

В начале 2004 г. в ряде турецких газет были распространены сведения, что после консультаций с представителями Пентагона и членами

Иракского временного правительства находящиеся на севере Ирака вооруженные формирования РПК сдали оружие, и теперь можно ожидать, что курдские партизаны начнут цивилизованную борьбу за свои права. Для этой цели многие руководители РПК выдвинули свои кандидатуры на выборах в Ираке и Турции. Газеты сообщали, что руководство РПК отравило в одну из газет письмо, в котором говорится, что члены организации разоружены, но не получили от временного иракского правительства никаких предложений вернуться из Ирака в Турцию.

По сведениям газеты «Миллиет», для обсуждения курдской проблемы в турецко-американских отношениях в Государственном департаменте США состоялись закрытые слушания, в которых участвовали такие эксперты как Генри Баркли, Стивен Кук, Алан Маковски, Хакан Явуз и еще около 20 высокопоставленных чиновников. В частности, по мнению американских экспертов, турецкие военные негативно воспримут любое изменение в устройстве Ирака, особенно, если это касается курдов. По мнению некоторых экспертов, правящая партия Справедливости и Развития в принципе не против создания курдской автономии, но вынуждена делать заявления против этого из-за давления со стороны военных кругов и Совета национальной безопасности.

На протяжении всего 2004 г. курдская проблема была основным вопросом турецко-американского диалога. Анкара требовала от Вашингтона решительных действий против отрядов РПК, базирующихся на территории северного Ирака. Министр иностранных дел Турции Абдуллах Гюль, регулярно посещающий Вашингтон, отмечал в своих заявлениях, что на территории Северного Ирака находится свыше 5 тыс. турецких курдов, среди которых есть террористы, скрывающиеся от турецких властей. Анкара открыто заявляла, что ближневосточная политика Вашингтона ведет к угрозе курдского сепаратизма, и если она не будет пересмотрена, то Ближний Восток столкнется с непреодолимыми трудностями. Премьер-министр Реджеп Эрдоган неоднократно настаивал на том, что США должны пересмотреть свое отношение к курдскому вопросу и объединиться с Турцией в борьбе с апочистами. Руководство страны указывало на случаи нападения боевиков РПК на турецких военнослужащих и на бездеятельность американцев в этих вопросах. Совершенно не устраивает Турцию и то, что американцы стали регулярно проводить встречи с руководителями РПК, о результатах которых не считают своим долгом информировать Анкару. Например, такие переговоры состоялись 28 декабря 2003 г. в Кала Диге, расположенном недалеко от Эрбиля. Как сообщалось, на встрече с членами РПК представители США обсудили политическую ситуацию в Ираке и перспективы ближневосточной обстановки в целом. Наряду с этим в Турции с начала 2004 г. стали отмечать рост активности боевиков РПК на востоке страны, что многие турецкие политики склонны связывать с деятельностью США в этом регионе. Правда, в начале 2004 г. Вашингтон внес РПК в список террористических организаций, о чем было заявлено главой американской администрации

в Ираке П.Бремером. Согласно его заявлению, «члены партии укрывают среди курдского населения Ирака террористов, а терроризм в обновленном Ираке следует искоренить»¹².

Учитывая все вышесказанное, можно сделать следующий вывод. Ввод американских войск в Ирак в 2003 году резко изменил баланс сил на всем пространстве этнического Курдистана. В первую очередь, это касалось изменения стратегических установок РПК, которая до сих пор пользуется поддержкой у населения Юго-востока Турции. Однако объективно начавшиеся процессы создания курдской государственности на севере Ирака привели к возрастанию роли и влияния политических партий этой страны в лице Патриотического союза Курдистана и Демократической партии Курдистана, в том числе и среди курдов юго-восточных провинций Турции. Вступление в игру США как важного стратегического союзника иракских курдов, вынудило и сторонников Абдуллы Оджалана действовать осторожно, не раздражая американцев. Однако их позиция осложнялась отнесением их структуры к числу террористических организаций. Не исключено, что именно поэтому руководство РПК старается в настоящий момент всячески дистанцироваться от своего «революционного прошлого» и представить РПК органичной политической силой, действующей в курдском этнопространстве. Факт захвата и осуждения на пожизненное заключение Абдуллы Оджалана изменил существовавшую расстановку сил в курдском повстанческом движении. Если раньше, несмотря на всю одиозность фигуры Оджалана, партия, находившаяся под жестким контролем своего лидера, представляла единое целое, то после потери своего лидера РПК могла бы элементарно распасться на отдельные группы, которые имели бы серьезные противоречия как по способам ведения борьбы, так и противоречия чисто идеологического порядка.

Тем не менее, нельзя отрицать тот факт, что для многих курдов не только Турции, но и проживающих за рубежом фигура Абдуллы Оджалана приобретает харизматические черты мученика и борца за свободу курдов. Теперь с помощью Оджалана власти Турции стремятся сделать подконтрольными наиболее радикальные курдские группировки, к которым относится как сама РПК, так и ряд связанных с нею групп. Захват Оджалана вызвал определенную дезинтеграцию в среде курдских активистов. Достаточно сказать, что, если раньше РПК проводила свои очередные съезды в среднем раз в пять лет, то, начиная с 1999 г., таких съездов было проведено уже три, и в результате каждого из них внутри РПК происходили сложные организационные изменения. Напомним, что в августе 1999 г., находясь уже в тюрьме, Оджалан выступил с мирными инициативами, суть которых сводилась к полному отказу РПК от вооруженных методов борьбы и перенесения ее деятельности в политическую сферу. В январе 2000 г. съезд РПК принял резолюцию Оджалана, а в апреле 2003 г., на восьмом по счету своем съезде партия была переименована в Кон-

гресс свободы и независимости Курдистана, (КАДЕК) (с конца 2003 г. — «Конгра Гель»), тем самым подчеркнув изменившийся статус партии. Примечательно, что в турецкой прессе на это событие не отреагировали практически никак, и до сих пор эта организация именуется в масс-медиа как и раньше — Рабочая партия Курдистана.

Фоновыми событиями, при которых партия решила смену названия, безусловно, стали события в Ираке, когда апочисты почувствовали реальную возможность сменить свой статус «революционных борцов» и перейти в реальную политику. Однако на последнем съезде было заявлено, что партия не может полностью отказаться от вооруженных методов самозащиты и будет действовать вооруженными методами только в целях самообороны, но основное внимание сосредоточит на претворении в жизнь мирных инициатив Оджалана.

2003 год характеризовался поиском апочистами новых идеологических ориентиров, которые помогли бы им сплотить вокруг себя как можно больше сторонников. Одну из основных задач они видели в популяризации личности Оджалана, а также в распространении его взглядов, публикации его книг. Лидер, хотя и находящийся в заключении, мог стать теперь своеобразным объединяющим фактором для курдских активистов. Так, на Седьмом съезде партии было даже принято решение о выделении крупных средств на изучение работ Оджалана и их публикацию в Европе. Парадоксально, но подобная ситуация выгодна и официальным кругам Турции, которые хотя и считают функционеров РПК террористами, крайне не заинтересованы в том, чтобы организация распалась на ряд независимых друг от друга групп, которые будет очень сложно контролировать. Поэтому, несмотря на отчаянные заявления официальной Анкары о том, что власти никогда не пойдут на контакт с апочистами, нельзя полностью отказаться от допущения того, что в правительстве имеется ряд ответственных лиц, курирующих «курдское направление» и отвечающих за поддержание неформальных, и, по-видимому, засекреченных контактов с апочистами. Подобные контакты крайне важны в деле борьбы с радикализацией курдского движения, и правительство Турции, имея в руках такой козырь, как плененный Оджалан, вряд ли не воспользовалась бы такой возможностью. История показывает, что спецслужбы разных стран тесно связаны и сотрудничают с террористами, желая использовать их в своих целях. Потому что чаще всего, оказавшись никому не нужными, многие из этих организаций выходят из-под контроля и самостоятельно создают, но уже полностью подчиняющуюся им самим, «индустрию насилия».

Примечательно, что в Турции кое-где уже можно свободно купить книги Оджалана, а спецслужбы Турции, по-видимому, не спешат закрывать Интернет-сайт лидера РПК, где на восьми языках изложена его очередная политическая платформа. Следуя указаниям находящегося в заключении на острове Имралы Абдуллы Оджалана, РПК

декларирует отказ от вооруженной борьбы и сосредоточение своей деятельности на политической агитации.

Так, в марте 2004 г. по инициативе Оджалана был создан специальный комитет по разработке новой идеологической программы курдского движения, в которой учитывались бы современные реалии. Военная операция в Ираке смешала идеологические ориентиры апочистов. Идущее полным ходом создание первой курдской государственности является мощным объединяющим фактором всех курдов, как Турции, так и Ирака. Причем это – стратегия чисто идеологического порядка, подрывающая формулу национального единства турок, являясь ее дезинтеграционным элементом. Именно идейная составляющая возможной курдской государственности является самым опасным вызовом для стабильности страны. Но эта идейная составляющая сосредоточена теперь не на Оджалане и его партии, не на его лозунгах, программах и политических заявлениях, а на имеющей место, фактической реализации национальной государственности курдов.

Каковы должны быть теперь идеологические ориентиры РПК? Существенным моментом является то, что теперь РПК провозгласила не только отказ от создания независимого государства, но и отказ от принципа национализма вообще, поставив во главу угла новый сформулированный ее идеологами в конце 2004 г. принцип «демократического федерализма», призванный объединить все части этнического Курдистана в некоем надгосударственном виртуальном объединении. РПК старается всеми силами не только реформировать свои идеологические установки, но всячески поддерживать свое имя на слуху у мировой общественности. Такая стратегия заставляет руководство РПК делать громкие заявления о продолжении борьбы и прекращении перемирия с властями, объявленного после поимки Оджалана. Так, в сентябре 2003 г. руководство РПК-КАДЕК объявило о прекращении объявленного четыре года назад перемирия и возобновлении боевых действий на юго-востоке страны. Формальной причиной для расторжения перемирия послужила несговорчивость турецких властей в деле политического диалога с апочистами. Было очевидно, что партия не смогла добиться политической легитимности и таким образом за четыре года бездействия могла потерять свой авторитет и вес в среде курдов на юго-востоке.

Вместе с тем, нельзя исключать вероятности того, что такой шаг не был заранее согласованным с американцами или даже (учитывая возможные неофициальные контакты спецслужб) с самой Анкарой. Именно в этот период в Турции полным ходом шло обсуждение возможности ввода в Ирак турецкого военного контингента, и отказ РПК от перемирия был выгоден, с одной стороны, США, которые стремились к тому, чтобы армия Турции пришла к ним на помощь в Ирак, пусть даже под предлогом борьбы с апочистами в горах Северного Ирака, а с другой, и самой Турции, которая, введя войска в Ирак, ока-

зала бы давление на курдскую администрацию и предотвратила создание независимого Курдистана. Косвенно это подтверждается тем, что после объявления перемирия апочисты так и не смогли продемонстрировать то, что держат Юго-восток полностью под своим контролем, сосредоточив свои действия на единичных стычках с военными и акциях саботажа.

В августе 2005 г. во время поездки в Диярбакыр премьер Эрдоган официально признал существование в Турции курдского вопроса. Этот был довольно смелый, но в то же время крайне важный шаг. До этого в Турции долгое время, признавали и факт существования в стране курдского народа, и проблему терроризма в стране, и (по словам премьера Демиреля) существование «курдской реальности», но собственно курдским вопросом эта проблема никогда не называлась. Следует отметить, что этот шаг Эрдогана был крайне негативно встречен националистически настроенным истеблишментом Турции. Его обвиняли в заигрывании с курдскими националистами, а в ноябре этого же года в ряде населенных пунктов Юго-Востока, произошли провокации и были подожжены принадлежащие курдам магазины, что вызвало многочисленные демонстрации курдов, в том числе и под флагами РПК. Основным противником диалога с курдскими националистами остаются сторонники партии националистического действия, а также находящаяся под их крылом организация «Серые волки». По неофициальной информации, именно они были причастны к так называемым загадочным убийствам курдских активистов и интеллигенции в середине 90-х годов.

Турецкие националисты настаивают на недопустимости изменения националистических постулатов Ататюрка и признания существования в стране «курдского вопроса», что неминуемо приведет страну к хаосу и развалу. По словам заместителя председателя Партии националистического движения (ПНД) Мехмета Экиджи, курдская партия ХАДЕП «является ни чем иным, как шовинистической партией»¹³.

Главной задачей для Турции остается создание образа демократического сосуществования партий различных взглядов, в том числе и националистического толка. В декабре 2004 г. из тюрьмы была освобождена известная курдская правозащитница Лейла Зана, а также бывшие члены и создатели прокурдской Демократической народной партии, такие как Хатип Диджле, Ахмет Тюрк и другие курдские активисты, осужденные 10 лет назад за пропаганду курдского национализма.

После событий 10-летней давности имя Лейлы Заны стало широко известно в Европе. Она была первым парламентарием в Турции, которая произнесла клятву верности на курдском языке и была за это заключена в тюрьму. В октябре 2004 г. Зане была вручена премия им. Академика Сахарова, присвоенная ей еще в середине девяностых. Сразу после выхода из тюрьмы Лейле Зане и ее соратникам по Демократической партии был дан зеленый свет на создание нового поли-

тического движения. В декабре 2004 г. ими было объявлено о создании новой политической партии – Народно-демократического движения. На учредительном съезде было отмечено, что новое политическое движение не является оппозиционным существующим легальным политическим партиям страны, а как раз наоборот, будет вести вместе с ними политическую борьбу рука об руку.

Возглавляемое Заной новое Народно-демократическое движение, так же, как и представители Демократической народной партии ДЕХАП заявляют о противодействии сепаратизму и выступают за сохранение территориальной целостности Турции. В декабре 2004 г. 50 тыс. демонстрантов собрались в Диярбакыре для проведения акции в поддержку приема Турции в ЕС. Акция проходила под лозунгом «Разнообразие – да, сепаратизму – нет». Бывшие члены курдской Демократической партии вновь начали активно вести политическую деятельность и выступать против политики, проводимой турецкими властями. В своих заявлениях они рекомендуют ЕС «настойчивее требовать от Турции соблюдения выдвинутых ей условий и обращать внимание на реальные шаги турецкого правительства по отношению к курдскому вопросу, и лишь затем принимать столь ответственное решение».

В общих чертах в стране имеются разнополярные взгляды на будущее курдское государство под боком у Турции. Резко противится этому армейский генералитет, консерваторы и турецкие националисты. Их опасения только подкрепляются неспокойной ситуацией на юго-востоке, где в конце 2005 г. и в начале 2006 г. произошли крупные выступления курдских активистов, а также были спровоцированы беспорядки.

Власти курдской автономии всячески стараются поддерживать дружественные отношения с Турцией, но при этом позиция последней в отношении курдской государственности остается непреклонной. Однако шансов реально воздействовать на процесс формирования курдской государственности у Турции остается все меньше.

Н.З.Мосаки

ЮЖНЫЙ (ИРАКСКИЙ) КУРДИСТАН КАК ВАЖНЕЙШИЙ ФАКТОР СТАБИЛИЗАЦИИ ИРАКА

В результате свержения американцами С.Хусейна и баасистского режима Ирак (за исключением Южного Курдистана) фактически оказался ввергнут в гражданскую войну. В стране фактически была парализована вся система управления и безопасности, возник вакуум власти, резко активизировались экстремистские силы. Курдистан оказался островком стабильности и безопасности в Ираке. Казалось, в этой ситуации власти Южного Курдистана как раз воспользуются для реализации своих ирредентистских стремлений. Однако фактически власти Южного Курдистана стали важной стабилизирующей силой нового Ирака. При этом властям Южного Курдистана приходилось действовать в весьма сложных военно-политических условиях.

В преддверии военной операции США в отношении Ирака Анкара пыталась использовать сложную военно-политическую обстановку в регионе для реализации своих внешнеполитических целей. Турция хотела использовать некоторую неясность итогов предстоящей военной кампании для военной интервенции в Южный Курдистан и создания хаоса в Курдистане. Турки пытались обусловить свое разрешение на использование турецкой территории американцами для переброски войск в Южный Курдистан возможностью ввести туда свои войска. Турецкие власти думали склонить американцев согласиться с введением турецких войск в Южный Курдистан и при необходимости оказать на курдов давление в этом вопросе. Турки считали, что в результате военной операции США против С.Хусейна, иракские власти могут не только оказать жесткое сопротивление, но и организовать атаку (возможно, и химическую, против союзников американцев – курдов), что могло вызвать панику в Курдистане и, соответственно, значительно увеличить приток курдских беженцев, как в 1991 г. В случае осуществления подобного сценария, это может создать сложную обстановку на Юго-Востоке Турции (т.е. в Турецком Курдистане). Поэтому турецкие власти неоднократно заявляли о необходимости ввести в Северный Ирак войска «для обеспечения безопасности и предотвращения гуманитарной катастрофы». Кроме того, Турция заявляла, что введет свои войска в Северный Ирак, если курды, пользуясь безвластием в Багдаде, решат «оккупировать Мосул и Киркук».

¹ *Cakır R. Türkiye'nin Kürt Sorunu. İst. 2004, с. 73.*

² Там же, с. 117.

³ Там же, с. 51.

⁴ *Turkish Daily News, 17.02.05.*

⁵ Там же, 08.10.2003.

⁶ Там же.

⁷ *Hürriyet, 28.10.2003.*

⁸ Там же.

⁹ *Turkish Daily News, 12.10.2003.*

¹⁰ *The Guardian, 14.11.2003.*

¹¹ *Cakır R. Türkiye'nin Kürt Sorunu. İst. 2004, 21.11.2003.*

¹² *Hürriyet, 12.01.2004.*

¹³ *Cakır R. Türkiye'nin Kürt Sorunu. İst. 2004, с. 73.*

Курды всячески отвергали возможность введения в Южный Курдистан турецких войск, понимая, что подобное развитие событий приведет к хаосу в регионе, и гарантировали полную стабильность в Южном Курдистане. Осложнение турецко-южнокурдистанских отношений вызывало озабоченность Соединенных Штатов, которые предполагали, что Турция и Южный Курдистан станут важнейшими союзниками при осуществлении военной операции против баасистских властей Ирака.

5 февраля 2003 г. глава Регионального правительства Курдистана (РегПК) в Эрбиле Нечирван Барзани и председатель Патриотического союза Курдистана (ПСК) Джалал Талабани при посредничестве спецпредставителя президента США Залмая Халилзада провели в Анкаре переговоры с высокопоставленными чиновниками МИД и Генштаба Турции. С курдской стороны первую скрипку играл премьер-министр Регионального правительства Курдистана в Эрбиле Нечирван Барзани, который был подробно проинструктирован Масудом Барзани о необходимости жесткого отстаивания интересов и позиции курдов. Джалал Талабани был включен ради единства курдской позиции, а также в качестве авторитетного политического деятеля.

По имеющимся данным, на переговорах обсуждался весь спектр проблем военно-политической безопасности в регионе, особенно, в южнокурдистанском регионе. Основными вопросами на переговорах были проблемы возможной турецкой интервенции и судьба Мосула и Киркука.

Турки прекрасно знали позицию властей Южного Курдистана. Лидер ДПК Масуд Барзани и РегПК в Эрбиле не раз заявляли о том, что не допустят вторжения турок в Южный Курдистан ни при каких обстоятельствах. Однако на переговорах с Нечирваном Барзани и Джалалом Талабани все-таки пытались поднять этот вопрос.

Во время переговоров, когда стало ясно, что турецкая сторона не принимает никаких аргументов и гарантий курдской стороны для обеспечения стабильности в Южном Курдистане собственными силами, и турецкий генерал Яшар Буюканит в пылу спора заявил о возможной войне между Турцией и курдами, Нечирван Барзани отметил, что чему быть, того не миновать, но турки должны понимать, что курды будут воевать против них не в Захо и Эрбиле, а в Диярбакире и Анкаре. Турецкая сторона от подобного заявления курдского премьера была в шоке. Весьма удивился этому заявлению и Джалал Талабани, сказав Нечирвану Барзани: «Мы должны вести переговоры более мягко. Мы заявим о нашей позиции, что нельзя, чтобы они (турки. – Н.М.) вошли [в Южный Курдистан], но нет необходимости разговаривать с ними столь жестко»¹.

Однако именно в такой жесткой защите курдской позиции в Анкаре была необходимость в те сложные для курдов дни. Курдские лидеры понимали, что турецкая интервенция может создать в Курди-

стане и Ираке такой хаос, который может опять на несколько лет отбросить курдов назад. Нечирван Барзани был вынужден пойти на беспрецедентный шаг – угрожать в Анкаре турецким генералам.

Курды понимали, что, если турецкие войска вместе с американцами войдут в Южный Курдистан, они сами никогда не уйдут оттуда. Кроме того, иракские курды хорошо помнили, что, войдя на территорию Южного Курдистана во время конфликта с Рабочей партией Курдистана (РПК), турецкие войска остались в некоторых стратегически важных местах на территории Южного Курдистана – в Канимасы и Бамерни. Во время конфликта между ДПК и ПСК турецкие военные силы в рамках «миротворческих» сил РМФ (Peace Monitoring Force) были введены в Эрбиль и с тех пор, несмотря на урегулирование конфликта, отказывались уходить из Эрбиля.

В итоге, курдская и турецкая сторона договорились о следующем: ни Турция, ни курдские силы не войдут в Мосул и Киркук в случае войны; безопасность этих районов обеспечат США; если курды будут претендовать на эти районы, Турция имеет право ввести войска. Фактически последний пункт просто давал туркам возможность сохранить лицо. Они прекрасно понимали, что интервенцию в Курдистан они осуществить не смогут. Курды же, в свою очередь, гарантировали туркам, что проблему Киркука будут решать новые иракские власти.

19 марта 2003 г., т.е. перед самым началом военной кампании США против Ирака, в Анкаре при посредничестве спецпредставителя президента США Залмая Халилзада между Турцией и иракскими курдами было достигнуто соглашение, основными пунктами которого были очередные заверения курдов о том, что они не будут брать под контроль Киркук. Анкара, в свою очередь, обещала в этом случае не предпринимать вооруженной интервенции в Иракский Курдистан. Боязнь «непредсказуемых процессов в Северном Ираке» в немалой степени обусловила отказ Турции предоставить США право на размещение на территории Турции их 62-тысячного воинского контингента для открытия «северного фронта».

Хотя 10 апреля 2003 г., когда баасистский режим был уже фактически свергнут, курдские ополченцы (в основном это были бойцы ПСК) почти без сопротивления вошли в Киркук и Ханекин, они осуществляли в основном полицейские функции, пытаясь предотвратить мародерство и анархию. Вскоре курдские бойцы были выведены из Киркука и Ханекина, передав эти города американским военным.

Хотя для народа Южного Курдистана вопрос деарабизации Киркука являлся одной из основных проблем, требующих немедленного разрешения, власти Южного Курдистана при необходимости, ради сохранения согласия среди основных политических сил, неоднократно шли на уступки по указанному вопросу, соглашаясь на его перенос. При этом следует отметить, что на выборах в Киркуке курдский блок регулярно получал около 60% голосов.

На выборах, состоявшихся 30 января 2005 г., шииты получили 140 мест, а курдский блок «Альянс Курдистана» – 75 (впоследствии к нему присоединились два депутата от Исламской группы Курдистана), блок Аллауи – 40 мест, сунниты получили 17 мест. «Альянс Курдистана» являлся коалиционным списком двух крупнейших курдских партий – ДПК и ПСК, а также ряда других партий и деятелей. Первым номером в списке был лидер ПСК Джалал Талабани.

Полученные курдами 27–28% мест в иракской Национальной ассамблее превышали долю курдов в населении Ирака. Подобный результат был достигнут весьма высоким уровнем участия в выборах населения Иракского Курдистана, особенно на территории, контролируемой курдскими администрациями, и весьма низким уровнем участия в выборах арабов-суннитов, бойкотировавших выборы. Так, в суннитской провинции Анбар, которая считалась одной из цитаделей баасизма, в выборах участвовало лишь 2% имевших право голоса, в Салахэддине, где также преобладает суннитское население, – 29%, в Ниневии, где арабы-сунниты составляют относительное большинство (за ними следуют курды, а также ассирийцы), – 17%.

Иракские курды, как заявлял сразу же после выборов Х.Зибари, почувствовали, что могут стать «арбитрами» в политике Ирака², или, как еще говорили, «кингмейкерами», (kingmakers) и получить значительные выгоды от своей автономности.

Сразу после выборов представители курдов стали заявлять, что курды готовы поддерживать лишь ту силу, которая примет их требования по Киркуку, федерации и демократизации Ирака. Однако фактически курды всегда шли на компромисс со всеми политическими силами страны ради сохранения стабильности.

После поездки в начале марта 2005 г. лидера шиитского блока Ибрагима Аль-Джаафари в Курдистан курды сняли свои требования, решив не настаивать на немедленном выполнении положений 58-й статьи временной конституции (в которой говорилось о необходимости возвращения в Киркук изгнанных оттуда баасистским режимом граждан), чтобы не накалять обстановку, хотя и прекрасно понимали, что шииты всячески оттягивают решение этих проблемных узлов, так как принципиально не согласны с курдскими требованиями. Однако курдская сторона придерживалась позиции, что все проблемы должны решаться путем переговоров.

Ранее лидеры курдов настаивали на том, что вопрос Киркука должен быть решен в соответствии с 58-й статьей Временной конституции, т.е. чтобы судьба Киркука была решена на референдуме до принятия в конце 2005 г. конституции, то есть до того как Закон о временном управлении государством потеряет силу. Однако после выборов курды поняли нереальность осуществления таких требований. Они проявили готовность отложить решение вопроса Киркука в обмен на гарантию «широких полномочий северных районов Ирака в

рамках федерального государства». Кроме того, с проблемы Киркука курды переключились на переговоры по распределению портфелей в новом правительстве, в котором, помимо церемониального поста главы государства, обещанного Дж.Талабани, курды требовали посты руководителей трех ключевых министерств – внутренних дел, обороны и финансов, ни один из которых так и не получили.

После объявления результатов выборов перед новым парламентом встали две проблемы: сформировать правительство и подготовить конституцию.

Первая проблема с некоторым трудом, но все же относительно легко была решена: иракское правительство будет состоять из 37 человек: премьер-министра, четырех заместителей премьер-министра и 32 министров. Хотя первоначально предполагалось, что оно будет состоять из 25 министров. В связи с необходимостью распределения постов были созданы дополнительные министерства. Так, например, было создано министерство туризма, хотя туризма как отрасли в Ираке (за исключением Курдистана) в настоящее время нет и не может быть.

27 апреля 2005 г. Национальная ассамблея Ирака утвердила новое правительство. Премьер-министром Ирака стал представитель шиитского альянса Ибрагим Аль-Джаафари. Шиитский альянс получил 18 постов в правительстве, курдский блок – 8 постов, сунниты – 8 постов, туркоманы и ассирийцы – по 1 посту. Шииты, курды и сунниты получили посты вице-премьеров. Кроме того, по одному посту получили женщины – представительницы суннитов и христиан (ассирийцев). Примечательно, что имевшие в четыре раза больше мест в иракском парламенте курды согласились с тем, что в правительстве они получили такое же количество министерских постов, как и сунниты.

Более важным этапом в формировании властной структуры постбаасистского Ирака являлась подготовка конституции, которая могла «разорвать» страну. У шиитов и курдов, двух влиятельнейших сил постбаасистского Ирака, были радикально противоположные представления о будущем Ирака. «Курды настроены светски и проамерикански и считают западную демократию политической моделью для обустройства Ирака. Шииты хотят сделать ислам основным источником закона и, хотя утверждают, что не будут копировать иранскую религиозную модель власти, они явно смотрят на Иран как на друга и источник вдохновения», – писал П.Гэлбрейт³. Кроме того, основным противоречием виделась проблема уровня автономии Курдистана: курдам трудно смириться с полным подчинением Багдаду их общественной и политической жизни, в то же время любая власть в Ираке будет пытаться взять под контроль Курдистан.

10 мая 2005 г. Национальная ассамблея Ирака назвала 55 членов комитета по подготовке постоянной конституции страны. 28 из них представляли шиитов, 15 – курдов, 8 – блок Аллауи, 4 – иных фракций, в т.ч. 2 суннита. Состав комитета был сформирован исходя

из соотношения мест в иракском парламенте. Парламент страны к 15 августа должен был принять проект конституции и представить ее на общенациональный референдум до 15 октября 2005 г. А в декабре 2005 г. планировались выборы, по результатам которых должно было быть сформировано правительство сроком на пять лет. Однако в связи с недостаточным представительством суннитов в Национальной ассамблее и их важной ролью в иракской политике, суннитам было дано дополнительно 15 мест в комитете по подготовке конституции. Первоначально комитет по подготовке конституции был сформирован лишь из членов иракского парламента. При этом, после включения в него пятнадцати суннитов, не являющихся членами парламента, сунниты стали второй силой в комитете, имея на два места больше курдов. Примечательно, что *курды не только не противились выделению дополнительных мест в комитете по подготовке конституции суннитам, но и были инициаторами этого процесса. Курды считали, что в связи с тем, что сунниты являются важной политической силой в Ираке, лучше привлечь их к формированию новой конституции и таким образом обеспечить ей большую легитимность и вовлечь суннитов в политический процесс.*

Арабы считали, что федерализм приведет к разделу страны. Курды заявляли, что, напротив, федеративное устройство объединит страну. При этом курды для укрепления федерализма в Ираке пытались содействовать созданию и других, кроме Курдистана, крупных регионов, объединяющих несколько провинций, которые могли бы стать субъектами федерации. Время от времени шиитские руководители провозглашали различные проекты по объединению некоторых провинций и формированию новых регионов.

Проблема между курдами и арабами возникала и при определении административных границ Курдистана, полномочий регионального правительства Курдистана, распределения доходов между федеральным и региональным бюджетами. Арабы не соглашались с курдами и по поводу их требований иметь право формировать армию и подписывать соглашения с соседними странами, считая, что эти полномочия могут принадлежать лишь центральным властям. Кроме того, курды категорически выступали против упоминания в конституции Ирака в качестве части арабской нации, так как частью арабской нации, по мнению курдов, могло быть лишь арабское население Ирака, а не всего Ирака, значительную долю которого составляют курды, являющиеся частью курдской нации.

Поняв бесперспективность решения проблемы Киркука до новых выборов, курдская сторона согласилась отложить проблему Киркука.

Весь июль и август 2005 г. в Багдаде проходили интенсивные переговоры по проекту иракской конституции. С курдской стороны переговоры вел президент Курдистана Масуд Барзани, который провёл в августе три недели в иракской столице. В итоге, курдская сто-

рона добилась того, что в конституции были зафиксированы практически все требования курдов. Многие наблюдатели стали говорить о том, что курдская автономия приблизилась по статусу к независимому государству.

Основные споры разворачивались вокруг прав курдов, федерализме, роли ислама, раздела нефтяных ресурсов и других вопросов.

Примечательно, что желание американцев успеть к намеченному ими сроку принять конституцию, приводило к оказанию на курдов давления для того, чтобы подвинуть их к согласию с шиитами. Это не могло не вызывать недовольства курдов. При этом они заявляли, что одна группа (курды) желает принять конституцию XXI века, а другая (шииты) – конституцию XVII века. «К сожалению, Америка относится к этим группам одинаково. Они (американцы. – Н.М.) хотят просто подготовить проект вовремя». Особенно недовольны были курды давлением американцев уступить в вопросе раздела нефтяных ресурсов и права на самоопределение, а также роли ислама и шариата⁴. Что касается роли ислама, курды не выступали против признания ислама государственной религией, но против того, чтобы он стал единственной законодательной основой.

Новая иракская конституция стала значительным компромиссом иракского политического процесса.

Конституция предоставила Курдистану законодательные полномочия, право иметь 60 тыс. пешмерга, право распоряжаться всеми вновь открытыми месторождениями нефти и газа на своей территории. При этом конституция ограничивала эксклюзивные полномочия центрального правительства в Багдаде несколькими важными сферами, такими как денежное обращение, внешняя политика и оборона. Важным положением также было то, что новая конституция признала все решения, принятые Региональным правительством Курдистана с 1992 г.

Фактически новая конституция Ирака формально признала полунезависимый статус Курдистанского региона, которым он обладает с 1991 г.

Курды не получили никаких существенных новых полномочий, но они и ничего не потеряли из того, что имели.

Масуд Барзани оценивал уже согласованный проект конституции следующим образом: «Я не могу сказать, что текст отвечает всем ожиданиям курдов, но это компромисс между народом Курдистана и остальным Ираком»⁵. Весьма важным, по мнению Барзани, было указание во введении на добровольное единство страны, хотя требуемое курдами право на самоопределение в конституцию не вошло⁶.

Двумя уступками, которые сделали курды в ходе переговоров по конституции, были следующие. Курды отказались от пункта, который разрешал бы Курдистану при определенных обстоятельствах отделиться от Ирака. Курдские лидеры заявляли, что рассматривали это

положение конституции как чисто символическое. При этом, очевидно, что, выдвигая это предложение, курды понимали, что арабы ни при каких условиях не согласятся на включение в конституцию подобного пункта. Однако это предложение курдов было аргументировано и было предметом переговоров.

Второй важной уступкой было согласие курдов отложить решение проблемы Киркука. При этом курды все-таки добились указания конкретного срока, до истечения которого эта проблема должна быть решена, — до 31 декабря 2007 г.

В связи с тем, что вынесенный на референдум проект конституции Ирака являлся компромиссным, и курды были вынуждены пойти на ряд уступок, хотя и зафиксировав важные достижения, несмотря на официальную поддержку согласованного проекта конституции курдскими лидерами, курдское население участвовало в референдуме не так активно, как на выборах. Так, в Эрбиле в референдуме приняли участие около 75% избирателей, а в Сулеймании меньше, чем в Эрбиле. В Киркуке участвовало в референдуме лишь 40% избирателей.

Таким образом, несмотря на свои ирредентистские устремления, курды сыграли весьма важную роль в уравнивании в Ираке позиций различных политических сил, в частности, требования шиитского большинства. А отражение в конституции защиты прав человека и основных прав и свобод, в первую очередь, является заслугой курдов.

Курды выступали и выступают до сих пор в роли примирителей в шиитско-суннитских противоречиях в новом Ираке. А Курдистан стал одним из двух основных (наряду с Багдадом) переговорных центров Ирака. Так, после выборов, состоявшихся 15 декабря 2005 г., Курдистан стал местом политических консультаций всех политических сил Ирака. При этом, играя важную роль в ограничении шиитского блока в его стремлении к полному доминированию в Ираке и поддерживая в этом, в частности, суннитов, блок Аллауи, курдская сторона всячески избегает формирования некоего антишиитского альянса, понимая его пагубность с точки зрения политической стабильности в стране. Курды пытаются путем переговоров убедить крупнейшую политическую силу действовать на основании коалиционных интересов. При необходимости курды играют важную роль в пресечении попыток некоторых деятелей шиитского альянса сконцентрировать в своих руках единоличную власть. В частности, нежелание видеть премьером Ибрагима Аль-Джаафари привело к тому, что он был вынужден уступить это место Нури аль-Малики.

Понимая всю условность результатов выборов в Ираке (хотя и придавая им важное значение в деле осуществления демократических процедур) и хрупкость политической ситуации, курды являются сторонниками полного представления во властных структурах всех политических сил страны, нередко жертвуя даже своими мандатами во имя удовлетворения различных сторон.

Фактически курды являются сегодня единственной силой, планомерно продвигающей идею коалиционного правительства и коалиционной власти. При этом следует отметить, что курдские политические лидеры действовали в сложной внутривнутриполитической и международной обстановке. В частности, курдские переговорщики в Багдаде в чем-то действовали даже вопреки общественному мнению Южного Курдистана, настроенного на провозглашение независимости и считающего, что власти Южного Курдистана ошибочно включают регион в иракское правовое пространство⁷.

¹ См. по: Arif Zêrevan. Stratejîstê kurd bû serokê Kurdistanê. (*Ариф Зереван. Курдский стратег стал президентом Курдистана.*) // *Nefel.com*, 15.06.2003.

http://www.nefel.com/kolumnists/kolumnist_detail.asp?MemberNr=2&RubricNr=24&ArticleNr=227 (курд. яз.)

² *Financial Times*, 01.02.2005.

'Iraqi Kurds hold balance of power and can win autonomy'. // *TDN*, February 3, 2005.

³ См. статью известного политолога, бывшего посла США в Хорватии, ныне советника Масуда Барзани П.Гэлбрейта в *Los Angeles Times* от 14.04.2005.

⁴ *US pressures Kurds as new deadline on Iraq charter looms*. // *Peyamner.com*, 21 Aug. 2005.

Ellen Knickmeyer. Kurds slam US ambassador. // *Washington Post*, August 21, 2005.

⁵ *President Barzani Urges Kurds To Back Iraq Charter*. // *Arbil, Iraq*, Aug 29, 2005. (AFP).

⁶ *The constitution includes great achievements for the Kurds, Barzani says*. // *Peyamner.com*, 07 Sep 2005.

⁷ См. заявление депутата парламента Курдистана Нури Талабани: *Hewler Globe*, 24.01.2006. — № 41; а также руководителя секретариата президента Курдистана Масуда Барзани Фуада Хуссейна: *Despite chaotic situation spiral talks to continue*. // *Hewler Globe*, 28.03.2006. — № 50.

КУРДСКИЙ ФАКТОР И РЕГИОНАЛЬНАЯ СТАБИЛЬНОСТЬ

События 11 сентября 2001 г., взрыв башен-близнецов, стал переломным моментом в новейшей истории. Подобно тому, как историки делят новейшую историю на до и после Первой или Второй мировой войны, так и теперь жизнь четко разделилась на до и после 11 сентября. После этого трагического дня стали возможны такие действия, о которых нельзя было подумать буквально за день до взрывов. Зловещая тень международного терроризма пошатнула незыблемость принципа невмешательства во внутренние дела суверенного государства. Принципы демократии были отодвинуты на второй план в борьбе с террористической угрозой.

Борьба против международной террористической организации «Аль-Каида» и талибов в Афганистане, а затем и военная операция в Ираке являются доказательством того, что современному миру предстоит претерпеть значительные изменения.

Падение режима С.Хусейна имело большое значение не только для Ирака, но и для всего региона в целом. Иракский народ так жаждал свободы, что первый этап войны сил антисаддамавской коалиции, закончившийся свержением диктатора, был завершен молниеносно. Это событие дало шанс иракцам и надежду всем народам ближневосточного региона. После десятилетий диктатуры пришла долгожданная свобода.

Первые полгода отношения между иракцами и коалиционными силами были очень тесными и доброжелательными. Но со временем в результате действия многих факторов отношения постепенно стали ухудшаться. Это произошло, в первую очередь, потому, что Совет Безопасности Организации Объединенных Наций с подачи США принял резолюцию № 1483 о том, что американский военный контингент – это оккупационные силы, которым дается юридическое право управлять Ираком. Эта резолюция стала началом конфронтации между коалиционными силами и частью иракцев, которые сочли своим долгом бороться против оккупации страны. Кроме того, после принятия этой резолюции Америка, не имея достаточного опыта действий в регионе, допустила ряд ошибок и серьезных просчетов, что привело к усилению недопонимания между иракским народом и США.

Одним из самых серьезных просчетов американцев был роспуск иракской армии, который породил анархию в обществе. Все иракские военные базы были разворованы, и весь арсенал вооружений одной из

крупнейших армий ближневосточного региона оказался в руках случайных людей, а чаще всего у различных бандитских и террористических группировок.

Лишившись пограничных войск, страна оказалась абсолютно незащищенной от проникновения извне, и через открытые границы в страну хлынул поток боевиков экстремистских группировок, особенно после усиления антитеррористических операций на территории Чечни, Афганистана и Пакистана.

Вторым дестабилизирующим фактором явилось то, что Ирак стал ареной столкновения различных интересов – и мировых, и региональных. Одна из основных проблем нынешнего Ирака – противоречия между США и Ираном, отраженные в иракской действительности.

Тоталитарные режимы ближневосточных стран также не заинтересованы в успешном завершении эксперимента по созданию демократического общества в Ираке, так как это может сильно пошатнуть их нынешнее устойчивое положение. Следовательно, многие страны региона прилагают максимум усилий, чтобы демократический эксперимент в Ираке был сорван.

Исторически обусловленные противоречия между суннитами и шиитами стали причиной серьезного беспокойства в арабских странах с суннитским большинством. Эти опасения неоднократно выражались в заявлениях короля Иордании Абделлы Второго, который предупреждал об угрозе создания «шиитской дуги» – Иран – Ирак – Сирия – Ливан, способной привести к усилению влияния Исламской республики Иран на Ближнем Востоке. Опасаясь такого развития событий, многие арабские страны оказывают поддержку иракским суннитам.

Немалую часть ответственности за нестабильность в стране должны взять на себя политические силы бывшей иракской оппозиции, которая объединяла значительную часть иракского общества – шиитов, оппозиционных режиму С.Хусейна, суннитов, курдов, иракских националистов, социалистов. Более двух десятилетий оппозиция единым фронтом выступала за свержение режима С.Хусейна, но после того как он был низложен, оказалось, что единственным объединяющим фактором оппозиционных сил был свергнутый режим, и после прихода оппозиции к власти стали обнажаться и обостряться очень глубокие противоречия, что стало одним из главных факторов нестабильности в стране. Обнаружились разногласия по многим принципиальным вопросам: о будущем политическом устройстве Ирака, о роли религии в иракском обществе, о будущем партии Баас. Нет единства в оценке террористических акций в стране и в отношениях с коалиционными силами.

Немаловажной причиной усиления негативного отношения к американским вооруженным силам в Ираке является ряд грубых действий по отношению к мирному населению страны. При проведении военных акций гибнут десятки ни в чем не повинных людей. Немалый международный резонанс имела операция американских сил в городе Хадиса, в

результате которой погибли более 20 женщин и детей. Обыски в мечетях и других религиозных учреждениях оскорбляют чувства верующих. Грубое попрание прав человека, подобное скандалу вокруг тюрьмы Абу Грейб, сеют сомнения даже в рядах сторонников американцев, демократических и правозащитных организаций. Не имея достаточного опыта действий в регионе, американцы совершенно не учитывают того, что Ирак – эта страна с богатейшей историей, самобытной культурой и богатыми традициями.

Часто американское руководство не согласовывает свои действия и не считается с мнением нынешних властей Ирака. Это хорошо отражено в недавно вышедшей книге мемуаров бывшего посла США в Ираке Пола Бремера о двух годах, проведенных в стране после свержения С.Хусейна.

Но, несмотря на множество проблем, процесс демократизации идет. За последний год в Ираке дважды состоялись парламентские выборы и референдум о конституции страны. Международные наблюдатели, присутствовавшие на этих выборах, отметили высокий уровень организации их проведения, хотя конечно, не обошлось и без незначительных нарушений. В нынешнем Ираке реально существует свобода слова – в стране издаются десятки газет и журналов различной политической направленности, работают телевизионные каналы и радиостанции, активно развиваются современные средства коммуникаций, запрещенные при режиме С.Хусейна, – Интернет, спутниковое телевидение и мобильная связь.

Средняя зарплата с 5–6 долл. при С.Хусейне увеличилась до 150–200 долл. Заложены основы новой иракской экономики, базирующейся на рыночных отношениях. Все это, несмотря на чрезвычайно сложную ситуацию в Ираке – ежедневные террористические акты, нестабильность, активную пропаганду многих арабских СМИ – имеет положительное влияние на общую ситуацию в регионе. Эти изменения заставляют задуматься население ближневосточных стран с тоталитарными режимами. Как следствие – серьезные сдвиги во внутренней политике этих стран.

В Сирии участились антигосударственные митинги; требования митингующих принять законы о партиях, о СМИ, о правозащитных организациях начинают обсуждаться в парламенте. В Саудовской Аравии состоялись первые в истории муниципальные выборы. В Египте на президентских выборах впервые были выставлены несколько кандидатов. В начале апреля 2006 г. в Кувейте был принят закон, разрешающий женщинам участвовать в выборах. В Йемене готовится пересмотр системы образования. Ливия отказалась от реализации своей ядерной программы и поддержки радикальных партий и политических группировок, восстановила дипломатические отношения с США.

В столь непростой ситуации в Ираке и регионе руководство курдских партий должно было принять меры, чтобы не потерять все то, что

было достигнуто за десять лет, с момента создания «свободной зоны». А терять есть что. За последнее десятилетие жизнь в Иракском Курдистане претерпела серьезные изменения. Эти изменения коснулись всех сторон жизни, в первую очередь экономической и социальных сфер. Не менее важны, а, пожалуй, даже и более значимы для жизни курдского общества демократические преобразования, позволившие достичь таких высот развития курдского общества. В контексте всего вышесказанного руководство курдских партий должно было, во-первых, не потерять все то, что имеют курды на данный момент и, во-вторых, закрепить эти достижения в новой иракской Конституции. Реализация этих задач потребовала от курдского руководства максимума усилий.

Не следует забывать, что в сложившейся ситуации, находясь на пересечении интересов различных сил региона, курды были и фактически остаются один на один со всеми возникающими проблемами, и им неоткуда ждать помощи, тогда как практически за каждой иракской политической силой стоит какое-нибудь государство. Так, иракских шиитов «опекает» Иран, оказывая всестороннюю помощь и поддержку. Суннитам помогают многие арабские страны, прежде всего Саудовская Аравия, Сирия, Кувейт, Иордания. Турция оказывает поддержку иракским туркменам. В этих условиях для курдов недопустимы даже самые незначительные ошибки и просчеты.

Используя богатый опыт политической борьбы, иракские курды не только смоглистоять в сложнейших условиях, но и занять ключевое место в управлении Ираком. По итогам обоих выборов, курды стали второй по численности парламентской фракцией. В новой иракской Конституции были зафиксированы основные требования курдов: федеративное устройство Ирака, признание курдского языка вторым государственным языком наравне с арабским. Курдские отряды самообороны (пешмерга) получили статус сил, контролирующих безопасность в Иракском Курдистане, официально признаны курдский парламент и Региональное правительство Курдистана.

Курды смогли стать гарантами того, что Ирак не превратится в исламскую республику по типу Ирана и не вернется к тоталитаризму. В Конституции закреплены требования курдов о соблюдении прав человека, подчеркнута значимая роль женщин в современном обществе. В сформированном 20 мая 2006 г. правительстве Ирака работают четыре женщины-министры, две из них – из курдской общины.

Усиление роли ислама в современном иракском обществе привело к ослаблению влияния светских политических партий. Одна из старейших иракских партий, Коммунистическая партия, имеет всего два места в парламенте. Под угрозой полной исламизации страны светские политические партии признали курдов гарантами сохранения светскости Ирака.

Накануне падения режима С.Хусейна многие аналитики предсказывали, что курды сразу же объявят о создании собственного государства, но сейчас весь мир видит, что именно курды – президент Ирака

Джалал Талабани, президент Иракского Курдистана Масуд Барзани и руководство Регионального правительства Курдистана – борются за сохранение единства и территориальной целостности Ирака, всеми силами противостоят скатыванию страны в пучину гражданской войны. Глава Лиги арабских государств Амр Муса заявил, что курды являются не проблемой, а ее решением. Курды стали балансом, буфером между суннитами и шиитами.

Тысячи арабов из южного и центрального Ирака, которых С.Хусейн переселил в Киркук и Ханакин при реализации своей политики арабизации курдских территорий, не подверглись насильственному выселению из курдских районов. В то время как в других районах Ирака ежедневно происходят выдворения шиитов из суннитских районов и наоборот, факты насилия друг против друга постоянно присутствуют в отношениях между шиитами и суннитами.

В процессе формирования нового иракского руководства существовали десятки спорных вопросов, но по кандидатуре президента ни у кого не было сомнений. Все политические силы страны были едины во мнении, что единственный кандидат на пост президента – Джалал Талабани, который и будет управлять Ираком еще четыре года.

Кроме президента, в новом иракском правительстве курды получили шесть министерских портфелей – иностранных дел, промышленности, реконструкции, водных ресурсов, экологии и пост государственного министра, а также посты заместителей премьер-министра и спикера парламента Ирака.

Справедливости ради следует сказать, что не все в Курдистане считают правильной позицию своего руководства. Есть и такое мнение, что курдам незачем заниматься проблемами Ирака, решать почти неразрешимые противоречия между шиитами и суннитами, религиозными и светскими партиями. Курдистан – это вполне самодостаточный регион, богатый полезными ископаемыми, с активно развивающейся экономикой и социальной инфраструктурой, то есть существуют все предпосылки для создания независимого курдского государства. По мнению многих курдских аналитиков, курды должны готовиться к объявлению о создании независимого курдского государства, если гражданская война в Ираке примет угрожающие масштабы, чтобы не допустить ее распространение на территорию Курдистана. Аналитики считают, что единство и территориальная целостность Ирака не более святы, чем единство бывшего Советского Союза, Чехословакии, Югославии. Вполне возможен в Курдистане и такой путь национального самоопределения, как в Черногории, где в середине мая 2006 г. состоялся референдум, на котором большинство жителей страны проголосовали за отделение от Сербии. Отношения между курдами и арабской частью Ирака – это не католический брак, исключая развод.

Курдское общество с надеждой и оптимизмом смотрит в будущее, особенно после создания объединенного курдского правительства.

Этот факт должен способствовать дальнейшему развитию экономики региона и усилению роли курдов на политической арене Ирака.

Следует сказать и о влиянии событий в Ираке на развитие курдского вопроса в целом. Пожалуй, впервые в истории наблюдаются подъем и активизация курдского движения сразу во всех частях Курдистана. В Турции курдское национальное движение вышло на качественно новый уровень. Если раньше преобладали только незначительные вооруженные столкновения с турецкой армией, то теперь многотысячные мирные демонстрации и митинги во многих курдских городах заявляют о настоятельной необходимости решения курдской проблемы. Впрочем, и Турция уже не та, что несколько лет назад. Сейчас в стране есть курдские газеты и журналы, школы, курды получили более широкие права и свободы, руководство официально признало наличие проблемы и необходимость ее решения. Такое заявление сделал премьер-министр Турции Эрдоган во время своей поездки в Диярбакыр в конце 2005 г. Конечно, давление Совета Европы на турецкое руководство с требованием соблюдения прав человека значительно облегчило положение турецких курдов и создало предпосылки для начала процесса решения курдской проблемы в стране.

В Сирии еще пару лет назад курды как политическая и общественная сила не играли значимой роли, руководство страны жестко подавляло любые их попытки заявить о своих правах. Сегодня же по всей стране прокатилась волна митингов и протестов, сирийские курды активизировали свою деятельность, особенно после давления, оказанного международным сообществом на сирийское руководство и раскола в его рядах, когда один из самых влиятельных политиков Сирии, вице-президент Абдель Халим Хаддам бежал во Францию и стал во главе части сирийской оппозиции.

Также наблюдается рост активности курдов Ирана, особенно после избрания на пост президента страны Ахмадинежада и требования международного сообщества прекратить разработку военной ядерной программы.

Все эти события говорят о том, что в ближайшие годы Ближний Восток ждут серьезные изменения в его существующей ныне геополитической картине. И курдский фактор будет играть в этих изменениях одну из главных ролей.

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПРОГРАММА КУРДИСТАНА*

Государственность Курдистана сегодня принципиально никем не оспаривается. Вопрос только в степени политической и экономической самостоятельности, которую Курдистан сможет получить в ходе федерализации страны, которой нет реальной альтернативы, кроме распада Ирака. Но и этот вопрос будет решен политически в самое ближайшее время.

Статус Курдистана

Фактически Курдистан живет самостоятельно с 1991 г. Опыт самостоятельного управления регионом, безусловно, оказался одним из важнейших факторов успеха политической и экономической политики Курдистана после свержения С.Хусейна. В этот период Курдистан вошел, имея все необходимые государственные структуры и детально разработанную ДПК и ПСК идеологию национального строительства. Это было колоссальным преимуществом в обстановке распада режима С.Хусейна и создания новой государственности в Ираке. Курдистан в настоящее время явно опережает другие регионы Ирака с точки зрения осознания своей национальной идентичности и строительства своей государственности. Это дает ему и значительные преимущества на иракской политической сцене.

Руководство Курдистана прекрасно справилось с задачей позиционирования Курдистана в ходе переговоров по конституции и добилось закрепления своих достижений в новой конституции Ирака. Она не только подтвердила и официально закрепила все полномочия регионального правительства Курдистана, но и признала законность всех его решений, в том числе и экономических контрактов, за период с 1992 г. по 2004 г. Конституция, принятая на референдуме 15 октября, фактически признает независимость Курдистана с 1992 г.

Безусловно, что в период 1991–2004 гг. санкции ООН в отношении Ирака ограничивали экономическую самостоятельность Курдистана, лишая его возможности выступать в качестве полноправного субъекта международной экономической деятельности. Кроме того, внешнеполитическая активность Курдистана ограничивалась саддамовским правительством Ирака, которое лишало Курдистан возмож-

ности воспользоваться его природными богатствами. С.Хусейн имел рычаги влияния на международное сообщество, делал все, чтобы международное сообщество не могло признать Курдистан и установить с ним серьезные экономические отношения. До поражения Саддама Хусейна в войне 2003 г. были неясны сроки разрешения проблемы курдов Ирака. Это также препятствовало долгосрочным отношениям с Курдистаном, а тем более каким-либо реальным иностранным инвестициям в его экономику.

С 2004 г., когда власть в стране была передана под управление самим иракцам, а Ирак стал жить по Переходному административному закону (временной конституции), Курдистан получил реальную возможность де юре воспользоваться правами субъекта внешнеэкономической деятельности. Новая Конституция Ирака – это следующий шаг в закреплении за Курдистаном своего государственного статуса, а именно – в качестве автономного региона Ирака. И этот юридический статус открывает перед ним новые возможности на международной арене.

Изменение ситуации в стране привело к переменам в характере решаемых правительством Курдистана задач, поскольку ранее оно решало задачи выживания населения Курдистана фактически в условиях войны с центральной властью в Багдаде.

Первые шесть лет Курдистан не имел реальных финансовых ресурсов, лишь мизерные доходы – около 200 долл. на человека в год. После начала осуществления программы ООН «Нефть в обмен на продовольствие» ситуация значительно улучшилась, а после выборов в региональный парламент в январе 2005 г. Региональное правительство Курдистана действует в новой социально-экономической обстановке.

Дополнительные возможности роста даст создание единой администрации Курдистана, который сейчас фактически разделен на два района и управляется из двух центров – Эрбиля и Сулеймании.

Влияние иракского контекста на внутривнутриполитические отношения в Курдистане

Политическое руководство Курдистана в самый сложный период развития сумело провести народ между Сциллой гражданской и региональной войны и Харибдой покорности и несвободы. Курдское руководство еще накануне войны 2003 г. взяло курс не на немедленное получение независимости, а на активное взаимодействие с другими иракскими региональными и этноконфессиональными элитами. После войны 2003 г. оно не поддавалось эйфории и не допустило радикальных действий, на которых настаивали маргинальные политические силы (требовавшие немедленного провозглашения независимости Курдистана, силового присоединения Киркука к Курдистану). Руководство Курдистана встало на иной путь, оно вошло в состав государственных

* Публикуется с сокращениями (прим. ред.)

структур Ирака, не дав изолировать курдов политически и тем самым отстранить их от активного участия в процессах государственного строительства в постсаддамовском Ираке. Эта политика курдского руководства позитивно сказалась на позиции курдов уже на первом этапе – в январе 2005 г. Бойкот всеобщих выборов со стороны арабов-суннитов привел к тому, что курды получили значительное представительство в органах центральной власти (77 мест в парламенте Ирака) и сумели создать благоприятные условия, позволившие курдам при выработке, а затем и при принятии постоянной конституции федеративного Ирака реализовать свои интересы. Все признают, что она (постоянная конституция – прим.ред.) максимально в нынешней ситуации отражает интересы курдов. Президент Курдистана Масуд Барзани, обращаясь к курдам Ирака накануне референдума по конституции (14.10.2005), сказал, что это лучший вариант конституции, на который курды могли бы рассчитывать в границах Ирака.

Курдское руководство сумело на этапе формирования нового Ирака сделать главное – создать мирные и достаточно комфортные условия для социально-экономического роста с точки зрения защиты Курдистана от возможного внешнего давления как изнутри Ирака, так и извне, со стороны ближневосточных соседей, настороженно относящихся к минимальным шагам Южного Курдистана к собственной государственности. Это произошло при полной поддержке народа, хотя обеим партиям приходится вести постоянную разъяснительную работу, убеждая все слои курдов, особенно молодежь, принять ту или иную линию компромиссного поведения, тогда как значительная часть населения готова к войне с целью завоевания свободы, независимости и возвращения отобранных саддамовским режимом курдских земель.

Все это свидетельствует о том, что правящие курдские политические партии способны ставить перед собой и достигать те цели, которые в тот или иной момент еще не очевидны большинству населения. Они являются важнейшим фактором целеустремленного развития Курдистана и в мирное время, и при решении экономических и социальных задач. Это важнейший актив развития страны.

Сегодня Курдистан – это единственный регион внутри Ирака, который обладает необходимой экономической, социальной и культурной базой, способной служить источником мотивации политической активности и придавать политическую природу властно-управленческим отношениям внутри региона. В остальных регионах пока еще преобладают традиционные системы мотивации: клановые, общинные или конфессиональные. Это опережение создает для Курдистана ряд преимуществ, но в разрыве уровней развития между регионами есть определенная опасность.

Одной из главных характеристик нынешней политической ситуации в Ираке является сильный разрыв в социально-политическом развитии его различных регионов, часть из которых еще не прошла

этапа самоидентификации (это относится к провинциям, заселенным арабами-шиитами на западном берегу Евфрата). Это порождает большую проблему, поскольку на юге Ирака процесс политического обособления явно опережает формирование национального самосознания. Сейчас шиитские партии выдвигают идею создания автономного региона из девяти провинций с преимущественно шиитским населением. Такой размер автономного региона пугает даже демократически настроенных представителей арабов-суннитов, которые предлагают ограничить размеры тех или иных автономий, создаваемых на территории Ирака, тремя провинциями. Косвенно предлагаемое ограничение нацелено и против курдов, которые добиваются возвращения в состав Курдистана провинции Киркук. Но и помимо этого проблема в том, что, несмотря на общую религиозную окраску в провинциях, заселенных шиитами, эти провинции далеко неоднородны в религиозном отношении. Неслучайно, в начале выдвигалась идея создания шиитского региона на базе трех (пограничных с Ираном), затем пяти (юго-восточных) и только в самом конце – всех девяти провинций с преобладанием шиитского населения. Эта асинхронность развития блокирует решение вопросов внутрииракского развития, которые требуют общего решения. Например, сейчас сравнительно развитые в политическом отношении провинции с преобладанием арабов-суннитов, в силу доминирования в них баасистской идеологии и партии Баас, не готовы принять федеральную форму устройства Ирака. Это показало голосование в провинциях Анбар, Салахэдин, Ниневия, Дияла, где арабы-сунниты в подавляющем большинстве проголосовали против конституции, а основной водораздел волеизъявления народа прошел по этноконфессиональным границам. Аналогично складывается и ситуация с декабрьскими выборами в первый после свержения режима С.Хусейна постоянный парламент страны: голосование опять прошло по признаку принадлежности кандидатов и партий к той или иной этноконфессиональной общине, поскольку самым принципиальным вопросом сейчас является соотношение представительства общин в федеральном парламенте.

Безусловно, арабы-сунниты не могут не понимать, что, в конечном итоге, федерация – единственно возможная форма защиты их собственных интересов от вмешательства центрального правительства. Но пока они, видимо, рассчитывают вернуть авторитарные порядки и вновь установить собственную диктатуру в стране, что практически невозможно. Пока не завершился этап размежевания Ирака по этноконфессиональным границам, многие очевидные на первый взгляд вещи будут вызывать негативную реакцию. Проблема в том, что арабы-сунниты не готовы смириться с ролью, которая сейчас определяется предельно демократично, всего лишь их долей в населении (около 20–25%) в стране, которую они столько столетий считали своей вотчиной. Кроме того, большое значение имеет распределение

доходов от нефти и газа: будет ли это общенациональное достояние или доля провинций будет зависеть от наличия углеводородного сырья на их территориях.

Очевидно, незавершенный процесс стабилизации Ирака как единого федеративного образования накладывает свой отпечаток на политические процессы внутри Курдистана. Основной линией является противостояние тенденциям возврата Ирака к модели развития как централизованного монокультурного (в рамках арабской культуры, вопрос только шиитской или суннитской) государства. Эта тенденция сейчас представлена как движением сопротивления преобразованиям в современном Ираке при опоре на ресурсы и международные связи арабов-суннитов, на баасистскую и арабскую националистическую идеологию, так и частью шиитских сил, которые не приемлют федеративного устройства страны и рассматривают Ирак как сферу своего полного, неограниченного влияния. В обоих случаях Курдистан воспринимается как слишком независимый и слишком самостоятельный. Курдистан крайне важен для арабов-суннитов, поскольку они являются важнейшим элементом этноконфессионального баланса сил: курды (20–25%), арабы-сунниты (20–25%), а вместе – это половина населения Ирака. Иными словами, только вместе с курдами арабы-сунниты могут противостоять шиитскому большинству, которое сейчас находится под абсолютным влиянием шиитских партий, тесно связанных с иранским руководством.

В этих условиях Курдистан должен выступать как единый, сплоченный и хорошо управляемый организм, в потенциале и ответе которого на те или иные изменения внутриполитической и внешнеполитической ситуации никто не должен сомневаться. Никто не должен был сомневаться в том, как большинство курдов проголосует на референдуме, или в том, что руководство Курдистана всегда может рассчитывать на полную поддержку народа в случае, если независимость Курдистана придется защищать с оружием в руках.

Естественно, что Курдистан сейчас не может позволить себе оказаться в ситуации политического кризиса, что нередко бывает с молодыми демократическими государственными образованиями. Это – гарантия его безопасности, и при таком положении вещей это наиболее безопасный вариант развития, который диктуют национальные интересы Курдистана. Естественно, что это в определенной мере ограничивает развитие демократических процессов в Курдистане, но, конечно, не изменяет демократической и народной природы его государства, которое решает задачи создания условий для развития курдов как самостоятельного этноса. Вопрос не в том, что цель оправдывает средства, а в том, что определенные цели могут быть достигнуты только определенными социально-политическими средствами.

Если говорить о существовании курдской государственности в рамках единого федерального Ирака, то потенциал развития, вза-

щивания курдской государственности, а тем более экономики, в иракской нише еще далеко не исчерпан. Реально только эта ниша способна обеспечить Курдистану несколько ближайших десятилетий устойчивого социально-экономического роста, создать для курдов совершенно иные возможности участия в экономической жизни не только Ирака, но и всего Ближнего Востока.

Потенциал федеративного Ирака, если удастся создать реальную федерацию, может многократно увеличить политические, экономические возможности как Курдистана, так и самих курдов. Уже сегодня курды представлены на высшем уровне иракского руководства, они руководят министерствами и ведомствами Ирака, их позиции в высших органах управления страной закреплены конституцией. Это создает условия, позволяющие обеспечить справедливость и равное отношение центрального правительства к их нуждам, а также является основой их влияния в других регионах Ирака. Есть основания предполагать, что курды-бизнесмены займут достойное место в иракской экономической элите.

Уже сегодня курды имеют выход на многие уровни международного общения благодаря позициям, которые занимает Курдистан в Ираке.

В интересах Курдистана усиление курдского присутствия в федеральных органах власти и увеличение числа политиков-курдов федерального уровня, какими являются Масуд Барзани, Джалал Талабани, Хошияр Зибари, Махмуд Осман. Опираясь на потенциал Курдистана, курдская политическая элита может занять важное место на политическом Олимпе Ирака.

В Курдистане активно функционирует сфера публичной политики со всем присущим ей инструментарием: неподцензурными СМИ, особенно электронными; партийными структурами, существуют необходимые правовые гарантии политической деятельности. Совершенствуется механизм политической конкуренции, особенно на уровне муниципальных властей. Максимальное развитие самоуправления – это важнейшее направление государственного строительства в Курдистане. Именно здесь возможна максимальная реализация демократических установок и принципов. Огромное значение будет иметь объединение всего Курдистана под единой курдской администрацией. На этом настаивают США и другие союзники курдов по антисаддамовской коалиции, которые хотели бы видеть регион отвечающим самым высоким стандартам демократии. Парадоксальная ситуация внешнего давления создает уникальную ситуацию, в которой демократия (как конкуренция партий в пределах установленных правил-законов, сменяемость партий у власти и многие другие основы демократии) окажется привнесенной в структуру курдского общества, поскольку важнейшим фактором укрепления и приумножения завоеваний курдского народа является сохранение

внешнего и внутреннего единства Курдистана. Ситуация требует развития политических механизмов управления регионом, она существенно ослабляет тенденцию к административным методам управления. Это является объективной потребностью становления региона как самостоятельного государства: федеративные рамки, в которых остается Курдистан, мало что меняют, но это так, пока Курдистан сохраняет социальную целостность и единство. Нынешняя конституция декларирует колоссальную степень автономности для регионов, но Курдистан ее реально имеет.

Для укрепления курдской автономии важна богатая многолетняя практика развития внешних связей, которые ранее поддерживались ведущими политическими партиями, а сейчас, кроме них, осуществляются президентом Курдистана, Региональным правительством Курдистана и другими структурами автономии. Основными направлениями развития внешних связей являются отношения с центральным правительством в Багдаде, с другими регионами Ирака и другими государствами и иными субъектами международного права.

Визит президента Курдистана Масуда Барзани (октябрь 2005 г.) в Вашингтон показал, что это очень мощное средство. Масуд Барзани был принят президентом США как президент автономного региона Ирака. То, что Джордж Буш при обращении к Масуду Барзани называл его «президент» вызвало бурный дипломатический протест Турции. Турция недоумевает, президентом какой страны в США считают Масуда Барзани, но ответ очевиден: президентом Иракского Курдистана. Понятно, что Турция очень ревниво относится к успехам Курдистана, опасаясь усиления политических позиций курдов, проживающих в Турции. Президент США нечасто принимает руководителей субъектов федерации тех или иных государств, особенно когда эти территории достаточно четко заявляют о своем стремлении к независимости. Фактически состоялось признание Иракского Курдистана как государства, хотя и автономного и в составе федеративного Ирака, но его статус, по крайней мере, де факто, безусловно, выше, чем других автономных образований. Этот визит был тем более важен, что проходил уже после одобрения федеративной конституции Ирака на общенациональном референдуме. К началу визита в Вашингтон и новый Ирак уже стал де юре федеративным.

Курдские политики сыграли ключевую роль в том, что конституция была принята. Переговоры по новой иракской конституции Ирака в июле-сентябре 2005 г. и последующие переговоры проходили при ведущей роли курдских политиков высшего уровня. Эти усилия позволили согласовать основной текст конституции, а также достичь в последнюю минуту компромисса с Иракской исламской партией. Они показали, что курдская элита более других региональных элит подготовлена к этой деятельности, поскольку вполне осознает свою политическую, этническую идентичность и верно позиционирует себя с

учетом реальных обстоятельств. Это было признано даже объективными политиками из числа соперников, в частности, Аднаном Пачачачи, бывшим министром иностранных дел Ирака, прямо заявившим об этом.

Сфера внешней политики отдана в ведение центрального правительства Ирака. Правда, так случилось, что именно этот блок находится практически в курдских руках, поскольку основные представительские посты – президента и министра иностранных дел – занимают курды. Тем не менее, Курдистан ставит перед собой задачи максимального развития международных контактов, как по географии, так и по охвату всего спектра возможных партнеров: правительственных и иных государственных структур; органов власти отдельных регионов; международных организаций; общественных национальных и международных организаций; крупных деятелей политики, экономики и культуры. Курдистану необходима активная кампания популяризации в мире своих достижений в культурно-социальной и политической сферах. Необходимо, чтобы в глазах мирового общественного мнения Курдистан получил имидж оплота ближневосточной демократии. Официальный визит президента Курдистана в Вашингтон в октябре 2005 г. показал уровень признания курдской государственности. Это же продемонстрировало референдум по конституции Ирака, еще более интересный расклад сил дадут декабрьские выборы в Национальную ассамблею Ирака.

Морально-политический потенциал – это важный актив, который гарантирует достижение Курдистаном политических целей, как бы ни складывалась ситуация внутри страны и вокруг нее.

Какова возможная программа экономического развития Курдистана?

Сейчас на повестке дня правительства, наряду с решением текущих масштабных экономических задач, стоит задача создания основ региональной экономики. Эту задачу приходится решать практически с нуля, поскольку Курдистан никогда не обладал целостной региональной экономикой, а был задворками саддамовского Ирака, где ничего не строили. Это был нефтедобывающий регион, где добывалась значительная часть иракской нефти, на него приходилось 40% нефтяных ресурсов Ирака, но взамен выкачанной нефти и газа сюда не шли инвестиции из центра. Более того, было уничтожено 86% населенных пунктов. В этих условиях необходимо ответить на вопрос, какую экономическую стратегию должен избрать Курдистан. Какую строить экономику? Как ее строить? Будут ли основы будущей экономики Курдистана формироваться целенаправленными действиями правительства на основании долговременного плана или же ситуация будет отдана на волю случая и определяться игрой свободных рыночных механизмов?

Насколько тесно следует кооперироваться в экономическом строительстве с остальным Ираком или следует создавать замкнутую самодостаточную региональную экономическую систему, относясь к Ираку как к внешней среде функционирования экономики Курдистана, такой же, как территории стран-соседей?

Инструменты догоняющего развития

Опыт стран, успешно преодолевших социально-экономическое отставание, показывает, что для этого необходима государственная программа строительства национальной экономики и более широкого участия в ней курдского общества в целом. Позитивное значение государственного планирования и участия в строительстве экономики Курдистана может быть достигнуто только при условии разработки и принятия согласованной со всеми партиями программы экономического развития. Сложность этой задачи обусловлена тем, что объективно существуют различные представления о том, как строить экономику, обусловленные различием интересов социальных групп и слоев населения Курдистана. Эти различия в подходах будут нарастать, поскольку идут интенсивные процессы социально-экономической дифференциации еще недавно практически однородного, даже в чем-то полупатриархального в социальном плане населения. Но, кроме экономических и политических интересов, есть реальные возможности страны и внешнеэкономические условия существования национальных экономик, которые достаточно жестко задают возможные параметры хозяйственного развития и конкурентоспособности последних.

Каким образом развивать экономику страны, чтобы политическая независимость принесла экономическое процветание и экономическую самостоятельность? Те тенденции, которые действовали внутри нашей практически патриархальной экономики, не подскажут нам пути решения проблемы. Эти решения не прочтываются по лицам крестьян в курдских деревнях, которые рады уже тому, что им не грозит голод. Из дискриминируемого центральным багдадским правительством депрессивного экономического района, из которого баасистское правительство выкачивало нефть, предоставляя даже трудную, но квалифицированную работу арабам, а не курдам, Курдистан превратился в самостоятельную хозяйствующую единицу.

Конечно, в отличие от ситуации, когда наш народ не имел прав на своей собственной земле, когда все решения принимались в Багдаде без учета интересов курдов, мы сегодня богаты: Курдистан наш. Но этого мало, народу Курдистана нужен новый уровень, новое качество жизни, которое было бы под стать европейскому. Тем более, что, будем надеяться, европейское качество жизни и институтов подойдет в ближайшие двадцать лет к границам Курдистана и с севера, если процесс интеграции Турции в Евросоюз будет успешным.

Степень государственного участия в экономике

На одни вопросы давно есть принципиальные ответы. В частности, на вопросы о государственном участии в экономическом строительстве. Обе ведущие партии Курдистана – ДПК и ПСК – социал-демократические партии, поставившие перед собой цель построить социальное демократическое государство. Естественно, это предполагает активную экономическую политику государства. При этом каждое министерство имеет свой план, некоторые имеют пятилетние планы. Но в Курдистане нет единого органа, отвечающего за планирование. Важность планирования невозможно переоценить, особенно когда закладываются основы новой региональной экономики. Идеально было бы пригласить крупные зарубежные институты из Кореи, Японии, России, США, Евросоюза для создания комплексного проекта развития Курдистана.

О чем курды могли бы мечтать в результате осуществления такого плана:

- минимальная безработица (2–5%) при населении Курдистана в 10 млн. человек в 2015 г.;
- наличие конкурентоспособных в регионе и в мире производств, помимо нефте- и газодобычи и переработки углеводородного сырья. Естественно, что эти две сферы должны быть по основным показателям организации производства на мировом уровне;
- современная система образования и здравоохранения;
- сохранение экологии региона.

Степень интеграции с Ираком

Вопрос о степени интеграции с Ираком во многом зависит от еще неясных перспектив сохранения единого Ирака. Но, если исходить из сохранения единого Ирака, а это одна из аксиом данного варианта стратегии развития Курдистана, то иракский рынок является одним из важнейших и наиболее доступных для Курдистана. Сегодня потенциал этого рынка сбыта работает в основном на иностранные, прежде всего, турецкие промышленные и торговые компании. Интеграционные процессы крайне важны для становления экономики Курдистана. Это сложный комплекс вопросов развития субрегионального (между регионами внутри одной страны) и трансрегионального (между регионами разных стран) сотрудничества, взаимосвязи процессов федерализации и регионализации Ирака с международными процессами.

Курдистан сегодня включен в несколько формирующихся систем экономического взаимодействия:

внутрииракские отношения:

- связанные с комплексом расчетов за поставки нефти, газа из Курдистана внутри Ирака;
- отношения в рамках еще только формирующейся системы налоговых и бюджетных систем федеративного Ирака;
- общее экономическое и финансовое законодательство;

– кредитно-денежная система Ирака, обеспечение устойчивости национальной валюты;

– общая таможенная служба;

– использование транспортных систем страны.

международные связи:

– трансрегиональная торговля; приграничная торговля с Турцией, Сирией и Ираном, в которой еще преобладают «серые схемы» с контрабандными потоками в обе стороны;

– официальное экономическое сотрудничество с Турцией (в основном это поставки нефти в Джейхан и транспортные потоки в Курдистан и обратно) и Ираном (поставки предметов повседневного спроса населения, строительных материалов и продовольствия).

– Курдистан включается и в международное экономическое сотрудничество со странами дальнего зарубежья (иностранные инвестиции в Курдистан, организация системы обратных выплат и поставок на внешний рынок нефти и газа от имени правительства Курдистана).

Факторы социально-экономического развития Курдистана

Уже сегодня можно сказать, что определились основные факторы, которые будут характерны для социально-экономического развития Курдистана в ближайшие 10–15 лет при условии сохранения мира в стране и регионе в целом.

Вопрос о факторах социально-экономического развития важен. Было бы неправильно уповать только на доходы от нефти и газа, рассчитывая, что благодаря им жизнь сама наладится. В мире немало стран, богатых природными ресурсами, но их судьба часто незавидна, да и сам Курдистан последние 80 лет больше страдал, чем получал выгоду от своих нефтяных ресурсов. Поэтому вопрос о факторах развития имеет принципиальное значение.

Благоприятный инвестиционный климат в стране

Как ни парадоксально, но главным фактором является, казалось бы, не материальный фактор, а психологические установки населения региона. Прежде всего, огромное желание курдского народа построить собственное процветающее государство, потому что оно создает то психологическое и политическое состояние общества, которое фокусирует практически всю энергию на развитии страны.

Важно создать законодательство, которое определит условия формирования в Курдистане национальной бизнес-элиты. Она должна быть сформирована на справедливых принципах, которые будут разделять все общество, чтобы не снизить степень его социального единства, столь необходимую в условиях угрозы внешней агрессии.

Условия доступа к минеральным ресурсам, налогообложения, гарантии собственности и многие другие юридические условия функционирования капитала должны быть прописаны детально и, главное,

правильно и адекватно, с точки зрения создания условий для экономического роста. Важно найти правильные формы взаимодействия с иностранным капиталом, чтобы сохранить контроль над своей экономикой и в то же время обеспечить темпы экономического роста и использовать возможности крупного иностранного капитала, без которого вряд ли вообще возможно создание современной экономики в Курдистане.

В настоящее время Курдистан еще только создает соответствующее законодательство. На ускорение может и должен работать идеологический фактор. В силу многих факторов в Курдистане возможна только социально ориентированная модель развития общества. То, что политики Курдистана ставят перед собой задачу построения именно такого общества, прекрасно видно из инаугурационной речи президента Масуда Барзани. Это основная характеристика идеологии ведущих курдских политических партий и той политики, которую они проводили последнее десятилетие, несмотря на ограниченность финансовых ресурсов. В новой ситуации продолжение этой линии даст положительные результаты.

Если обеспечить благоприятный инвестиционный климат, то Курдистану не нужно будет подстегивать экономику каким бы то ни было иным способом. На ближайшие 15–20 лет ему гарантировано резкое ускорение экономического роста, уже в силу того, что развития страны слишком долго сдерживался политическими факторами.

Нефтяной фактор

Жажда ускоренного развития, которую испытывает курдское общество, подкрепляется благоприятными внешними факторами (ростом цен на углеводородное сырье и его дефицитностью, которая стимулирует инвестиции в добычу нефти и газа).

Дефицит нефти на мировом рынке в ближайшие десятилетия будет только нарастать вместе с ценами на это сырье. Более того, дефицитность углеводородного сырья и готовых нефтепродуктов обусловливает то, что разработка уже существующих месторождений и ввод в строй новых могут осуществляться за счет привлечения иностранных вложений, причем на самых выгодных для страны условиях: по сути дела, в счет гарантий устойчивых поставок добытой нефти и нефтепродуктов тому или иному инвестору. Рост нефтедобычи не будет ограничиваться ни спросом, ни инвестиционными ресурсами, если будет поставлено международное сотрудничество.

Резко изменилась доля Курдистана в национальном богатстве страны. Курдистан ранее был лишен всего, кроме самого необходимого. Сегодня курды получают значительную часть национальных богатств, а завтра – по мере разработки новых нефтяных месторождений на севере Ирака – их доля в нефтяных доходах будет расти. На несколько десятилетий это гарантированный доход Курдистана за счет своей доли в нефтяных богатствах страны. Высокая стоимость нефти и ее растущий дефицит в мировой экономике создают благо-

приятные условия для социально-экономического развития Курдистана. На ближайшие несколько десятилетий у Курдистана есть естественная отрасль специализации – нефтедобыча и нефтепереработка. Повышение степени переработки углеводородов – это основное направление промышленно-технического и научного развития Курдистана. Ограниченность ресурсов (в том числе и экологические ограничения) и сильное научно-техническое отставание от мирового уровня требует сосредоточить все усилия на сравнительно узком участке научно-технической специализации – углублении переработки нефтепродуктов и поддержании экологических условий нефтедобычи и нефтепереработки.

Таким образом, Курдистан имеет устойчивый источник, из которого можно финансировать социально-экономическое развитие страны. Это доходы от добычи нефти и газа, а также от развития нефтепереработки как отрасли региональной специализации. Вопрос, будут ли остальные структуры Курдистана успевать за ростом этой отрасли, не создастся ли ситуация избытка нефтедолларов? Важно оптимизировать этот рост, связанный с удовлетворением отложенного спроса населения, с созданием современной инфраструктуры, который максимально обеспечивался бы и поддерживался изнутри страны, а также приводил бы к качественному изменению параметров национальной экономики. Если население Курдистана в ближайшие 5 лет приобретет не менее 500 тыс. автомобилей, то неплохо было бы, чтобы хотя бы 15–20% от этого числа были бы уже курдской сборки, естественно, собранных в сборочных цехах иностранных автогигантов. Сделать это можно уже сегодня, выбрав наиболее простые и подходящие для регионального рынка массовые автомобили. Если будут построены несколько сот тысяч домов, то крайне необходимо, чтобы хотя бы половина строительных материалов была изготовлена в Курдистане. Строительство заводов по производству стройматериалов уже идет.

Факторы, способствующие созданию собственных производств

Развитию собственного производства способствует тот фактор, что Курдистан расположен вдали от морских портов, поэтому сравнительно велика транспортная составляющая в цене всех импортируемых товаров. Это способствует созданию производств, которые уже только на транспортировке получают определенное преимущество.

Безусловно, развитие импортзамещающих производств – непростое дело. Тем более, что делать это приходится в условиях открытого рынка. Как справиться с этой задачей? Насколько это реально? Не получится ли так, как получилось в России, когда ее спрос удовлетворялся не за счет собственной промышленности, а за счет поставок из соседних стран (Турции, Китая, Польши и др.), в результате чего там нарастала промышленная составляющая, а в России шли про-

цессы свертывания отраслей, не выдержавших конкуренции. Ясно, что здесь есть золотая середина, и в Курдистане имеет смысл создавать только те отрасли, которые имеют конкурентную перспективу.

Создание условий для роста собственной экономики – непростая задача. Каким должно быть таможенно-тарифное регулирование отраслей промышленности? Оно не должно быть чрезмерно затратным, а также не криминализировать экономическую ситуацию, переводя импорт в «серые» или «черные» контрабандные зоны.

Отдельно должен стоять вопрос о ценовых параметрах регионального рынка, поскольку его регулирование создает значительные проблемы в условиях прозрачности границ. Цены на бензин и другие нефтепродукты в Иракском Курдистане отличаются в разы от цен на аналогичные продукты в Турции. Такая ситуация создает значительное напряжение, криминализует общество. В то же время, если привести цены на нефтепродукты к турецкому уровню, это вызовет пропорциональный рост цен на другие товары и потребуются поднять заработную плату. Реформа цен в стране, безусловно, сложная задача, но она неизбежна, хотя вопрос о времени ее проведения должен быть решен отдельно.

Отсутствие реальных инфраструктурных и промышленных заделов в Курдистане предполагает обустройство этой территории практически с нуля, когда предстоит создать всю дорожно-транспортную (дороги, мосты, туннели) и иную (аэропорты) инфраструктуру, отрасли местной промышленности (пищевая, строительных материалов, современный сектор обслуживания, другие отрасли местной промышленности), сферы здравоохранения, образования и культуры, СМИ. В этой ситуации повышается риск и вес принимаемых частных решений. Выход – в создании комплексного плана развития региона. В этом плане упор должен быть сделан на оценку ресурсной базы районов и ее максимальное развитие, особенно за счет тех производств, которые способны создавать максимальную добавленную стоимость.

Демографический бум

На ускорение экономического роста будет работать колоссальный отложенный потребительский спрос на жилье, товары длительного пользования (холодильники, кондиционеры, бытовая электротехника, мебель, автомобили). Уже по существу начался послевоенный демографический бум, потому что нормализуются условия жизни значительной части населения страны. Это уже происходит за счет естественного прироста населения благодаря наступлению мира, улучшению экономических условий и социально-политической атмосферы в обществе. Кроме того, изменились факторы эмиграции/иммиграции населения Курдистана. В связи с этим можно предположить удвоение населения Курдистана в ближайшие десять лет. Сейчас население Курдистана в возрасте 15–24 лет насчитывает от 22 до 25%, а насе-

ление рабочих возрастов – от 32 до 47%¹, что с учетом доминирующей модели репродуктивного поведения в Курдистане в ближайшие годы даст мощный прирост населения. Можно предположить, что к 2015 г. население Курдистана будет насчитывать не менее 10 млн. человек. Это европейская плотность населения. Учитывая коэффициент обжитой территории, реальная плотность населения будет выше. Но она в отличие от Европы будет в значительной степени базироваться на традиционных факторах. Здесь есть позитивные и тревожащие стороны. Увеличение численности населения создает условия для экономического развития, только в том случае, если рост числа рабочих мест будет поспевать за демографическими показателями. Ближайшие 15–20 лет будут отмечены высокой демографической нагрузкой для страны. Учитывая наличие финансовых ресурсов, это пойдет на пользу экономике, поскольку будет возможность создавать рабочие места в образовании. Сложатся условия для интенсивного формирования нового мировоззрения и нового поколения свободного Курдистана, которое к 2020 г. будет определять этнокультурное и, в конечном итоге, государственно-политическое лицо региона. Фактически стратегические задачи сегодня и завтра будут решаться в школах, колледжах и университетах. Каким будет воспитано население Курдистана, такое страну и ждет будущее.

На первом этапе развития правительство не может обеспечить полную занятость в производственной сфере, но это не создаст кризиса, поскольку существует традиционная, устоявшаяся система занятости населения. Но необходим план, который предполагал бы создание соответствующего числа рабочих мест в экономике Курдистана к определенному периоду. Нужен перспективный план занятости населения (его потенциального распределения по отраслям экономики).

Экономика Курдистана должна быть плановой с развитым рыночным механизмом.

Надо сразу сказать, что экономика Курдистана вряд ли могла бы с самого начала стать чисто рыночной. Успешное экономическое развитие Курдистана едва ли возможно обеспечить в рамках стихийной рыночной экономики, поскольку многие задачи необходимо решать, имея в виду не сиюминутные, а стратегические задачи на десятилетия развития страны, чего не обеспечивает рыночная экономика, особенно в фазе ее становления.

Государство должно взять на себя задачу накопления и инвестирования значительной части национального дохода Курдистана, потому что сейчас нет и в обозримом будущем не будет другого субъекта формирования национальной экономики.

Нам нужны все виды как национальной, так и иностранной собственности, но мы должны представлять, что любая крупная западная корпорация, если она придет завтра в Курдистан, окажется экономически, а через какое-то время, возможно, и политически мощнее

Регионального правительства. Получить деньги на счета автономного региона одно, а эффективно вложить их в социально-экономическое развитие – другое.

С этой бедой столкнулись практически все слаборазвитые нефтедобывающие страны, чьи нефтедоллары так или иначе работали на экономику Запада, создавая там рабочие места. А затем в эти страны потянулась значительная часть населения стран Азии и Африки, а в самих этих странах (Саудовская Аравия, Сирия, Иордания, Алжир) возросло чувство национальной неудовлетворенности, подстегнувшее радикализм и, как отдаленное следствие, терроризм. Это объективная проблема, потому что нефтедоллары можно вернуть в страну, хотя они что-то теряют в своей покупательной способности, но если их неверно инвестировать, их можно потерять вообще. Создать промышленную структуру – непростая задача. Особенно сегодня, когда тенденции мирового промышленного развития подвержены существенным и частым колебаниям.

Огромной и непростой задачей является определение объектов инвестирования в Курдистане. Кто и куда будет инвестировать средства? Каковы национальные проекты? Можно ли этот вопрос решить рационально, не поддавшись политическим страстям и эмоциям. Нужны процедуры принятия важнейших экономических решений. Уже сегодня нужны проработки того, какими должны быть инвестиционные программы на последующие 5, 10 и 15 лет. Но при этом сразу возникает проблема эффективности использования государственной собственности. Роль государства, по-видимому, должна быть ограничена функцией генерального девелопера, который передает построенные на высшем технологическом уровне объекты конкурентоспособным эксплуатационным структурам. Например, Курдистану нужен НПЗ, но построенный завод должна эксплуатировать частная компания, которая возвратила бы инвестированные средства в бюджет государства, платила бы налоги и эффективно вела дела. Аналогичным образом могут создаваться и другие стратегически важные объекты, предусмотренные планом развития экономики Курдистана.

Уже сегодня у нас должны быть детально разработанные проекты «Экономика Курдистана – 2015» и «Экономика Курдистана – 2030». Генеральным заказчиком этого плана должно выступить Региональное правительство Курдистана.

Инвентаризация ресурсов

Нам надо срочно инвентаризировать все ресурсы – от земельного фонда и полезных ископаемых до валютных ресурсов Регионального правительства, чтобы определить возможности их эффективного использования.

Мы богаты, – это всем хорошо известно. Наше богатство – это нефтяные и водные ресурсы, сельскохозяйственные и рекреацион-

ные ресурсы, людские ресурсы, полезные ископаемые, помимо углеводородов. Это – немалые богатства. Эти ресурсы достались нам от предков, и они являются достоянием всех курдов. Малой толики этих ресурсов вполне хватило бы, чтобы сделать каждого ныне живущего курда зажиточным человеком, но проблема в том, как использовать их, чтобы сделать процветающим курдское государство и заложить основы процветания курдов на многие поколения вперед. Мы должны найти способ так инвестировать часть нашего национального дохода, чтобы эти инвестиции, а не природные ресурсы, стали основным источником нашего процветания.

Уникальность экономики Курдистана

Сложность ситуации и одновременно ее простота заключается в том, что на территории Курдистана практически нет основ современной производительной экономики. По сути дела, требуется с чистого листа создать экономику, которая была бы интегрирована в мировую, была бы устойчива и способна к развитию. Чтобы понять уникальность задачи, стоящей перед политическим руководством страны, необходимо сравнить Курдистан с другими странами, что позволит в дальнейшем соотносить его с теми странами, которые реально сопоставимы с ним.

Если сравнивать Курдистан с другими странами, то он сопоставим, на наш взгляд, по своим характеристикам с такими странами, как Киргизия, Армения и Израиль.

Потенциальные модели социально-экономического развития

Возникает вопрос о возможной модели экономического развития для Курдистана. Есть несколько моделей.

Чтобы определить возможный вариант развития Курдистана, следует посмотреть, чего добились страны, имеющие близкие ресурсные характеристики. Посмотреть, как они этого добились, и есть ли у Курдистана возможности и желание занять аналогичное положение в мировой системе.

«Модель европейской малой страны»

Страна из европейского «пелетона», если использовать этот спортивный термин, второстепенная страна с европейским уровнем доходов. Сегодня Курдистан по площади и населению близок к Ирландии (70,3 тыс. кв. км, 3,5 млн. человек в 1986 г.), но, учитывая тенденции демографического развития, ориентироваться надо, скорее, на вариант социально-экономического развития Португалии (98 тыс. кв. км). Это почти одинаковая по площади с Курдистаном страна, которая имеет 10,4 млн. человек населения (1986 г.).

В экономике Португалии велика доля добывающих отраслей и производства электроэнергии. Похожий, гористый рельеф территории

(правда, в отличие от нас, у Португалии есть выход к морю). Здесь нет уникальных отраслей производства, которые были бы международной специализацией страны, если не считать туризма, построенного на базе значительных рекреационных ресурсов страны, но есть отрасли, обеспечивающие внутренний рынок высокотехнологичными товарами народного потребления (автосборка, электропромышленность). Автосборку или сборку бытовой техники преимущественно для собственного и для иракского рынка можно организовать и в наших условиях. При соответствующей социальной политике можно обеспечить постепенный рост доходов населения. Неслучайно, в Португалии традиционно сильны левые партии, поскольку для населения страны важна социально ориентированная политика государства.

Безусловно, многие социально-экономические аспекты жизни Португалии связаны с ее историей и географией. Португалия, когда-то бывшая огромной колониальной империей, обладала значительными базовыми накоплениями. Кроме того, несколько веков на ее территории не было разрушительных войн. Географический фактор проявляется в том, что Португалия многими нитями связана с Европой, что, безусловно, подтягивает ее образ жизни и уровень жизни к среднеевропейскому. Кроме того, здесь создана отрасль – туристическая, которая требует высокого уровня накоплений и наличия рекреационных ресурсов. Часть таких условий (исторические памятники и пригодные для строительства курортов горные районы) есть в Курдистане, и, как только позволят условия безопасности, они могли бы быть активно задействованы.

Потенциально ресурсы Курдистана позволяют ему даже при удвоении или утроении населения до 10–15 млн. человек обеспечить ему среднеевропейский уровень жизни. Но создать на имеющейся базе современную экономику Курдистана, даже при самом благоприятном раскладе внешнеполитических и внутренних условий, будет сложно, и решить эту задачу можно только путем проведения особой экономической политики. Успех этой политики будет зависеть от многих факторов. Но перспектива успешного догоняющего развития все же велика, тем более что оно будет сопровождаться ростом доходов населения, а также изменением параметров структуры населения (рост образования, квалификации, изменение сфер занятости населения, размещения населения). Европейская модель развития предполагает ускоренную модернизацию экономики и принятие европейских параметров качества жизни, по крайней мере, в качестве цели, которую правительство ставит перед собой и перед обществом. Именно эти показатели должны закладываться во все плановые документы, будь то директивное или индикативное планирование. В первую очередь это относится к сфере образования, которая является сферой формирования долгосрочных моделей и стандартов поведения, но выпускники этой сферы должны быть обеспечены рабочими местами внутри Курдистана.

«Непальская модель»

Это вариант развития, когда сохраняется традиционный образ жизни абсолютного большинства населения, которое традиционно занято сельским хозяйством, дающим средства к жизни подавляющему большинству населения страны.

Непал (140,8 тыс. кв. км) по площади немного отличается от Курдистана, но проживает в нем около 17,1 млн. человек и, что особенно важно, фактически абсолютное большинство населения живет в рамках традиционного уклада (1986 г.). По численности населения Непал более, чем в три раза опережает Курдистан. Это предельный и, видимо, не достижимый за пределами Непала, в рамках другой культуры, показатель плотности населения при традиционной экономике и мизерных доходах на душу населения.

Но непальская модель развития обеспечивает достижение нескольких важных целей: 1) сохранить и восстановить традиционный образ жизни; 2) сохранить традиционную сельскую семью и традиционную модель репродуктивного поведения; 3) сохранить привычные социальные, преимущественно патриархальные связи; 4) обеспечить социально приемлемые условия существования национальной элиты, если она согласится остаться в рамках традиционных ценностей.

В той или иной степени непальская модель близка к тому типу развития, который реализуется в некоторых нефтедобывающих странах Персидского залива. Естественно, что есть и существенные отличия: нефтедобывающие страны имеют значительно более высокий уровень жизни за счет нефтяных доходов. Эта модель развития не предполагает превращения страны в часть глобального мира, хотя позволяет его элите свободно поддерживать внешние контакты. Избыточное население практически не покидает страну, не имея шансов устроиться во внешнем мире.

В отличие от Непала, нефтедобывающие страны способны обеспечить подготовку населения к жизни в европейских или американских условиях. Это вопрос направленности образования и культурных или цивилизационных различий. Если создать хорошую систему образования, то многие курды могли бы получить хорошую подготовку для жизни в других странах.

Плановый характер экономики

Не будем пессимистами, но будет много и тех, кто поставит вопрос, а возможен ли вообще столь поздний старт национальной экономики? Это резонный вопрос. Сегодня ситуация в Курдистане в чем-то очень созвучна с той, которая существует в других небольших странах Кавказа, например, в Армении, Грузии, Азербайджане или в таких же странах Средней Азии – Киргизии или Таджикистане. Но по сравнению со всеми этими странами, кроме, возможно, Азербайджана, Курдистан находится в более выгодном положении, обладая собственной нефтью.

Нужен план развития страны, который сумел бы уловить основные тенденции развития экономики и так расставить приоритеты, чтобы степень государственного вмешательства была бы наименьшей. При этом понятно, что она будет колоссальной, поскольку в Курдистане, помимо регионального правительства, нет субъектов организации производства, обладающих необходимым финансовым и организационным потенциалом, чтобы развивать современную экономику. Принципиально важно решить вопросы организации собственности, создать такие формы, которые обеспечили бы мобилизацию необходимых ресурсов, в том числе и за счет внешних источников, но в то же время сохранили бы собственность в руках народа Курдистана. Например, стоимость строительства современного НПЗ составляет несколько сот миллионов долларов, и для мирового финансового рынка аккумуляция этих средств не проблема, но внутри Курдистана таких средств нет.

Необходимо оценить экономический потенциал Курдистана. Безусловно, часть задачи может быть решена за счет строительства инфраструктуры, которая обеспечивала бы максимально возможный полный цикл переработки нефти с учетом потенциала Курдистана (рабочей силы, экологии и транспортных возможностей территории). Экономикогеографическое положение Курдистана предопределяет его замкнутость на турецкий и собственно иракский рынки.

Политическое руководство Курдистана сегодня добивается признания в полном объеме того суверенитета, который был завоеван в годы борьбы против режима Саддама Хусейна. Сформулированы четкие условия, на которых Курдистан может оставаться в составе единого Ирака. Это – федерализм как принцип строительства демократического Ирака, а это четко и строго определенные в конституции права народа Курдистана на территорию, природные богатства самого Курдистана, а если будет принят принцип равного участия всех граждан Ирака в богатствах страны, то на согласованную долю Курдистана в национальном доходе страны.

Федерализм – это достаточно размытый принцип, который на практике может сильно различаться в зависимости от реальных механизмов реализации этого принципа. Для Курдистана сегодня важен опыт федеративного строительства других стран. Необходимо понимать, что многие принципы не могут быть выведены из собственного опыта развития, поскольку жизнь много разнообразнее, чем может предположить тот или иной аналитик или теоретик на материале какой-то конкретной страны. Необходим широкий исторический опыт, который должен быть использован для выработки стратегии национального развития Курдистана.

Курдистан вступает в новый этап развития: от автономии де-факто он переходит в режим автономной государственности, которая получает международное признание. Необходимо оценить те факто-

ры, которые будут определять экономическое развитие страны. Это расширяет возможности курдского государства в лице Регионального правительства Курдистана принимать участие в экономическом развитии собственной страны. Это расширение связано с тем, что Курдистан как государство становится субъектом внешнеэкономической деятельности.

Курдистан не имеет еще многих проблем, характерных для большинства развитых стран. Одна из них – непропорциональное развитие городов. Желательно не допустить чрезмерной концентрации деловой активности и производства в центральных городах – Эрбиль, Сулеймания и Дохук. Это можно сделать сегодня, когда высока мобильность перевозок, развиты системы связи.

Отрасли преимущественного роста:

- нефтедобыча и нефтепереработка, электроэнергетика
- строительная промышленность (промышленное и жилищное строительство)
- системы связи, преимущественно мобильной, электронные СМИ
- промышленность стройматериалов
- дорожное строительство
- сельское хозяйство
- сфера образования, издательское дело, электронные носители информации
- здравоохранение
- автосборочная промышленность, бытовая техника, компьютеры.

Конкретные данные о развитии экономики Курдистана.

Политика импортзамещения

Сегодня в Курдистане практически все товары импортные. Необходимо политика импортзамещения на тех направлениях, где реально можно создать конкурентоспособные производства.

У министерства транспорта существует пятилетний план. Если он будет полностью реализован, то на развитие инфраструктуры уйдет 5 млрд. долл. Но общие расходы на эти цели будут много больше, поскольку, кроме государственных, планируется привлекать частные и иностранные инвестиции. Цель – создание системы дорог, построенных по международным стандартам, которые свяжут города Курдистана между собой, а также Курдистан с другими странами и обеспечат транзитные пути в остальной Ирак. Эта инфраструктура крайне необходима, чтобы обеспечить создание экономики Курдистана, она также является крайне необходимой для экономики центрального Ирака. Тысячи большегрузных автомобилей ежедневно пересекают границы, чтобы доставить грузы в Ирак и нынешняя дорожная сеть просто не справляется с этим.

Транзитное положение Курдистана выгодно ему. Это позволит упростить доступ к природным ресурсам региона.

В течение 5 лет ситуация будет существенно улучшена. После того, как эти дороги будут построены, они станут частью инфраструктуры Курдистана и позволят развивать другие сферы экономики, в частности туристический бизнес.

Местная промышленность

Пищевая промышленность: Пищевая промышленность Курдистана обладает прекрасными предпосылками для быстрого и эффективного развития. Прежде всего, она может опереться на высокий аграрно-промышленный потенциал региона.

Сельское хозяйство и ирригация: На Иракский Курдистан сегодня приходится 50% производства пшеницы, 40% ячменя, 98% табака, 30% хлопка и 50% фруктов, производимых в Ираке. Он сохранил свою роль хлебной корзины Ирака.

Иракский Курдистан обладает значительными агроклиматическими ресурсами, которые делают его одним из богатейших сельскохозяйственных районов Ближнего Востока и создают прекрасные условия для развития этого сектора экономики страны, способного решить не только экономические задачи (продовольственная самообеспеченность Курдистана; дополнительные экспортные ресурсы; создание рабочих мест), но и социальные задачи (сохранение традиционного уклада жизни курдов; сохранение возможностей поддержания высокой численности населения; здоровые условия проживания). Министерство сельского хозяйства ставит перед собой три основные задачи: обеспечение продовольственной безопасности региона; сохранение фермерских хозяйств и возобновление их деятельности там, где курды были вынуждены покинуть места проживания; обеспечение защиты окружающей среды от сельскохозяйственной деятельности².

Несмотря на то, что Курдистан расположен в гористой местности, более 28% его территории – это обрабатываемые территории, которые обеспечены богатыми водными ресурсами. Кроме того, здесь выпадает значительное количество осадков, что обеспечивает выращивание урожая при преимущественно дождевом орошении основной массы земель.

В двух губернаторствах – Эрбиль и Дохук – сейчас 2475 деревень. Общая площадь этих двух провинций 1,734,723 га, из которых 768,462 га – обрабатываемые земли, а 966,260 га – необрабатываемые. Большая часть обрабатываемых земель (617,855 га) орошается дождем, и только 44,170 га имеют ирригационное орошение.

Всего в западном районе Курдистана сельским хозяйством занимаются 153 669 фермеров. Принадлежащее им поголовье скота насчитывает около 1,853,914 овец, коз, коров. Площадь пастбищ – 169,475 га. Фермеры имеют 6,803 тракторов и 480 уборочных комбайнов.

Производство пшеницы и ячменя в трех провинциях Курдистана в сезон 2001–2002 гг. составило 735,986 т и 374,808 т, соответственно,

что значительно выше урожая 1989 г., когда он был минимальным после трагических событий 1988 г. и составлял 142,5 тыс. т пшеницы и 44,1 тыс. т ячменя. Производство овощей достигло 394,2 тыс. т, что также превзошло уровень 1989 г. Но возможности региона значительно выше.

Курдистан мог бы стать экспортером зерна, сухофруктов, орехов, семян кунжута, шерсти и консервированных фруктов. Производство кожи, леса, молочных продуктов (сыра и йогурта) также могло бы вестись в промышленных масштабах.

Птицеводство: Курдистан добился огромного роста птицеводства с 1996 г., когда в Эрбиле и Дохуке регионе было 26 небольших птицеферм (209 тыс. бройлеров в год), сейчас около 396 птицеферм (4 млн. бойлеров и 120 млн. яиц в год), что удовлетворяет потребности региона.

Рыбное хозяйство: В регионе много озер и рек, что позволяет развивать рыбное хозяйство с огромным экспортным потенциалом, ориентированным на весь Ближний Восток, где потребляется главным образом морская рыба.

Виноделие: большой потенциал производства вина, поскольку много виноградников (красный виноград). Сейчас значительная часть урожая гибнет из-за отсутствия хранилищ и невозможности своевременного вывоза продукции. По мере реализации программы транспортной сети, появится возможность значительную часть продукции экспортировать.

Табак: Одна из основных сельскохозяйственных культур региона, имеющая высокий международный стандарт. Производится трубочный табак, который пользуется большим спросом на Ближнем Востоке.

Хлопок: Культура, которая приобретает все большее значение для экономики региона. Богатые почвы, продолжительный вегетационный период и обилие грунтовых вод создают идеальные условия для выращивания хлопка.

Свежие и сушеные фрукты: Производство сухофруктов – это одно из наиболее быстроразвивающихся производств в регионе. Существует значительный спрос в регионе и на мировом рынке и необходимо производить продукцию на уровне международных стандартов.

Орехи: Многие фруктовые и ореховые деревья растут в естественных условиях в лесах гор Загрос и Тавр. Фисташки, миндаль, фундук, каштаны и другие орехи в больших объемах собираются с культивируемых участков.

Трюфели: Трюфели, произрастающие в изобилии в естественных условиях в дубовых лесах, могут стать выгодной статьей экспорта за пределы ближневосточного региона.

Особенностью является производство сельскохозяйственной продукции без использования химических удобрений, что высоко ценится на мировом рынке.

Проблема – в развитии мощностей по переработке (складированию, хранению, реализации продукции) сельскохозяйственной про-

дукции, да и в устаревших формах организации сельскохозяйственного производства.

Региональное правительство Курдистана поддерживает производство в регионе, участвуя в закупках зерна, что позволяет регулировать цены на сельскохозяйственную продукцию. Но главная задача Регионального правительства Курдистана – это преодолеть те негативные последствия, которые стали результатом целенаправленных действий режима С.Хусейна по разрушению региона.

Это привело к деградации сельскохозяйственного сектора Курдистана, где в 1988 г. были уничтожены почти 4,5 тыс. деревень, что привело к значительным изменениям в образе жизни их жителей, вынужденных покинуть свои деревни и на долгие годы лишившихся возможности вести традиционное хозяйство. Негативные последствия – это не только проблемы сельского населения, но и разрушение систем ирригации. Война оставила на территории Курдистана огромное количество мин. Правительственные усилия направлены на реабилитацию пострадавшей при Саддаме части сельского населения и на восстановление (реконструкцию) деревень.

Но параллельно и с нарастающей энергией должна решаться задача внедрения новых технологий, без которых не удастся преодолеть патриархальный тип сельского уклада. Необходимо активное внедрение технологий, разработанных для засушливых районов. Необходимо кооперативные связи с Международным центром сельскохозяйственных исследований в засушливой зоне (ICARDA), расположенным в Алеппо (Сирия), с другими исследовательскими организациями. Передовые сельскохозяйственные технологии можно получить в Израиле.

Необходима подготовка собственных кадров. Ускоренная подготовка специалистов для тех или иных отраслей экономики Курдистана могла бы стать задачей диаспоры, которая могла бы использовать сеть учебных заведений стран проживания, чтобы подготовить специалистов.

Главная установка в развитии сельского хозяйства – повышение урожайности основных сельскохозяйственных культур. Это потребует производства удобрений и увеличение и диверсификации парка сельскохозяйственной техники. Часть удобрений могла бы производиться в Курдистане, здесь же можно было бы организовать сборку сельскохозяйственной техники.

Ирригация

Ирригационное строительство в интересах территорий, расположенных значительно ниже по течению, – одна из реальных сфер экономики Курдистана. Неслучайно, в Курдистане функционирует единое министерство сельского хозяйства и ирригации.

В Курдистане необходимы ирригационные проекты, поскольку в дополнительной ирригации нуждаются 2 тыс. деревень в регионе.

Здесь практикуется строительство подземных водоводов, которые называют «карезес» (*Karezses*), чтобы обеспечить водой равнины Эрбиля и Сулеймании: Муртика (Murtika), Гирдмала (Girdmala), Куштапа (Qushtapa), Кашим Ага (Qasim Agha), Мала Афенди Каснезан (Mala Afendi Kasnezan), Араб Кенд (Arab Kend), Хаджи Алиас (Haji Alias) и Давид Ага (Dawid Agha).

В Дохуке и Эрбиле реализованы за последние годы 145 ирригационных проектов, построено 290 км водоводов и 74 глубинных скважины. Построены 530 водных резервуаров (объемом 10–20 тыс. каждый), чтобы обеспечить более экономное расходование воды.

Город Сулеймания на 90% зависит от привозной воды. Там старая система подачи воды и стока отработанных вод, которые будут перестраиваться, как и в Эрбиле.

Лесоводство

Иракский Курдистан имеет 768,7 тыс. га природных лесов. Министерство сельского хозяйства и ирригации планирует насаждение лесов. К настоящему времени посадки произведены на площади 3,7 тыс. га.

Лесопитомники есть в провинциях Дохук и Эрбиль. Сажены фруктовых и ореховых деревьев раздаются фермерам для посадок, чтобы увеличить число фруктовых и ореховых насаждений. Последнее связано с попытками правительства восстановить сады в Курдистане, погубленные во время правления Саддама.

Восстановление Курдистана: Сразу после формирования собственных органов власти в 1992 г. курды занялись восстановлением своей страны. В 1992–1999 гг. было построено более 1 тыс. км новых дорог, 600 км были отремонтированы и заасфальтированы, было построено 15 новых мостов.

Почти 132 млн. динаров было израсходовано на возобновления местной промышленности, на закупку машин, оборудования, сырья, особенно для восстановления работы фабрик по производству тканей, сигарет, консервных фабрик и карьеров по заготовке мрамора. Около 26% регионального бюджета было израсходовано на строительство, ремонт, отделку правительственных зданий.

Большая работа потребовалась, чтобы расчистить улицы главных городов, построить новые дренажные системы, обеспечить водоснабжение, наладить движение автотранспорта, восстановить парки и другие объекты, но эта работа успешно начата. На эти проекты израсходовано 65 млн. динаров, или 3,8% бюджета.

Однако в Курдистане пока только один цементный завод, расположенный в Сулеймании. Его производственных мощностей не хватает, чтобы выполнять огромную программу строительства.

Гравий, кирпич и стальная арматура в постоянном дефиците, но предпринимаются усилия для поиска альтернативных поставщиков. Программа расселения тысяч перемещенных людей является при-

оритетом для Регионального правительства Курдистана и центрального правительства в Багдаде. Ее реализация потребует массового строительства жилья.

Вместо заключения Краткий комментарий редактора

Представленный курдским ученым доктором экономических наук Б.Хошави материал об экономическом развитии Иракского Курдистана весьма важен и интересен. Однако он лишен каких-либо выводов и аналитических оценок, содержит немало спорных и противоречивых положений. Вместе с тем, в нем отражается позиция иракских курдов по ряду актуальных вопросов. Поэтому редактор вынужден кратко прокомментировать некоторые положения представленного для публикации текста.

Д-р Б.Хошави в своей статье ставит вопрос о важности незамедлительного решения экономических проблем региона. В то же время он пока не сумел предложить конкретных путей их решения. Автор все еще подходит к их трактовке с позиций многовековых мечтаний курдского народа о процветающем национальном государстве. Об этом, в частности, свидетельствуют такие утверждения д-ра Хошави, как, например, о «становлении региона как самостоятельного государства», хотя, по воззрению того же автора, ряд обстоятельств не позволяет объявить Иракский Курдистан независимым. Региональная экономика Южного Курдистана еще только начинает свое развитие. При этом автор теоретизирует о возможных путях развития курдистанской экономики. Он указывает на огромный экономический ресурс Иракского Курдистана, но не знает, как обратить его на пользу курдского сообщества. Очевидно, что экономическое теоретизирование при отсутствии статистических данных требует комментария авторитетного экономиста. Тем не менее, на наш взгляд, решение проблемы экономического (как и политического) развития Иракского Курдистана осложняется тем, что сегодня курды помогают американцам, которые раздают им щедрые обещания содействовать в их продвижении к независимости. По свидетельству некоторых американских авторов, США уже пытались внедрить в Иракский Курдистан либеральную экономическую модель, которая, по их мнению, оказалась неэффективной. Это говорит в пользу того, что реформы не могут быть навязаны извне. В то же время, по мнению Хошави, курды поставлены перед решением весьма сложных проблем таких, как создание современной промышленности и сельскохозяйственного производства, сбыта продукции, подготовки национальных кадров, решения социальных и демографических проблем и пр. Они действительно нуждаются в квалифицированной помощи. Однако, несмотря на

внутриполитическую стабильность Иракского Курдистана, экономические реформы продвигаются весьма медленно. По признанию Б.Хошави, курдские экономисты еще только рассматривают различные пути развития региональной экономики, собираются провести инвентаризацию имеющихся ресурсов и разработать собственную программу экономического развития региона.

Его слова подтверждает, в частности, позиция и Лари Хаттаха, министра планирования Регионального правительства Курдистана, заявившего недавно, что Южный Курдистан будет следовать успешным моделям развития таких городов, как Дубай и Сингапур с целью, в конечном счете, создать то, что он назвал «курдской моделью».

Сложности в экономической сфере в определенной степени компенсируются, по мнению Б.Хошави, успехами в политической области. Так, в КАР были созданы демократические институты, а верховный правитель получил статус «президента». Дж.Буш, с гордостью подчеркивает Б.Хошави, уже использует в обращении к М.Барзани слово «президент».

Американцы непрочь «подыграть» иракским курдам, тем самым как бы подтверждая свое стремление к долговременному политическому сотрудничеству с ними. Хотя Соединенные Штаты и не форсируют проблему курдской независимости, в мировом общественном мнении активно распространяется представление о том, что в Иракском Курдистане уже идет становление самостоятельного государства. Это дает основание Хошави утверждать о признании кое-кем за рубежом этого региона как государства. Поэтому автор уделяет большое внимание важности ведения руководством КАР самостоятельной внешней политики, независимой от Багдада. Это поощряется Соединенными Штатами, политические функционеры которых поддерживают у иракских курдов позитивный психологический настрой на осуществление мечты о собственной государственности.

Хотя автор и не анализирует причины того, почему курды не заявляют о независимости КАР, специалисту понятно, что иракские курды поставлены в такие условия, которые позволяют сформировать в Южном Курдистане национально-территориальное объединение под американским протекторатом. Курды же стремятся к подлинной независимости, поэтому решение этого вопроса они сознательно отодвигают на неопределенный срок. Вместе с тем, в Иракском Курдистане проводятся демократические реформы в области системы образования; предпринимаются попытки создания бизнес-сообщества путем финансирования малого и среднего бизнеса, актуализируется общественно-политическая роль курдской женщины и пр.

Однако навязываемые иракским курдам Западом пути реформации с трудом воспринимаются курдским сообществом. Так, например, созданные в Иракском Курдистане университеты превращаются в центры националистической идеологии. Курдское студенчество, большин-

ство которого составляют девушки, формирует собственное мнение о будущем Иракского Курдистана. Поэтому американские советники пытаются заменить эти учебные заведения путем создания нового университета, в котором обучение будет вестись не на курдском, а на английском языке по зарубежным программам. Его возглавит известный курдский политолог Аббас Вали, известный специалист по иранским курдам, много лет преподававший в Уэльском университете.

Б.Хошави, с одной стороны, поддерживает всестороннее развитие образовательной системы в Иракском Курдистане, а с другой, отмечает необходимость подготовки квалифицированных кадров за рубежом. Признавая приоритет западной науки и образования, Б.Хошави все-таки является защитником самобытных курдских ценностей. Не случайно он в своей статье говорит о важности поддержания в КАР «имиджа ближневосточной демократии», несмотря на то, что Иракский Курдистан как бы выразил готовность принять принципы западной демократии.

Безусловно, курды не препятствуют развитию демократии, но в то же время Хошави указывает на специфику курдского подхода к проблеме демократического развития региона.

В целом, несмотря на западное идейно-политическое влияние, курдский ученый по ряду ключевых вопросов политического и экономического развития Иракского Курдистана остается сторонником поиска «курдского» пути развития. Он ставит жизненно важные для сегодняшнего Иракского Курдистана проблемы, требующие изучения и осмысления.

¹ См. Husein Kurdnazhad. The Age Structure in Iraqi Kurdistan. – The Globe, August 23, 2005, № 20, с. 11.

² KRG Ministry of Agriculture, 2004.

О.И.Жигалина

НЕФТЯНАЯ СИТУАЦИЯ В ИРАКСКОМ КУРДИСТАНЕ

В конце марта 2003 г. началась неспровоцированная агрессия США в Ираке, которая радикальным образом изменила не только положение в Ираке, но и на всем политическом пространстве. В оккупации страны приняли участие 33 государства. Однако массированная интервенция не принесла обещанного мира и спокойствия иракским народам и даже ухудшила экономическое и политическое положение Ирака. В начале 2006 г. можно констатировать все еще весьма незначительное улучшение ситуации лишь в Курдском автономном районе (КАР), где все более существенную роль начинает играть добываемая здесь нефть, что вызывает неоднозначную реакцию исламских группировок и соседних стран. Обострение внутривосточной и международной борьбы за курдскую (и иракскую нефть в целом) проходит под пристальным вниманием оккупационных властей.

Нефтяные цели американской агрессии

США располагают довольно крупными месторождениями нефти, но, как мощная супердержава, они постоянно наращивают ее потребление. Если в 70-х годах истекшего столетия США производили и закупали за рубежом примерно одинаковое количество нефти, то уже к 2000 г. импорт стал заметно превосходить национальную добычу. Еще раньше с такой ситуацией столкнулись другие индустриальные государства (за небольшим исключением), большая часть которых входит в состав агрессивного военного блока НАТО. Сложившаяся ситуация обострила политическую, экономическую и вооруженную борьбу за нефтяные ресурсы.

США, называя себя поборником демократии, находили благовидные предлоги для укрепления собственных глобальных позиций. Так, они напали на Афганистан в 2001 г., где располагались боевые отряды «Аль-Каиды» (и Талибан), совершившие 11 сентября того же года террористические акты в Нью-Йорке. Успешная боевая операция позволила США и их союзникам ввести свои войска в Пакистан и Афганистан, а затем (как обычно, «на временной основе») в Киргизию, Узбекистан и Таджикистан, а через некоторое время и в Грузию. Это позволило участникам операции взять под контроль огромный нефтяной регион Каспийского моря и заодно «держать под прицелом» множество стран, включая Россию, Китай и Индию. Следует напомнить,

что еще в 1980 г. США, освобождая Кувейт от вторгшихся иракских войск, «временно» разместил свои войска в зоне Персидского залива: в Саудовской Аравии, ОАЭ, Кувейте, Омане и Катаре, взяв под контроль ближневосточную нефть.

Нападению на Ирак предшествовала мощная компания по обработке общественного мнения. Страны Запада почти единодушно обвинили президента Ирака С.Хусейна в том, что он тайно производит атомное и химическое оружие и готовит нападение на ближневосточного стратегического союзника США – Израиль, оккупирующего палестинские и сирийские земли. Пропагандистская компания велась на самом высоком уровне – президентом США Джорджем Бушем-младшим и его министрами.

В первый же год оккупации Ирака было установлено, что в Ираке нет атомного или химического оружия, как нет и установок для их производства. Стало ясно, что США и их союзники добивались главным образом устранения С.Хусейна, который не разрешал западным компаниям вести добычу и продажу иракской нефти. Поэтому вскоре оккупационные власти отменили санкции, разрешавшие Ираку действовать лишь в рамках постановления «Нефть в обмен на продовольствие», принятого ООН в 1996 г. Казалось, созданы необходимые условия для выкачивания иракской нефти, запасы которой оценивались в 100 млрд. баррелей, или составляли более 10% мировых резервов¹.

На берега Тигра и Евфрата вернулись американские, английские, итальянские и др. нефтяные монополии, которые стали «живо» делить нефтяные поля поверженной страны. Была дана широкая реклама по проведению тендеров на нефтяные месторождения с чрезвычайно низкой себестоимостью добычи. Официально утверждалось, что, если в 70-х годах при С.Хусейне добыча жидкого топлива достигала 3,7 млн. б/с (баррелей в сутки), а сейчас из-за спада производства (в том числе из-за пожаров на некоторых скважинах) всего 1,3 млн. б/с, то через 3 года будут добываться 4 млн. б/с.² Одновременно планировалось, что нефтепровод Киркук-Джейхан, перекачивавший ранее 800 тыс. барр. в день, будет транспортировать до 1 млн. барр.³ Эти прогнозные цифры должны были показать реальные результаты экономических санкций и эффективности западных компаний, оттеснивших государственную иракскую компанию. При этом национальные и транснациональные корпорации осваивали, в первую очередь, южные и центральные месторождения, не вмешиваясь в нефтяные дела КАР.

Конечно, ко всем публикуемым статистическим данным Ирака следует относиться весьма осторожно, ибо в стране нет современной статистической службы. Примечательно в этом отношении признание одного чиновника из министерства нефти в Багдаде: «Мы не знаем, сколько нефти точно экспортируется, мы точно не знаем, по

какой цене она продается, и мы не знаем, куда идут доходы от ее продажи⁴». Это признание можно считать достоверным особенно в настоящее время, когда Ирак погружен в экономический и политический хаос.

Первыми с оружием в руках против оккупационных войск поднялись арабы-сунниты, на которых десятилетием опирался С.Хусейн. Лишенные привилегий, опасаясь мести шиитов и курдов и насчитывая лишь 20–25% населения, они стали нападать на оккупантов и, как они говорили, «на местных предателей», организовывать взрывы на нефтепроводах и терминалах. Против интервентов-иноверцев выступили и некоторые довольно крупные группировки шиитов. Добыча нефти, составившая в начале 2003 г. около 2,5 млн. б/с, сократилась почти вдвое, а нагрузка на нефтепровод Киркук-Джейхан упала в 4 раза, до 200 тыс. барр. в сутки⁵. Не только политическое прикрытие, но и истинные цели американских агрессоров потерпели полный крах. На фоне всеобщего хаоса и экономического упадка благополучным выглядел лишь небольшой островок Ирака – Курдский автономный район.

Курдистан: борьба за стабильность и развитие

Формально Курдский автономный район был провозглашен в 1974 г. Но его финансирование и, стало быть, развитие определялось из Багдада Саддамом Хусейном. Всякие попытки получить большие экономические или политические права резко пресекались Багдадом. А в 1988 г. Хусейн даже применил химическое оружие против непокорных курдов в местечке Халабджа.

Новый этап для КАР наступил после завершения в 1991 г. американской акции «Буря в пустыне», когда США обязали С.Хусейна вывести войска из Курдского района, обеспечили «воздушный зонтик» выше 36-ой параллели, запретив иракским военным самолетам летать над северным Ираком. Курды получили большие, хотя все еще ограниченные, политические и экономические свободы.

Поистине радикальные сдвиги произошли после свержения диктатуры С.Хусейна. КАР получил значительные права и свободы, которые были закреплены в Конституции 2005 г., одобренной большинством населения. Создалась ранее невиданная обстановка, которая позволила 4 млн. курдскому народу (15–20% от общей численности населения Ирака) приступить к обустройству автономии. За короткий промежуток времени произошли важные структурные изменения в политическом устройстве страны и в КАР, а в последнем к тому же зафиксированы крупные социально-экономические перемены. Курдская автономия продемонстрировала заметные темпы хозяйственного развития, что служит примером для остальных провинций Ирака. Причем, нефть пока не стала «локомотивом» экономического прогресса региона, и за доходы от ее экспорта еще только разгорается внутрииракская и международная борьба.

Важным фактором стало то, что месторождения нефти Ирака распределены неравномерно. Основные ее запасы выявлены на юге страны, где преимущественно проживают арабы-шииты. Несколько меньшие залежи сосредоточены на севере, где традиционно проживают курды. В центральной части Ирака, где проживают главным образом арабы-сунниты и туркмены (туркоманы), ее запасы незначительны. Из такого размещения месторождений проистекают острые принципиальные споры о границах КАР и о способах распределения нефтяных доходов.

Арабы-сунниты, находившиеся ранее в привилегированном положении, ныне активно выступают за национально-конфессиональное распределение доходов от производства и экспорта сырья. Они опасаются раздела Ирака (на шиитскую, суннитскую и курдскую части), из-за чего сунниты могут остаться малообеспеченной нефтяными ресурсами и, стало быть, наиболее обездоленной общиной иракских этносов. Их поддерживают туркмены, которые, опираясь на солидарность Турции, претендуют на часть курдской нефтяной территории.

Поскольку руководство КАР и практически все курды считают, что значительная часть исторически принадлежащей им территории даже не вошла в границы автономии (в частности, с крупными месторождениями нефти в окрестностях Киркука и Мосула), то и здесь представляется трудным определить рамки залегающих «курдской нефти». Нередко встречаются утверждения, что «на территории Иракского Курдистана добывается свыше 60% нефти Ирака⁶. Вполне возможно, что эти подсчеты включили производство жидкого топлива в районах Киркука и Мосула.

Встречаются еще более расширительные толкования курдских месторождений. Так, «Новый Курдистан» поместил статью, в которой безапелляционно утверждается, что «вся иракская нефть и вся иранская нефть на самом деле является курдской⁷. Понятно, что такие националистические заявления не соответствуют истине и провоцируют межэтнические споры с непредсказуемыми последствиями.

Ближе всех к истине стоят данные ОПЕК, приведенные в различных публикациях. В них указано, что в КАР доказанные запасы нефти составляют 45 млрд. барр.⁸, или 39% от общего объема иракской нефти. Однако, по нашему мнению, нельзя исключать, что на долю КАР приходится около трети жидкого топлива Ирака. (Видимо, эта пропорция может сохраниться и в случае возобновления геологоразведочных работ по всему Ираку). Объемы же добываемой и экспортируемой нефти остаются неизвестными и, как обычно, считаются «коммерческой тайной».

Выше отмечалось, что в КАР была достигнута большая стабильности и более высокие темпы экономического роста, чем в остальных провинциях Ирака. Представляется возможным выделить несколько наиболее важных причин, объясняющих это явление.

1) Примирие между двумя ведущими партиями Иракского Курдистана: ДПК, лидером которой является М.Барзани и ПСК, возглавляемого Дж.Талабани. Эти группировки порой резко расходились во взглядах по ряду вопросов, что приводило даже к вооруженному столкновению, как это было в середине 90-х годов истекшего столетия. Впервые после свержения С.Хусейна президентом Ирака был избран Талабани (а вице-президентом араб-суннит). Президентом же КАР был избран М.Барзани, который назначил руководителем правительства своего племянника Нечирвана Барзани. Такие межклановые распределения государственных постов позволили устранить ряд причин борьбы за власть, существенно скрепить единство ДПК и ПСК, упрочить их положение в Ираке и повысить авторитет во взаимоотношениях с другими государствами.

2) Стабилизации и развитию КАР содействовала финансовая помощь ООН, США и некоторых других государств. В 1996 г. ООН приняла резолюцию № 986 «Нефть в обмен на продовольствие», которая позволила в рамках санкций экспортировать иракскую нефть в целях использования получаемой валюты для закупки продовольствия⁹. Летом 2003 г. 13% от валютной выручки передавалось в КАР, что позволило импортировать продовольствие и вкладывать деньги в развитие экономики. Тогда же США сняли санкции, введенные в связи с деятельностью С.Хусейна, направленной против США. Считается, американский конгресс выделил к 2006 г. на «миротворческие» операции в Ираке и Афганистане свыше 300 млрд. долл.¹⁰

3) Американская оккупационная администрация разрешила новому руководству Ирака привлекать иностранные компании. Аналогичное разрешение получил КАР, но при обязательном согласии центрального правительства, что было закреплено в конституции 2005 г. В 2004 г. на территории КАР предпринимательской деятельностью, в том числе в нефтяной отрасли, занимались 9 иностранных компаний, все с разрешения Багдада.

4) Нельзя не отметить трудовой энтузиазм, который охватил курдов после свержения и пленения С.Хусейна. Небольшая часть курдов даже вернулась из стран Европы и Азии, куда она сбежала или эмигрировала, спасаясь от преследований саддамовского режима. Возникший энтузиазм содействовал стабилизации и развитию КАР.

Под воздействием названных причин можно было ожидать еще более значительных результатов экономической деятельности руководства КАР. Однако существовало немалое количество причин, которые сдерживали хозяйственное, в том числе нефтяное, развитие автономии. Среди них выделим главные.

1) Восьмилетняя война Ирака с Ираном (1980–1988 гг.) оставила немало ран на теле КАР. Хотя иранцы старались наносить воздушные удары по нефтяным вышкам Киркука и Мосула, а также по южным нефтедобывающим точкам, тем не менее, бомбы и ракеты пада-

ли и на территорию КАР. Послевоенное восстановление разрушенной инфраструктуры отняло много инвестиций, рабочей силы и времени.

2) Положение усугубилось тем, что С.Хусейн не проявил заинтересованности в быстром восстановлении экономики КАР, систематическое недофинансирование автономии, перекладывание задач по ликвидации ущерба на местные курдские власти затянуло процесс хозяйственного восстановления и развития автономии.

3) Слабое финансирование усугублялось наличием бюрократизма и nepотизма (взяточничества) в центральной власти. В 2005 г. премьер-министр Аль-Джаафари уволил 450 чиновников государственного аппарата, но их сменили другие коррупционеры, и положение в Ираке, практически, не улучшилось. Возможно, что аналогичная проблема существует и в курдском правительстве, но каких-либо сведений об этом в нашем распоряжении нет¹¹.

4) Важным сдерживающим фактором стали терроризм и бандитизм. Следует подчеркнуть, что при Саддаме Хусейне не было терроризма, его породила американская интервенция, и за развитие террора, в том числе, за возникновение шахадизма, несут ответственность США и их союзники. Террористы нападают на оккупационные войска и их местных прислужников, взрывают нефте-газопроводы и терминалы, разрушают электростанции и линии электропередач. Первое нападение на нефтепровод Киркук-Джейхан (Дёртойл) состоялось 1 июня 2003 г., а к октябрю 2005 г. произошли уже 282 нападения. И это несмотря на то, что американские войска тщательно охраняют нефтепроводы и терминалы в Персидском заливе. Дополнительно, иракское правительство выплачивает большие суммы племенным вождям, которые берутся за охрану нефте- и газопроводов. Но никто не может обеспечить безопасность трасс, которые тянутся на тысячи километров через пустыни. А в конце 2005 г. лидеры «Аль-Каиды» призвали участников джихада этого региона атаковать нефтяные объекты «с целью борьбы с западными компаниями, которые лишают мусульман их нефти». Этот призыв может усилить подрывную деятельность «нефтяных террористов»¹².

Нельзя не отметить, что непосредственно на территории КАР было совершено очень небольшое число террористических актов. Это было достигнуто не вследствие американского «воздушного зонтика», а благодаря бдительности и мужеству пешмерга, сумевших обезвредить немало террористов «Аль-Каиды».

Кроме того, на всем пространстве Ирака нефтепроводам и водопроводам ущерб наносят местные жители, включая племенных вождей. Они дырявят нефтепроводы, чтобы для себя или для продажи получить жидкое топливо. А от водопроводов делают ответвления, чтобы оросить свои поля, на которых вода – всегда большой дефицит¹³.

5) Наконец, ущерб наносит контрабандная торговля нефтью. Трудно сказать, кто больше торгует на черном рынке: государство

или частные предприниматели. Но нефть транспортируется на автомашинах во все районы Ирака и за его пределы. Особенно много перевозится нефти через границу с Турцией, меньше – через границу с Ираном. В любом случае, иракское государство или КАР недополучают солидную сумму таможенных сборов, что сдерживает рост инвестиционных фондов.

Помимо названных экономических препон, есть еще политические и этно-конфессиональные факторы, которые негативно воздействуют на хозяйственное развитие не только КАР, но и всего Ирака. Речь идет о двух- и даже трехуровневом противостоянии различных сил.

Во-первых, в стране развернулась вооруженная борьба между арабами и оккупантами. Первыми начали борьбу арабы-сунниты, а затем и шииты. К концу 2005 г. погибли около 2 тыс. американских военнослужащих и свыше 35 тыс. иракцев (включая женщин и детей). Нередко арабы выступают под исламскими лозунгами джихада («борьба с неверными») ¹⁴.

Во-вторых, учащаются столкновения между суннитами и шиитами. Обычно вина за вооруженные стычки возлагается на суннитов, как отторгнутых от государственного управления. Однако в юриспруденции есть непреложное правило: если совершено преступление, то ищи, кому это выгодно. От столкновений двух исламских течений выгадывают, в первую очередь, американцы, которые и здесь используют старый империалистический постулат: «разделяй и властвуй!». Противоборствующие стороны и в сражениях, и в период перемирия остро нуждаются в финансовой помощи, что делает их более «покладистыми».

В-третьих, как шииты, склонные к выделению в отдельное независимое государство, так и сунниты, не поддерживающие идею сепаратизма, выступают против создания независимого государства курдов. Кроме того, руководители этих религиозных направлений не считают курдов истинно «правоверными мусульманами». История знает немало примеров, когда арабы, турки или персы организовывали погромы курдов под зеленым знаменем ислама. А среди курдов есть к тому же немало езидов, алевитов и христиан, что только добавляет неприязни арабов к курдским соседям. Плюс еще опасения, что КАР «позарится» на нефтяные районы, особенно Киркук. Курды понимают это и не спешат провозгласить независимость КАР. Им пока удобней пользоваться американским покровительством и заниматься экономическим и политическим укреплением региона.

Ныне страновые и региональные нефтяные компании с разрешения Багдада эксплуатируют 180 скважин, которые качают жидкое топливо для внутреннего и зарубежного потребления ¹⁵. Естественно, что руководство КАР рассчитывало на большее. Поэтому оно склонно приглашать чуть ли не любую иностранную компанию, лишь бы она повышала инвестиционный потенциал и обеспечивала модернизацию экономики автономии.

Нефтяной прорыв Иракского Курдистана

Среди нефтяных компаний, занимающихся разведкой, добычей и экспортом жидких углеводородов, норвежская компания DNO стала первой, которая по договоренности с правительством КАР и без санкций центрального правительства приступила в конце 2005 г. к поиску нефти и Иракском Курдистане (соглашение было подписано еще в 2004 г.). Так состоялся первый после падения режима С.Хусейна прорыв к самостоятельному производству жидкого топлива ¹⁶.

Подписанное соглашение разрешало компании DNO проводить бурение недалеко от городов Захо – Койсанджак, в 70 км от региональной столицы КАР г. Эрбиль. Было предусмотрено проведение разведочных работ на территории 4 тыс. кв. км сроком на 4 года. Принято считать, что от открытия месторождения до его ввода в эксплуатацию пройдет 5 лет. Как видим, отдача будет нескоро, а в данном случае нефтяные месторождения еще нужно найти ¹⁷.

На церемонии открытия разведывательных работ премьер-министр КАР Нечирван Барзани сказал, что «это богатство пойдет на службу народа Курдистана, который много лет страдал от того, что был отстранен от использования богатств своей страны, которые иракское правительство использовало, чтобы подавлять и преследовать курдов». И далее последовало программное заявление: «Багдад не должен контролировать наши ресурсы» ¹⁸.

Ответная реакция последовала достаточно быстро. «Это – беспрецедентно, – заявил А.Макки, лидер Иракской исламской партии. – Они поступают как независимое государство. Это иракская нефть, и она будет распределена между всеми иракскими партнерами». Далее он указал, что «курды занимают пост президента Ирака и несколько министерских постов, в то время как на севере они идут на нарушение конституции». Некоторые арабы-сунниты высказали опасение, что действия курдов приведут к распаду Ирака «на этнорелигиозные сегменты» ¹⁹.

Несколько расплывчатой была реакция премьер-министра Аль-Джаафари, который напомнил, что Ирак должен в течение ближайших 5–10 лет изменить соотношение между нефтяным и ненефтяным секторами экономики до 75:25, если удастся использовать донорские фонды и частные инвестиции ²⁰. Глава правительства сосредоточил свое внимание не на нарушении конституции, а на необходимости использовать будущий доход от нефти во имя блага всего Ирака.

Компания DNO, имеющая 25-летний опыт работы в Йемене, Мозамбике и Экваториальной Гвинее, проявила готовность к отражению атаки на подписанное соглашение. Она заявила, что статус КАР подтвержден 2-й статьей Конституции, а также Транснациональным административным законом, которые позволяют региональному правительству договариваться с норвежской компанией о добыче нефти и газа на существующих месторождениях. В 2004 г. к тому же между

федеральным и региональным правительствами подписано соглашение «О разделе продукции», по которому Багдад разрешил привлекать иностранный капитал для восстановления хозяйства КАР²¹.

Наконец, DNO привела ряд многозначащих прецедентов. Так, из-за малой мощности устаревших нефтеперерабатывающих заводов и постоянного дефицита нефтепродуктов²² центральное правительство разрешило КАР без согласования с Багдадом закупать бензин, керосин, мазут и пр. А Нечирван Барзани подписал «сепаратное» соглашение с Турцией о транспортировке нефти через ее территорию, за что он неоднократно выражал благодарность турецкому правительству. Администрация в Сулеймании также смогла подписать соглашение с Турцией о поставках электроэнергии в случае разработок нефтяных месторождений иностранными компаниями вблизи г. Чамчамал²³.

Доводы DNO ослабили политическое давление Багдада. Центральное правительство заявило, что оно готово разрешить разработки новых месторождений углеводородов. Но до последнего времени оно продолжало настаивать на общестрановом распределении всех нефтяных доходов, полагая, что этот компромиссный вариант может послужить выходом из сложившегося тупикового положения²⁴.

Однако даже компромиссные варианты вызывают озабоченность соседних государств, с которыми КАР имеет неплохие деловые отношения. Так, Турция и Иран опасаются, что, «если иракские курды, используя доходы от нефти, создадут свое независимое государство, то это спровоцирует восстание 20 млн. курдов, проживающих в Турции, Иране и Сирии». Поэтому прорыв во взаимоотношениях КАР и DNO пробуждает в этих странах тревожные ожидания, а также скрытое и явное противодействие²⁵.

Конечно, восстановление и развитие экономики КАР (как и всего Ирака) требуют привлечения крупных зарубежных капиталовложений. Правительство автономии на свои (главным образом, за счет таможенных сборов) и привлеченные средства приступило к модернизации нефтяных вышек, строительству современного нефтеперерабатывающего завода и электростанций, обновлению нефтепроводов, подготовке соответствующей рабочей силы.

Но не всегда все складывается удачно даже при сотрудничестве с иностранными фирмами. Так, курдское правительство подписало контракт на 70 млн. долл. для ремонта части системы нефтепроводов с компанией «Kelleg Brown and Root (KBR) — филиалом компании «Халибёртон», работающей в Южном Курдистане. Однако, фирма смогла выполнить только половину намеченной работы. Поэтому уже добытые 2 млн. барр. нефти из-за невозможности транспортировки пришлось закачать обратно в скважины²⁶.

В КАР преимущественно используют капиталовложения Турции и Ирана. Но правительство не хочет класть яйца в эти две корзины. Расчет делается на привлечение американских компаний, тем более,

что США уже вложили в развитие нефтяной промышленности Ирака более 1,3 млрд. долл.²⁷

Конечно, «нефтяной прорыв» КАР может вызвать негативную реакцию не только курдских соседей, но и США. В своей мировой практике американское правительство чаще всего для наказания «изгоя» или членов «оси зла» используют политические и экономические санкции, включая торгово-экономическую блокаду (как, например, в отношении Кубы). Если же, в случае ухода оккупационных войск, КАР провозгласит создание независимого государства, то на блокаду могут пойти и курдские соседи. Какие же шансы на выживание могут быть у курдского государства, когда ситуация ограничится экономическими и политическими санкциями и проблема не будет решаться военными средствами?

Во-первых, США в течение 13 лет уже применяли обширные санкции против Ирака С.Хусейна. Страна стала жить хуже, жизненный уровень населения понизился, но даже ограниченные объемы экспорта подорожавшей нефти жизненно выручали. Страна и население выжили. Видимо, такой же результат, вполне вероятен и для КАР.

Во-вторых, курдская экономика, можно сказать, достигает уровня самообеспеченности. В сельской местности преобладает натуральное, патриархальное хозяйство с незначительной склонностью к рыночному товарообмену. Труднее будет городским жителям, хотя многие из них имеют деревенские корни. Но их может поддержать курдская диаспора, отличающаяся высоким уровнем национальной солидарности. Кроме того, страну может выручить ее нынешний недостаток — контрабандная торговля нефтью.

Сказанное позволяет сделать вывод, что в обозримом будущем Курдское государство сможет выжить даже в весьма экстремальных условиях. Иной результат может быть только в том случае, если руководство КАР поспешит провозглашением независимости и не сможет избежать войны. Но создавать такой случай нет смысла, ибо нынешняя политическая и нефтяная ситуация пока работает на арабских курдов. В этой чрезвычайно напряженной обстановке руководители ДПК и ПСК не имеют права на ошибку.

¹ Нефть России, 1999, № 1, с. 1.

² OPEC Bulletin, Vienna, 11–12, 2005, с. 43.

³ Независимая газета (НГ), 23.05.2005.

⁴ Нефтедобыча в Ираке в кризисе;

<http://www.kurdistan.ru/12.12.05-1.htm> 14.12.2005.

⁵ НГ, 23.05.2005.

⁶ НГ, 22.05.2005.

⁷ Новый Курдистан (НК), 03. 07.2002.

⁸ OPEC Bulletin, Vienna, 1999, № 11–12, с. 11.

⁹ НК, 2001, № 1, с. 3.

КУРДСКИЙ АВТОНОМНЫЙ РАЙОН И ПРОБЛЕМА СТАБИЛЬНОСТИ

20 мая 2006 г. постоянный парламент Ирака утвердил состав правительства страны, что означало конец переходного периода в государственно-правовой трансформации Ирака, продолжавшегося с 2004 г. Важнейшими вехами заключительного этапа этого процесса стали утверждение референдумом 15 октября 2005 г. постоянной конституции Ирака и проведение на ее основе выборов в постоянный парламент страны 15 декабря 2005 г. Сформирование нового правительства поставило точку в той части политического конституционного процесса, содержание и развитие которого было определено американцами в 2004 г. Его целью были провозглашены создание легитимных органов государственной власти и нормализация ситуации в стране на основе налаживания внутрииракского диалога.

Претворение в жизнь намеченной программы переустройства иракского государства на демократических началах стало для США задачей первостепенной важности, и ее решение они поставили под жесткий контроль, заставляя иракское руководство четко придерживаться отведенных для каждого этапа сроков.

Демократизация политической системы Ирака «по-американски», направленная на искоренение всего того, что связано с диктаторским режимом С.Хусейна, должна была превратить эту страну в «образец демократии», в «пример для подражания» другим странам Ближнего Востока, в оплот стабильности и безопасности в регионе. Однако осуществление намеченной программы привело к прямо противоположным результатам. Заложенный изначально в формирование иракских властных структур этноконфессиональный принцип имел своим следствием быстрое усиление радикального шиитского исламизма, перевод в разряд оппозиции, в том числе и вооруженной, суннитов, что и ввергло Ирак в глубочайший кризис, охвативший практически все сферы общественной жизни иракского общества.

Исполнившееся 20 марта 2006 г. трехлетие с момента начала военной кампании сил американо-английской коалиции в Ираке послужило поводом для подведения итогов ее деятельности на иракской земле и анализу сегодняшней ситуации в стране. Информационные и аналитические материалы по этим вопросам появились практически во всех мировых СМИ.

¹⁰ Правда, 15.12.2005.

¹¹ Нефтедобыча в Ираке...

¹² Там же.

¹³ Там же.

¹⁴ НГ, 23.08.2005.

¹⁵ Нефтедобыча в Ираке...

¹⁶ Там же.

¹⁷ MEED, L., 13–19.01.2006, с. 12.

¹⁸ Los Angeles Times; 1.12.2005:

<http://www.puk.org/wel/htm/news/news/news051130b.html> 14.12.2005.

¹⁹ Там же.

²⁰ MEED, L., 10–16.02.2006, с. 29.

²¹ MEED, L., 12–18.08.2005, с. 34;

²² Ирак тратит 300 млн. долл. в месяц на импорт продуктов переработки нефти [MEED, L., 12-18.8.2005, с. 33].

²³ Kurdistan Observer, 10/12/2005;

<http://kurdistanobserver.servehttp.com/Dec/10-12-05-oil-deal-kurdistan.htm> 14.12.2005.

²⁴ Нефтедобыча в Ираке...

²⁵ Los Angeles Nimes, 01.12.2005.

²⁶ Нефтедобыча в Ираке...

²⁷ Там же.

Заслугой сил коалиции признается демонтаж диктаторского режима С.Хусейна, но далеко не все согласны с применением военных средств для решения этой задачи. Американцы очень высоко оценивают свои действия по продвижению политического процесса в Ираке. Однако развитие этого процесса не сопровождается подвижками в сторону снижения насилия, сдерживания терроризма, изменения к лучшему повседневной жизни иракцев. За прошедшие три года местная экономика деградировала до доиндустриального уровня, в бедственном положении находится сельское хозяйство, общественный транспорт. Работает только нефтяная промышленность, остро нуждающаяся в модернизации. Но только на ее восстановление требуется не мене 21 млрд. долл.¹

Через три года после войны 60% иракцев живут без электроэнергии, 70% – без водоснабжения, еще больше – за чертой бедности. По имеющимся данным, только за одну неделю марта 2006 г. из Багдада за границу выехали более 3 тыс. человек, главным образом представители среднего класса. Среди них много христиан, которые не видят для себя никакой перспективы. Ирак теряет представителей научной, медицинской, технической и военной элиты. Погибли тысячи врачей и инженеров, сотни бывших летчиков².

Резкое обострение ситуации в стране произошло в конце февраля 2006 г. после подрыва 22 февраля неизвестными лицами одной из важнейших шиитских святынь Золотой мечети «Аль-Аскари» в г. Самарра, что едва не перевело подспудное противостояние шиитов и суннитов в открытую форму. Каждый день только в Багдаде и его окрестностях гибли от 50 до 70 человек различной религиозно-этнической принадлежности. Предотвратить межконфессиональную резню сумели своим вмешательством президент Джалал Талабани и аятолла Муктада ас-Садр³.

Определенные надежды на стабилизацию положения в стране возлагались на правительство, сформировать которое предстояло избранному 15 декабря 2005 г. постоянному парламенту. Решение этой задачи оказалось чрезвычайно сложным, проходило оно в условиях острого кризиса, вобравшего в себя все спектры сегодняшних реалий иракской действительности, очень далеких от тех оптимистических оценок, которые дают ситуации в Ираке президент США Дж.Буш, Кондолиза Райс и разделяющие их взгляды другие представители американской и британской администрации.

Пять месяцев, прошедшие со дня выборов в Совет представителей Ирака (как теперь называется парламент), до утверждения им 20 мая 2006 г. состава первого с момента военного вторжения в Ирак многонациональных сил постоянного правительства, были наполнены острой борьбой основных представленных в парламенте политических группировок не только за пост премьер-министра, но также за кресло президента страны и спикера парламента.

Против утверждения премьером шиита Ибрагима Аль-Джаафари, чью кандидатуру выдвинула одержавшая победу на парламентских выборах шиитская Объединенная Иракская Коалиция (ОИК), представителя партии «Ад-Даава», занимавшего пост главы правительства с февраля 2005 г., самым решительным образом выступали курды и арабы-сунниты. Аль-Джаафари признают ответственным за разжигание этноконфессиональной розни, за преследование оппозиции, будь то арабы или курды, сунниты, шииты или христиане, хотя главный удар правительственные отряды наносят по суннитам. По оценке шейха Хариса Сулеймана аз-Зари, генерального секретаря Ассамблеи исламских улемов, самого влиятельного лидера мусульман-суннитов в Ираке, «за время премьерства Аль-Джаафари в Ираке было убито не менее 50 тыс. человек, причем одной религиозной принадлежности – мусульман-суннитов»⁴. К тому же Аль-Джаафари считается человеком, поддерживающим слишком тесные связи с Ираном. Политическая линия премьера перестала устраивать также американцев и англичан.

Шииты, в свою очередь, настаивали на отставке президента курда Джалала Талабани как представителя меньшинства. Но среди самих шиитов, составляющих большинство членов парламента, тоже нет единства. После декабрьских выборов углубившиеся разногласия внутри шиитского альянса доходили до прямых столкновений⁵.

Затянувшееся противостояние политических сил, фактическое безвластие на протяжении нескольких месяцев усугубили и без того напряженное положение в Ираке: насилие приняло столь широкий масштаб, что многие политики, в их числе президент Египта Хосни Мубарак и генеральный секретарь Лиги арабских государств Амр Муса характеризуют его как уже идущую в стране гражданскую войну⁶. Такого же мнения придерживается и лидер «Высшего совета исламской революции в Ираке» (ВСИРИ), ведущей партии в правящем шиитском религиозном блоке Объединенная Иракская Коалиция, Абдель Азиз аль-Хаким⁷. Ни один день не обходится в Ираке без взрывов, ракетных обстрелов, разрушений жилых домов и административных зданий, мусульманских святынь и памятников архитектуры, гибели и похищения людей, большую часть которых составляют мирные граждане, в их числе дети. Только накануне и в день третьей годовщины официально объявленного в Ираке праздника – Дня свободы 9 апреля (в этот день в 2003 г. многонациональные войска взяли Багдад) взрывы шиитских мечетей в городке Мусаиб и в Багдаде унесли жизни 90 человек, 160 получили ранения⁸. По разным источникам, за три последних года погибло от 100⁹ до 200 тыс. иракцев¹⁰. Дж.Буш в одном из своих выступлений назвал цифру 40 тыс. За это же время убиты более 2,4 тыс. (там же) солдат коалиции¹¹.

Угрозу перерастания локальных акций террора в широкомасштабный гражданский конфликт в Ираке удалось предотвратить, в

конечном счете, в результате преодоления противоречий между противоборствующими сторонами по распределению мест в составе постоянного правительства.

Депутаты Совета представителей переизбрали президентом страны курда Джалала Талабани, лидера партии «Патриотический союз Курдистана». Вице-президентами стали суннит Тарик аль-Хашими, генеральный секретарь Исламской партии Ирака, главной составляющей суннитского «Фронта иракского согласия», и шиит Адиль Абд аль-Махди, один из лидеров крупнейшей в ОИК партии ВСИРИ, занимавший этот пост и ранее.

Спикером парламента был избран суннит Махмуд аль-Машхадани, а вице-спикерами стали член ВСИРИ шиитский шейх Халид аль-Атыйя и Ареф Тайфур, от «Демократической партии Курдистана».

По представлению президента Джалала Талабани парламент утвердил премьером предложенную ОИК кандидатуру Нури Камеля аль-Малики, заместителя Аль-Джаафари в партии «Ад-Даава»¹².

Новое правительство состоит из 40 министров. На три ключевых поста пока назначены лишь временно исполняющие обязанности. Во главе МВД стал сам премьер, его заместители суннит Салам аз-Заубауи и курд Адель Бурхам Салех будут курировать соответственное оборонное ведомство и министерство национальной безопасности¹³.

Выступая перед членами парламента с изложением программы кабинета, Нури аль-Малики отнес к числу первоочередных и важнейших задач обеспечение стране безопасности. Достижение этой цели, по его словам, предполагает «прекращение насилия и всех форм террора, эффективную борьбу с их проявлениями на основе закона при соблюдении принципа уважения общепринятых международных гуманитарных норм»¹⁴. К решению этих сложных проблем и должно приступить правительство национального единства, в котором «в соответствии с результатами волеизъявления во время выборов представлены все слои иракского общества». Выстраивая свою политику на принципе национального диалога и следуя положениям конституции, правительство, говорится в программе, будет продвигаться по пути «создания свободного, плюралистического, федеративного и демократического Ирака»¹⁵. Программа предусматривает также согласование «с заинтересованными сторонами вопроса присутствия МНС (ранее Аль-Малики высказал предположение, что вывод 133-тысячного контингента США из Ирака может начаться «в течение 18 месяцев или ранее»¹⁶), ускоренное выполнение плана создания вооруженных сил Ирака, передачи ответственности в вопросах безопасности иракской армии, полиции и службам безопасности (по мере выполнения сторонами взятых обязательств и в соответствии с выработкой объективного временного графика)»¹⁷.

Программа декларирует всеобъемлющий план реконструкции и развития Ирака, включающий практически все аспекты государст-

венно-правовой, экономической, социальной, культурно-образовательной, а также внешнеполитической сфер деятельности правительства, реализация которого возможна лишь в условиях безопасности и стабильности.

Окончание процесса формирования иракского кабинета получило очень высокую оценку президента США, «воодушевленного», по его собственным словам, созданием в Ираке правительства национального единства, означаящим «конец переходного демократического периода». Новое правительство, считает американский президент, «реализует стратегию, ведущую к победе и закладывающую основы мира на многие поколения вперед»¹⁸. Одновременно Дж.Буш предупреждает новых иракских политических лидеров о неизбежности «многих серьезных вызовов», в противостоянии которым он обещает им поддержку США¹⁹.

Создание постоянного правительства стало заключительным этапом переходного периода построения в Ираке конституционных органов власти. Страна вступает в новый этап своей истории с огромным комплексом накопившихся и пока не решаемых задач. Приоритетное место в деятельности постоянного правительства должно принадлежать прекращению насилия в стране, восстановлению правопорядка и безопасности, обеспечению подъема экономики и повышению жизненного уровня населения. Средством достижения этой цели должно служить, как отмечалось в заявлении МИД России в связи с созданием постоянного правительства Ирака, «конструктивный диалог нового руководства со всеми основными этноконфессиональными общинами и политическими силами страны, в том числе с теми, которые сегодня не вовлечены в процесс государственного строительства»²⁰. Только путь национального согласия может вывести Ирак из глубочайшего кризиса сегодняшнего дня.

Однако сложившийся расклад сил в иракском правящем альянсе не внушает большого оптимизма относительно его способности выстраивать конструктивную линию в деле достижения внутривнутриполитического согласия.

Программа кабинета Нури аль-Малики носит во многом декларативный характер, повторяя практически полностью намерения предыдущего – переходного правительства Ибрагима Аль-Джаафари, при котором насилие в стране приняло широкомасштабный характер, а в наведении «порядка» в стране главной силой по-прежнему остаются американские военные, а не иракские силовые структуры (ИСС).

В арабских политических кругах нового премьера называют «сильным человеком», которого считают способным ограничить деятельность незаконных вооруженных формирований, являющихся главным препятствием на пути стабилизации. Вместе с тем премьер Нури аль-Малики мало чем отличается от предыдущего, более того, его прямо называют «верным соратником» Аль-Джаафари. Вернув-

шийся в Ирак после свержения С.Хусейна, Нури аль-Малики входил в состав комиссии, занимавшейся чисткой государственных и военных структур от суннитов-членов правившей при Хусейне партии Баас. Участвуя в комиссии по подготовке новой конституции Ирака, он выступал против допущения к этой работе суннитов, что, естественно, вызывает их настороженное отношение к новому премьеру. Тем не менее, вице-президент от суннитов Тарик аль-Хашими заявил о «готовности работать с Аль-Малики для создания правительства национального единства, чтобы положить конец насилию в Ираке»²¹.

При обсуждении кандидатов на пост премьера в качестве альтернативы Аль-Джаафари называли шиита Адиля Абд аль-Махди, действующего вице-президента Ирака, одного из лидеров партии ВСИРИ, известного как гибкого политика и более светского представителя религиозных шиитов, поддерживавшегося и курдами, и арабами-суннитами²².

Совершенно очевидно, что трудно ожидать немедленных радикальных перемен в Ираке от нынешнего (как и любого другого, оказавшегося на его месте) правительства. Необходимо время и политическая воля главных участников политического процесса в стране, каковыми на сегодня являются шииты, курды, ослабленные, но не сломленные и остающиеся на игровом политическом поле сунниты и, конечно, МНС, прежде всего их американская составляющая. Доверие к новому правительству будет прямо пропорциональным его способности установления контактов с представителями различных партий, национальных и религиозных общин.

Присутствие войск коалиции – особо острый и болезненный вопрос для иракцев. Политики всех оттенков сходятся в одном: иностранные войска должны покинуть Ирак. Вопрос в том – когда? Некоторые, считая, что с выводом МНС ситуация в стране нормализуется, и иракцы сами наведут порядок в своем доме, настаивают на составлении четкого графика вывода коалиционных войск. Однако большинство политиков как в Ираке, так и за его пределами, признают, что уход американцев сейчас имел бы катастрофические последствия не только для Ирака, но и для всего региона, исход которых никто не берется предсказать.

Новому правительству Ирака, сформированному в нарушение конституционных принципов не без вмешательства американцев, придется выполнять заявленные обещания в ныне действующих условиях, проявляя гибкость в выборе средств и методов для решения каждой конкретной задачи. Удастся ли ему справиться с этим, покажет время.

Сложности в развитии политического процесса в Ираке, сопровождающие его эксцессы, формы, в которые выливается противостояние участников этого процесса, кроме привходящего фактора (присутствия и действий МНС), определяются также внутренними причи-

нами, главной из которых является существенный разрыв в уровнях социально-политического развития иракских территорий, сохраняющих многие черты традиционализма.

Единственным регионом внутри Ирака, обладающим необходимой экономической, социальной и культурной базой, служащей основой формирования современной политической государственности, можно назвать Курдский Автономный район (КАР), где параллельно с развитием конституционного процесса постсаддамовского периода на федеральном уровне идет совершенствование государственно-правовой системы Автономии, основы которой были заложены еще в начале 90-х годов.

К моменту вторжения в Ирак в марте 2003 г. многонациональных сил Иракский Курдистан представлял собой зону стабильности, какой он продолжает оставаться и сегодня, демонстрируя пример динамично развивающегося, быстро модернизирующегося района. Оценить в полной мере масштаб происходящих в Иракском Курдистане перемен можно, лишь сопоставив то положение, в котором находился этот район в 1990–1991 гг., с его нынешним обликом. Главными факторами, повлиявшими на столь качественную трансформацию КАР, стали вмешательство в 1991 г. в ситуацию в Курдском Автономном районе США (фактор внешний), которые спасли курдов от преступной политики режима С.Хусейна, поставившего курдов на грань выживания. А вторым и очень важным слагаемым этого процесса явилась эволюция, проделанная главными политическими силами курдов – Демократической партией Курдистана во главе с Масудом Барзани и Патриотическим союзом Курдистана, возглавляемым Джалалом Талабани, сумевшими, пройдя через годы острейших разногласий, непонимания, ожесточенного противостояния, не раз принимавшего вооруженный характер, освободиться от тяжелого груза прошлого, в том числе и от личных амбиций, во имя сохранения Курдистана как национального образования и обеспечения достойной жизни населению Автономии.

В 90-е годы Иракский Курдистан, находившийся фактически в состоянии войны с властью в Багдаде, приобрел значительный опыт самостоятельного управления регионом, который позволил курдским лидерам добиться значительного успеха в становлении курдской государственности в постсаддамовский период. Ее дальнейшему укреплению содействовали выборы в Региональный парламент 30 января 2005 г., избрание президентом Автономии Масуда Барзани и декларирование образования регионального правительства, которому предстояло еще создать единую администрацию и преодолеть сохранявшуюся разделенность на два района с двумя центрами управления – в Эрбиле и Сулеймании²³.

Политическое руководство КАР полностью осознает, что будущее курдов зависит от изменений, происходящих в Ираке, а поэтому оно в последние три года выступало активным участником государст-

венно-политического строительства и восстановления постсаддамовского Ирака, что имело весьма позитивные результаты. Курдские лидеры сумели не только защитить достижения Курдистана, но и существенно укрепить свои позиции на федеральном уровне²⁴. На январских выборах 2005 г. в парламент страны, которые бойкотировались арабами-суннитами, курды получили 77 (из 275) мест в переходном парламенте и пост президента страны. Им стал лидер партии Патриотический союз Курдистана Джалал Талабани. Курды получили также министерские кресла в переходном правительстве. Доминирующее положение они занимали в военном ведомстве.

Все это позволило курдам достойно отстаивать свои национальные интересы при выработке постоянной конституции Ирака. По оценке д-ра Хошави Бабакура, «руководство Курдистана прекрасно справилось с задачей позиционирования Курдистана в ходе переговоров по конституции и добилось закрепления своих достижений в новой конституции Ирака. Она не только подтвердила и официально закрепила все полномочия регионального правительства Курдистана, но и признала законность всех его решений, в том числе экономических контрактов за период с 1992 по 2004 гг. Постоянная конституция, принятая на референдуме 15 октября 2005 г., фактически признает независимость Курдистана с 1992 г.»²⁵

Постоянная конституция Ирака закрепила также выдвинутую курдами идею федеративного устройства иракского государства и подтвердила все положения, касающиеся статуса КАР, а также права курдов и других этнических групп, проживающих в Курдистане, ранее изложенные в Законе об управлении Государством Ирак (Временной конституции). Статья 140 постоянной конституции признает Киркук столицей КАР²⁶. Новая конституция максимально отражает интересы курдов. Президент Курдистана Масуд Барзани назвал ее «лучшим вариантом конституции, на который курды могли бы рассчитывать в границах Ирака»²⁷.

Сегодня курды представлены на высшем уровне иракского руководства, они возглавляют министерства и ведомства Ирака, их позиции в высших органах управления страной закреплены конституцией. Усиление курдского присутствия в федеральных органах власти и увеличение числа политиков-курдов общеиракского уровня, какими являются Масуд Барзани, Джалал Талабани, Хошияр Зибари, Махмуд Осман и др., создают условия, позволяющие обеспечить справедливость и равное отношение центрального правительства к нуждам Курдистана²⁸.

Практически одновременно с завершением процесса формирования федерального постоянного правительства очень важное политическое событие произошло в Курдском Автономном районе. 7 мая 2006 г. на свое чрезвычайное заседание в Эрбиле собралась Национальная ассамблея Курдистана, где в присутствии вице-президента и спикера Совета представителей Ирака, послов зарубежных госу-

дарств и многочисленных гостей был объявлен состав первого со времени падения баасистского режима объединенного кабинета регионального правительства Курдистана²⁹. Это событие имеет огромную историческую значимость. Прежде всего оно подводит черту под длительным противостоянием основных политических сил курдов, служившим препятствием на пути преодоления разрушительных последствий антикурдской политики багдадских режимов, что при условии дальнейшего укрепления достигнутого единства будет служить ускорению процесса всестороннего развития Курдистана на основах мира, безопасности и стабильности. К тому же достижение консенсуса внутри политического руководства курдов, если и не лишает полностью, то все же существенно подрывает возможности антикурдски настроенные силы как в Ираке, так и за его пределами, вмешиваться в дела Курдистана.

После объявления 7 мая Национальной ассамблеей Курдистана состава нового объединенного кабинета с изложением обширной программы, которой намерено следовать правительство, выступил его премьер-министр Нечирван Барзани. Обращаясь ко всем присутствовавшим на заседании Национальной ассамблеи, премьер назвал создание единого правительства Курдистана событием «историческим, знаменующим фундаментальные изменения и открывающим новую страницу в истории курдов», за которым, по его словам, последует «много перемен в будущем»³⁰.

Нечирван Барзани в своей речи сделал упор на «эффективности, открытости и правильном управлении».

В числе главных задач, стоящих перед кабинетом, премьер назвал «отношение к гражданам без дискриминации, защиту каждого и всех, создание равных возможностей для всех, уважение социального, религиозного и политического состава населения Курдистана, обеспечение безопасности и правления в соответствии с законом, а также личных и коллективных свобод». Претворение этих задач в жизнь, отметил премьер, требует создания прочной правовой базы, что вызывает необходимость «корректировки конституции КАР, ее адаптации к современным реалиям и формирование стабильных конституционных институтов для дальнейшей поддержки демократических процессов»³¹.

Правительственная программа Курдистана охватывает практически все сферы политической, экономической, социальной, культурной жизни курдского общества, в ней позиционируются отношения регионального правительства с федеральной властью Ирака и с региональными государствами. Ее главная направленность – содействовать «созданию такого гражданского общества, которое было бы свободным, демократичным и терпимым». Средство достижения этой цели – устойчивое экономическое развитие на основе модернизации, ибо, как отмечается в программе, «ни одна страна не может быть

безопасной и стабильной, если ее экономика слаба»³². В число конкретных мер, способных обеспечить устойчивое и поступательное развитие экономики Курдистана, входит поддержка правительством создания государственных и частных промышленных предприятий с участием иностранных инвесторов. Особый упор делается на ускорении роста числа малых предприятий, развитии частного сектора, который «может и должен стать двигателем экономики Курдистана», поскольку этот сектор позволяет значительно увеличить рабочие места, снизить уровень безработицы, повысить доходы населения и улучшить качество его жизни.

Большое внимание в программе уделено сельскому хозяйству КАР, обладающему большим потенциалом, но из-за неразвитой инфраструктуры, отсутствия инвестиций, неотлаженной системы сбыта и переработки сельхозпродукции остающемуся малопродуктивным. Изменить ситуацию в этом секторе экономики правительство намерено за счет увеличения производства, импорта новых технологий, создания агропромышленности. Способствовать этому будет также возвращение насильственно переселенных жителей в их родные деревни.

Курдистан представляет собой регион с неограниченными туристическими возможностями. В развитии этой отрасли правительство видит средство существенного увеличения рабочих мест.

Намеченные в программе задачи не могут быть реализованы без хорошо подготовленных кадров специалистов в различных областях государственной и общественной деятельности. Этой сфере, как сказал премьер, новое правительство отводит приоритетное место, направляя усилия на приспособление быстро развивающейся в Курдистане системы образования всех уровней к требованиям современности, активно внедряя в образовательный процесс новые информационные и телекоммуникационные технологии³³.

Предметом особой заботы региональной власти является предоставление возможности каждому гражданину Курдистана получить достойное образование. Программа вновь подтверждает приверженность курдского правительства курсу, учитывающему плюралистический характер населения Курдистана, его культурное и языковое разнообразие. В Курдистане живут арабы, туркоманы, халдеи, ассирийцы, армяне. Кроме школ с преподаванием на курдском и арабском языках, более десяти лет работают и получают поддержку со стороны регионального правительства школы, где обучение ведется на родном языке. Недавно при поддержке правительства была открыта школа с преподаванием на арамейском языке.

Правительственная программа имеет социальную направленность: в ней подчеркивается намерение новой власти «проявлять серьезную заботу обо всех социально-экономических уровнях курдского общества». Особый упор сделан на роли женщин, их обяза-

тельном участии наравне с мужчинами в экономике, в политической, социальной и культурно-образовательной сферах.

Новое правительство намерено уделять самое серьезное внимание молодежи, оказывать ей всяческую поддержку и поощрять молодых на то, чтобы они «играли эффективную и конструктивную роль» в общественном развитии, содействуя этим обретению грядущими поколениями «естественного права на светлое будущее в пределах разумных ожиданий».

Нечирван Барзани, напомнив о жертвах баасистского террора, заявил о необходимости разработки эффективной программы, предусматривающей комплекс специальных мер заботы о пенсионерах и семьях, которые потеряли кормильцев или имеют в своем составе инвалидов и людей с ограниченными возможностями.

Столь грандиозные планы единого кабинета КАР потребуют огромных средств. Частично они должны поступать из федерального бюджета. «Правительство Ирака, говорится в речи премьера, должно исполнить свои обязанности и компенсировать потери и ущерб, которые были нанесены Курдистану, выделяя региону справедливую долю из федерального бюджета».

Следует отметить, что сейчас по договоренности с центральными властями курды получают из бюджета 17%. Претендуют они на 25–30%. Но о такой доле речь может идти только после включения в КАР районов Киркук, Ханекин, Махмур и др., которые сейчас не входят в Автономию. После их возвращения число курдов, как полагают специалисты, возрастет с 4,5 млн. до 7 млн. человек из 27 млн. населения Ирака³⁴. (По оценкам, курдов в Ираке 6 млн., из них 4 млн. компактно проживают на севере страны.)

Другим источником финансирования планов развития курдское руководство называет доходы от нефти и газа. Большие надежды оно при этом возлагает на иностранные инвестиции. Региональное правительство заявляет о своей готовности продолжать уже ведущуюся совместно с Национальной ассамблеей Курдистана работу над принятием закона об инвестициях. Его предполагается сделать гибким, привлекательным и поощряющим приход иностранного капитала в регион. Цель властей – «сделать Курдистан воротами для инвестиций в Ирак и обеспечить законные права народа КАР на долю в инвестициях, капитале и бюджете Ирака»³⁵.

В своей речи Нечирван Барзани особо подчеркнул, что главными предпосылками социально-экономического развития являются безопасность и стабильность. В значительной степени властям Курдистана удалось этого добиться благодаря поддержке «Америки, Соединенного Королевства и других союзников и друзей в предшествующие годы», которым премьер выразил огромную благодарность. В последнее время порядок в регионе обеспечивается главным образом собственными профессиональными национальными вооруженными

силами – пешмерга, службами безопасности и полиции при активном участии и помощи со стороны гражданского населения³⁶.

Командующий подготовкой иракских сил безопасности полковник Дэвид Грей, характеризуя ситуацию в северном Ираке, отметил, что «иракская армия (представленная в курдском регионе войсками пешмерга – прим. автора) и полиция на севере Ирака уже взяли на себя контроль над безопасностью в провинциях Сулеймания и Салахэддин и готовятся к ведущей роли во многих районах и окрестностях города Киркука. Они добились больших успехов: в Северном Ираке редко наблюдается уровень насилия, который можно увидеть в Багдаде»³⁷.

Однако это вовсе не означает, что Курдистан и его жители не подвергаются тем же актам насилия и террора, что и другие районы Ирака. Эта проблема, равно как и все развивающиеся в КАР процессы, неразрывно связаны со всем тем, что происходит в Ираке в целом. Обеспечение мира и стабильности в стране – проблема общая для всех иракцев. Поэтому региональное руководство заявляет о своей готовности прилагать все усилия и использовать все свои возможности против терроризма и насилия в любых проявлениях. Оно выступает за утверждение в Ираке «демократической федеративной системы правления, которая бы действовала на основе консенсуса, согласия, уважения к правам всех национальностей и религий в Ираке». Курды считают, что федеративный Ирак «станет мирным и стабильным, только когда религиозные, национальные и идеологические образования возьмут на себя обязательства жить вместе в рамках демократической системы». Лидеры курдов готовы всячески содействовать усилиям по созданию федеративных регионов в Ираке, «основываясь на конституционных принципах добровольности и мирного сосуществования». Одновременно они выступают за выработку механизма, который бы определил характер отношений с федеральным правительством в такой форме, чтобы это защищало конституционные права Курдистана³⁸.

Представленная региональному парламенту программа объединенного правительства Курдистана пока еще остается в большей своей части заявлением о намерениях. Однако для претворения ее в жизнь у курдов есть уже и определенная, а в некоторых звеньях и довольно основательная стартовая площадка. Главным и во многом определяющим фактором здесь является сделанная в 90-е годы автономной властью работа по созиданию курдской государственности с одновременными мерами по восстановлению разрушенного хозяйства региона, налаживанию прежде всего региональной инфраструктуры. В 1992–1999 гг. было проложено более 1 тыс. км новых дорог, 600 км отремонтированы и заасфальтированы, построены 15 новых мостов³⁹.

Восстанавливалась местная промышленность, для которой были закуплены машины, оборудование и сырье, направлявшиеся прежде всего на фабрики по производству тканей, сигарет, консервирования продуктов.

Большая работа была проделана по расчистке улиц главных городов, ремонту и строительству жилых домов и правительственных зданий, обеспечению водоснабжением, налаживанию работы автотранспорта.

Предметом особого внимания местной власти является сельское хозяйство, для развития которого Курдистан обладает богатейшими агроклиматическими условиями. Эта отрасль постепенно преодолевает разруху и деградацию, в которую она была ввергнута в конце 80-х годов, когда были уничтожены более 4 тыс. деревень, что повлекло за собой изменения в образе жизни их жителей, вынужденных покинуть свои деревни и на долгие годы лишиться возможности вести традиционное хозяйство.

Сегодня на Иракский Курдистан приходится 50% пшеницы, 40% ячменя, 98% табака, 30% хлопка и 50% фруктов, производимых в Ираке. Он сохранил свою роль житницы Ирака⁴⁰.

Аграрный сектор Курдистана реализует как экономические (продовольственная самообеспеченность региона, создание рабочих мест и дополнительные экспортные ресурсы), так и социальные задачи (сохранение традиционного уклада жизни курдов, поддержание высокой численности населения, здоровые условия проживания). Министерство сельского хозяйства в своей работе выделяет три главных направления: обеспечение продовольственной безопасности региона; сохранение фермерских хозяйств и возобновление их деятельности там, где курды вынуждены были покинуть места проживания; обеспечение защиты окружающей среды от сельскохозяйственной деятельности⁴¹. Сельскохозяйственная отрасль Курдистана сталкивается с серьезными трудностями: здесь и нехватка перерабатывающих мощностей, и устаревшие формы организации сельскохозяйственного производства. Преодолевать их, отчасти, помогает региональное правительство, организующее закупки зерна и регулирующее таким путем цены на произведенную продукцию. Главная задача, стоящая перед аграрным сектором Курдистана сегодня, это его модернизация, внедрение новых технологий и новых форм организации производства в этой отрасли.

Развитие экономического потенциала Иракского Курдистана имеет очень важное значение не только для самого автономного района, но и для сопредельных частей Курдистана. Постоянная конституция Ирака позволяет курдам намного активизировать свою международную, в том числе внешнеэкономическую деятельность. Ее реализации и укреплению во многом содействует многолетняя практика внешних связей, накопленная ранее политическими партиями, а сегодня осуществляемая президентом и правительством Автономии⁴².

Свое право на международные связи руководство КАР реализует прежде всего на региональном уровне, во взаимоотношениях с курдскими районами Турции, Ирана и Сирии. Между ними идет интенсивное развитие товарооборота. 20 тыс. рабочих из Турции (главным

образом курдов) в настоящее время работают в Иракском Курдистане. Специалисты из Сирии, Ирана, из Европы и Северной Америки, представляющие разные части Курдистана, возвращаются для работы в Иракский Курдистан. Все это способствует стабилизации обстановки в регионе. При сохранении складывающихся позитивных тенденций Иракский Курдистан, по прогнозам специалистов, в ближайшее время может стать регионом экономического бума⁴³. У Иракского Курдистана есть все возможности для превращения в один из богатейших районов Ближнего Востока.

Но на пути претворения этих возможностей в жизнь стоит множество препятствий. Главные из них находятся в политической сфере. Закрепленный в постоянной конституции федеративный принцип государственной организации Ирака весьма далек от завершения: кроме Курдского Автономного района, в стране пока не оформились какие-либо иные субъекты единого иракского федеративного образования.

К тому же, сама идея федерации не признается как суннитами, так и частью шиитов. Основной линией противостояния остается сохраняющаяся тенденция возврата Ирака к модели централизованного арабского государства – шиитского или суннитского. На достижение этой цели направлено движение сопротивления арабов-суннитов. Не приемлет федеративную систему устройства страны и часть шиитских сил, рассматривающих Ирак в пределах его государственных границ как сферу своего неограниченного влияния⁴⁴. Арабы-сунниты и шииты – в принципе федерализма, выдвинутом курдами, усматривают средство разрушения Ирака как единого целого, а поэтому к Курдистану, ставшему, по их представлению, слишком независимым и самостоятельным, они относятся как к таящему в себе угрозу целостности иракского государства. Но, в то же время, курды очень нужны арабам-суннитам, поскольку именно они выступают важнейшим элементом этноконфессионального баланса сил: и курдов и арабов-суннитов в стране по 20–25% населения Ирака, что вместе составляет его половину. Поэтому только в блоке с курдами арабы-сунниты могут противостоять шиитскому большинству, которое сейчас находится под доминирующим влиянием шиитских религиозных партий⁴⁵.

Незавершенность процесса построения федеративного государства в Ираке сказывается на политической ситуации в Курдистане. Сохраняется ряд серьезных вопросов, над которыми должны продолжить совместную работу федеральные и региональные власти.

Постоянная конституция, как уже было сказано, предоставила курдам очень широкие права. Однако в Основном законе не дано четкого разграничения полномочий между федеральным центром и КАР (равно как и между центром и другими потенциальными, пока еще не сформированными регионами). Не разработан механизм взаимодействия между центром и субъектами федерации. В речи премьера Нури аль-Малики этот вопрос затронут в самой общей форме. В ней

говорится: «Центральное правительство будет строить свои отношения с администрацией регионов в соответствии с конституцией и действующим законодательством». Не определены также отношения между субъектами федерации.

Для Курдистана болевыми точками являются вопросы территории КАР, судьба Киркука как его столицы, а также других районов, населенных курдами, но до сих пор не включенных в состав Автономии. Рассмотрение этого одного из наиболее сложных вопросов пока отложено. В статье 140 постоянной конституции предусматривается «проведение переписи населения, завершающейся переписью в г. Киркук и других спорных районах, для выяснения воли народа в период до 31 декабря 2007 г.»⁴⁶.

Сложность определения статуса Киркука связана как с неоднородностью этнического состава его населения, так и с положением этого города в районе богатейшего месторождения нефти и газа.

В Киркуке наряду с курдами проживают также арабы, туркоманы и ассирийцы, стремящиеся контролировать Киркук. Особую активность проявляет часть туркоманов, стремящихся не допустить превращения этого города в столицу КАР. В своей позиции они опираются на поддержку Турции. Здесь действуют группы суннитских боевиков и шиитских ополченцев. Главная забота сил безопасности направлена на удержание под контролем нагнетаемую напряженность между живущими здесь представителями различных этносов⁴⁷. Сама эта напряженность возникла при С.Хусейне в результате политики «арабизации» города Киркук и его окрестностей, откуда насильственно были выселены более 120 тыс. курдов, а также туркоманов и ассирийцев. Возвращающиеся в места своего прежнего проживания после свержения Саддама многие перемещенные иракцы стремятся вернуть себе прежнее имущество. Поскольку проблема переселенцев не имеет юридической разработки, нередко складывающаяся ситуация принимает характер силового противостояния. В настоящий момент широкого насилия на этой почве нет. Местные власти пытаются постепенно преодолевать тяжелое наследие недавнего режима, используя мирные средства. Однако не обходится и без случаев запугивания, похищения и убийств мирных жителей, к которым прибегают силы, пытающиеся использовать этническую напряженность, дестабилизировать обстановку в этом проблемном районе и затормозить продвижение процесса политической стабилизации.

Осложнения, возникающие в связи с переселенцами, вызывают озабоченность центрального правительства Ирака. В программе нового федерального кабинета указывается на необходимость «прекратить операции по переселению во всех районах страны и вернуть переселенцев на места их первоначального проживания»⁴⁸. Но при этом не говорится о допустимых в этом вопросе мерах правового характера.

Фактически оформившаяся государственность Иракского Курдистана, установление его лидерами широких международных контактов оказывает большое влияние на курдов в сопредельных странах. В Иране, Турции и Сирии серьезно возросла их политическая активность. Успехи Курдистана вызывают крайне болезненную реакцию властей сопредельных государств. Когда во время визита в октябре 2005 г. в Вашингтон Масуда Барзани президент США назвал его «президентом», означавшее фактическое признание Иракского Курдистана как государства, последовал бурный дипломатический протест Турции, опасавшейся усиления политических позиций «своих» курдов⁴⁹.

Интерес стран Запада к Большому Курдистану обусловлен как геополитическим положением региона, так и наличием в его недрах богатейших запасов нефти и газа. По недавно опубликованным данным разведанные запасы этого углеводородного сырья только в Южном Курдистане составляют 45 млрд. баррелей нефти и 100 триллионов кубических метров газа. Через Курдистан проходят основные коридоры их транспортировки. Все большую значимость приобретают имеющиеся здесь громадные водные ресурсы⁵⁰. С этим регионом тесно увязаны стратегические интересы США.

Важнейшим условием нормального функционирования этой богатейшей энергетической кладовой мира является обеспечение безопасности и стабильности в хрупком балансе сил на этом перенасыщенном взрывоопасным материалом Ближнем Востоке. Детонатором, способным радикально изменить ситуацию, может стать провозглашение Иракским Курдистаном своей независимости и отделения его от Ирака. Возможность такого развития событий давно и всесторонне обсуждается профессионалами-политологами, военными, журналистами. Выводы их весьма неоднозначны.

При анализе нынешнего положения в Иракском Курдистане, действующих здесь тенденций и их проявлений в ближайшей перспективе необходимо учитывать политику США на «Большом Ближнем Востоке» в целом и характер взаимоотношений курдов с США.

Открытое вмешательство США в ситуацию в курдских районах Ирака в 1991 г. и их нахождение здесь с марта 2003 г. заложили предпосылки нормализации положения в Курдистане, послужившие в дальнейшем основой ускорения темпов его модернизации во всех областях, но самое главное – в государственно-политической сфере. В итоге сформировалась курдская национальная государственность, являющаяся базой для самостоятельного независимого существования Иракского Курдистана. На данный момент отношения между курдами и США строятся на взаимной выгоде с учетом положения в регионе, прежде всего вокруг Ирана и Сирии, важной роли курдов в Ираке, на заинтересованности США в курдах, как и курдов в США⁵¹. Американцы выступают за сохранение единства Ирака.

Прочная привязанность обеих сторон друг к другу вовсе не означает полной идентичности их интересов. США реализуют собственную стратегию в регионе. Курды используют свои отношения с США для решения своих национальных задач. Достигнутый на сегодня уровень этих отношений может сохраниться до конца 2007 г., пока у власти в США находится администрация Дж.Буша. Кстати, к этому же сроку приурочили курды урегулирование проблемы Киркука.

А каковы национальные задачи курдов Ирака в настоящее время? Провозглашение самостоятельного государства, как представляется, не входит в число первостепенных и приоритетных. Такой шаг, и это отлично понимают курдские лидеры, привел бы к широкомасштабной дестабилизации в регионе, подтолкнул Турцию и Сирию к организации экономической блокады КАР, не исключается и вариант их военного вмешательства. А поэтому, несмотря на огромное давление снизу, со стороны курдских масс, политическое руководство Иракского Курдистана твердо придерживается позиции сохранения КАР в пределах Ирака. При этом оно исходит из того, что потенциал государственного строительства, политического и экономического развития Курдистана в рамках иракского единства далеко не исчерпан. «Реально только иракская ниша, – как считает Хошави Бабакур, – способна обеспечить Курдистану несколько ближайших десятилетий устойчивого социально – экономического роста, создать для курдов совершенно иные возможности участия в экономической жизни не только Ирака, но и всего Ближнего Востока».

Ближний Восток – зона взрывоопасная, непредсказуемая, и развитие событий здесь зависит от множества факторов: от общемировых политических процессов, от ситуации в сопредельных с Курдистаном странах и, конечно, от сплоченности и единства самих курдов⁵².

Курды с оптимизмом смотрят в будущее. В речи по случаю создания единого курдского правительства 7 мая 2006 г. его глава Нечирван Барзани сказал: «Хотя мы живем в опасном районе мира, мы были до сих пор и будем оставаться фактором мира, стабильности и дружбы».

¹ В.Греков. Три года жизни в условиях свободы, www.mirros.ru, 04.04.2006.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Время новостей: № 50. 24.03.2006.

⁵ www.inopressa.ru, 21.04.2006.

⁶ Время новостей: № 61. 10.04.2006.

⁷ Там же.

⁸ Там же.

⁹ www.rian.ru 12.05.2006/

¹⁰ По оценке Шейха Харис Сулейман аз-Зари, генсека Ассамблеи исламских улемов. Время новостей. № 50. 24.03.2006.

ПЕРСПЕКТИВЫ КУРДСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ*

Первым признаком мировых изменений для курдов стали события 1991 г. Еще накануне курды не замечали ничего подобного: официальный Вашингтон, например, выражая живейшую озабоченность правами человека в СССР и судьбой каждого советского диссидента, умудрились «не заметить» уничтожение 200 тыс. курдов в Ираке и даже газовую атаку Халабджи, которая, в отличие от «Анфалья», была пропагандистки раскручена иранцами и прогремела на весь мир. Кувейтский кризис также развивался по традиционному сценарию как коллективная репрессия против государства-агрессора, нарушившего чужой суверенитет; с восстановлением суверенитета Кувейта боевые действия были прекращены, и восставшее население Ирака было оставлено один на один с диктатурой. Рубеж наступил, когда два миллиона курдов бросились к турецкой границе. В прежние годы турки (да впрочем, и любое суверенное государство) перед лицом такой катастрофы поступили бы однозначно: перекрыли границу, а в случае необходимости и применили бы пулеметы. Теперь это оказалось невозможным, разумеется, не по внутренним убеждениям Анкары, а ввиду возможной международной реакции. Между тем, странам Запада следовало что-то срочно предпринять даже с чисто практической точки зрения, потому что массы беженцев грозили через Турцию хлынуть в Европу. И, напомним, именно тогда возникло понятие «гуманитарной интервенции». Было окончательно и формально провозглашено, что нарушение прав человека не может являться внутренним делом государства и что национальный суверенитет на эту область не распространяется. Была объявлена операция «Час Севера», и Турции пришлось практически собственными руками делать то, чего турки всегда боялись больше смерти – то есть создавать Курдистан. С тех пор были проведены более или менее успешные попытки гуманитарного вмешательства в Сомали и бывшей Югославии; наконец началась новая война в Заливе. Мы видим, что, спустя всего лишь десятилетие после первой войны в Заливе то, что послужило реальной и основной причиной нападения США на Ирак – угроза, исходящая от него для суверенитета других государств – стала для Буш-младшего откровенной ширмой, традиционной формально-правовой

* Публикуется с сокращениями – прим. ред.

- ¹¹ www.rian.ru, 12.05.2006.
- ¹² Время новостей: № 71. 24.04.2006.
- ¹³ Аз-Заман. 21.05.2006.
- ¹⁴ Там же.
- ¹⁵ Там же.
- ¹⁶ Время новостей: № 74. 27.04.2006.
- ¹⁷ Аз-Заман. 21.05.2006.
- ¹⁸ www.mirgos.ru, 04.04.2006.
- ¹⁹ Независимая газета. 22.05.2006.
- ²⁰ www.rumbler.ru, Regions.ru. 22.05.2006.
- ²¹ Время новостей. № 71. 24.04.2006.
- ²² Там же.
- ²³ Хошави Бабакр. Экономическая программа Курдистана. Kurdistan.ru. 30.04.2006.
- ²⁴ Речь премьер-министра Барзани. Хабат. 08.05.2006.
- ²⁵ Хошави Бабакр. Указ.соч.
- ²⁶ Financial Tims. 15.10.2005.
- ²⁷ Цит. по: Хошави Бабакр. Указ.соч.
- ²⁸ Там же.
- ²⁹ Хабат. 08.05.2006.
- ³⁰ Там же.
- ³¹ Там же.
- ³² Там же.
- ³³ Там же.
- ³⁴ Масуд Барзани: Курдистан стоит на море нефти. Время новостей. № 70. 21.04.2006.
- ³⁵ Хабат. 08.05.2006.
- ³⁶ Там же.
- ³⁷ Usinfo.state.gov (Russian), 16.05.2006.
- ³⁸ Хабат. 08.05.2006.
- ³⁹ Хошави Бабакр. Указ.соч.
- ⁴⁰ Там же.
- ⁴¹ Там же.
- ⁴² Там же.
- ⁴³ Юрий Набиев. Перспективы курдской государственности, www.rambltr.ru, 02.04.2006.
- ⁴⁴ Хошави Бабакр. Указ.соч.
- ⁴⁵ Там же.
- ⁴⁶ Financial Tims. 15.10.2005.
- ⁴⁷ usinfo.state.gov 16.05.2006.
- ⁴⁸ Аз-Заман. 21.05.2006.
- ⁴⁹ Хошави Бабакр. Указ.соч.
- ⁵⁰ Юрий Набиев. Указ.соч.
- ⁵¹ Там же.
- ⁵² Там же.

защепкой, в которую никто не верил. Разумеется, не было реальной причиной и мнимое героическое свободолюбие Саддама, не пожелавшего склониться перед империалистами: Саддам был прагматик, и можно не сомневаться, что Америка получила бы от него все, что захотела, если бы только захотела. Реальные причины войны 2003 г. крылись совершенно в другом, принципиально новом обстоятельстве: осознании нетерпимости самого факта существования саддамовского режима в современной мировой системе.

Падение саддамовского режима потрясло и соседние страны – Сирию и Иран – и, по сути, явилось началом конца для существующих там режимов. Теперь стало совершенно очевидным, что ни сирийские баасисты, ни иранские исламисты долго продержаться не смогут – в исторической перспективе они обречены. Трагедия в том, что дамаский и тегеранский режимы (как прежде режим в Багдаде) слишком связали себя с самой национальной государственностью, и их падение грозит крахом и хаосом в Сирии и Иране. Тем не менее, альтернативы для трансформации сирийской и иранской государственности нет; вопрос только о формах, какие примет эта трансформация. Нечего и говорить, что при любом варианте развития событий как мирном, с демократизацией этих стран, так и катастрофическом, с их развалом, курды останутся в несомненном выигрыше.

Наконец, Турция. Ее происходящие в мире процессы также не могут обойти стороной. К счастью, турецкое общественно-политическое устройство оказалось более гибким, и, главное, – сильнее, чем образом связанным с западным миром. Стремясь интегрироваться в Европу, она вынуждена соответствовать ее критериям. Это заставляет ее отказываться от установок кемализма и постепенно либерализовать свою политику в отношении курдов. Разумеется, этот процесс проходит не так быстро, как хотелось бы курдам, и при сильном сопротивлении многих и влиятельных турецких сил, которые видят результатом такой политики гибель кемалистской Турции как унитарного национального государства. Возможно, это имеет свои резоны, но на беду процесс не остановим – его можно только замедлить, да и то слегка. Таким образом, общий вектор развития политических процессов в регионе, безусловно, благоприятен для курдов. Начало процесса присоединения Турции к ЕС, безусловно, на руку курдам, здесь открывается много возможностей. Через десяток лет самая большая часть Курдистана может стать частью объединенной Европы, а курды станут полноценными европейцами.

Чрезвычайно благоприятно для курдов и общее направление, которое принимает глобализация в ее социальном измерении. Еще на памяти старшего поколения большинство курдов не знало ничего, кроме окрестностей своей деревни, и спрашивало заезжих журналистов, какие полномочия над своими крестьянами имеют во Франции ага (помещики) и шейхи. В настоящее время существует пять спутни-

ковых каналов на курдском языке; интернет объединяет курдов во всем мире; к этому надо прибавить развитие мобильной связи, также дающей возможность для широкого общения жителей всех частей Курдистана и диаспоры. Сегодня можно говорить об общекурдском информационном и политическом пространстве, которое не признает государственных границ. Важно, наконец, само развитие диаспоры, приведшей к возникновению среди курдов элиты, интегрированной в современное западное общество. Канули в Лету такие недавние, казалось бы, времена, когда можно было запрещать курдский язык – теперь этого не сделать даже чисто технически. Можно сказать, что в виртуальном и информационном плане курды уже складываются в единое национальное сообщество, совершенно неподконтрольное властям предельных «суверенных» государств. Сейчас информация о событиях в любой точке Курдистана мгновенно распространяется по всему Курдистану и вызывает соответствующую реакцию у населения. Например, когда 12 марта 2004 г. произошли события в городе Камышлы (Сирия), миллионы курдов по всему Курдистану вышли на демонстрации в поддержку своих соплеменников.

Наконец, нельзя сбрасывать со счетов и еще один фактор – демографический. Курдистан – это в некотором роде «демографическая бомба» для всего Ближнего Востока. Рождаемость среди «титовых» национальностей стран, разделивших Курдистан, неуклонно снижается, тогда как рождаемость среди курдов по-прежнему очень высока. В результате, видно стремительное и неуклонное повышение доли курдов в этническом балансе этих стран. Урмия в Иране еще лет 15 назад была городом полукурдским, полуазербайджанским – ныне она населена почти целиком курдами. Стамбул, согласно расхожей шутке, является самым большим курдским городом в мире: там живет несколько миллионов курдов, и человек, владеющий только курдским языком, может спокойно проживать в этом городе, обходясь без переводчика. Рост численности курдского населения беспокоил уже и Совет Национальной Безопасности Турции, и в этом году он провел несколько заседаний, посвященных этой проблеме – действительно ключевой и даже катастрофической для турецких националистов.

Безусловно, главный фактор сегодня, который свидетельствует о необратимости движения курдов к созданию собственной государственности, – это существование и укрепление Иракского Курдистана. Сам факт успешного функционирования национальных государственных институтов в Иракском Курдистане оказывает громадное влияние на курдов в сопредельных странах. В настоящее время в Иране, Сирии и Турции идет процесс консолидации курдского общества, серьезно возросла политическая активность в этих частях Курдистана. В них, по примеру Иракского Курдистана, выдвигается лозунг федерализации.

В Иракском Курдистане ведется успешное строительство государственных институтов. Сформирована фактически профессиональная на-

циональная армия (пешмерга), которая является гарантом защиты курдской государственности в Ираке. Если кто-то сегодня пожелает силой заставить курдов отказаться от достижений в Ираке, то столкнется не с партизанами, а с мощной военной силой. Кроме того, непременно на защиту своих завоеваний поднимутся миллионы курдов не только в Ираке, но и в соседних странах и мировая курдская диаспора.

Важное значение для общекурдского дела имеет развитие экономического потенциала Иракского Курдистана. Уже сегодня успешное развитие экономики этого региона положительно влияет на экономику сопредельных частей Курдистана, так как между ними идет интенсивный товарооборот. Закладываются основы общенационального рынка. 20 тыс. рабочих из Турции (естественно, в основном курдов) в настоящее время работают в Иракском Курдистане. Специалисты из Сирии, Ирана, из Европы и Северной Америки, представляющие разные части Курдистана, возвращаются для работы в Иракский Курдистан. Есть все предпосылки, что Иракский Курдистан в ближайшее время станет регионом экономического бума. Если этому не помешает масштабная дестабилизация в целом на Ближнем Востоке.

В Иракском Курдистане заложены основы национального образования. В университетах региона обучается курдская молодежь из всех частей Курдистана, причем приезд курдской молодежи на учебу из сопредельных стран поощряется курдскими властями. Наблюдается бурный подъем курдской культуры и литературы. В Иракском Курдистане проводится громадное количество конференций и научных симпозиумов по проблемам курдской культуры и языка, в которых принимают участие курды со всего мира. Обсуждается вопрос о создании стандартного (единого литературного) курдского языка, что еще больше ускорит формирование единой современной курдской нации. О чрезвычайной важности этого вопроса ещё раз напомнил в своем интервью газете «Хабат» 27 марта 2006 г. президент Курдистана Масуд Барзани. Можно констатировать, что сегодня Иракский Курдистан стал очагом бурного развития курдской культуры и идей курдского национализма для курдов всего мира. Это способствует небывалому развитию национального самосознания у курдов независимо от места их проживания.

Участие немалого количества курдов в центральных органах власти в Багдаде, в том числе на самых высших постах, способствует накоплению ими огромного опыта в высших кругах мировой политики. Кроме того, принятая конституция Ирака позволяет курдам намного усилить свою международную деятельность по легитимации своего статуса и развития отношений со многими странами и регионами мира. Проблемы многомиллионного курдского народа активней будут продвигаться на международной арене.

Перспективы курдов очень сильно зависят от политики США в регионе и от взаимоотношений курдов с США. В этой связи перед

курдами встает целый ряд вопросов, на которые, с учетом своего печального опыта, им необходимо ответить. Было бы большой иллюзией для курдов считать, что интересы США и курдов полностью совпадают. США имеют собственные стратегические интересы в регионе, они испытывают громадное давление со стороны арабских стран и своего натовского союзника Турции, в том числе и по вопросу курдов в Ираке. Ситуация на Ближнем Востоке очень динамична. Здесь сосредоточен целый узел мировых проблем – это и арабо-израильский конфликт, и проблема иранской ядерной программы, и проблема терроризма. Сегодня трудно спрогнозировать, как пойдут дальнейшие события и как поведут себя США в случае политического торга с региональными государствами. Не станут ли курды в очередной раз разменной монетой в большой политической игре? Такое развитие ситуации вовсе не исключено. Но в этом случае регион столкнется с масштабной дестабилизацией, которая никому не нужна. У курдского руководства есть реальное понимание текущей ситуации. Так в интервью газете «Хабат» в конце марта 2006 г. президент Курдистана заявил, что США четко выступают за территориальную целостность Ирака, но Ирака демократического и федерального. Несмотря на 100-процентное желание курдского населения провозгласить независимость Иракского Курдистана, политическое руководство курдов этого не делает, в том числе и из-за негативной позиции США по этой проблеме. При неудачном для США развитии событий, например, развязывании полномасштабной гражданской войны в Ираке, Курдистан может оказаться самым надежным местом базирования американской армии. Конечно, пребывание армии США в Курдистане в таком случае будет в интересах курдов, так как это – надежная гарантия безопасности Курдистана с далеко идущими позитивными для курдов последствиями. В этом вопросе курды руководствуются здоровым прагматизмом – пребывание в составе Ирака в настоящее время выгодно курдам с точки зрения безопасности и экономики. Представьте себе, если курды провозгласят независимость, – в этом случае у сопредельных стран развяжутся руки. Будет, без сомнения, организована экономическая блокада региона и не исключена военная интервенция Турции и Ирана. Поэтому курды на данном этапе ставят задачу закрепления своих достижений в Ираке, укрепления своих позиций в центральных органах власти, развития экономики Курдистана, формирования своих государственных институтов. Приоритетной считается также задача укрепления пешмерга. Что касается американской концепции развития демократии на Ближнем Востоке, то в этом вопросе у них (американцев – прим. ред.) нет более заинтересованного союзника в регионе, чем курды. Это относится не только к Ираку, но и к Ирану, Сирии и Турции. Таким образом, на сегодня отношения между курдами и США строятся на взаимной выгоде. Учитывая положение в регионе, а именно ситуацию вокруг Ирана и Сирии и важную

роль курдов в Ираке, заинтересованность США в курдах, как и курдов в США в данный момент достаточно прочная. Надо при этом подчеркнуть, что курды используют свои отношения с США для решения своих собственных национальных задач. Во всяком случае, такое положение продлится до конца 2007 г., пока у власти находится республиканская администрация Буша. Кстати, курды это хорошо понимают, ведь неслучайно они настояли на том, чтобы проблема Киркука была решена до конца 2007 г.

Курдский вопрос в настоящее время приобрел небывалую остроту и актуальность. Об этом свидетельствуют многочисленные факты. Однозначно ясно, что в случае обострения конфронтации США с Сирией или Ираном многомиллионное курдское население этих стран, как минимум, не будет защищать существующие там режимы. А в случае масштабной дестабилизации в регионе, вызванной, скажем, военной операцией США против Ирана или Сирии, не исключено восстание курдов в этих странах и их объединение с Иракским Курдистаном. Немаловажное значение для понимания политики Запада имеет тот факт, что территория Большого Курдистана имеет громадные залежи углеводородного сырья, и через него проходят основные коридоры для их транспортировки. Недавно опубликованы цифры разведанных запасов нефти и газа только в Южном Курдистане – они составляют 45 млрд. баррелей нефти и 100 трлн. куб. ф. газа. Это очень внушительные цифры. Все больший интерес вызывают и громадные водные ресурсы Курдистан.

В заключение можно констатировать, что в наше время, когда мир быстро меняется, формируется новый мировой порядок, курды получили очередной исторический шанс – реализовать мечту многих поколений и создать свое собственное государство. Насколько они преуспеют в этом, зависит от мирового политического процесса, от политики великих держав, от процессов в странах, разделивших Курдистан, и, в первую очередь, от сплоченности и единства самих курдов. Одно ясно, что при анализе процессов, происходящих на Ближнем Востоке и, тем более, при принятии политических решений заинтересованными странами в этом регионе уже невозможно не принимать во внимание курдский фактор.

А.К.Лукоянов

КУРДЫ КАК ГАРАНТ СТАБИЛЬНОСТИ В РЕГИОНЕ?

Процесс формирования курдского государства на территории Ирака может принять более чем серьезный характер, поскольку Южный Курдистан приобрел почти все атрибуты самостоятельного государства (органы власти, вооруженные силы, символы государства и т.п.). Теперь речь уже идет и о создании собственного министерства иностранных дел Курдистана¹. Кроме того, после того, как 22 апреля 2006 г. парламент Ирака вторично избрал Джалала Талабани, курдского лидера и главу Патриотического союза Курдистана (ПСК), президентом страны, в Иракском Курдистане начали завершать подготовку к формированию единого курдского правительства пока еще в курдской автономии.

Известно, что до недавнего времени в Иракском Курдистане, который в основном населяют курды, не было единого правительственного органа. Там фактически существовали два правительства. Одной частью страны (провинциями Эрбиль и Дохук) управляла Демократическая партия Курдистана (ДПК), а другой частью (провинция Сулеймания) полностью руководил Патриотический союз Курдистана (ПСК).

Теперь, очевидно, при поддержке США была предпринята попытка в очередной раз примирить или даже объединить курдских лидеров на основе оформления Курдского автономного района в субъект федерации в новом Ираке.

Конечно, сферы партийного влияния в этом регионе, скорее всего, по-прежнему будут сохраняться. Их политическое противоборство может в принципе служить тормозом на пути реального объединения курдов. Однако, ситуация уже действительно несколько сдвинулась с «мертвой точки» жесткого противостояния курдских партий (доходившего иногда до кровопролитий). Как сообщило 7 мая 2006 г. египетское агентство МЕНА, в Иракском Курдистане к тому моменту было наконец-то сформировано единое правительство. На специальной сессии курдского парламента в городе Эрбиль законодатели проголосовали за формирование единого кабинета министров во главе с Нечирваном Барзани – одним из руководителей ДПК. Пост вице-премьера получил Омар Фаттах из ПСК. В заседании принимали участие 111 депутатов. На него были приглашены послы США, России, Германии и других государств в Ираке. Создано 27 министерств. Представители ДПК и ПСК получили по 11 министерских постов. Еще

пять кресел в новом правительстве отданы представителям других, менее значительных, политических партий².

В данной статье мы постараемся выделить основные направления и тенденции развития тех процессов в регионе, в которых курды принимают участие прямо или косвенно. И, конечно, представляется важным уяснить, кто же в новых условиях современного мира с его правилами будет управлять этими процессами?!

С нашей точки зрения, курдский вопрос в современных политических условиях следует рассматривать исключительно в контексте американской политики на Ближнем Востоке и их отношения к проблеме независимости Курдского автономного района (КАР) Ирака. Как известно, это право давно уже не оспаривается демократической общественностью и многими политиками Запада, которые, тем не менее, не вполне заинтересованы в действительной реализации этого права.

Как представляется, Вашингтон рассматривает курдов прежде всего как фактор дестабилизации региона, прекрасно зная их действительные настроения и играя на них в то же время³. Он как бы дает Иракскому Курдистану шанс построения независимого курдского государства, к созданию которого ведет очень трудный путь.

Действительно, 8 мая 2006 г. в Эрбиле официально было объявлено о формировании единого правительства Иракского Курдистана. При этом телекомпания EuroNews передала слова вице-президента Ирака Адила Абдул-Махди следующего содержания: «Некоторые, — сказал он, — боятся сильного Курдистана. Но сила Курдистана — в его народе, в его лидерах, и когда силен Курдистан — силен Ирак»⁴.

Это очень интересная мысль свободного, независимого и ответственного иракского шиита, к которой мы еще вернемся, поскольку данный постулат о «сильном Курдистане» и о его роли в регионе и является предметом нашего очень краткого анализа.

Дело в том, что не только сильный Курдистан, но просто сама идея создания независимого курдского государства ни одной из стран региона не выгодна. Это для них не просто опасно, но представляет угрозу территориальной целостности этих стран. Так, в частности, против укрепления Иракского Курдистана говорил Фируз Даулатабади, посол Ирана в Турции, в опубликованном 4 апреля 2006 г. в турецкой ежедневной газете «Milliyet». Он отметил, что Турция и Сирия, Турция и Иран имеют общие грани соприкосновения в том смысле, что во всех этих странах имеется большое курдское население, которое сепаратистки настроенные силы хотели бы сделать частью независимого курдского государства. Он призвал Турцию, Иран и Сирию выработать совместную политику по курдскому вопросу, заявив, что, если эти страны не сделают этого в силу каких-либо разногласий по этому вопросу, то США «воспользуются ими, чтобы вклиниться между странами», и «отрежут от них куски для создания курдского государства». При этом он высказал мнение, что США хотели бы, чтобы этот

регион состоял из мелких этнических государств, которые они могли бы контролировать. В частности, именно поэтому, сказал посол, «США пытаются не допустить развития и укрепления связей между Турцией и Ираном» и даже «стремятся рассорить эти страны»⁵.

Со своей стороны отметим, что проблемы отношений между этими государствами, конечно, носят более глубокий характер. Однако американский фактор здесь также присутствует — и уже очень давно. И, конечно, большую озабоченность вызывает в данном случае именно курдский вопрос. Потому, когда Фируз Даулатабади напомнил, что Соединенные Штаты недавно открыто заявили о том, что выделяют деньги на поддержку процессов смены режима в Иране, и тем самым продолжают ту же линию, которую они проводили после иранской революции, то в данном случае он имел в виду и попытку американцев разыгрывать национальные карты, в том числе и курдскую карту в Иране и регионе⁶. Отказываться же от территорий, которые населяют курды, а, тем более, от тех, на которые они претендуют, ни одно государство не готово. Вместе с тем, Турция готова держать в боевой готовности большую часть своих вооруженных сил для предотвращения развития курдского движения за независимость.

Оснований для беспокойств по курдскому вопросу у этих стран более, чем достаточно. В частности, возникла реальная опасность вооруженной активности курдских радикальных организаций, готовых с оружием в руках бороться за достижение своих целей. В Турции, например, активизировались члены Рабочей партии Курдистана (РПК).

Для нас в данном случае важны два момента: то, что курды начали вести активные действия в регионе. И то, что эти действия могут принять характер координированный и даже — целеопределенный, если этого уже не произошло.

Так, в феврале 2006 г. группировка «Соколы освобождения Курдистана», военизированная группировка, связанная с объявленной в Турции вне закона Рабочей партией Курдистана (РПК), взяла на себя ответственность за взрыв, произошедший в одном из супермаркетов Стамбула. Тогда сообщалось, что при взрыве пострадали 12 человек. В заявлении этой группировки говорилось, что акция была совершена в знак протеста против политики, проводимой турецкими властями в отношении курдов, а также содержалась угроза новых актов насилия в Турции⁷. В марте этого же года, по сообщению «Туркиш дейли ньюс», было совершено нападение на полицию на востоке Турции в городе Тунчели, в результате чего четверо полицейских были ранены и несколько полицейских автомобилей сожжено. Это было сделано курдами, выступавшими против задержания трех членов Курдской Ассоциации прав человека⁸.

В середине апреля 2006 г. в Турции, как сообщала газета «Миллиет», была проведена операция сил безопасности, в результате которой были убиты более 17 членов Рабочей партии Курдистана

(жертвы были и со стороны турецких спецназовцев). Были и другие инциденты с человеческими жертвами. В этом же месяце Турция начала стягивать крупные воинские подразделения на границу с Ираком и Ираном из-за участившихся, согласно официальной версии, терактов со стороны бойцов РПК на юго-востоке страны и в других районах. Кроме того, турецкие силы безопасности планировали также развернуть крупную операцию по пресечению вооруженных вылазок бойцов РПК⁹.

Турецкие власти, как всегда, очень решительно настроены по отношению к курдским борцам за свою национальную независимость и потому по-прежнему свободно и открыто действуют на территории Ирака, а иногда и вторгаются на территорию Ирана. Правительство освобожденного от С.Хусейна Ирака направляет ноты протеста с требованиями прекратить ту или иную военную операцию, как это было, например, в апреле 2006 г., когда турки вторглись в очередной раз на территорию Ирака и уничтожили один из военно-тренировочных лагерей курдских «сепаратистов» из РПК.

Это была тщательно спланированная операция, предпринятая после того, как начальник генерального штаба Турции Хилми Озкоз принял решение об усилении борьбы с курдскими партизанами для защиты национальных интересов Турции. Турецкая армия (сообщалось о 200 тыс. солдат) выдвинулась на рубежи пограничного района и заняла вдоль границы с Ираком тактические позиции для отражения проникновения курдских партизан. В операции против курдов были задействованы боевые самолеты и вертолеты.

Примечательно, что турки на протесты иракских властей реагировали соответствующим современной политической ситуации образом. Так, подтвердив сам факт нарушения турецко-иракской границы, министр иностранных дел Турции Абдулла Гюль сказал следующее: «Уничтожение курдских боевых группировок на территории Северного Ирака идет на пользу Багдаду». Более того, турки рассматривают свою деятельность как помощь новым властям Ирака, поскольку, с их точки зрения, они выполняют за них функции по обеспечению безопасности границы между двумя государствами¹⁰.

Напомним, что перед войной в Ираке Турция потребовала официального подтверждения своего контроля зоны глубиной 15 км в Северном Ираке для ведения военных операций против РПК, на что было тогда получено согласие со стороны основных курдских групп региона. Однако теперь, как заявил Талабани, ситуация изменилась, и прежние времена миновали. И потому, с его точки зрения, Турция уже утратила такое право. И он даже предположил, что в случае продолжения Турцией своей политики в Северном Ираке конфликт может перерасти в боевые действия курдских вооруженных формирований, которые принадлежат формально к иракской армии, против турецких вооруженных формирований, а также сотрудничавших с ними иранцев¹¹.

Между тем, согласно сообщениям СМИ, со стороны Турции в зоне турецко-иракской границы наблюдалось скопление турецких частей. На границе, по сообщениям РИА «Новости», были размещены подразделения сухопутных войск, усиленные войсками специального назначения, бронетехникой и артиллерией... Здесь было сосредоточено от 150 до 200 тыс. солдат. При этом армейское командование получило приказ вести непрерывное преследование боевиков из РПК и, в случае столкновения, уничтожать их. Нынешняя операция по нейтрализации курдских боевиков и их опорных пунктов рассматривается как самая крупномасштабная за последние годы¹².

Военная операция турок была проведена накануне приезда Кондолизы Райс, прибывшей в столицу Турции 25 апреля в рамках ее ближневосточного турне. На встрече ее с руководством Генерального Штаба Турции планировалось обсудить не само вторжение турецких войск на иракскую территорию, а вопрос о том, будет ли вторжение турецких войск на территорию Ирака осуществляться регулярно и будет ли присутствие турецких войск в северном Ираке постоянным.

Примечательно в этой связи то, что К.Райс подчеркивала большое значение Турции для США и говорила, что Анкара должна была бы четче высказываться относительно оформления политического будущего Ближнего и Среднего Востока и роли курдов в стабилизации обстановки в Западной Азии. В то же время она говорила о необходимости усиления сотрудничества в борьбе против РПК и т.п.

В данном случае курдская карта разыгрывается двумя сторонами. Американцы давно хотят использовать Анкару для оказания давления на Тегеран, обещая при этом сдерживать курдских националистов. В средствах массовой информации обсуждается вопрос о предложении Турции поддержать действия США против Ирана в обмен на американскую поддержку военных действий Турции в Ираке.

Таким образом, новые друзья и покровители курдов совершенно естественным образом разыгрывают свою шахматную комбинацию в регионе, где курды снова оказываются заложниками правил большой политической игры за сферы влияния или даже за новый передел мира.

Однако именно потому, что данный процесс имеет место в настоящее время, у курдов есть реальный исторический шанс сделать новый шаг к обретению национальной государственности.

Результатом этого, конечно, будет не стабильность в регионе, а, напротив, – дестабилизация ситуации. И в этом нет ничего необычного. Новые государственные образования никогда не формировались безболезненно для соседних этносов или государств.

Прежде всего, это относится к Ираку, который уже вряд ли будет существовать как единое централизованное государство. Здесь курды сыграли откровенно деструктивную роль по отношению к Республике Ирак, чем вызвали на себя огонь критики с разных сторон, и, прежде всего, со стороны арабов-суннитов, рассматривающих курдов

как предателей и изменников. В данном случае нас интересует не эмоциональная оценка курдов арабами, а то, что она отражает следующее реальное обстоятельство – курды своим поведением не внесли элементы стабильности в ситуацию в регионе, а, скорее, наоборот, – накопили ее. И трудно даже предположить, насколько далеки будут последствия этого шага.

В том же Ираке большое недовольство вызывает политика курдских властей по отношению к арабам, туркменам, ассирийцам. Все они считают себя стороной, пострадавшей от курдских националистов, и требуют равных прав с курдами, в чем им, естественно, должно быть отказано. Это касалось, например, признания туркменского и ассирийского языков государственными наряду с арабским и курдским, а также предоставление некурдам равных прав на Киркук и северные нефтяные месторождения¹³.

И потому вполне логично и закономерно, что в районе Киркука постоянно происходят столкновения на национальной почве. И представляется маловероятным, что в дальнейшем они будут отсутствовать. Хотя не исключено, что курдам удастся договориться с представителями других народов, проживающих на территории Иракского Курдистана. Правда, сама территория планируемого курдами государства еще точно не определена. И это тоже одна из острых проблем, решение которой не будет способствовать укреплению стабильности в Ираке и регионе в целом.

Иран, со своей стороны, также принимал жесткие меры по отношению к курдским радикалам на своей территории, а также на территории Турции и Ирака, используя и военную силу. В апреле 2006 г. иранские самолеты подвергли бомбардировке один из лагерей РПК недалеко от населенного пункта **Hamcünran**, действуя, очевидно, по согласованию с турецкой стороной. Курдские источники сообщили, что при этом погибло 9 членов РПК. Были нанесены удары и по иракской территории. При этом иранские войска блокировали полностью одновременно курдские деревни в пограничном районе. Пресс-атташе Тегерана Хамид Реза Юсефи (Hamzid Resa Asefi) объяснил, что эти акции были согласованы с правительством в Багдаде¹⁴.

По сведениям курдских источников, в конце мая 2006 г., иранская армия проводила операцию против курдских отрядов «Партии за свободную жизнь Курдистана» – Пейджак¹⁵ (Kurdistan Free Life Party – РЖАК) и на территории Исламской республики Иран (ИРИ), в результате которой имелись человеческие жертвы с обеих сторон¹⁶.

В этой связи возникает вопрос – как так случилось, что курды начали проявлять радикальную активность? Как это расценивать – как ответ на угрозы со стороны соседних государств или упреждающие удары? Или – чтобы сохранить достигнутое? Или это делается с помощью внешних сил, стремящихся держать регион в напряжении и тем самым управлять ситуацией, стараясь направлять развитие про-

исходящих процессов? Много вопросов, на которые пока нет однозначных ответов. Однако представляется, что их деятельности не препятствуют политические амбиции США в регионе. Между тем, Тегеран выступал с упреками в адрес США за их поддержку бойцов курдской партии Пейджак, близкую к РПК, чтобы дестабилизировать Иран, а впоследствии и расчленил его¹⁷.

Из всего вышеизложенного следует только один вывод – курды не могут ни в коем случае рассматриваться как сила, способная обеспечивать стабильность региона. Напротив – это на данном этапе – новая историческая деструктивная сила, которая, возможно, проявит себя достаточно эффективно в плане создания нового облика региона.

В этом отношении очень интересна мысль Ю.Набиева, главного редактора сайта «Курдистан.ру», который надеется, что будущее строительство курдской государственности будет связано с поддержкой со стороны США, несмотря на то, что американцы пока и не готовы к такому развитию событий. И это действительно вполне логично, поскольку у курдского руководства по ряду причин сложились очень непростые отношения и с мусульманским миром в целом. В частности (хотя это не главное, конечно), оно решительно было против конституционного введения в стране исламских норм и желает видеть как Ирак, так и собственно Курдистан исключительно светским государством. Причем, государством демократическим. И многие курды полагают, что именно в деле распространения демократии в регионе в будущем именно курды могут сыграть важную роль.

Поэтому, отвечая на вынесенный в заголовок вопрос о том, могут ли курды быть гарантом стабильности в регионе, скажем однозначно – нет. Но вот выполнять функцию по защите продвижения в регион идей американской демократии – да. Хорошо это или плохо – ответ покажет будущее. По-иному не бывает.

¹ Один из руководителей Демократической партии Курдистана (ДПК) Бруска Нури Шавис, сообщил в январе 2006 г., что иракские курды намерены создать министерство иностранных дел северного Ирака. По его словам, одна из статей иракской конституции дает право регионам страны открывать свои центры, торговые и культурные представительства за рубежом. «Такое министерство нужно, чтобы представлять интересы курдов в Ираке и за границей, особенно в Европе, где проживает много курдов», – подчеркнул Шавис. Он отметил, что окончательное название ведомства еще не определено, но, скорее всего, оно будет называться «министерство для курирования иностранных дел». (14 January 2006, <http://www.dostani.com/>

² (См. по теме «О региональном правительстве Иракского Курдистана». З.Мосаки <http://www.iimes.ru/rus/stat/2006/18-05-06a.htm>

³ В статье, опубликованной в январе 2006 г. в газете «Вашингтон Пост», З.Бжезинский отметил, что две главные силы – шииты и курды – не собираются объединять страну, и, в частности, не намерены создавать еди-

ную армию и приносить в жертву этому собственные интересы. Как показала практика, пишет Бжезинский, шииты и курды готовы объединить свои усилия в борьбе против суннитов, хотя, в то же время, хотят сохранить свои вооруженные формирования. В то же время он выразил уверенность, что независимость Ирака обеспечат шииты, которые не собираются объединяться с Ираном, и курды, которые опасаются Турции, <http://www.apsny.ge/>

⁴ Пост вице-премьера получил Омар Фатах, Monday, 08 May 2006 <http://www.dostani.com/>,

В Иракском Курдистане сформировано единое правительство, Sunday, 07 May 2006, <http://www.dostani.com/>

⁵ Иран призывает Турцию и Сирию сплотиться. Saturday, 08 April 2006, <http://www.dostani.com/>

⁶ <http://www.dostani.com/>

⁷ Турции пригрозили новыми терактами, Wednesday, 15 February 2006 <http://www.dostani.com/>

⁸ 250 курдов напали на турецких полицейских, Thursday, 16 March 2006 <http://www.dostani.com/>

⁹ Более 17 курдов убиты в ходе широкомасштабной военной операции ВС Турции, Thursday, 13 April 2006, <http://www.dostani.com/>

¹⁰ Турция подтвердила, что нарушила суверенитет Ирака. Friday, 28 April 2006, <http://www.dostani.com/>

¹¹ Die Welt 25.04.06. заказ линии O-lein

¹² Турция перекрыла границу с Ираком и Ираном, чтобы уничтожить курдских сепаратистов Tuesday, 25 April 2006 <http://www.dostani.com/>

¹³ Этнические туркмены Ирака недовольны новой конституцией и намерены создать в Киркуке вооруженную милицию, <http://www.rian.ru> 09.09.2005, <http://iraqwar.mirror-world.ru/>

¹⁴ Турецко-иранский военный удар в Северном Ираке? Die Welt 25.04.06. заказ линии O-lein.

¹⁵ Пейджак является иранским крылом запрещенной в Турции КРП, добивающейся создания независимого государства для курдского народа.

¹⁶ Conflict in Mako: 4 Iranian soldiers died, 28.05.2006, <http://www.kurdishinfo.com/>

¹⁷ Die Welt 25.04.06. заказ линии O-lein.

КНИГИ, ИЗДАННЫЕ ИНСТИТУТОМ ИЗУЧЕНИЯ ИЗРАИЛЯ И БЛИЖНЕГО ВОСТОКА*

1995 г.

1. **А.З.Егорин:** "Война за мир на Ближнем Востоке".
2. **А.В.Федорченко:** "Сельское хозяйство Израиля".
3. "Арабские страны: проблемы социально-экономического и общественно-политического развития" (совместно с ИВ РАН).
4. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 1.

1996 г.

5. **Абу Мазен (Махмуд Аббас):** "Путь в Осло".
6. **С.М.Гасратян:** "Религиозные партии Государства Израиль".
7. **А.З.Егорин:** "Современная Ливия".
8. **Л.Н.Руденко:** "Регулирование внешнеэкономической деятельности в странах Персидского Залива".
9. **А.В.Федорченко:** "Израиль накануне XXI века".
10. **А.О.Филоник, В.А.Исаев, А.В.Федорченко:** "Финансовые структуры Ближнего Востока".
11. **А.О.Филоник, Н.Г.Рогожина:** "Юго-Западная и Юго-Восточная Азия: проблемы водных ресурсов".
12. "Арабский мир в конце XX века". Сборник статей (совместно с ИВ РАН).
13. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 2.

1997 г.

14. **А.З.Егорин, В.А.Исаев:** "Объединенные Арабские Эмираты".
15. "Арабские страны Западной Азии и Северной Африки". Сборник статей (совместно с ИВ РАН).
16. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 3.
17. **Н.М.Мамедова:** "Иран в XX веке. Роль государства в экономическом развитии".

* Примечание: Институт переименован в 2005 г.

18. "Турция: современные проблемы экономики и политики". Сборник статей (совместно с ИВ РАН).
19. Коллектив авторов "Сирийская Арабская Республика".
20. **А.О.Филоник, В.М.Ахмедов, Л.Н.Руденко, З.А.Соловьева, Н.Ю.Ульченко:** "Рынки Ближнего Востока".
21. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 4.

1998 г.

22. **А.Г.Ковтунов:** "Проблемы интеграции стран Магриба".
23. "Страны Ближнего Востока" Сборник статей (совместно с ИВ РАН).
24. **А.В.Федорченко:** "Экономика переселенческого общества (совместно с ИВ РАН)".
25. **С.Б.Багдасаров и А.Н.Чавушьян:** "Военный и военно-экономический потенциал стран Ближнего и Среднего Востока" (информационно-аналитический справочник, совместно с ИВ РАН).
26. **Л.И.Данилов:** "Кто есть кто в Иорданском Хашимитском Королевстве".
27. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 5.
28. "Актуальные проблемы Ближнего Востока". Сборник.
29. **К.А.Капитонов:** "Ближний Восток в лицах".
30. "Современная Саудовская Аравия". Справочник.
31. **К.З.Хамзин:** "Водные ресурсы бассейна реки Иордан и арабо-израильский конфликт".
32. "Афганистан: Война и проблемы мира". Сборник статей (совместно с ИВ РАН).
33. **М.Г.Закария, А.И.Яковлев:** "Нефтяные монархии Аравии на пороге XXI в."
34. "Иран: Эволюция исламского правления". Сборник статей (совместно с ИВ РАН).

1999 г.

35. "Арабские страны Западной Азии и Северной Африки". Сборник статей вып. 3 (совместно с ИВ РАН).

36. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 6.
37. **Г.И.Гучетль:** "Демократизация в Арабском мире: опыт Туниса и Сирии" (совместно с ИВ РАН).
38. **В.А.Исаев, А.О.Филоник:** "Государство Катар: проблемы развития".
39. "Национализм и фундаментализм на Ближнем Востоке". Материалы конференции. Москва, 04.02.99 г.
40. "Окружающая среда и развитие в Арабском мире ". Сборник статей (совместно с ИВ РАН).
41. **В.А.Ушаков:** "Иран и Мусульманский мир".
42. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 7.
43. **Е.Я.Сатановский:** "Экономика Израиля в 90-е годы".
44. "Эволюция политических систем на Востоке" (Совместно с ИВ РАН).
45. **Е.С.Мелкумян:** "ССАГПЗ в глобальных и региональных процессах".
46. **В.В.Кунаков:** "Турция и ЕС: проблемы экономической интеграции".
47. **А.И.Яковлев:** "Саудовская Аравия: пути эволюции" (совместно с ИВ РАН).
48. **М.А.Сапронова:** "Политика и конституционный процесс в Алжире (1989–1999)" (совместно с ИВ РАН).
49. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 8.
50. "Востоковедный сборник".

2000 г.

51. "Турецкая Республика". Справочник (совместно с ИВ РАН).
52. **М.Р.Арунова:** "Афганская политика США в 1945–1999 гг." (совместно с ИВ РАН).
53. "Политическая элита Ближнего Востока". Сборник.
54. "Ближний Восток: проблемы региональной безопасности". Сборник статей (Совместно с РАЕН).
55. **С.Э.Бабкин:** "Движения политического ислама в Северной Африке" (совместно с ИВ РАН).
56. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 9.

57. "Арабский Восток: ислам и реформы". Сборник статей (Совместно с Институтом Африки РАН).
58. "Афганистан: проблемы войны и мира". Сборник статей (совместно с ИВ РАН).
59. **Аль-Харири Мухаммад:** "Налоговые системы Сирии и Египта".
60. **В.В.Азатян, А.А.Ткаченко:** "Интеграционные процессы в экономике стран Северной Африки". (Совместно с Институтом Африки РАН).
61. **К.И.Поляков:** "Исламский фундаментализм в Судане".
62. "Миграционные процессы и их влияние на израильское общество". Сборник статей (Совместно с Иерусалимским университетом и Открытым университетом Израиля).

2001 г.

63. "Турция между Европой и Азией". Итоги европеизации на исходе XX века. Сборник статей (совместно с ИВ РАН).
64. "Ислам и политика". Сборник статей (совместно с ИВ РАН).
65. **Е.Я.Сатановский:** "Израиль в современной мировой политике".
66. **В.А.Исаев, А.О.Филоник:** "Султанат Оман" (совместно с ИВ РАН).
67. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 10.
68. **А.Г.Виравов:** "Алжир: кризис власти" (Кризис общественного строя Алжира и перспективы его либерализации) (совместно с ИВ РАН).
69. "Исламизм и экстремизм на Ближнем Востоке". Сборник статей (совместно с Академией геополитики и безопасности).
70. **К.И.Поляков, А.Ж.Хасянов:** "Палестинская национальная автономия: опыт государственного строительства".
71. **К.И.Поляков:** "Арабские страны и ислам в России (90-е годы XX века)".
72. **Зезв Гейзель:** "Политические структуры Государства Израиль".
73. "Востоковедный сборник". Выпуск второй.
74. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 11.
75. "Россия на Ближнем Востоке". Материалы конференции.

76. **С.Э.Бабкин:** "Религиозный экстремизм в Алжире".
77. "Мусульманские страны у границ СНГ". Сборник статей, (совместно с ИВ РАН).
78. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 12.

2002 г.

79. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 13.
80. **Н.Ю.Ульченко:** "Экономика Турции в условиях либерализации (80–90-е годы)" (совместно с ИВ РАН).
81. "Мусульмане на Западе". Сборник статей (Совместно с РАЕН).
82. "Востоковедный сборник". Выпуск третий.
83. "Афганистан на переходном этапе (сентябрь 2001 – июнь 2002 г.)". Сборник статей (Совместно с ИВ РАН).
84. **М.Ф.Видясова, М.Ш.Умеров:** "Египет в последней трети XX века (Опыт либерализации экономики и политической системы)" (совместно с ИСАА, МГУ).
85. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 14.
86. **Р.Р.Сикоев:** "Талибы (религиозно-политический портрет)" (совместно с ИВ РАН).
87. "Востоковедный сборник". Выпуск четвертый.
88. "Армия и власть на Ближнем Востоке". Сборник статей.
89. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 15.
90. **М.П.Гучанин:** "Турция и США: основные этапы торгово-экономического сотрудничества".
91. **С.М.Задонский:** "Ядерная программа Ирана и российско-американские отношения".
92. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 16.

2003 г.

93. **С.В.Бондаренко, А.А.Ткаченко:** "Нефть и газ Египта и Алжира на рубеже XX–XXI вв."
94. **Д.Полисар:** "Выбирая диктатуру. (Ясир Арафат и формирование органов власти палестинской администрации)". Перевод А.Д.Эпштейна.

95. "Российско-турецкие отношения: история, современное состояние и перспективы". Сборник статей (совместно с ИВ РАН, ИСАА).
96. **Алек Д.Эпштейн:** "Бесконечное противостояние. (Израиль и арабский мир: войны и дипломатия, история и современность)".
97. **В.А.Исаев, А.О.Филоник:** "Кувейт: Контуры экономических перемен" (совместно с ИВ РАН).
98. **О.В.Плешов:** "Ислам, исламизм и номинальная демократия в Пакистане" (совместно с ИВ РАН).
99. "Ирак: первые итоги, выводы, уроки". Сборник.
100. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 17.
101. **М.З.Ражбадинов:** "Радикальный исламизм в Египте" (совместно с ИВ РАН).
102. "Иракский кризис. Международный и региональный контекст". Материалы "круглого стола" ИСАА. Апрель 2003 г.
103. "Иран и СНГ". Сборник статей (совместно с ИВ РАН).
104. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 18.
105. "Саудовская Аравия: эволюция режима и пределы возможного в политическом развитии" Сборник статей.
106. **Г.Г.Косач, Е.С.Мелкумян:** "Внешняя политика Саудовской Аравии". Приоритеты, направления, процесс принятия решения".
107. "Афганистан и сопредельные страны". Сборник статей (совместно с РАЕН).
108. **В.М. Ахмедов:** "Сирия на рубеже столетий. Власть и политика" (совместно с ИВ РАН).
109. **В.П.Юрченко:** "Египет: проблемы национальной безопасности".
110. "Востоковедный сборник". Выпуск пятый.
111. "Российско-саудовские отношения: проблемы и перспективы" (по материалам круглого стола).
112. "Ирак под американским управлением: демократизация или вьетнамизация» (по материалам круглого стола).
113. "Арабо-израильский конфликт: старые проблемы и новые планы". Сборник статей.

- 114 **Е.И.Уразова:** "Экономическое сотрудничество Турции и тюркских государств СНГ" (совместно с ИВ РАН).
115. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 19.
116. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 20.
117. **М.С.Сергеев:** "Берберы Северной Африки: прошлое и настоящее"
118. **А.Р.Аганин, З.А.Соловьева:** "Современная Иордания".

2004 г.

119. **Владимир (Зеев) Ханин:** "«Русские» и власть в современном Израиле".
120. "Программы урегулирования палестино-израильского конфликта: три года после переговоров в Кемп-Дэвиде и Табе". Сборник статей и документов под редакцией **Алека Д.Эпштейна**.
121. **А.О.Филоник, А.И.Вавилов:** "Саудовская Аравия: поиски внутренней гармонии" (совместно с ИВ РАН).
122. **Е.И.Миронова:** "Алжир: смена приоритетов развития" (совместно с Институтом Африки).
123. "Иракский кризис". Аналитические записки.
124. "Терроризм". Сборник статей.
125. "Ислам на современном Востоке. Регион стран Ближнего и Среднего Востока, Южной и Центральной Азии". Сборник статей (совместно с ИВ РАН).
126. **И.А. Новиков:** "Оружие массового поражения на Ближнем Востоке" (совместно с информационно-аналитическим центром "Акцент").
127. "Иран и Россия". Сборник статей (совместно с ИВ РАН).
128. "Офицерский корпус ближневосточных государств". Сборник.
- 129 "Россия и США на Ближнем Востоке". Аналитические записки.
130. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 21.
131. "Армия, ВТС, ОМП на Ближнем Востоке". Аналитические записки.
132. "Проблемы Ближнего Востока. Аналитические записки".
133. "Курдский вопрос на рубеже тысячелетий" (круглый стол 19.02.2004).

134. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 22.
135. "Турция в новых геополитических условиях". Материалы круглого стола, март 2004 г. (совместно с ИВ РАН).
136. "Израиль и арабо-израильский конфликт. Аналитические записки".
137. "Иран. Аналитические записки".
138. **А.В.Федорченко, О.А.Зайцева, Д.А.Марьясис:** "Израиль в начале XXI века".
139. **И.А.Матвеев:** "Национальная и общеарабская слагаемые политики Сирии на Ближнем Востоке".
140. "Современный Исламский Восток и страны Запада". Сборник статей.
141. **А.В.Гасратян:** "Проблемы социально-экономического развития Ливана (1970–2000 гг.)".
142. **В.П.Юрченко:** "Сирия: проблемы национальной безопасности. (Военная политика и военное строительство в период правления ПАСВ 1963–2004 гг.)"
143. "Палестино-израильский конфликт в зеркале общественного мнения и международной дипломатии". (Сборник статей и документов) под редакцией **Алека Д. Эпштейна**.
144. «Афганистан в начале XXI века». Сборник статей (совместно с ИВ РАН).
145. **М.З.Ражбадинов:** "Египетское движение «Братьев-мусульман»" (совместно с ИВ РАН).
146. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 23.
147. «Сирия. Проблемы внутривосточной стабильности и внешней безопасности» (материалы круглого стола, 21 сентября 2004 г.).
148. «Ирак: 100 дней переходного правительства».
149. "Востоковедный сборник". Выпуск шестой.
150. "Иран после парламентских выборов" (Круглый стол 27.04.2004 г.). Сборник статей.
151. **Б.В.Долгов:** "Исламистский вызов и алжирское общество" (совместно с ИВ РАН).
152. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 24.

КНИГИ, ИЗДАННЫЕ ИНСТИТУТОМ БЛИЖНЕГО ВОСТОКА*

2005 г.

153. **М.К.Занбуа, А.О.Филоник:** "Формирование производственной инфраструктуры в Сирии (1946–2004)"
154. **Р.Г.Ланда:** "Политический ислам: предварительные итоги".
155. **Алек Д. Эпштейн:** "Израиль и проблема палестинских беженцев: история и политика".
156. **О.В.Плешов:** "Ислам и политическая культура в Пакистане" (Совместно с ИВ РАН).
157. "Ислам и общественное развитие в начале XXI века" (Совместно с ИВ РАН).
158. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 25.
159. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 26.
160. **А.В.Рясков:** "«Левые» на Арабском Востоке: ливийский опыт".
161. **И.М.Мохова:** "Западное Средиземноморье: проблемы интеграции".
162. **Н.З.Мосаки:** "Курдистан: ресурсы и политика". Часть 1, Часть 2 (Совместно с ИВ РАН).

2006 г.

163. **Алек Д. Эпштейн:** "Израиль в эпоху «пост-сионизма»: наука, идеология и политика".
164. **Владимир (Зезв) Ханин:** "Вокруг размежевания: общество и политика Израиля в 2005 году".
165. "Афганистан, Иран, Пакистан: время выборов и перемен". Сборник статей (Совместно с ИВ РАН).
166. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 27.
167. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 28.
168. **Л.Н.Руденко:** "Проблемы привлечения иностранных инвестиций в арабские страны в условиях глобализации" (Совместно с ИВ РАН).
169. **В.А.Исаев, А.О.Филоник:** "Королевство Бахрейн" (Совместно с ИВ РАН).

* Примечание: Институт переименован в 2005 г.

170. "Востоковедный сборник". Выпуск седьмой.
171. **А.Г.Бакланов:** "Ближний Восток: «Дорожная карта» региональной безопасности".
172. **Алек Д. Эпштейн:** "Почему провалилась «Дорожная карта»?".
173. **Д.А.Нечитайло:** "Международный исламизм на Северном Кавказе".
174. **М.А.Сапронова:** "Иракская конституция в прошлом и настоящем" (Из истории конституционального развития Ирака).

PUBLICATIONS OF THE INSTITUTE OF ISRAELI
AND MIDDLE EASTERN STUDIES

1995

1. "War for peace in the Middle East" by **A.Egorin**
2. "Agriculture in Israel" by **A.Fedorchenko**
3. "The socio-economic and political development in the Arab World".
In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
4. "The Contemporary Middle East", (collection of essays)

1996

5. "The road to Oslo" by **Abu Mazen (Mahmud Abbas)**
6. "Religious parties in the State of Israel" by **S.Gasratian**
7. "Contemporary Libya" by **A.Egorin**
8. "Regulation of external economic activity in the Persian Gulf countries" by **L.Rudenko**
9. "Israel on the eve of the XXI-th century" by **A.Fedorchenko**
10. "Financial Institutions in the Middle East" by **A.Filonik, V.Isaev and A.Fedorchenko**
11. "Water resources in the South West and South East Asia" by **A.Filonik and N.Rogozhina**
12. "The Arab World in the end of the XX-th century", (collection of essays). In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
13. "The Contemporary Middle East" № 2, (collection of essays)

1997

14. "United Arab Emirates" by **A.Egorin and V.Isaev**

Адрес в Интернете: www.iimes.ru

15. "Arab countries of Western Asia and Northern Africa", (collection of essays). In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
16. "The Contemporary Middle East" № 3, (collection of essays)
17. "Iran in the XX–th Century. The Role of State in Economic Development" by **N.Mamedova**
18. "Turkey: Problems of modern Economy and Policy", (collection of essays). In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
19. "The Syrian Arab Republic"
20. "Markets in the Middle East" by **A.Filonik, V.Ahmedov, L.Rudenko, Z.Solovieva, N.Ultchenko**
21. "The Contemporary Middle East" № 4, (collection of essays)

1998

22. "Problems of integration among the Arab Magrib countries" by **A.Kovtunov**
23. "Countries of the Middle East", (collection of essays). In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
24. "Settler Society Economy: Israeli Model" by **A.Fedorchenko**
25. "Military and military – economic Potential of the Middle Eastern Countries" by **S.Bagdasarov and A.Chavushian** In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
26. "Who is Who in the Hashemite Kingdom of Jordan" by **L.Danilov**
27. "The Contemporary Middle East" № 5, (collection of essays)
28. "Actual Problems of the Middle East"
29. "Political Portraits of the Middle East" by **K.Kapitonov**
30. "The contemporary Saudi Arabia"
31. "Water Resources of the Jordan River Basin and the Arab–Israeli Conflict" by **K.Khamzin**

32. "Afghanistan: War and Problems of Peace", (collection of essays). In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
33. "Oil Monarchies of Arabian peninsula on the edge of XXI century" by **M.Zakaria and A.Yakovlev**
34. "Iran: Evolution of Islamic Rule", (collection of essays). In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

1999

35. "Arab countries of Western Asia and Northern Africa" № 3, (collection of essays). In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
36. "The Contemporary Middle East" № 6, (collection of essays)
37. "Democratization in the Arab World: the case of Tunisia and Syria" by **G.Guchetl**
38. "The State of Qatar: problems of development" by **A.Filonik and V.Isaev**
39. "Nationalism and Fundamentalism in the Middle East". (In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences)
40. "The Environment and Development in the Arab World", (collection of essays). In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
41. "Iran and the Muslim World" by **V.Ushakov**
42. "The Contemporary Middle East" № 7, (collection of essays)
43. "Israeli Economy in the 90's" by **Eu.Satanovsky**
44. "Evolution of political Systems in the East". (In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences)
45. "GCC in global and regional processes" by **E.Melkumian**
46. "Turkey: Problems of economic integration" by **V.Kunakov**
47. "Saudi Arabia in Evolution" by **A.Yakovlev**
48. "Policy and constitutional Process in Algeria (1989-1999)" by **M.Sapronova**

49. "The Contemporary Middle East" № 8, (collection of essays)

50. "Oriental Records" (collection of essays)

2000

51. "Republic of Turkey"

52. "U.S. Policy in Afghanistan in 1945-1999" by **M.Arunova**

53. "Political Elite in the Middle East"

54. "The Middle East: Problems of regional Security" (collection of essays) (In co-operation with the Russian Academy of Natural Sciences)

55. "The Movements of Political Islam in Northern Africa" by **S.Babkin**

56. "The Contemporary Middle East" № 9, (collection of essays)

57. "The Arab World: Islam and Reforms", (collection of essays)

58. "The Afghanistan: Problems of War and Piece" (collection of essays). In co-operation with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

59. "Tax Systems in Syria and Egypt" by **Al-Hariri Muhammad**

60. "Processes of Integration in the Economy of Northern Africa States" by **V.Azatian and A.Tkachenko**

61. "Islamic Fundamentalism in the Sudan" by **K.Polyakov**

62. "Mass Migration and its Impact on the Israeli Society" (collection of essays)

2001

63. "Turkey between Europe and Asia" (In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences)

64. "Islam and Policy" (collection of essays)

65. "Israel in the Contemporary World Policy" by **Eu.Satanovsky**

66. "The Sultanate of Oman" by **A.Filonik and V.Isaev**

67. "The Contemporary Middle East" № 10, (collection of essays)

68. "Algeria: crisis of power" by **A.Virabov**

69. "Islamism and Extremism in the Middle East" (collection of essays) In cooperation with the Academy of Geopolitics and Security

70. "The Palestinian National Autonomy: the Experience of the State Creation" by K.Polyakov and A.Hasyanov

71. "Arab Countries and Islam in Russia" by **K.Polyakov**

72. "Political Structures in the State of Israel" by **Ze'ev Geyzel**

73. "Oriental Records" № 2 (collection of essays)

74. "The Contemporary Middle East" № 11, (collection of essays)

75. "Russia in the Middle East" (conference papers)

76. "Religious Extremism in Algeria" by **S.Babkin**

77. "Muslim Countries at the Borders of the CIS" (collection of essays) In co-operation with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

78. "The Contemporary Middle East" № 12, (collection of essays)

2002

79. "The Contemporary Middle East" № 13, (collection of essays)

80. "Turkish Economy under liberalization" by **N.Ultchenko**

81. "Muslims in the West" (collection of essays) (In cooperation with the Russian Academy of Natural Sciences)

82. "Oriental Records" № 3 (collection of essays)

83. "Afghanistan in a Transition" (collection of essays). In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

84. "Egypt in the last third of the 20th Century" by **M.Vidiassova and M.Umerov**

85. "The Contemporary Middle East" № 14, (collection of essays)

86. "Taliban (the Religious and Political Profile)" by **R.Sikoev** (In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences)

87. "Oriental Records" № 4 (collection of essays)

88. "Army and Power in the Middle East" (collection of essays)
89. "The Contemporary Middle East" № 15, (collection of essays)
90. "Turkey and USA: main Stages in Trade and Economic Cooperation" by **M.Guchanin**
91. "The Nuclear Program of Iran and Russian-American Relations" by **M.Zadonsky**
92. "The Contemporary Middle East" № 16, (collection of essays)

2003

93. "Oil and Gas in Egypt and Algeria on the Verge of Two Centuries." by **S.Bondarenko and A.Tkachenko**
94. "Electing Dictatorship: Why Palestinian Democratization Failed" by **D.Polisar**
95. "Russia-Turkey Relations: History, present State and Perspectives" (collection of essays). In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences and the Institute of Asia and Africa.
96. "An Everlasting Confrontation. Israel and the Arab World: Wars and Diplomacy" by **A.D.Epstein**
97. "Kuwait: Contours of Economic Changes" by **A.Filonik and V.Isaev**
98. "Islam, Islamism and nominal Democracy in Pakistan" by **O.Pleshov**. In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences and the Institute of Asia and Africa.
99. "Iraq: First Results, Conclusions, Lessons" (collection of essays).
100. "The Contemporary Middle East" № 17, (collection of essays)
101. "Radical Islamism in Egypt" by **M.Rajbadinov**
102. "Crisis in Iraq. International and Regional Context"
103. "Iran and CIS" (collection of essays)
104. "The Contemporary Middle East" № 18, (collection of essays)
105. "Saudi Arabia: Evolution of Regime and Possible Limits in Political Development" (collection of essays)

106. "Saudi Arabia External Policy" by **G.Kosach and E.Melkumyan**
107. "Syria at the Turn of the Centuries. Power and Politics" by **V.Ahmedov**
108. "Afghanistan and Neighboring Countries" (collection of essays)
109. "Egypt: Problems of National Security (1952–2002.)" by **V.Yurchenko**
110. "Oriental Records" № 5 (collection of essays)
111. "Russian-Saudi Relations: Problems and Perspectives" (collection of essays)
112. "Iraq under the American Administration: democratization or «vietnamization»"
113. "Arab-Israeli Conflict: Old Problems and New Plans" (collection of essays)
114. "The Economic Co-operation between Turkey and the Turkic States of the CIS" by **E.Urazova**
115. "The Contemporary Middle East" № 19, (collection of essays)
116. "The Contemporary Middle East" № 20, (collection of essays)
117. "Berbers of North Africa: Past and Present" by **M. Sergeev**
118. "Contemporary Jordan" by **A.Aganin and Z.Solovieva**.

2004

119. "The «Russians» and Power in the State of Israel" by **Vladimir (Ze'ev) Khanin**.
120. "Peaceful Settlement of the Palestine–Israeli Conflict: Three Years after Camp David and Taba Talks"(essays and documents) Edited by **Alek D. Epstein**
121. "Saudi Arabia: Search for Inner Harmony" by **A.Filonik and A.Vavilov**
122. "Algeria: Change of Priorities in Development" by **E.Mironova**
123. Analytical records. "Iraqi Crisis".
124. Analytical records. "Terrorism".
125. "Islam in Contemporary Orient. Region of Middle and Near East, South and Central Asia". (collection of essays). In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences.

126. "Weapon of Mass destruction in the Middle East" by **I.Novikov**
127. "Iran and Russia" (collections of essays)
128. "Officer Corps in the Middle Eastern States" (collections of essays)
- 129 Analytical records. "Russia and USA in the Middle East".
130. "The Contemporary Middle East" № 21, (collection of essays)
131. Analytical records. "Army, Weapon of Mass Destruction, Military and Technical Cooperation in the Middle East".
132. Analytical records. "Problems of the Middle East".
133. "Kurdish Question at the turn of the Millennia"
134. "The Contemporary Middle East" № 22, (collection of essays)
135. "Turkey in the New Geopolitical Conditions (documents of the Round Table, March 2004)
136. Analytical records. "Israel and Arab-Israeli Conflict".
137. Analytical records. "Iran".
138. "Israel in the beginning of the XXI-th Century" by **A.Fedorchenko, O.Zaitzeva, D.Mariyasis**
139. "Contemporary Islamic East and European Countries" (collection of essays)
140. "National and Pan-Arab Components of the Syrian Policy in the Middle East (1946–2003)" by **I.Matveev**
141. "Problems of Social-economic Development of Lebanon (1970–2000)" by **A.Gasratian**
142. "Syria: problems of national security" by **V.Yurchenko**
143. "Palestine-Israeli conflict in the mirror of public opinion and international diplomacy" (collection of essays)
Edited by **Alek D. Epstein**.
144. "Afghanistan in the beginning of XXI-th Century" (collection of essays)
145. "Egyptian movement of «Muslim brothers»" by **M.Rajbadinov**

146. "The Contemporary Middle East" № 23, (collection of essays)
147. "Syria. Problems of Internal Political Stability and External Security" (documents of the Round Table, 21 September 2004)
148. "Iraq: 100 days of transition"
149. "Oriental Records" № 6 (collection of essays)
150. "Iran after Elections" (documents of the Round Table, April 2004)
151. "Islamic challenge and the Algerian society" by **B.Dolgov**.
In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences.
152. "The Contemporary Middle East" № 24, (collection of essays)

PUBLICATIONS OF THE INSTITUTE OF MIDDLE EASTERN STUDIES

2005

153. "Creating of productional infrastructure in Syria" by **M.Zanbua and A.Filonik**. In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences.
154. "Political Islam: preliminary results" by **R.Landa**
155. "Israel and the problem of Palestinian refugees: history and policy" by **Alek D. Epstein**
156. "Islam and political culture in Pakistan" by **O.Pleshov**
157. "Islam and social development in the beginning of XXI-th Century"
158. "The Contemporary Middle East" № 25, (collection of essays)
159. "The Contemporary Middle East" № 26, (collection of essays)
160. "«Leftists» in the Middle East: Libyan experience" by **A.V.Rjasov**
161. "Western Mediterranean: problems of integration" by **I.M.Mokhova**
162. "Kurdistan: resources and policy" Part 1, Part 2 by **N.Mosaki**

2006 г.

163. "Israel in the era of post-zionism: science, ideology and policy" by **Alek D. Epstein**
164. "On the situation with delimitation: society and policy in Israel in 2005" by **Vladimir (Ze'ev) Khanin**
165. "Afghanistan, Iran, Pakistan: time of elections and changes" (collection of essays)
166. "The Contemporary Middle East" № 27, (collection of essays)
167. "The Contemporary Middle East" № 28, (collection of essays)
168. "Globalization and capital investments process in the Arab World" by **L.Rudenko**
169. "Kingdom of Bahrain" by **V.Isaev, A.Filonik**
170. "Oriental Records" № 7 (collection of essays)
171. "The Middle East: «The Road Map» and regional security" by **A.Baklanov**
172. "Why did «The Road Map» fail?" by **Alek D. Epstein**
173. "International Islamism in the Northern Caucasus" by **D.Nechitailo**
174. "The Iraqi Constitution in the past and in the present" by **M.Sapronova**

Лицензия ИД № 05092 от 18.06.2001 г.

Научное издание

**КУРДСКИЙ ВОПРОС В ЗАПАДНОЙ АЗИИ
В НАЧАЛЕ XXI ВЕКА**

СБОРНИК СТАТЕЙ

Подписано в печать 01.11.2006 г.
Формат 60х90/16. Печать офсетная
Бумага офсетная №1 Объем 21,75 уч. изд. л.
Тираж 800 экз. Тип. Зак. № 111

Типография ЗАО «АСТИ-ИЗДАТ»

Internet: www.iimes.ru